

# ЕМОЦІА

ISSN 0131 — 6656



ЛЕО МАЛО ■ ДЕВУШКА С УЛИЦЫ РОЗ

ЛЕВ СЕМЕНОВ ■ ДИКТАТОР ■ СЕРГЕЙ АДРИАНОВ ■ ФАВОРИТКА

4 / 95



# 4'95

# СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ  
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**  
Основан в январе 1924 года.

**Главный редактор**  
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

**Редколлегия:**

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА  
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ  
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,

*зам. главного редактора*

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

СЕРГЕЙ ПОПОВ,

*зам. главного редактора*

МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,

*главный художник*

ТАМАРА ЧИЧИНА

*Оформление*

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА

*Художественно-*

*технический редактор*

АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 24.01.95.  
Подписано к печати 17.02.95.

Формат 84 × 108<sup>1</sup>/<sub>2</sub>.

Бумага «Газетная».

Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. л. 23,10.

Тираж 96 500 экз.

Заказ № 61.

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

250-49-98 — отдел рекламы.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве печати

и массовой информации

Российской Федерации.

Рег. №166.

Учредитель — коллектив

редакции журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака  
обращаться в издательство «Пресса»:  
257-28-30, 257-41-03.

**4 (1566) АПРЕЛЬ**

© «Смена», 1995.

---

176

Татьяна Горбачева

**ДОН КИХОТ ИЗ ТБИЛИСИ**

---

182

Эльвира Попова

**КУСТОДИЕВ**

---

196

Сергей Адрианов

**ФАВОРИТКА**

---

На I-й обложке: Фаберже. Пасхальное яйцо с весенними цветами работы мастера Михаила Перхина, 1899 г.

На II-й обложке: венчание.  
Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА. (Читайте стр. 38)

Михаил Погодин

**ТРИ ДНЯ**

*«Страшно было царице Наталье Кирилловне видеть перед собою ружья и бердыши озверевших стрельцов; особенно страшно за сына. А десятилетний Петр видел все это сам, и все это глубоко врезалось ему в память. В те три дня посмотрелся он столько зверств и неистовств, увидел столько крови, что нравственное его развитие не могло не пострадать, а в сердце запали семена недобрые...»*

---

Грэхэм Мастертон

**ТАЙНА СФИНКСА**

Английский писатель Грэхэм Мастертон, печатающийся также под псевдонимами Томас Льюк и Энджел Смит, кроме литературы, серьезно занимается проблемами секса и является автором нескольких учебников по сексопатологии. Поэтому все его произведения проникнуты элементами эротики, в частности, предлагаемый вашему вниманию роман «Тайна сфинкса», в котором в увлекательной, захватывающей и несколько ироничной форме описываются неординарные события, происходящие с главным героем Джини Кейлером.

---

АНОНС

595

---







ЛЕВ СЕМЕНОВ

# ДИКТАТОР

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА



Весной 1907 года среди особенно обильной после долгих цензурных запретов и, как это всегда бывает в кануны смутных дней, разномастной газетно-журнальной продукции появилась тоненькая, в тридцать страниц, брошюра под серо-голубой обложкой, на которой крупным и четким шрифтом было оттиснуто одно слово — ДИКТАТОРЪ; чуть ниже значилось: «Политическая фантазия». Имя автора — Лев Семенов — ничего не говорило даже самому искушенному читателю тогдашней периодики. Оно и понятно: одного названия с красноречивым подзаголовком оказалось достаточно, чтобы возбудить интерес публики.

В самом деле: время в России стояло до краев, до перензбытка даже политическое: Государь молчал, Дума, в которой краснобаиство правых соперничало с наглостью левых, заговорила и обессилела, и слово «диктатор» как бы витало над империей, вековые устои которой с ожесточенным упорством уже начали расшатывать те люди и те партии, которые только и могли рассчитывать всплыть на поверхность и ухватить не кусок даже, а — чем черт не шутит! — весь пирог власти, отлично понимая, что сделать это возможно лишь с крушением империи. Слово «диктатор» и то, что за этим словом должно было стоять, как бы само собой требовали места в российской жизни — в преддверии тревожных, а скорее всего, как чувствовали многие, грозных событий. Надо ли после этого удивляться, что серо-голубая эта брошюрка сразу же привлекла внимание читающей публики ожиданием чего-то нового. И, надо сказать, публика не ошиблась.

Стоило только пробежать первые абзацы «Диктатора», чтобы понять: речь идет о тех самых «жгучих вопросах», которые стучатся в каждую российскую дверь и волнуют каждую русскую душу. Произошло то, что и должно было произойти: напечатанный огромным по тем временам тиражом — в 75 тысяч экземпляров, «Диктатор» разошелся молниеносно, потребовал второго издания, столь же быстро разделившего участь первого, чему, конечно, тоже были причины.

Уже начальная фраза сразу заинтриговала читателя, а все последующие страницы держали его в напряжении до самого конца так прочно, что подумать об авторе, узнать, кто он, — на это просто не было времени...

Впрочем, достаточно слов, пора прочесть само сочинение.  
А там и договорим...

**И** Петербург, и провинция были как громом поражены объявленным Сенату Высочайшим Указом, в силу коего в видах объединения власти и прекращения смуты, грозившей полным разложением государству, назначался верховным Императорским уполномоченным по всем частям гражданского управления и главнокомандующим армией и флотом командир Красногорского полка полковник Иванов 16-й с производством в генерал-майоры и назначением генерал-адъютантом.

Об этом полковнике Иванове 16-м никто не имел ни малейшего понятия. Газетные репортеры не могли дать решительно никаких сведений. Бросились в военное министерство, но там могли только узнать, что полковник Иванов 16-й действительно существует, командует полком всего год, ровно ничем выдающимся не отмечен и имеет послужной список самый скромный и, можно сказать, бесцветный. Из дворян, воспитание получил в кадетском корпусе, затем прошел Павловское военное училище и инженерную академию, откуда выпущен в строй. Командовал ротой в саперном батальоне. Ранен на рекогносцировке под Шахэ и награжден золотым оружием. Лет от роду 35. Женат, и жена имеет 420 десятин в Новгородской губернии. Вот и все.

Этот формуляр ровно ничего не говорил. Таких офицеров у нас тысячи, и почему именно на Иванове 16-м остановился выбор Государя — являлось ничем не объяснимым. Больше всех были заинтригованы придворные сферы, где о будущем диктаторе никто не имел ни малейшего понятия и самое имя Иванова никогда не произносилось.

Не знали даже, где новый правитель государства. Газетные сведения были противоречивы. Одни газеты сообщали, что Иванов уже в Петербурге и находится в Царском Селе, другие — что он едет откуда-то с Дальнего Востока.

Недоразумениям положила конец краткая заметка, появившаяся на следующий день в «Правительственном Вестнике»:

«Верховный Императорский уполномоченный сегодня, в 11 ч. утра, будет принимать в Зимнем дворце гг. министров, членов св. Синода и Правительствующего Сената».

## II

С 10 ½ часов утра на Дворцовой площади начали вытягивать несколько линий карет и колясок, а в залах столпившиеся первые чины государства в полной парадной форме с волнением и тревогой ожидали выхода молодого диктатора.

Ровно в 11 часов в Георгиевский зал, где огромным покоем разместились присутствовавшие сановники, вышел генерал-адъютант Иванов.

Это был совсем еще молодой генерал, среднего роста, худощавый, с красивыми чертами лица и острыми, насквозь пронизывавшими, серыми глазами. Он вышел просто и уверенно, подошел под благословение митрополита Антония, сделал общий



поклон и громким металлическим голосом сказал следующее:

— Ваши высокопреосвященства и милостивые государи!

Его Величество Государь Император, нравственно истерзанный и измученный вот уже третий год тянущееся смутой, грозящей России разложением и гибелью, решил положить ей конец и для этого призвал меня и облек Своим высоким доверием и властью. Эту власть я решился принять только как полную, единую и безусловную. Умиротворив Россию, восстановив в ней всеобщее доверие, твердую власть, свободу и порядок, я сложу мои полномочия к стопам Монарха и вернусь к моему скромному делу. Знаю хорошо, что меня ожидает, и готов к этому. Меня могут убить сегодня, завтра или в любую минуту. Но мое место займет тотчас же другой, столь же вам неизвестный Иванов, за ним третий и т. д.; преемственность наша уже намечена и установлена, и перерыва в работе не будет никакого. Программа определена твердо и будет выполнена неуклонно. Она очень проста.

Россия тяжело больна — ее нужно вылечить. Лекарство для великой страны — не теория, не доктрина, а здравый смысл. Он затуманился и исчез у нас за странными и нелепыми понятиями о либерализме, реакции и т. п. Его надо отыскать и восстановить, и тогда только станет возможно правительству править, а народу жить.

В этом — вся моя программа, и другой у меня нет никакой. И вот я приглашаю вас: вы, отцы и владыки, приложите все усилия оживить и восстановить деятельность церкви. Безотлагательно должен быть созван российский поместный Собор. Без колебаний и шатаний должна православная церковь подать свой руководящий голос и указать народу его высшие цели и обязанности. Вам, владыка святой, как первосвятителю церкви русской, предстоит сказать твердое и мужественное слово, и я прошу вас, не дальше как завтра, произнести достойное вас слово с соборной кафедры. Оно должно быть повторено в церквях всей России и пронестись как благовест. О подробностях условимся сегодня.

Вас, господа Сенат, как представителей единственного не распатанного смутю высшего учреждения России, я прошу твердо встать на защиту закона и порядка. Моим первым шагом должно быть восстановление значения Сената, как высшего правящего органа в Империи, и я прошу гг. первоприсутствующих без малейшего промедления представить мне свои об этом соображения. Вам вскоре предстоит широко поработать в вашей законной роли государственного административного суда, перед которым я поставлю очень крупных обвиняемых. И если правде суждено воссиять в России, это будет венцом ваших, господа, усилий.

Наконец, с вами, господа министры и начальники правящих ведомств, мне предстоит подробная беседа с каждым в отдельности. Здесь я должен сказать вам, как объединенному Кабинету, только одно — что именно единства не доставало вам до сих пор, столько же единства замысла и творчества, как и единства исполнения. Наши ведомства, во-первых, совсем не знают Рос-



сии, во-вторых, до сих пор представляли не части одного великого организма, а особые государства, вернее — страны света, связанные только тем, что нарисованы на одном глобусе. Я постараюсь дать вам это единство, а вас прошу дружно и добросовестно мне в этом помочь.

### III

Произнесенная ясно, просто и со спокойной уверенностью речь произвела на присутствующих сильное впечатление. Сделав снова общий поклон, генерал-адъютант Иванов удалился из залы. Митрополиты, архиереи и сенаторы двинулись к выходу, министры столпились в кружок, обмениваясь впечатлениями.

— Г. председатель Совета Министров, Императорский уполномоченный просят вас к себе, — провозгласил дежурный адъютант.

Столыпин отделился от группы министров и направился в небольшой кабинет, где был Иванов. Двери затворились, и они остались одни.

— Садитесь, — начал диктатор, — и выслушайте меня внимательно. Моею первою мыслью, получив это назначение, было расстаться с вами. И не только расстаться, но торжественно предать вас суду, как одного из главных виновников обострения смуты. Вы вместо того, чтобы предостеречь Государя и честно открыть Ему глаза на все безумие второго парламентского опыта в России, стали сами усердно играть в конституцию. Вы доверились темной личности — господину Крыжановскому и стали устраивать с ним выборную комедию; вы развели гнусную официозную печать вроде вашей «России», которая только компрометирует правительство. Вы пошли в народ с подкупом и соблазном, бросая в грязную агитацию правительственные мероприятия, ломавшие и законодательство, и все устои народного быта, чтобы только задобрить деревню и выиграть мужицкие голоса. Это называлось у вас законодательством по 87-й статье! За одно это вы уже заслуживаете самого строгого суда.

— Таково было единогласное требование и общества, и народа, — пытался оправдаться министр.

— Это была ваша фантазия. Ваши меры вызвали общий и дружный протест со всех сторон. Но самое ужасное — это то, что новые законы жестоко скомпрометировали самую идею власти. Народ понял, что бюрократия готова на всякую ломку, на всякую подачку, лишь бы сохранить за собою власть. Поняли, что вы хлопочете не о благе России, а об успехе на выборах. И что же? Получили ли вы, чего хотели? Нет, вас закидали черняками, вам прислали социалистов, анархистов и смутьянов еще в большем числе. Не правда ли, как хорош ваш парламент! Как хороши вы, которые бегаєте туда фехтоваться со всякими Озолями, Алексинскими и Зурабовыми!

Столыпин молчал.

— Затем все ваше управление было рядом самых постыдных колебаний, простите мне это выражение, — сплошным влиянием

хвостом. Одной рукой вы поддерживали монархические организации, рисуясь перед ними чуть не черносотенцем. Другой рукой вы удерживали местные власти от всяких серьезных мер против анархии. Вы шли на уступки там, где об уступках не могло быть и речи, где только твердость власти и могла произвести нужное впечатление...

Диктатор замолчал на минуту и, не слыша возражений, продолжал, смягчая тон:

— Но я должен быть справедливым. Рядом с этими темными сторонами вашей деятельности есть и светлые, и ради них вам не только можно простить то, что вы наделали, но и возможна дальнейшая работа с вами. Вы не испугались военно-полевых судов — это раз. Вы обновили состав полиции, и особенно губернаторов, и подняли ее на большую высоту — это два. Вы все-таки осадили революционные элементы в Думе — это три. Вы лично мужественный и толковый работник, не боящийся ответственности. Заменить вас было бы трудно. Рука об руку с вами мне удастся сделать многое. Могу я на вас рассчитывать, но уже, разумеется, не на первой роли, а на второй, как исполнителя?

Иванов протянул руку.

— Честно, искренно, душа в душу? Наград у меня для вас никаких нет. Наша награда — благо родины и суд истории. Жертвы и опасности — сплошные, да вы это сами хорошо знаете. Не сердитесь же на меня за горькое слово, и будем работать.

Столыпин молча пожал протянутую руку. Собеседники взглянули друг на друга и сердечно обнялись.

#### IV

Министр повернулся было, чтобы уходить, но Императорский уполномоченный остановил его:

— Еще два слова. Время дорого, и я буду краток. Слушайте же и примите к сердцу то, что я вам скажу. Парламентаризм в России, как вы сами теперь видите, ложь и обман. Возврат к старому режиму невозможен. Бюрократия отжила свой век, опозорила и разорила Россию и вызвала к себе такую ненависть, с которой нам с вами не справиться. Нужно вступать на новый путь. Иной, кроме царской и самодержавной, верховной власти в России быть не может. Но под нее нужно подвести совсем иной фундамент. Этот фундамент — широкое самоуправление, которое должно всецело заместить бюрократию. Все будущее России — в земстве, поставленном как первооснова государственного здания. Выделите из области государственной работы все, что имеет местный характер, — только тогда со своим делом будет в состоянии справляться центральное правительство. Местную работу отдайте самоуправляющимся земствам. Организуйте уезд в совершенно самостоятельную единицу. Группа уездов, однородных по этнографическим, хозяйственным и бытовым свойствам, должна составить самоуправляющуюся область, обнимающую район нескольких губерний. Это должно быть нечто вроде штата Северной Америки. Вот наш тип государства. Союз этих

штатов с Самодержавным Царем во главе и будет искомой нашей государственной организацией. Только при этих условиях станет возможною работа центрального правительства, только при такой постановке самодержавия на основах самоуправления будут обеспечены как свобода от нынешней чудовищной надо всем опеки бюрократии, так и порядок, ибо настоящего порядка из Петербурга устроить нельзя, не обращая всей страны в огромные арестантские роты.

Областное деление намечается само собой; его требует и указывает жизнь, его не нужно выдумывать, а только развить и завершить. Смотрите: Финляндия, Польша, Прибалтийский край, Кавказ, Туркестанский край — все это области, уже совершенно очерченные. Организуйте по областям и остальную Россию. Что общего между Северным краем и Малороссией, между Заволжьем и черноземным или промышленным районами? А Сибирь? Каким ярким ключом забьет повсюду жизнь, как воспрянет русский человек, когда окончится наш проклятый петербургский шаблон и всеобщее обезличение! И как будет легко править двумя десятками областей, вызвав в общий центр их лучшие рабочие силы и из них составив все государственные органы. Это будет государственное устройство, которому позавидует Америка. Какой чудный облик и какую несокрушимую силу приобретет русский самодержавный царь, окруженный не оподлевшей бюрократической кастой, не гнилой придворной средой, а истинными выборными всей земли, ее лучшими работниками!

— Вы вводите автономизм и федеративное начало. А если это будет ослаблением государственного единства России? — заметил Столыпин.

— Оставьте эти пошлые книжные определения, — живо возразил диктатор. — Мысль об областях взята не из книжки; она красною нитью проходит через всю русскую историю. Полное самоуправление областям давал Иоанн Грозный. Областное деление являлось необходимым условием для каждого самостоятельного русского государственного ума от Пестеля, либерала и революционера, до крайнего консерватора Фадеева. Я глубоко верю, что государственная связь России не ослабнет, а только окрепнет при широком областном самоуправлении. Отчего так легко править Вильгельму, как германскому императору? Да оттого, что вся местная работа лежит на союзных правительствах, что все эти баварские, саксонские и виртембергские короли суть только председатели местных земских управ и несут на себе всю черную работу управления. Вы говорите: ослабнет связь. А нынешнее полицейское единство прочно? Неужели вы не замечаете, что эта связь совершенно сгнила, и если мы не дадим другой, свободной и широкой, то Россия развалится от одной ненависти своих составных частей к Петербургу? Вон, Менделеев и карту областей дал.

Иванов остановился и взглянул на часы.

— Простите. Серьезный и подробный разговор об этом впереди. В этом — главная наша реформа, и я уверен, что, когда вы хорошенько вдумаетесь в вопрос, я найду в вас самого ревностного и убежденного сотрудника.



Диктатор подал Столыпину руку и проводил его до двери.

## V

— Статс-секретарь Коковцов! — провозгласил адъютант.

Министр финансов вошел и приготовился слушать. Диктатор начал без всяких предисловий.

— Мне предстоит, Владимир Николаевич, здесь же, в беседе с вами, решить вопрос о возможности совместной работы. Должен вас предупредить. Я не финансист, а дилетант. Но, следя за всем движением общественной и государственной жизни, я не мог не видеть, что в основе хода и той, и другой лежит экономическая политика государства. Сытая и благоденствующая страна — плохой материал для революции. В разоренной и голодающей, наоборот, неудержим никакой порядок, никакой гражданский строй. Естественно, что я счел своим долгом хотя настолько ознакомиться с экономикой и финансами, чтобы не стоять, беспомощно разинув рот, перед специалистом. Это в виде предисловия, а теперь перехожу к делу. Как вы смотрите на финансовое положение России?

— Без займа нам не выйти. Но так как ваше назначение связано, как можно думать, с немедленным роспуском Думы, то я совершенно не вижу возможности сделать заем.

— На займы ставьте крест, Владимир Николаевич. Их больше не будет. Давайте думать, как выйти без займа.

— Если мы не заключим займа, будет дефицит примерно в 300 миллионов рублей. Мы можем, конечно, расходовать наш золотой запас, но в таком случае валюта неудержима и наступит крах.

— А вы, конечно, стоите за поддержание золотой валюты?

— Я не могу себе представить большего несчастья, как возврат к бумажным деньгам, колеблющемуся курсу и т. д. Неужели Россия приносила такие жертвы для установления у себя хорошей и прочной денежной системы, чтобы в один прекрасный день пустить все насмарку?

— Хорошо. Я не стану вас опровергать, но я предложу вам, как министру финансов, ответить на следующий вопрос. Сельское хозяйство, ни частное, ни крестьянское, не может идти без оборотного капитала. Денег в народе нет вовсе. Деревня разорена совершенно. Отсюда — всякие аграрные вопросы, стремление захватить помещичьи земли, возможность новой пугачевщины. Первое средство успокоить сельскую Россию — это влить в деревню посредством мелкого кредита по меньшей мере миллиард рублей. Ваша денежная система может это сделать или нет?

Коковцов вынул из кармана бумажку и подал диктатору.

— Вот справка о состоянии средств наших главных банков в эту минуту. Никакого безденежья не замечается, кассы полны.

Иванов вспыхнул.

— Неужели же вы не понимаете, что эта справка не опровергает, а только подтверждает то, что я говорю? Да, в банках скопились свободные средства, потому что остановились все

промышленные дела, закрыты кредиты, никто не платит, банковские кассы должны иметь огромные резервы в наличности. Да, в банках деньги есть, но в деревню не попадает из них одной копейки. Вы сами останавливаете всю промышленность, так как держите учетную норму в 7½ процентов по трехмесячным векселям, заставляя частные банки брать 10 и 12. Какое промышленное дело может это выдержать? Я ставлю вам совершенно определенный вопрос: можете ли вы создать для народного кредита капитал в миллиард рублей и притом своими средствами, без всяких займов?

— Машин в экспедиции достаточно, можно напечатать хоть пять...

Диктатор сделал нетерпеливое движение, но сдержался.

— Я знаю, что вы хотите сказать. Вы грозите, что можно сорвать валюту и начать наводнять Россию бумажками, да? Хорошо. Пусть вы правы. Но тогда что же, по-вашему? Стеречь валюту, отказаться от поднятия хозяйства и устройства народного кредита? Оставить деревню в том ужасном виде, как сейчас? Продолжать строить государственный бюджет на спаивании и обирании народа? Ответьте же мне, как вам представляется выход? Покажите положительную сторону вашей программы, или вы предпочитаете жить со дня на день?

— Ваше превосходительство! У меня есть мои твердо сложившиеся воззрения. Я не сторонник финансовых экспериментов и могу вам поручиться, что не я буду тот министр финансов, который вывесит объявление в Государственном банке о прекращении размена.

— Высоко ценю твердость вашего характера и просил бы вас ответить мне на последний вопрос. Вы знаете, чего я хочу. Кто мог бы ответить этим задачам в роли министра финансов? К кому мне обратиться?

— Да чего же лучше? Вот вам Сергей Юльевич. Он уже категорически отрекается от золотой валюты и будет готов на всякие реформы, какие вам угодно.

— Нет, с Витте у нас будет разговор совсем о другом.

— Ну, тогда возьмите Шипова. Иван Павлович уже писал, кстати, и доклад об уничтожении золотой валюты.

## VI

Вслед за Коковцовым в кабинет диктатора был вызван Государственный контролер. Шванебах вошел истым царедворцем, с приятнейшей улыбкой и низким поклоном.

— Бью челом представителю молодости, свежести и энергии. Ваше превосходительство, омоложите нас, стариков...

— Садитесь, Петр Христианович, и будемте кратки. Я нарочно пригласил вас после Коковцова, с которым мы, кажется, больше не увидимся. Вы о нем сожалеть не будете?

— Ваше превосходительство, у Мопассана есть прелестный рассказ...

— Нет, Бога ради, оставим Мопассана. Вы единственный



человек, хорошо знакомый с нашими финансами, у вас огромный опыт, вы дали прекрасные работы по финансам. Нынешняя финансовая система никуда не годна и привела нас к разорению и революции. Нам остается два выхода: или перейти к нашей старой серебряной валюте, которая даст нам нужные средства для подъема народного хозяйства, или сделать шаг еще более смелый и перейти прямо на бумажные деньги. Я хочу услышать ваше мнение.

— Я должен покаяться — вы меня ставите в затруднение. Я не сторонник политики графа Витте и писал против золотой валюты, но я еще менее склонен рекомендовать переход к серебру и уже считаю совершенною ересью бумажные деньги.

— Но тогда я вас совсем не понимаю. Если не золото, не серебро и не бумажки, то тогда что же? Четвертого, сколько мне известно, ничего не открыто. Между тем мне нужен выход.

Диктатор повторил сказанное Коковцову по поводу народного кредита и поставил Шванебаху тот же вопрос. Контролер выслушал внимательно и, казалось, был в величайшем затруднении.

— Признаюсь, ваше превосходительство застаает меня совершенно врасплох. Это надо обдумать. Усиление денежного обращения целым миллиардом рублей независимо от вопроса, как эти деньги получить, вносит такое усложнение в государственное хозяйство, которое учесть очень трудно.

— Да, но это требование безусловное. Если ему не может удовлетворить современная денежная система, значит, она никуда не годится и нужна иная. И вот об этом я и хотел услышать ваше мнение.

— Я могу сказать только одно: золотая валюта неустойчива. Поддерживать размен ценою народного разорения невыносимо. Покинуть ее необходимо. Я думаю, что было бы возможно, не связывая себя ничем, допустить некоторое падение курса и затем удерживать его в благоразумных пределах.

— Что же это будет такое? Золотая система без размена на золото? Впрочем, пусть себе называется как угодно, только достаньте средства для народного кредита.

— Но выпущенный миллиард рублей сделает курс неустойчивым, уронит его стремительно!

— Почему? Разве это не будет вполне производительная затрата? И каким образом знаки, которые войдут в народное обращение и будут им удержаны, могут уронить курс? Какое действие этот миллиард обнаружит на ваш расчетный баланс?

— Повторяю вашему превосходительству, что я не могу так сразу ответить на ваши вопросы. Я полагаю, что наша беседа пойдет по ближайшему предмету моего ведомства.

— А что же говорить о вашем ведомстве? У вас давным-давно установился девиз, которому и вы неукоснительно следуете: ни с кем не ссориться. При бюрократическом строе контроль, как ведомство, иным быть и не может.

— Как же надеетесь изменить это положение?

— По-моему, в таком необъятном государстве, как Россия, контроль не может быть «ведомством». Эта деятельность, составляющая главную силу государственной власти и важную задачу

управления, должна принадлежать такому же специальному высшему установлению, как Сенат, стоящему непосредственно около Монарха и составленному из земских выборных людей. Затем контроль государства, стоящий выше всяких партий, пристрастий и местных интриг, должен идти в самую глубину местной жизни и проникать в самоуправление до последней общественной ячейки. Здесь государство должно быть абсолютным, полновластным и неумолимым.

— Какая огромная задача!

— Да, и именно в вашем ведомстве множество молодых сил для ее прекрасного выполнения. Но благодаря вашим верхам эти силы совершенно пропадают...

## VII

Государственный контролер откланялся, и вслед за ним появился Кауфман, министр народного просвещения.

— Ну-с, господин командир без армии,— начал диктатор, указывая министру на кресло против себя,— где же мы с вами будем разыскивать русское просвещение? Осталось ли у вас хоть одно высшее учебное заведение работающее?

— Да, дело плохо. Революция захватила всю молодежь поголовно.

— При добром содействии начальства. Не правда ли, как вовремя дана автономия? Но все-таки что же вы предполагаете делать? Как вы смотрите на будущее?

— Я думаю, что успокоение молодежи стоит в тесной зависимости от общего успокоения страны. Когда все войдет в норму, тогда и в учебных заведениях кончатся волнения... Мы теперь стараемся спасти что можно. Пусть хоть некоторая часть студенчества выдержит экзамены и не будет выброшена на улицу.

— Это не экзамены, а позор! — гневно перебил диктатор.— Министерство закрывает глаза на самые вопиющие безобразия и хлопочет только о том, чтобы как-нибудь соблюсти внешнюю видимость. Я знаю, как держатся экзамены. Студент берет билет и тут же в сторонке прочитывает соответствующую часть курса по тетрадке. И, что бы он ни говорил, какую бы дичь ни нес, профессор не смеет поставить плохую отметку, потому что центральные органы объявляют бойкот, делают насилия. И с этим все мирятся, это называется государственными экзаменами! Безграмотные люди с дипломами высшего образования?!

— Я не вижу, каким образом мы могли бы в это дело вмешаться.

— Это несчастное поколение насквозь отравлено,— не отвечая министру, продолжал диктатор.— Нужно спасать по крайней мере будущие поколения, спасать русскую науку. Я не верю в возможность казенной науки, казенной школы, кроме, конечно, школ специально военных и морских. Казенная наука есть величайшая ложь, которую мы когда-нибудь видали. Необходимо решительные и крутые меры. Автономия казенных университетов — чудовищный самообман. Необходимо дать науке полную свободу, полный простор. Пусть каждый учится где угодно,

чему угодно, у кого угодно. Задача правительства — только надзор, чтобы публичная школа не развращала учащихся. Отсюда вывод: всякие дипломы должны быть уничтожены, все казенные высшие школы упразднены. Университетские здания, лаборатории, разные пособия, библиотеки и пр. могут сдаваться в аренду группам профессоров, которые пожелают открыть тот или иной факультет. Расходы должны покрывать сами учащиеся. Есть ли что безнравственнее, чем брать деньги с нищего народа, чтобы воспитывать современную невежественную и гнусную интеллигенцию? Затем средняя и низшая школа. И здесь принцип тот же: казне, правительству, кроме надзора, делать нечего. Пусть родители сами основывают школы, какие им угодно, и за свой счет. Низшие школы пусть основывают и содержат приходы и селения, средние — города и земства.

— Но у нас уже принят принцип всеобщего обучения...  
Диктатор вспыхнул.

— Не говорите мне об этой гнусной и безнравственной затее. Мир не видал большего насилия, чем это обязательное вколачивание казенной науки там, где ее совсем не желают. Знаете ли вы, что всеобщее обязательное обучение есть только средство в руках республиканских и масонских правительств перевоспитать по-своему народ, потушить в нем исторические, национальные и монархические чувства, убить веру и поставить в полное подчинение бюрократии? Желать этого для России может только ее предатель и злейший враг. Русский народ жаждет неудержимо просвещения, но в своем историческом, бытовом и христианском духе. Помеха ему только бедность. Улучшите экономическое положение народа, освободите церковь, устройте широкое самоуправление, и вся Россия без казенной палки покроется школами, и эти школы понесут свет. Найдутся и подвижники для этого дела. Только лишь бы к нему не смел даже издали прикасаться чиновник.

Диктатор помолчал немного и круто переменял тему разговора.

— Теперь о вас лично. Вам наша высшая школа обязана в огромной степени ее нынешним ужасным положением. Вы все время с вашим гениальным Герасимовым оказывали попустительство всяким безобразиям, а главное, вы разрешили прием евреев без нормы. Полобуйтесь на университеты киевский, московский, одесский.

— Я этого ожидал, — грустно сказал Кауфман, — и моя отставка в кармане.

— Благодарю вас. Передайте ее председателю Совета.

## VIII

Генерал-адъютант Иванов взглянул на часы и сказал адъютанту, провожавшему министра юстиции Щегловитова:

— Уже половина второго, в три я в думе. Будьте добры передать гг. министрам, что сейчас я приму только князя Васильчикова. Прошу садиться, — обратился диктатор к Щегловитову и прибавил: — Что нам делать с судом?



Министр грустно поник головой.

— Половина магистратуры — в рядах революции. Но это не открытые бунтовщики, о, нет! Это добродетельные служители 20-го числа и пакостят своей родине исподтишка. Скажите, задумывались ли вы над тем, как вернуть этих господ к сознанию долга?

— Это страшно трудно. Судебное ведомство развращалось давно и совершенно упало при Муравьеве. Чтобы подвигаться вверх, нужно было быть отъявленным карьеристом. Это и сказывается теперь, когда делает карьеру не исполнение долга, не честь и доблесть, а революция. Вопрос почти неразрешимый.

— И, однако, его во что бы то ни стало надо решать, и решать быстро, ибо при потворстве суда справиться с анархией невозможно. Что сказали бы вы на такой прием: произвести основательную чистку верхов, чтобы навести страх на низы?

— Боюсь, что слишком многих придется увольнять...

— А я, наоборот, думаю, что в вашем ведомстве тон всей судебной корпорации дает десяток, много — полтора лиц. Важно только разбить уверенность, что именно эти лица неприкосновенны, хотя бы даже председательствовали на революционных митингах. Но этим вопросом мы успеем еще заняться, а главное на очереди дело — это наши тюрьмы и политические заключенные. Вот где истинное государственное бедствие и самая большая опасность для России. Скажите, у вас по этому вопросу никаких предположений не возникало?

— Обсуждалась амнистия...

— Мне кажется, что русских гг. правящих Бог минутами вовсе лишает разума. Амнистия, т. е. освобождение тысяч заведомых революционеров, озлобленных и абсолютно непримиримых! Неужели в этом есть хотя капля здравого смысла?

— Но и такое положение, как сейчас, невозможно.

— Разумеется. Выход необходим, и выход немедленный. Вот из какого принципа я исхожу: нет никакой возможности считать всю эту революционную молодежь преступниками. Даже самые закоснелые, самые кровавые между ними должны рассматриваться только как больные, в крайнем случае — как помешанные. Правительство, которое всю эту молодежь сначала подготовило, затем своими преступлениями, глупостью и трусостью бросило в революцию и сделало преступниками, не имеет никакого нравственного права ни казнить их, ни даже карать. Неужели человека, бросающего бомбу среди толпы женщин и детей, можно считать нормальным и ответственным? Его нужно лечить, как лечат безумцев. Но ваш тюремный режим не лекарство, а окончательная гибель для юноши. Он поднимается вами в герои, он закаляется лишениями и страданиями и теряет всякую возможность возродиться. С другой стороны, оставаться среди общества он не может. Что же делать поэтому? Мне представляется единственный план, который очень прошу вас привячь к сердцу и надлежащим образом обсудить. Всю эту революционную молодежь необходимо изолировать, но не по тюрьмам, а на чистом воздухе, в совершенно глухой местности,

в деревне. Представьте себе, что где-нибудь в хорошем климате вы отделяете тысяч двадцать или тридцать десятин, строите временные бараки или датские домики, что ли, устраиваете сельское хозяйство в целом ряде хуторов и разные технические производства и пускаете туда всю содержащуюся у вас безумную молодежь, предоставляя ей устраивать социальный распорядок, какой ей угодно, на полной свободе, но с безусловным запретом всякого общения с внешним миром, т. е. агитации и пропаганды. Все средства для правильной работы и дальнейшего образования государство должно дать, а главное — прекрасную, серьезную библиотеку. Кругом — военный кордон, предупреждающий всякую возможность побега. Прежде всего вы очищаете от политических все тюрьмы и все места ссылки, отправляя всех туда. Затем туда же пойдут все, кому не по нутру современный общественный строй и кто желает силком насаждать строй социальный. Пожалуйте, господа, изучите сначала на опыте, в самых благоприятных условиях. Таким образом, у вас скопятся в одном месте все герои революции и апостолы социализма. Выигрыш будет огромный, ибо теперь эти господа только разносят политическую заразу. Затем — всякому мученичеству конец. Ореол героя сменяется простой горячечной рубашкой. Это тоже плюс не малый. Наконец — экономия. Содержание этих господ в таком лагере будет стоить неизмеримо дешевле для казны, чем теперь, — там все будут обязаны работать. Вы себе представляете, что получится?

— Я думаю, прежде всего эти господа страшно все перегрызутся.

— Это ничего, лучше сказать — это-то и хорошо. Теория всеобщего равенства и социального рая на земле окажется сразу несостоятельной. Явится чрезвычайно деспотическое начальство, против которого пойдут восстания и революции, и, наконец, все хором станут звать городского. Но городской через эту ограду переступить не смеет. Спасения от деспотизма и анархии не будет, и этот ужас отрезвит очень многих. На наш старый презренный буржуазный строй станут смотреть как на нечто драгоценное и справедливое, в государстве будут видеть не деспотическую власть насильника, а беспристрастного защитника всех. И вот тогда приносите, господа, повинную, — отрекайтесь от утопий и пожалуйте в наш старый мир. И, поверьте, все придут, никого не останется, ибо утопия, логически развиваясь, не может не дать абсурда. Вы понимаете теперь, чем дорога эта идея и почему я ставлю ее на первый план? Только этим путем мы возродим самых закоснелых преступников, излечим самых безнадежных. Вот почему я буду очень вас просить: составьте специальную комиссию, пригласите туда хороших техников, агрономов. Разработайте мне подробно этот проект «Сумасшедшей» республики. Я даже место вам приблизительно намечу — где-нибудь около Оша, в Фергане или по Иртышу, между Семипалатинском и Усть-Каменогорском. В европейской России такого уголка не найти. Сделайте также смету, чего все это будет стоить, и помните, что эту меру я считаю самой главной и самой неотложной в борьбе с революцией. А пока честь имею кланяться.



Щегловитова сменил князь Васильчиков.

— Наш с вами разговор, дорогой князь, впереди, и он будет долгий и серьезный. Теперь я едва буду в состоянии наметить только главные темы. Надеюсь, что мне, как ученику и глубокому почитателю вашего отца, воспитавшемуся на его произведениях, вы поверите: я счастлив, имея вас в числе сотрудников, да еще по такому важному отделу, как земледелие и землеустройство. Время коротко, и потому приступим прямо к делу. Скажите мне, во-первых, неужели это правда, что вы, сын князя Александра Илларионовича, стоите за уничтожение дворянского землевладения? Я этому не могу верить и потому вашей политики в этом несчастном аграрном вопросе совершенно не понимаю.

— Я боюсь, что дворянство осуждено историей и что наша задача — помочь ему благополучно и по возможности безболезненно ликвидироваться.

— Князь! Как грустно мне это слышать от вас! Какая жесткая ошибка думать, что русское дворянство свою роль уже закончило и должно уступить место демократии! Что такое демократия? Национальное обезличение, пошлая нивелировка умного и глупого, культурного и дикого, упразднение всех традиций, гибель всякого гения и таланта и торжество грядущего Хама? Этого ли надо желать для России? Затем, с упразднением дворянства вы социального, умственного и экономического равенства все же не введете, значит, в общественном организме кто-нибудь будет занимать место верхнего класса. Кто же, позвольте спросить? Вы хороните русское земельное дворянство и желаете иметь американских ситцевых, нефтяных и стеариновых лордов? Вы снимаете герб и водружаете аршин. Я не отрицаю значения и заслуг русского купечества, но, простите меня, ни Карнеджи и Рокфеллеры, ни Саввы Морозовы и Гучковы роли дворянства не сыграют. А русское дворянство было лучшим из лучших. В нем никогда не было и тени сословного эгоизма.

— Я вовсе не отрицаю великого культурного значения нашего дворянства, но ведь перед нами же факт налицо: оно сходит со сцены, оно почти не борется ни за свою землю, ни за свое положение.

— О, как вы ошибаетесь! Оно не сходит со сцены само, его грубо выгоняют и упраздняют. В момент освобождения крестьян три четверти земельного дворянства погибло от невозможности организовать свое хозяйство при безумной и предательской тогдашней финансовой политике. Остальная часть кое-как приспособилась, но ее начала разорять и добивать финансовая политика Витте, сознательно подрывавшего дворянство. Теперь окончательно ликвидируете вы.

— Мы только облегчаем неизбежный естественный процесс.

— Бога ради, столкнитесь. Неужели вы считаете нынешнее аграрное движение естественным процессом? Неужели вам не ясно, что весь аграрный вопрос заключается у нас в том, что голыми руками нельзя вести современного хозяйства, а вы за-

ставяете это делать и барина, и мужика? Чтобы иметь высокую земледельческую культуру, необходимо, чтобы на каждую единицу площади обращался значительный оборотный капитал. У нас его нет, так как Россия разорена и совершенно обезденежена. Отсюда мужик ковыряет кое-как свой надел и сидит голодный. Барин или вынужден закабалить мужика на свое хозяйство зимними наймами и безобразно низкой платой, или бросать хозяйство и обращаться в земельного ростовщика, раздавая земли в аренду за безбожную цену, — безбожную при нашей безобразной культуре, конечно. Разве не величайший абсурд, например, наши жалобы на постоянный рост земельных цен? Во всем мире этому радуются, этим гордятся. В Германии за десятину песка платят до 3000 марок, у нас кричат, что 300 рублей за десятину великолепного черноземца грабительская цена! Да, весь народ помешался на прирезке земли, на разделе помещичьей земли, на упразднении частных экономий, которые он возненавидел. Откуда это взялось, как не от истощения земель и недостатка оборотных средств, допускающего только хищничество? Денежных знаков у нас не обращается и 10 р. на жителя, а много ли отсюда приходится на деревню? Когда мужик видит деньги? Что он думает о правительстве, спаивающем его водкой? Каким образом вы его, голодного, нищего, пьяного, научите уважать культуру, которой он не видит, и собственность, когда он весь окружен самым бесстыдным грабежом?

— Прибавьте сюда общину.

— Оставьте общину, князь. Она ни при чем. Она только равняла мужика, не давая России обезземелиться и разбежаться куда глаза глядят. Община не отучает, а приучает к собственности. Но у нее собственность иного вида, чем у нас. Там она семейная и основана не на мертвой букве закона, а на верной расценке труда каждого из членов семьи. Эта расценка изумительно точна. Крестьянская девушка сегодня поденную плату несет большаку, а завтра прячет в свой сундучок, потому что это ее личный заработок. И попробуйте из этого заработка взять хоть копейку! Смешно и жалко смотреть на ваши усилия разложить общину и расселить мужиков на хутора. Попробуйте, измените национальный характер великоросса, который немислим без улицы, без мира, без тесного соседства. Я смотрю на общину не как на тормоз, а как на лучшее орудие к поднятию сельского хозяйства, умеете только ее на это направить. И вот об этом именно я собирался с вами говорить. Спасение России не в перераспределении землевладения, не в уничтожении поместного класса и культурного хозяйства. Спасение — в народном кредите. С этим вопросом нельзя медлить дня, часа! Но это дело финансового ведомства, а не ваше. Ваше дело направить все усилия для технического подъема земледелия, для широкой организации агрономической помощи всех видов, для устройства переселений. Переселения не только устранят земельную тесноту, где она действительно есть, но и укрепят за нами окраины. И я не знаю, какая часть вопроса важнее. Остановка переселенческого движения есть величайшее преступление, оно может нам стоить Сибири. Затем необходима самая широкая постанов-

ка продовольственного вопроса. Он должен быть вновь передан земству, но центральное им заведование должно быть ваше. Государственный хлебный запас должен быть регулятором цен на хлеб и вместе с тем могущественнейшим рычагом к поднятию земледелия. И здесь земства будут естественными вашими органами. Усердно прошу вас немедленно же поставить этот вопрос на разработку в связи с реформой Крестьянского и Дворянского банков и мелиоративного кредита. Все это должно быть органически между собою связано.

## Х

К двум часам министерские аудиенции были покончены. Наскоро позавтракав, генерал-адъютант Иванов направился к зданию городской думы, где были собраны человек триста рабочих от всевозможных фабрик и заводов Петербурга, частных и казенных. Выбраны были люди по указанию заводских управлений, самые толковые и авторитетные в своей среде. В зале, кроме рабочих, ожидали городские власти, гласные думы, группа заводчиков и фабрикантов. Городской голова держал на блюде хлеб-соль.

После краткого приветствия головы, на которое диктатор ответил несколькими словами, он подошел к рабочим и, беглым взглядом окинув их пеструю толпу, громко и внушительно произнес:

— Я вызвал вас, чтобы поговорить с вами, и прошу вас в мои слова хорошенько вдуматься, запомнить их и передать там у себя остальным. Его Величество Государь Император назначил меня своим уполномоченным и даровал мне огромную власть, возложив на меня задачу прекратить смуту и привести Россию в порядок. И я надеюсь с Божьей помощью это сделать. Те, кто затеял в России революцию, начали с вас. Чтобы закончить революцию, я тоже начинаю с вас и говорю вам прямо: довольно безобразий! Стидно русским людям разыгрывать стадо баранов и терять разум и совесть. Пора понять, что весь этот социализм, борьба труда с капиталом, профессиональные организации и прочее — все это ложь, вздор и только предлог для разных проходимцев забирать власть над рабочими в свои руки и делать в государстве смуту, разоряя прежде всего самих рабочих. Скажите, что выгадали рабочие за эти несчастные три года? Разорили промышленность, разорили сами себя, выбросили на улицу тысячи безработных, попали под расстрел, озились, озверели, потеряли образ Божий. Довольно, друзья мои! Знайте: лгут те, кто проповедуют борьбу труда и капитала. Между ними борьбы быть не может, ибо капитал и труд — союзники, члены одного организма, а не враги. Без труда капитал несостоятелен и мертв, без капитала труд немислим вовсе. В любовном союзе капитал и труд делают чудеса, во вражде гибнут оба, но раньше гибнет труд. Капиталист остановил дело, свернулся и ушел, а рабочий выброшен на улицу, на нищету и голод. Рабочему хорошо только тогда, когда свободно и выгодно капиталу. Не завидуйте, а ра-



дуйтесь, если предприниматель наживает огромные барыши и богатеет. Это ваша прямая польза. Барыши возбуждают зависть в других, открываются новые дела, являются новые капиталы. Этим капиталам нужны рабочие руки, их не хватает, и вот капиталисты наперебой поднимают заработную плату, Весь результат развития промышленности идет в пользу рабочих. Стачкою и забастовкою можно капиталиста заставить пойти на разные жертвы. Но это победа непрочная и нездоровая. Капитал начинает бояться идти в дело, и в конце концов остаются без работы и разоряются рабочие. Небольшая часть останется на повышенной плате, а большинство очутится на улице. Это ли выигрыш?

Друзья мои! Экономические законы не нами выдуманы, и нарушать их безнаказанно нельзя. Раз начинается борьба между капиталом и трудом — конец один, и другого быть не может: разорение рабочего, разорение всей промышленности, дороговизна товаров, выгода только для иностранных фабрикантов. Этого ли должны мы добиваться? Вот почему я должен прекратить эту борьбу в самом корне. Прочь все эти ваши союзы, профессиональные организации и прочее! Интересы рабочего должны и будут защищать закон и правительство, а не разные проходимцы, которые вкрадываются в ваше доверие и бунтуют вас. Есть заводчики своекорыстные, желающие эксплуатировать рабочего. Единственное от них ограждение рабочего — закон. Закон должен обеспечить и рабочие часы, и безопасность рабочего, и охрану его здоровья, и хорошую квартиру, и пищу, и страхование от несчастий, и школу детям, и пенсию на старость. Закон, и никто другой, должен обеспечить полную свободу как предпринимателю, так и рабочему. Я считаю стачки рабочих столь же недопустимыми и преступными, как и всякие синдикаты хозяев, союзы и локауты. И я твердой рукой водворю у вас законность, и первые же рабочие скажут за это спасибо.

А затем, господа, мое последнее слово. Революция и всякие безобразия кончены, и ни о чем подобном не может быть более речи. Всякую попытку бунта я раздавлю твердой рукой и не остановлюсь перед самыми решительными, самыми жестокими мерами. Вы, рабочие, — только ничтожная часть русского народа, и не вам распорядиться судьбами России. Ваша сила — кучность, толпа. Но Россия еще вооружена и армия цела. Патронов хватит, и вверх стрелять не будут. Поэтому скажите вашим, что не должно быть и мысли о каких-нибудь демонстрациях или выступлениях. Шутить я не буду. Гоните в шею всяких ваших ораторов и агитаторов и мирно, дружно, любовно за работу! Надо во что бы то ни стало успокоить столицу и возвратить всеобщее доверие.

Диктатор обратился к группе фабрикантов и прибавил:

— Вы слышали, господа, что я говорил рабочим? Теперь мое слово к вам: будьте добры, сами, без понуждения, установите добрые распорядки, пересмотрите и проверьте надежность вапего служебного персонала, чтобы не давать ни малейшего повода к каким-нибудь жалобам. А главное — примите меры, чтобы поставить на работу несчастных, выбитых из колеи, безработ-

ных. За спокойствие, порядок и свободу труда я отвечаю вполне, прошу мне в этом верить.

Генерал-адъютант Иванов сделал общий поклон и тронулся к выходу.

## XI

Императорскому уполномоченному были отведены апартаменты в Зимнем дворце.

К его возвращению из думы в приемной дожидались вызванный граф Витте, начальник главного управления печати Бельгард, военный министр и командиры полков вместе с другими начальниками отдельных воинских частей петербургского гарнизона.

Диктатор сердечно пожал руки министру и военным товарищам.

— Располагайтесь, господа, курите, беседуйте. Мне надо несколько минут переговорить вот с этими господами, и затем мы устроим небольшое совещание. Граф Витте, пожалуйста.

Уполномоченный и отставной председатель Совета Министров прошли в кабинет.

— Я вам очень признателен, генерал, — начал граф Витте, — что вы изволили меня вызвать. Рад буду вам помочь, чем могу. Мой опыт, мои знания — все к вашим услугам.

— Очень сожалею, что не придется ими пользоваться, — сухо остановил Витте диктатор. — Я вызвал вас не за этим...

Витте побледнел.

— Я считаю вас родоначальником и главной пружиной революционного движения в России. Как министр финансов, вы вашею политикой разорили Россию и подготовили то положение вещей, в котором застала нас японская война. Вы развратили все правительство, печать, общество, вы убили народную честь и совесть. В Портсмуте вы заключили преступный мир и предали Россию, и, наконец, как глава правительства, вы устроили ряд революционных выступлений, чтобы вырвать у Государя несчастный манифест 17-го октября. Все это, взятое вместе, дает такую ужасную картину измены и предательства, что я не затруднился бы расстрелять вас в 24 часа. Я умолял Государя разрешить мне предать вас верховному суду, как государственного изменника, и с вас начать очищение России. К несчастью, Государь не дал на это своего согласия. Все, на что Он меня уполномочил, это предложить вам немедленно и навсегда покинуть Россию. Преклоняюсь перед бесконечною добротой Государя и даю вам сроку... Сколько вы желаете?

— Простите, генерал, — произнес Витте, уже успевший несколько оправиться от первого впечатления. — Я этому решению подчиниться не могу. Я не чувствую за собой ни одной из тех вин, в которых вы меня обвиняете. Я действовал по чувству долга, по совести и крайнему разумению. Кроме того, каждый мой шаг бывал всегда известен Его Величеству и Им одобрен. Я требую над собою суда и на этом суде, кого бы вы моими судьями ни поставили, сумею оправдать каждый свой шаг.



— Вплоть до последних бомб в печах, не правда ли? Да, я понимаю вашу мысль. Вы, я знаю, запаслись документами, вроде пресловутого журнала заседания в Царском Селе, когда речь шла о занятии Порт-Артура. Вы хотите сделать Государя участником ваших преступлений, другими словами — свалить все на него. О, разумеется, вы, как истинный бюрократ, на каждом шагу устраивали себе надежное прикрытие. Но, поверьте мне, я бы этого не побоялся. Я сумел бы показать, как вы обманывали Государя и подготавливали его волю к тем актам, которые были вам нужны, а затем предавали его. Вы рассчитываете на евреев и на нашу революционную печать. Да, вы отчасти правы; вы устроили бы себе грандиозное торжество, новую и огромную рекламу. Какой ценой — вам это все равно. Нет, Государь это хорошо взвесил: вам этого торжества давать нельзя. Так вот-с, какой срок угодно вам назначить?

— А если я не поеду?

— Вы будете арестованы немедленно, прямо отсюда. Я, господин Витте, не за тем пригласил вас, чтобы шутить или терять слова на ветер. Я вас не боюсь и справиться с вами сумею. И если я вас арестую, то, поверьте, вас уже никакая сила не освободит.

— Хорошо, — подумав немного, отвечал Витте. — Я подчинюсь воле Государя. Через две недели я уеду.

— О, нет! Это слишком долгий срок. Самое большее — через три дня. Это мое последнее слово. Затем с вами отправится мой адъютант, которому вы будете добры передать документы вот по этому списку.

Витте бегло просмотрел бумажку и с ненавистью произнес:

— О, какая тонкая мстительность! От меня требуют выдачи моего единственного оправдания перед историей. Но если там так дорожат историческими свидетельствами, то позвольте же и мне дорожить своею репутацией!

— Вы говорите о вашей «репутации»! Право, вы надо мной смеетесь...

— Некоторых из указанных здесь документов у меня нет...

— Они у вас.

— Да, но не здесь. Было время, когда я ждал обыска, и некоторые документы должен был сдать в верное место.

— Вы их возьмете и доставите к 12 часам завтра.

Иванов позвонил и сказал вошедшему адъютанту:

— Вы отправитесь с графом Витте и получите от него документы по этому списку, часть разрешаю получить завтра. Затем — помните мою инструкцию. Надеюсь, что все будет в порядке. Граф, честь имею кланяться. Попросите г. Бельгарда.

## XII

Вошел добродушный толстяк, начальник главного управления по делам печати. Диктатор радушно подал руку и посадил его против себя.

— Как быть с печатью? — начал он. — Это главная сила и главное орудие смуты.

— Совершенно верно.  
— Пока будет существовать анархистская и вообще революционная печать, ни о каком успокоении умов нечего и думать.  
— Совершенно верно.  
— Неужели нет возможности бороться?  
— Мы и боремся, но при существовании нынешних «Временных правил» наша борьба — это ловля ветра в поле.  
— Понимаю, понимаю. Нужен серьезный закон о печати, а этот господин (диктатор указал на дверь) умышленно связал правительству руки.

— Да. И мастерски связал. Пока действует чрезвычайная охрана или военное положение, борьба еще кое-как возможна. Но в обыкновенных условиях поделаться ничего нельзя.

— Как вам представляется это дело? Есть возможность выработать скоро закон о печати?

— Теперь во всем такая путаница. Комиссия Кобеко кое-что выработала, да все это очень бестолково.

— Я прошу вас высказаться совершенно откровенно относительно моей идеи, которую я хотел бы положить в основу закона о печати. Дело вот в чем. Коренная ошибка всякого законодательства о печати заключается в том, что для законодателя нет литератора, нет писателя, а есть отвлеченный гражданин. Другими словами, под один закон подводят Каткова, Аксакова, Суворина, Стасюлевича и всякого безграмотного писаря или жиденка, которому вздумается издавать газету. Ясно, что на таком принципе никакого закона создать нельзя. Вы даете простор Каткову, и этим пользуется всякий гад. Вы пишете закон для гада и душите Каткова. Думаю, что это ясно. Теперь взгляните, какая страшная сила — политическая ежедневная газета. Никакая кафедра не сравнится по значению. Неужели же любой прохвост, могущий подписать заявление и внести гербовый сбор, имеет право занимать эту кафедру? Да ведь это же вопиющий абсурд!

— Старый закон этого не допускал.

— Да, но старый закон отдавал писателя на суд чиновника и кончил тем, что убил независимую печать и расплодил литературного негодяя и хама. Дело не в концессии, а в том, кто и почему ее дает. Закон должен определить писателя, публициста, выделить его из толпы и ему дать полную свободу слова, а толпу отстранить. Здесь не должно быть места произволу чиновника, а ясный и определенный ценз. Для публициста он должен быть тройкий: *общегражданский*, т. е. добропорядочность, несудимость и т. д., *писательский*, т. е. прежние литературные работы, и, наконец, *нравственный*, т. е. незапятнанная личность. Самый трудный вопрос в том, кто должен все это проверять и давать на газету разрешение. Наилучшая гарантия правильной проверки — ее публичность. Это должно быть нечто вроде защиты диссертации, после которой факультет признает соискателя достойным. Но какой «факультет» является для этого компетентным? Очевидно, роль факультета должна играть здесь коллегия выдающихся литераторов. Если образовать такой постоянный трибунал из людей, имеющих в литературе почтенные

имена, ему можно будет доверить не только проверку прав желающих стать редакторами ежедневных политических газет, но и судебные функции, например, дела об окончательном прекращении изданий. Что вы на это скажете?

— Этот вопрос надо разработать.

— И как можно скорее, — добавил диктатор. — А пока необходимо принять меры к очистке печати на почве существующего закона, или, если это невозможно, придется отменить или дополнить «Временные правила». Думаю, что опыт у вас уже имеется достаточный и проектировать нужные немедленно изменения вы не затруднитесь.

— Разумеется.

— Затем подумайте: нет ли какого-нибудь способа устранить из печати еврея? Ведь главная доля печатной заразы принадлежит еврейским сотрудникам и корреспондентам. Нельзя ли брать с редакций какие-нибудь подписки, что ли? Ведь, пока евреи руководят печатью, она никогда не делается ни чистой, ни честной, ни патриотичной.

— Это очень трудный вопрос, ибо его никак не формулируешь. Вы можете устранить еврея номинально, но не устраните фактически. Он будет писать анонимно. А затем и между русскими всегда найдутся люди, которые за деньги дадут свою подпись и фирму.

— Да! Единственное спасение печати — это выдача разрешений на газеты только истинным, уважающим себя писателям. Другого средства нет.

### XIII

Бельгард откланялся, и в кабинет диктатора направились военный министр Редигер и вызванные командиры воинских частей, ожидавшие в зале. Началось совещание, имевшее предметом отчет о состоянии духа петербургского гарнизона, о готовности войск исполнить в критическую минуту долг присяги, об офицерском и командном составе и главным образом о противодействии анархистской пропаганде и о нравственном возрождении армии, расшатанной и поникшей духом после бесславной войны.

Тем временем интеллигентные кружки Петербурга волновались. Был сделан слишком крутой и резкий шаг, полагавший границу всяким уступкам и колебаниям власти. Нашелся человек, которому Государь вверил всю полноту своей державной власти и поручил успокоить Россию и единою своею волею прекратить смуту и двинуть государство на новый путь. Вчера еще этого человека никто не знал, сегодня он уже повелевает всеми, дает тон всей государственной жизни. Без всяких внешних эффектов, без красивых фраз, в речах диктатора почувствовалась творческая мысль и железная воля. Рассказы передавали с явными преувеличениями о первых разговорах министров. Его фигура вырастала с часу на час в нечто таинственное. Корреспонденты свои и иностранные метались по сановникам и оса-



ждали телеграф. Депутаты Думы, предчувствуя развязку, шумели в своих клубах и фракциях. «Русское собрание» стало самым бойким и оживленным центром Петербурга. В Союзе русского народа шли таинственные совещания, комментировались слова неодобрения, будто бы сказанные диктатором по адресу этого учреждения. Стоустая молва подхватывала слухи и говорила о роспуске Союза как о деле решенном. Учащаяся молодежь, переполняющая Петербург, волновалась, как никогда раньше, но в действиях революционной части петербургского населения чувствовалась растерянность и не хватало единства. Войска и полиция были начеку, готовые предупредить малейшее «выступление».

Ожидали самых необыкновенных событий, но толком никто ничего не знал, и эта таинственность возбуждала умы и поднимала общественную атмосферу.

Вечернее прибавление к «Правительственному Вестнику» принесло несколько «Приказов Императорского уполномоченного», разразившихся как удар грома.

В одном из приказов сообщалось, что академическая автономия не принесла ожидаемых результатов, а потому, впредь до предполагаемой коренной реформы высших учебных заведений, отменяется.

Второй приказ гласил об исключении всех евреев — студентов и вольнослушателей, как организаторов и руководителей смуты, и о высылке таковых из Петербурга в места оседлости в течение ближайших трех дней.

Это был удар в самое больное место «освободительного движения», удар неслышанно смелый. Чтобы отважиться тронуть евреев, нужна была большая решимость и полная уверенность в своей силе. Но диктатор пошел еще дальше и в третьем приказе бросил самый страшный вызов всей передовой дружине революции. Приказ гласил, что, с высочайшего соизволения, приостанавливается действие закона об отмене телесного наказания и что к таковому могут присуждать военно-полевые суды как революционеров, так и обыкновенных хулиганов за проступки, где смертная казнь была бы слишком несоответствующим возмездием. Одновременно расширялась компетенция военно-полевых судов по целому ряду революционного характера преступлений, застигнутых на месте. Сюда относились, между прочим, стачки, всякого рода революционные демонстрации, сопротивление властям, уличные насилия и т. п. За все это категорически предписывались... розги.

Передавали слышанное кем-то будто бы подлинное выражение диктатора: «Ваша революция так глупа и так грязна, что казнь для ее героев слишком большая честь,— довольно и простой порки». Были ли эти слова произнесены или нет, проверить было невозможно, но эта мера вызывала особенное бешенство среди молодежи и революционной интеллигенции, как явное надругательство над «великой» революцией и полное к ней презрение. Но эта злоба была тем более бессильна, чем больше был удар; чувствовалось в атмосфере, что приказ попал в цель и что революция им действительно уничтожена и осмеяна. Трез-

вые и благоразумные голоса высказывались очень смело и определенно: «Вот это дело, давно бы так».

Вечер первого дня прошел в совещаниях диктатора с выдающимися государственными и общественными деятелями. Генерал-адъютант Иванов искал себе по мысли министра финансов, но — увы! — ни между «сановниками», ни среди казенных профессоров не мог найти.

#### XIV

Участь Государственной Думы была, в сущности, решена с назначением ген.-ад. Иванова. Он был слишком военный и слишком здравомыслящий человек, чтобы не понимать всей кричащей нелепости затей графа Витте: в стране, насквозь возбужденной и перебунтованной, сорок лет лишенной всякого проблеска общественной и политической жизни, ненавидящей правительство, как символ бессмысленного гнета и духоугашения, устроить политические выборы, привлечь к урнам не только культурное сравнительно русское и польское общество, но и никакого понятия о государственном деле не имеющее крестьянское население, но и всякую безграмотную и бестолковую инородчину до тунгусов и якутов включительно, широко снабдить весь этот конгломерат надлежащими орудиями агитации и соблазна, поставить во главе бесчисленной красной печати евреев и всяких социалистов и анархистов и ждать, чтобы из этого дикого шаша вышло 500 законодателей, «богатырей» и «лучших людей» земли! Это было очевидное безумие, которое и выразилось в первой Думе. Но правительство не остановилось после этого первого опыта и пожелало его повторить. Получилась та же орда варваров, захватившая большинство парламента, и вся разница с первой Думой была лишь та, что с невероятными усилиями удалось кое-где провести небольшую сравнительно группу правых и умеренных.

Первым сердечным движением диктатора было поэтому желание демонстративно распустить Думу, отменить все наше новое парламентарное устройство и объявить созыв Земского Собора, которому и предложить переработанные заново основные законы с разделением России на крупные области и последовательно проведенным самоуправлением. Но здесь являлось препятствие нравственного свойства. То, что было так легко сделать после первой Думы, после созыва второй не могло не компрометировать верховную власть. Чем можно было бы в этом случае объяснить эту слепую веру правительства в совершенно непригодную для России форму народного представительства? Зачем понадобился этот злополучный второй опыт, когда уже и первого было чересчур достаточно, чтобы убедиться в сделанной ошибке?

Эти соображения, при желании во что бы то ни стало поднять и укрепить престиж верховной власти, связывали диктатору руки по отношению второй Государственной Думы и не позволяли ее немедленно разогнать, как это ни было необходимо в интересах общественного порядка и спокойствия. В самом деле, левая сторона Думы представляла собой готовый главный штаб рево-

люции. Мятёжные организации социалистов и трудовиков подерживали самые тесные отношения с провинциальными революционными кружками, своими корнями все более и более опутывавшими деревню и волновавшими крестьянство. Разрастался голод, росла цена на хлеб, печать изо дня в день помещала зажигательные статьи, и к лету можно было ждать возобновления беспорядков и мятёжей. Все это можно было предупредить только разгоном Думы и восстановлением твердой власти, не знающей никаких колебаний. И от всего этого пока приходилось отказываться, чтобы не давать на посрамление Царского имени и скрепя сердце исполнять существующий, хотя и ошибочный закон.

И вот Иванов решил сделать попытку составить в Думе, хотя бы и искусственно, некоторое благоразумное большинство, которому было бы можно предложить соответственно измененный закон о выборах. Расположение думских партий допускало такую комбинацию: если бы к правым и октябристам примкнули «кадеты» и поляки, это дало бы правительству перевес и позволило бы рискнуть на внесение нового избирательного закона, устранившего из парламента улицу, уничтожавшего совершенно несправедливое преобладание крестьянства и передававшего избирательные голоса в руки более культурных классов.

Вопрос сводился, очевидно, только к согласию «кадетов». За поляков диктатор был спокоен. Областное деление, давая Польше широкое местное самоуправление, отвечало в значительной мере их мечтам об автономии, и, кроме того, поляки уже и без того показали себя совершенно чуждыми революционной левой. Оставались «кадеты».

Диктатор хорошо понимал всю трудность задачи — оторвать эту группу от левых «товарищей». Но, с другой стороны, он совершенно не верил в искренность «кадетского» демократизма и отлично знал, из чего он сделан. Без этого демократизма, без самого бесшабашного заигрывания с левыми, «кадеты» потерпели бы на выборах поражение, совершенно такое же, как мирнообновленцы. Их прошло бы едва несколько человек. Пока выборы в Думу обставлены так, как сейчас, «кадеты» изменить своей тактики не могут. Но теперь от их собственного согласия зависело переделать выборный закон и обеспечить себя от необходимости ухаживания за революционной улицей. Что же касалось главного стремления «кадетских» главарей — пробиться к министерским портфелям, — удовлетворить этому желанию было совсем нетрудно. Пусть только «кадеты» окончательно и бесповоротно разойдутся с социалистами, их либерализм не будет стоять в противоречии с русской государственностью, и из их правой половины могут выйти отличные практические деятели.

Ввиду этого диктатор решил войти в переговоры с лидерами «кадетской» партии и прежде всего с Милоковым.

## XV

Вызов в Зимний дворец Милокова на другой день по появлении грозных приказов диктатора произвел в Петербурге сенсацию необыкновенную.



Диктатор встретил главу «кадетов» чрезвычайно любезно.

— Вы удивлены моим приглашением?

— Ваше превосходительство вполне правы. Что может быть общего между мною и моими единомышленниками и товарищами и вами после вчерашних ваших приказов? Мы отлично сознаем, что сила в ваших руках, и спокойно готовимся ко всяким случайностям. Я не могу себе даже представить, какая может быть у вас почва для разговора с нами? Не за тем же вы меня вызвали, чтобы говорить о погоде...

— Ну, разумеется. Но я думаю, что между нами разговор не только возможен, но и разговор весьма содержательный и плодотворный. Я буду совершенно откровенен и прошу от вас того же.

— Я весь внимание.

— Насколько я понимаю вас и вашу группу, вы боретесь против бюрократического самовластия и полагаете, что можете достичь вашей цели установлением в России конституционного режима по западному образцу и, конечно, в самой совершенной, т. е. самой либеральной, форме?

— Вы определили верно.

— Скажите: из двух опытов с Думой вы не вынесли заключения, что парламентаризм в России невозможен и что работоспособной Думы получить нельзя?

— Нет, не вынес. Нам не хватает истинно демократического избирательного закона...

— Т. е. всеобщей, равной, тайной? Да, но тогда выборы были бы еще менее сознательны и парламент еще бессмысленнее.

— Всякий парламент предполагает борьбу партий и господство одной из них. При всеобщем голосовании партии организуются и будут работать наиболее совершенно.

— Боже мой, все это доктрина, книга! Ну, а совсем без партий вы не предполагаете возможным устройство государства?

— Современного — нет.

— Послушайте, я смотрю шире вашего. Вы хотите отдать бюрократию под контроль народного представительства, т. е. партий. Я хочу вовсе упразднить бюрократию и все основать на самоуправлении. Неужели это не шире? А главное — ведь именно в этом наш национальный исторический путь. Наше государство выросло не на борьбе и не из борьбы. Но для вас все это «славянофильство», которого вы не любите. Поэтому я выскажу мою мысль в практической форме, и тогда вам легче будет сказать: да или нет. Вообразите себе, что Россия разделена на большие области, в своем местном управлении вполне самостоятельные. Области эти составляют государственное единство с царем во главе. Царь окружен только выборными от областей. Никакого бюрократического аппарата вне участия и контроля этих выборных нет, и за центром оставлены только строго определенные государственные задачи. Может ли такой царь оставаться самодержавным или необходимы конституционные ограничения?

— Я не могу допустить неограниченной монархии — это абсурд.

— Ну, хорошо. Мы об этом спорить не будем. Предположим на минуту, что основные законы устанавливают ограничения, хотя бы, например, в виде обязательства для царя соблюдать эти основные законы. Его роль верховной совести, верховного суперарбитра от этого не меняется. Что вы можете иметь против этой схемы?

— Я не могу ее себе представить в действии. Я думаю, что это нечто фантастичное.

— Да, господа, трудно вам отделаться от шаблонов. Но я опять возвращусь к практике, и тогда вы меня лучше поймете. Я хочу вот чего: пусть ваша партия соединится в этом вопросе с октябристами и правыми. Тогда левые будут изолированы, и правительство внесет законопроект о пересмотре основных законов.

— Что же вы предложите?

— Во-первых, полную схему самоуправления, начиная снизу, с прихода.

— С прихода? Вы хотите вероисповедную единицу?

— С территориального прихода для вероисповедного большинства, — твердо ответил диктатор. — При свободе и покровительстве всем вероисповеданиям ни о каких стеснениях здесь речи быть не может. Затем пойдет организация самоуправляющегося уезда. Уезды соединятся в области, где также будет проведено самое широкое самоуправление. Наконец, выборные от областей на основании известного служебного ценза составят из себя высшие государственные учреждения и специальные советы. Все высшее государственное управление будет исключительно в руках выборных земских людей, даже хозяйственная часть армии. Чиновник, как власть, будет совершенно упразднен. Неужели это не шире и не жизненнее западного парламентаризма со всею его ложью и со всею его мерзостями? Неужели ваше русское чувство не подсказывает вам, что вот это и будет наш искомый и желанный тип государства? Да разве такое необъятное государство, как Россия, может управляться иначе? Ведь вы же сами видите, что Россия гибнет и другого средства для ее спасения нет? Скажите же ваш ответ!

— Что я могу ответить вашему превосходительству? У нашей группы политические идеалы и воззрения являются достаточно установившимися, чтобы от них отказываться ради каких-то фантастических построений. Я не могу дать вам ответа даже за себя, да мое личное мнение вам едва ли и интересно.

— Прибавлю вам, что эту схему я считаю единственно верною и спасительною, и я верю, что в этом меня оправдает общий голос народа, который я сумею вызвать. Если я теперь пригласил вас, то только потому, что мне не хочется прибегать к таким крайностям, как распускание Думы. От вас зависит помочь мне всего этого достичь мирно и планомерно.

## XVI

Разговор с Милюковым не привел ни к чему. Попытки столкнуться с другими главарями «кадетской» группы — тоже. Эта

партия не имела мужества порвать с левыми и дать нужное большинство для мирного разрешения вопроса. Оставалось действовать, тем более что со всех сторон поступали донесения губернаторов о том безобразно вредном влиянии, которое производили стенографические записи левых речей в красных газетах, широко распространявшиеся в темной среде крестьянства.

Диктатор не считал достойным правительства и себя подыскивать предлог к роспуску Думы или искусственно вызывать конфликт. Он решил закрыть Думу лично, в простой, но торжественной форме, среди обыкновенного заседания и без малейших полицейских или военных предосторожностей. Ген.-адъютант Иванов слишком верил в силу своей воли и твердо знал русскую психологию. Революция существовала только вследствие трусости перед нею.

32 Шел третий день с назначения Иванова уполномоченным. В кулуарах Государственной Думы господствовало страшное возбуждение по поводу опубликованных приказов диктатора, но в первый раз обнаруживался в рядах левых коренной раскол, и крестьяне, самые, по-видимому, крайние, оставались в еврейском вопросе очень равнодушными. Многие из них говорили даже довольно откровенно, что приказы хороши и что как евреев, так и безобразничающую молодежь давно пора сократить. Главари выбивались из сил сплотить крестьян на активный протест, но те упорно твердили, что их интересует только земля и воля, и не выражали желания рисковать Думой из-за того, что из Петербурга вышлют сотню-другую жидов или «пропищут» кому-нибудь телесное нравоучение. С другой стороны, самый факт назначения Императорского уполномоченного с огромными правами, почти равными Царским, производил сильнейшее впечатление и парализовал всякую охоту к борьбе. За эти два дня репутация человека, абсолютно бесстрашного и с железной волей, успела настолько укрепиться за Ивановым, что у революционных элементов явно опускались руки. Эта же наличность возродившейся столь неожиданно новой твердой власти производила могущественное впечатление на простого мирного обывателя, и он решительно поднимал голову и готов был даже выражать удовольствие.

Заседание Думы шло сумрачно и вяло, когда к Таврическому дворцу подъехала коляска уполномоченного, сопровождаемого небольшим казацким конвоем.

В зале водворилась мертвая тишина, когда вошел диктатор. Правая сторона и часть центра встали. Начали вставать отдельные депутаты и между левыми. Не спеша подошел Иванов к епископам Платону и Евлогию и принял благословение. Затем приблизился к трибуне председателя и тихо сказал несколько слов.

Головин, бледный как полотно, поднялся с места.

— Слово принадлежит Верховному уполномоченному Его Императорского Величества. Слагаю с себя председательство и прошу всех встать.

Головин сошел с трибуны, а за ним поднялся диктатор, остано-



вился и обвел взглядом залу. На крайней левой десятка полтора депутатов продолжали сидеть. Он направил туда пристальный взгляд, и под этим поведующим взглядом медленно и неохотно встало еще несколько человек.

— Всех прошу встать, — тихо произнес Иванов, и эти слова раздались по всем углам огромной залы, до того торжественна была тишина. В голосе диктатора чувствовалась отдаленная приближающаяся гроза. — С Высочайшего соизволения объявляю вторую Государственную Думу закрытой.

Зала словно окаменела. На правой стороне Пуришкевич провозгласил театрально:

— Государю императору «ура!».

Этот крик был слабо поддержан правыми, но Иванов поднял руку, и зала вновь стихла.

— Господа, — произнес спокойно диктатор. — Мы переживаем великий исторический момент. Мне было суждено своей слабой рукой перевернуть страницу русской истории. Дай Бог, чтобы это была последняя страница страшного и позорного для России петербургского периода. В эту ужасную двухсотлетнюю полосу мы забыли Бога, исказили нашу историю, развратили и обезличили наш великий и умный народ. Разросшаяся язва чиновничества и канцелярщины убила в нас истинную свободу, самостоятельность, человеческое достоинство. В христианской, доброй и мирной стране расплодилась ненависть, ослабело и исчезло национальное чувство. Ложь и обман проникли насквозь нашу общественную жизнь, и когда Россия была вызвана на великое испытание последней войны, все наши народные и общественные язвы раскрылись, и у нас не хватило ни старого русского мужества, ни старой силы, ни патриотизма, чтобы отстоять честь и интересы родины. Совершенно естественно и законно тотчас же после первого позора началось наше освободительное движение. Велика и болезненна была народная обида и негодование на тех, кто привел Россию в такое ужасное положение. Понятно, что и у правительства опустились руки, и оно, вчера еще грозное и самоуверенное, вдруг ослабело и бессильно заметалось, ища выхода. И вот тут-то сказалось наше забвение истинных народных основ, наше презрение к велениям родной истории. Правительство сделало последний шаг по ложному западному пути, по которому шло двести лет, и увенчало свои великие исторические ошибки последнюю и самую тяжкую: было дано подобие западной конституции, дважды был собран западного типа парламент. Тем временем поднялись все придавленные и озлобленные общественные силы, легко возбудили оскорбленный, униженный и материально разоренный народ, закон и порядок исчезли, водворилась анархия, и на глазах у всех Россия очутилась на краю пропасти.

Все это естественно и понятно, все это нужно было пережить, но пора же наконец дать место и любви к родине, и здравому русскому смыслу. Заглянем в глубину наших душ, спросим нашу совесть: разве вот это наше собрание обладает необходимою мудростью, верою и нравственной силой, чтобы спасти и переустроить Россию? Огромное большинство вас, господа, в первый

раз слышите о тех важных и бесконечно сложных государственных работах, которые предстоит исполнить. Можете ли вы даже братья за них? Но при этом еще добрая половина из вас затуманена злым и ложным учением социализма, способным только к разрушению и ненависти. А сколько между вами и чуждых России по духу людей, которым наша великая страна ничуть не дорога, ибо была доселе мачехой, а не матерью? Чего же можно было ждать от вас в смысле обновления России?

Мне удалось получить согласие Государя Императора закончить этот печальный опыт русской конституции и парламента. Расставаясь с вами и распуская Государственную Думу, считаю своей обязанностью, как лицо, облеченное высоким доверием Монарха и всею полнотою государственной власти, сказать вам с полной откровенностью, какой путь намечен мною к обновлению России, чего наша родина может и должна от меня ждать, пока Богу угодно меня сохранить, а Царю мне верить и мою работу одобрять.

Ни о каком возврате к старым порядкам нет и не может быть речи. Эти порядки ненавистны всем вам, еще более ненавистны Государю. В основе этих порядков лежало бюрократическое самовластие чиновника, презрение и недоверие к живым общественным и народным силам. Нашей задачей является постановление чиновника на свое служебное и ответственное место и такая организация сил общественных и народных, при которой Царь правил бы Россией в полном духовном единстве с народом. Эта организация и есть наш главный, жизненный и неотложный вопрос.

Дело это верховной властью поручено мне. Оно распадается на две резко разграниченные и совершенно определенные задачи. Во-первых, успокоение России, во-вторых, ее обновление.

Для первой задачи, заявляю это громко, я чувствую себя и подготовленным, и достаточно решительным, и сильным. Моя рука не дрогнет, и ум не смутится употребить всю огромную государственную мощь на восстановление и удержание порядка, и притом полного, безусловного, без всяких послаблений и колебаний. Я слишком горячо люблю мою великую родину, чтобы остановиться малодушно перед самыми крутыми мерами, когда речь идет не только о ее благе и спокойствии, но и о всей будущности, о самом ее существовании. Здесь я не спасаю.

Что касается второй половины задачи — обновления и возрождения России, вы имели бы право считать меня последним из безумцев, если бы я здесь отважился сделать хоть один шаг на основании личной мысли, личных взглядов и соображений. Такое реформаторство, такое сочинительство я считаю тягчайшим преступлением. И если наша бюрократия заслужила нынешнюю всеобщую к себе ненависть, то именно за эту свою преступную повадку реформировать и сочинять, ни у кого не спросясь.

Дело нашего обновления — дело разума всей земли, дело ее совести и правды, и я считаю здесь своей задачей одно — вызвать этот подлинный голос земли, дать простор великому мирскому разуму. Не в несколько недель или месяцев, а спокойно, кропотливо, целыми годами придется перестраивать наше

ветхое государственное здание, перестраивать во всех частях. Безобразно управление, плохи финансы, расстроено просвещение, ослабла военная сила, все плохо, все ждет исправления. И пусть же знают все, что эта работа начнется теперь же, по всем частям; начнется лучшими силами, лучшими специалистами, каких только может выдвинуть Россия. Но, как бы ни были эти люди сведущи и талантливы, как бы ни была хороша их работа, ни одна самая малая часть ее не будет поднесена к подписи Царя и проведена в жизнь без всенародного гласного одобрения. Никакого самовластия, никакого насилия, никакой неожиданности — вот что будет девизом нашего нового законодательства. Готовые законопроекты будут рассылаться на обсуждение земских собраний, городских дум, сословных собраний, биржевых комитетов. Будут собраны, взвешены и распределены все мнения, приняты в соображение все указания. Исправленный и переделанный согласно этому каждый законопроект будет вновь разослан на окончательное обсуждение, и только тогда, когда в нем воплотится и отразится вся народная мысль, со всех концов России, тогда можно будет считать закон созревшим для утверждения и осуществления.

Разумеется, на первую очередь будут поставлены: здравая экономическая политика и организация самоуправления и управления. Затем, когда Россия будет организована, не будет уже надобности в таком сложном ходе законопроектов. Первым делом новой организации будет устройство достойных великой России законодательных органов. Эти органы утвердит и поставит Великий Русский Земский Собор, которому будет предложена на последний просмотр вся огромная всенародная работа.

Вот тот путь, господа, который мне представляется единственно правым, единственно спасительным. И то правительство, которое честно и смиренно будет ему следовать, не заслужит обвинения в насилии и самовластии. Моя личная задача будет: охранять этот путь, не допускать от него отступать, хранить свято заветы величайшего смирения перед народною мыслью и разумом.

Мне нет надобности говорить вам, что я считаю этот путь устройства России возможным только при широчайшей общественной свободе, при полной гласности и при самой твердой охране законности. Я страстно чту свободу, но свободу не для одной какой-либо партии или группы, а для всех, а такая свобода требует строжайшего общественного порядка. Я не менее страстный поклонник свободной мысли, но и эта свобода дается только при ясном сознании правды и важности высказываемого, при строгой ответственности за всякое праздное или вредное публичное слово. Не забывайте, что печатное и живое слово является зачастую еще более сильным орудием разрушения, чем созидания.

В заключение, господа, позвольте сказать вам, что, вступая на новый путь, надо запастись любовью и добром. Повелевая мне распустить Государственную Думу, Государь Император приказал мне передать вам, что он дарует полное прощение и забвение всем политическим преступлениям. Это не значит, чтобы



были немедленно освобождены все те, кто насильственно выбро-  
сился из рамок общественного порядка или запытал свои руки  
кровью и насилием. Это значит, что отныне государственная  
власть будет смотреть на них не как на преступников, а как на  
более или менее тяжело больных, которых надо лечить.

Я кончил, господа, и смиренно прошу у вас прощения за те  
горькие минуты, которые нам всем здесь пришлось пережить.  
Грех лежит на всех нас. Простим же чистосердечно друг другу,  
не затаим зла в сердцах наших и, вступая в новую полосу  
русской истории, проникнемся миром и любовью и будем рабо-  
тать каждый на своем посту для блага родины и во славу нашего  
Самодержавного царя!

Диктатор отдал глубокий поклон собранию и тихо сошел с три-  
буны.

\* \* \*

Страница русской истории была перевернута без шума и  
крови.

## ОТ РЕДАКЦИИ

Невероятное, но по тем временам все же вполне возможное развитие  
событий, развернувшихся перед читателем, и завершённое четкой, почти  
афористической фразой, заставляет наконец вспомнить и обратиться  
к имени, обозначенному на обложке «Диктатора».

Имя Лев Семенов, как уже отмечено, никому и ничего тогда не  
говорило. Едва ли не все российские газеты — правого, левого и какого  
еще там направления — терялись в догадках, но в один голос толковали  
о появлении нового, по всей вероятности, молодого и, вне всякого сомне-  
ния, талантливого журналиста. Между тем автор был не нов, не молод,  
а известности его могли позавидовать многие крупные российские журна-  
листы того времени: за негромким, неярким псевдонимом — Лев Семен-  
ов — скрывался не кто иной, как Сергей Федорович Шарапов.

Имя это уже тогда занимало почетное место в самом авторитетном  
энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Впрочем, тогдашней  
публике вовсе не нужно было заглядывать в словарь: деятельность авто-  
ра — издателя журналов «Русское Дело», «Русский Труд», «Пахарь»,  
сотрудничавшего, кроме того, в крупнейших периодических изданиях,  
в частности, по национальным, финансовым и хозяйственно-экономиче-  
ским вопросам, была широко известна. Но самое примечательное в том,  
что журналистика не была главным поприщем С. Ф. Шарапова, поскольку  
он был и оставался крупнейшим теоретиком и практиком российского  
земледелия.

Редактируемые и написанные им сельскохозяйственные издания, к чис-  
лу которых нужно добавить и отдельные периодические выпуски с харак-  
терными названиями: «Борозды», «Посевы», «Сенокос», «Жатва», «Ози-  
ми» и др., — говорили сами за себя. Между прочим, первая его книга  
«Деревенские мысли о нашем хозяйстве», вышедшая в 1885 году, когда ее  
автору едва минуло тридцать, была снабжена глубоко сочувственными  
примечаниями И. С. Аксакова.

Практическая же сельскохозяйственная деятельность Шарапова, заслу-

жившая ему известность «образцового хозяина», также имеет за собой любопытную историю. Созданный им плуг оригинальной конструкции был специально доставлен в Петергоф для испытаний в присутствии Государя. Шарановский плуг оставил позади знаменитые английские, немецкие и бельгийские, на приобретение которых земледельческая Россия должна была тратить огромные деньги...

Рассказанное вполне объясняет, что выступления С. Ф. Шаранова по вопросам сельского хозяйства, отличавшиеся глубоким профессионализмом, почитались специалистами как наиболее авторитетные. Заметим к слову — только к слову, — что единственным ярым оппонентом, вернее, отчаянным «ругателем» был лишь один автор — некто В. И. Ульянов. Именно он, этот присяжно-поверенный, адвокат, не выигравший, как известно, ни одного дела, учил земледельца, практика и теоретика, сельскому хозяйству. Ну как не вспомнить тут Пушкина, заметившего, правда, по другому случаю, что это было похоже на то, как если бы евнух учил Потемкина любви!.. Но это к слову.

Впрочем — и тоже к слову, — признание талантов и бесспорных заслуг С. Ф. Шаранова можно найти в произведениях В. В. Розанова, в мемуарном наследии А. С. Суворина, Витте, Блока, А. Белого и других не менее крупных фигур времени. Всем этим отчасти и объясняется столь затянувшееся послесловие, к концу своему рождающее, Впрочем, и другие вопросы.

Надо ли спрашивать, разделяет ли редакция позицию автора и многие его оценки событий, здесь описанных? Думается, в данном случае можно обойтись без ответа, как, впрочем, и без самого вопроса, поскольку можно быть уверенным, что и у наших читателей не будет — да и не может быть — на этот счет единого мнения. Есть, впрочем, одно обстоятельство, требующее оговорки особой.

Речь идет, конечно, о таком деликатном деле, как национальный вопрос, всегда остро стоявший в огромной империи, а тогда буквально полярные оценки его, господствовавшие в обществе, стали нормой жизни. Сегодня многие позиции и сама терминология автора звучат дико, но мы не сочли себя вправе делать какие-либо купюры: с одной стороны, потому, что речь идет о существенной и неотъемлемой стороне тогдашней жизни, а с другой — потому, что прошли времена, когда напрочь изымались «национальные» страницы из Достоевского, Лескова, а В. В. Розанова вовсе не печатали. Сейчас их читают полностью, и мир не рухнул.

Остается ответить на последний и, быть может, главный вопрос: для чего, с какой целью традиционно не занимающийся политикой журнал печатает политическую фантазию, написанную почти 90 лет назад, когда предрекаемые там события пошли, как известно, по иному руслу и привели Россию к иным, увы, результатам? А, собственно, и на этот вопрос нужно ли отвечать нынешнему российскому читателю, современнику событий, как бы помягче выразиться, не совсем, но все-таки отчасти похожих или чем-то напоминающих описанное в «Диктаторе»? Не вернее ли будет читателю самому подумать о том, что исторические иллюзии, не вселяющие оптимизма, увы, и сегодня оставляют нам, нынешним, хотя и один, но в двух ипостасях вопрос: на что уповать — на остатки собственного здравого смысла или только на Бога, который не оставит Россию наедине с ее нынешним безумием?





# САМАЯ

# САМАЯ...



**СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ**

**ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА**

Свероят, в Липецкой области живут самые красивые россиянки.

Столетия назад, дескать, здесь, на южных рубежах Руси, селились отборные ратники — и жен выбирали себе под стать. И дети от них — красавцы и красавицы. И внуки, и прапраправнуки с прапраправнучками...

Сотрудницы Липецкого краеведческого музея, несмотря на обилие знаний о родных местах, о такой легенде не слышали, хотя были ею польщены. И мы тоже, взглядываясь на улицах города в липчанок, решили, что они — обычные. Точнее, столь же красивые, как и по всей России...

Русские женщины прекрасны.

А теперь их увозят от нас.

И хоть Липецк в стороне от «караванных путей», за последний год здесь зарегистрировали двадцать международных браков (никто, кстати, не знакомился через амур-

ные агентства — всех судьба свела). Уехали наши девушки в Италию, Германию, Америку... Даже в Японию и Тунис. На девятнадцать покинувших Родину женщин приходится один мужчина — на него польстилась болгарка.

Возможно, кто-то завидует судьбе «ресторанной девушки», которая в середине семидесятых проторила дорожку на Запад: выскочила в свои неполные девятнадцать после недельного знакомства за пятидесятилетнего немца, а теперь ностальгической бюргершей приезжает со взрослой дочерью на Родину... Другие, пусть не зная, но сердцем чувствуя пословицу «Без корня и полынь не растет», остаются дома и выходят за Алексеев, Дмитриев, Иванов и рожают нам Алешенек, Димочек, Ванечек...

Рожают, несмотря на цены, экологию и мужское пьянство, несмотря на статистику, что предрекает шесть разводов на каждые десять свадеб, несмотря на безденежье и бесквартирие.

Да и когда женщине на Руси «за мужем жить» и рожать было легко?

Уж никак не в 1944-м. Тогда обожженный, полуослепший «сталинский сокол», орденосец Виктор Хрусталеv, в летной школе учивший мастерству своих «соколят», влюбился в Надю из сберкассы, и поженились они в обеденный перерыв, и после «росписи» каждый пошел на свою работу. Минувло полвека, и золотую свадьбу играют — сыновья рядом, внуки.

Каждая любовь необыкновенна. И каждая семья, перефразируя Толстого, и счастлива, и несчастлива по-своему.

Она так хотела детей! А как он хотел сына! Но они прожили де-

сять лет — врачи, обследования, знахарки...

Решили усыновить мальчика, прямо из роддома, «отказного». Справки, комиссии; взяли самого слабенького — недоношенного. Выхаживали, обкладывая теплыми бутылочками и прислушиваясь ночами к его дыханию. Они спасли его. И вот когда мальчик уже стоял, смеялся и говорил «ма», она... забеременела.

Бог наградил за самоотверженность и доброту? Теперь в семье два сына-погодка, похожих почему-то друг на друга...

Он влюбился в нее в седьмом классе. Она была его учительницей, ей минуло сорок, и сын ее был его ровесником. Но она была стройная, красивая и веселая, а ее влюбленность в работу он по ошибке принимал за влюбленность в учеников.

Он написал ей записку с объяснением — «Неудачная шутка!». На «огоньке» в девятом классе пригласил ее танцевать; как-то пришел к ней домой с цветами. Не выгонишь — чай усадила пить.

Потом он ушел в армию, служил на Байконуре, забрасывал письмами. А когда приехал в отпуск, они подали заявление в загс...

Вот такие невыдуманные любовные истории происходят на липецкой земле нынче. Любовь не изменилась — да и как могла перемениться?! — за последний век, последнее тысячелетие.

Он увидел ее, двадцативосьмилетнюю, заждавшуюся любви. Сразу понял — судьба. Они обвенчались тут же, в Липецке, не спрашивая благословения родителей. Когда предстали пред очами его отца, столь грозный вид был у свекра, что она упала в обморок...

А вскоре он бросил ее, оставил с маленькой дочкой на руках, прокутив ее состояние.





Обычная история?

Но только время действия — семидесятые годы восемнадцатого века, а действующие лица нечаянно связали своими судьбами два славнейших имени нашей истории: грозный свекор, пред которым «она» грохнулась в обморок, — Арап Петра Великого; маленькая дочка, которую оставил на руках у матери беспутный отец, — Надежда Осиповна Ганнибал, будущая мать Пушкина.

А вот еще один любовный сюжет, случившийся на той же липецкой земле.

Подросток на летних каникулах влюбился в кузину. Были прогулки по парку, касание рук, ночное сидение на балконе... В восторге от яркого чувства мальчик вырезает на молодом топольке свои инициалы.

Почти через сто лет различат этот вензель на состарившемся тополе.



Но штука вся в том, что тот подросток не только ножичком на коре мог выразить чувства, но и пером на бумаге: «...Как немой, смотрел я на тебя с обычной печалью. Не помнишь ты тот миг, как я, под длинной шалью сокрывши голову, на грудь тебе склонил...» За эти — и тысячи других — строки можно простить вырезанный на дереве вензель «М. Л.» — Михаил Лермонтов.

Женщина — покровительница земли русской. В ее честь, в день ее Казанской иконы липчане отмечают в начале ноября День Матери.

Через века, через тысячелетия Россию пронизывает любовь — всепрощающая и щемящая, как изображение заступницы нашей земли.









==  
Боже мой! Откуда  
появились мы?  
Инеем окутан,  
мчит кортеж зимы.  
Кто же в том повинен,  
что белеет след  
доброй половины  
суетливых лет?..  
Но еще не время  
страшного суда —  
в жерновах-мгновеньях  
мелется судьба.

==  
Я помню: целует, шепчет,  
прощается до среды...  
Но плакали об ушедшем  
растаявшие следы.  
А я повела плечами,  
в себе растворяя стон.  
И снова молчит ночами  
мой траурный телефон.  
На шторах красуются тени,  
за стенкой скребутся мыши...  
Распятьями две антенны  
над холмиком нашей крыши.

==  
Эти стихи — мой трон.  
Душу мою не тронь.  
Хочешь, входи в мой сон  
с птицами в унисон...  
В белых покоях дня  
ты не найдешь меня.  
Тихо растает след  
в колесованьи лет.  
У роковой черты,  
среди обреченных дел,  
смерть разведет мосты  
наших забытых тел.

==  
Слышу лет умолкнувших эхо:  
стать ли баловнем успеха,  
или выбрать крестный путь?..  
Только разве в этом суть?

*Здесь, под кожей, предков древо  
тлеет, требуя покоя,  
а в груди вулканы дремлют  
под ласкающей рукою.  
Не сумели мы с тобою  
вместе справиться с судьбою.  
Жизнь меж небом и землею  
закрутилась в коридорах,  
как затянутый петлею  
шарф на шее Айседоры.*

## **ИСПАНСКИЕ МОТИВЫ**

### **1**

*О, родина знойных гранатов —  
стариннейший город Гранада,  
где Карлоса древний дворец —  
обитель разбитых сердец,  
там властвует тайный процесс  
в садах сладострастных принцесс...  
Как будто из средневековья,  
дыханием лета влекомы,  
сквозь чудный орнамент растений  
слетаются женские тени...  
Хранит их вечерний покров  
и пастью разинутый ров.  
Все это из жизни вчерашней:  
бойницы, обзорная башня.  
Скрывает запретный дурман  
арабская вязь мусульман,  
пустые молчат казематы,  
но все же родные пенаты  
и мир поэтический мой  
зовут неотступно домой.  
Заведомо веря в приметы,  
в бассейн я бросаю монету,  
где плещется солнца улыбка  
и где златохвостая рыбка  
сулит и коня, и полцарства,  
и все неземные богатства.*

### **2**

*Только пальмы,  
только море,  
только сосны  
среди скал.  
Милый мой,  
не надо спорить,  
это то,  
что ты искал.  
Забываются обиды,*



встречных глаз  
извечный спор...  
Беспощадная коррида  
наша жизнь —  
мой матадор.  
Здесь столетья напророчат  
утонченные цикады.  
Канут в траурные ночи  
вены вскрытые закатов.



Ты выберешь лето!  
И дай тебе Бог  
не видеть,  
        как кружатся листья  
вдоль этих унылых,  
        бесцельных дорог,  
с которыми нечем делиться.  
Я трону рукою последний цветок —  
упрямый и глупый,  
        но верный,  
как тот со стихами  
        отчайный листок  
на чистом распятыи конверта.  
Да разве у этой печали чужой  
какой-то есть адрес?..  
Я двери  
        открою,  
чтоб ладить с нездешней душой,  
в которую ближний не верит...  
Да полно! Да полно!  
О! Дай тебе Бог  
однажды еще раз родиться...  
Приду в твою жизнь  
без начал и дорог,  
чтоб снова в тебе заблудиться.



Если птица свой вензель опишет  
и покинет обитель к зиме,  
безнадёжно парящие крыши,  
как надгробия, давят к земле.  
Мы иглою, играющей нитью,  
сотворяем очаг и уют,  
чтоб в конце, обрамленный в граните,  
обрести свой последний приют.  
Кто заплачет, кто просто заплатит...  
А затем средь мирской суеты  
доцветают на дочери платья,  
как на свежей могиле цветы.

Красный конь,  
ты мудр и ласков;  
я, глаза твои целую,  
понимаю:  
жухнут краски,  
живодерней  
пахнет  
сбруя.

Холст.

Подрамник.

Люстры.

Взоры.

Восторгаться или спорить?!  
Как хотелось бы прищипорить  
эти медленные шторы.

Чья звезда, мой Бог, парила,  
раскаляясь,

как палитра,  
на рассвете догорая?..

— Дорогой мой!

— Дорогая!

Мчат нас кони.

Это счастье,

лицом  
что,

уткнувшись  
в гриву,

продолжает время  
мчатся

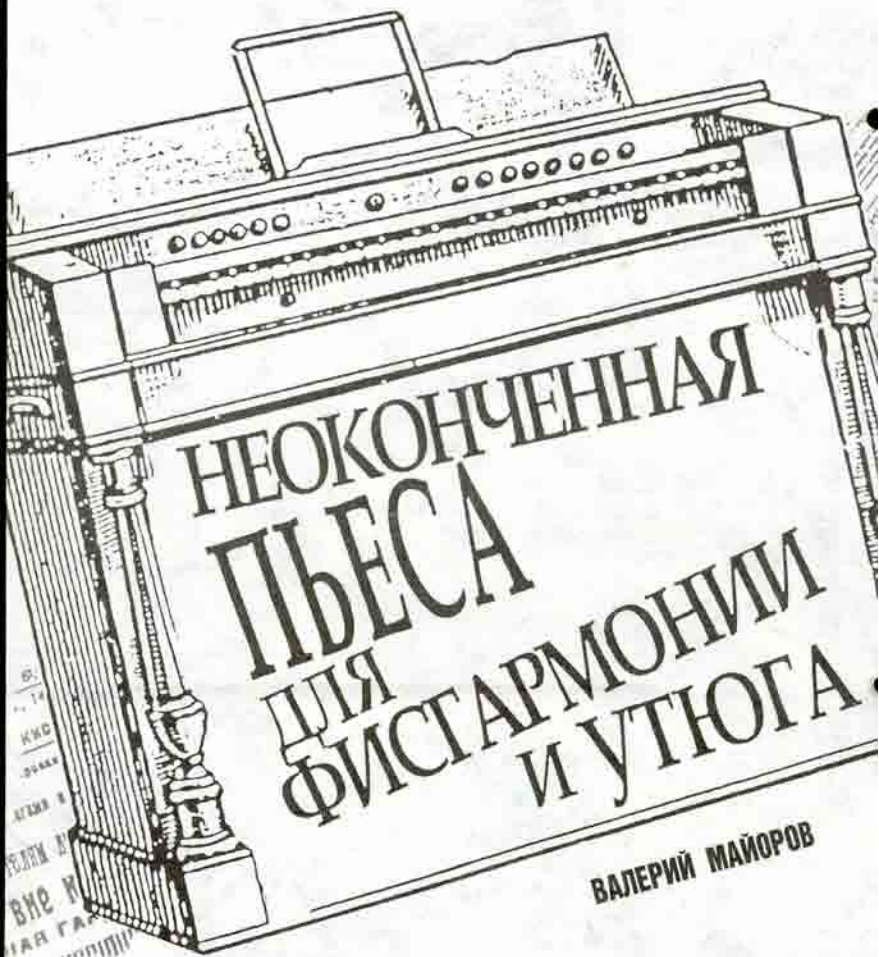
в детство,  
теплое от крика.

А потом — холемый Лондон...

А потом — салоны Кристи...

Упадут на пол холодный  
чьи-то загнанные

кисти.



# НЕОКОНЧЕННАЯ ПЬЕСА

ДЛЯ  
ФИСТАРМОНИИ  
И УТЮГА

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ

**П**оудобнее усевшись в старинном кресле, я осмотрелся.

Меня окружал мир давно вышедших из бытового употребления вещей. Но здесь они продолжают свою жизнь: можно сесть за фисгармонию немецкого или американского происхождения и что-нибудь сыграть, накачивая ножными педалями воздух в невидимые легкие инструмента.

Можно в паз шарманки вставить один из лежащих рядом металли-

ческих дисков с концентрически расходящимися прорезями и, накручивая ручку, слушать, например, знаменитую мелодию «Разлука, ты, разлука!».

У другой стены на столах старинной работы расположились граммофоны и патефоны. А старых пластинок столько, что лишь перебрать — дня не хватит. Есть с автографами Шалапина, Собинова, Неждановой, Карузо, Баттистини, Патти. Есть и с записями вы-





ступлений Сталина. Вот любопытная диковинка — маленький, словно игрушечный, патефончик. Оказалось: «грозное пропагандистское оружие». Выпускались эти портативы в годы Великой Отечественной войны по личному указанию Верховного. Ими снабжались политруки. Вероятно, на предмет поднятия боевого духа...

Услышал я, как звонят колокола — поддужные, подпружные, рынды, ботала. Увидел выстроив-

шиеся, будто на парад, утюги прошлого века, что нагревались от сгоравшего внутри их древесного угля. Во главе строя утюги с высокими, загнутыми на манер паровозных трубами.

А еще превосходная коллекция золотофонных икон. И много разных других предметов, достойных быть описанными в каталоге...

Все это богатство — в Ярославле, в частном музее «Музыка и время».

Создатель и хозяин первого в нынешней России частного музея — артист оригинального жанра Джон Мостославский. Дед его и отец были иллюзионистами. Дед еще с дореволюционной поры исколесил всю прежнюю страну, выступая в цирках, балаганах, шапито.

Отец, тоже циркач, умер сразу же после войны от ран.

Еще подростком Джон стал работать ассистентом-помощником у знаменитого Вольфа Мессинга. А в конце 60-х началась его самостоятельная артистическая биография.

— Коллекционер, можно сказать, «наследственный», — говорит Джон Григорьевич. — И дед, и отец были собирателями. Много привозили из гастрольных поездок. Порой коллекционные вещи находились среди хлама в подсобках клубов и дворцов культуры, где приходилось выступать.

Сейчас Мостославский обладает коллекциями, которые высоко ценятся специалистами-музейщиками.

А его коллекция золотых икон полнее, чем в любом государственном собрании.

Для своего музея Мостославский вместе с тремя сыновьями (конечно, не без помощи областных и городских властей, ярославских коммерсантов) выстроил небольшой особнячок на Волжской набережной. Он уже стал, как говорил мне глава города Виктор Волончунас, достопримечательностью Ярославля. Мне довелось столкнуться в музее с английской парламентской делегацией, которую возглавлял профессор-политолог Рональд Хилл. Он сказал, что восхищен увиденным, что такой музей «не затерялся бы и в Англии», известной своими достижениями и традициями в музейном деле.

Да и Россия по музейной части никогда не была страной отсталой. В каждом дворце или особняке, принадлежавшем знатным особам, не говоря уж о титулованных, размещались персонально собранные историко-культурные ценности: картины, изделия народных мастеров, рукописи, предметы антики. Вспомним, из частного собрания пришло к нам «Слово о полку Игореве» да и другие шедевры древнеславянской и древнерусской письменности.

Но «сиятельных и родовитых», как известно, обошли промышленники и коммерсанты. Вспомним Третьякова, Строганова, Щукина, чьи собрания живописных полотен легли в основу всемирно известных музеев. Причем собрание Третьякова в течение десяти лет перед тем, как власти выделили средства для строительства художественной галереи, было — по всем характерным признакам, включая прежде всего общедоступность, — именно частным музеем. А еще Голицынский и Кокоревский музеи. А музей Дмитрия Бурлыгина, ивановского фабриканта и мецената!..

Рядом со своим домом он построил специальное здание для размещения коллекции образцов тканей, которые выпускались на принадлежавших ему фабриках. После октябрьского переворота новая власть этот музей ликвидировала. Но собрание было передано и по сию пору находится в Ивановском историко-краеведческом музее, привлекая в том числе и чисто деловой интерес отечественных и зарубежных специалистов.

— Пржевальская Россия, — говорил мне заведующий историческим отделом Ярославского историко-архитектурного музея Виктор Алексеев, — была в числе передовых стран Европы и Нового Света. И во

многим потому, что осознавала роль музейного дела в обустройстве цивилизованной жизни.

Да, в той России музеи, рождались усилиями частных собирателей (равно как и повелением государственных особ), в большинстве случаев попадали под юрисдикцию какого-либо министерства. Чаще всего просвещения (что, кстати, весьма показательно). Под сенью этого ведомства сложился ряд ныне широко известных университетских музеев. Например, московский геологический. Или ботанический Казанского университета, обладающий лучшей в стране коллекцией бабочек.

Свои музеи имело Министерство императорского двора (что свидетельствует в первую очередь о ценности собраний). Впрочем, каждое министерство считало престижным иметь под своим началом хотя бы один «профильный» музей.

В отдельную группу можно выделить музеи, что создавались стараниями губернских земских попечительных советов. В 1865 году возник первый в Ярославле «Музей общества для исследования Ярославской губернии в естественно-историческом отношении» (ныне историко-архитектурный). Подобные не подпадали под финансирование из государственного бюджета, содержались за счет пожертвований, меценатства.

Революция семнадцатого года буквально перетряхнула музейные собрания: сколько шедевров зарубежной живописи было продано закордонным музеям и частным лицам; из демонстрационных залов выбрасывалось (в лучшем случае в запасники и спецхраны) все, что так или иначе входило в противоречие с большевистской идеологией.

Вряд ли возможно сделать ка-

кие-то однозначные выводы о нынешнем положении отечественных музеев. С одной стороны, в последние годы во многих больших и малых городах появились новые экспозиции. Вернулись на стенды документы и вещи, долгие годы пылившиеся в запасниках. Обычным явлением стали выставки частных собраний. Но, с другой стороны, нищенские зарплаты «музейщиков», отсутствие средств на эффективную охрану, а значит, кражи, хищения бесценных экспонатов.

И еще: многое терпим мы от непродуманных, непрофессиональных решений, лишенных порой просто здравого смысла. Готовя этот материал, узнал об Указе Президента, предписывающем вернуть во владения Православной Церкви здание на Петровке, занимаемое государственным Литературным музеем. Все было бы в нормах логики, если бы этот музей знал, куда перебраться. Все было бы в нормах нравственности, если бы священнослужители в высоком сане не просто претендовали на некогда отобранные государством строения, но и думали о том, как сохранить уникальное хранилище. А ведь это не единичный пример, в котором проявляются ханжество, наплевательское отношение к культуре и исторической памяти тех, кто, несмотря на красивые декларации, не понимает, что обновленное Российское государство может и должно состояться, образно говоря, не на мечях Ивана Грозного, а на рукописных свитках Ярослава Мудрого.

Павел Бабарыкин, заместитель председателя областного комитета государственной поддержки культуры и искусства, который был главным старателем, защитником и помощником Мостославского в решении юридических во-



просов, связанных со строительством музейного особняка (он расположен в заповедной зоне), обронил в беседе такую фразу:

— Сейчас Джон Григорьевич, можно сказать, расправил плечи, а ведь было время, когда он, несмотря на известность в городе как артиста, преследовался властями за свою коллекцию.

Да, было и такое...

Мостославскому (впрочем, как и другим ярославским коллекционерам) довелось немало натерпеться от тех или иных «компетентных органов», запрещавших частным лицам приобретение, продажу и коллекционирование антиквариата. Можно было бы обойтись без этого горестного воспоминания, если бы оно не имело логических параллелей с нашей действительностью.

От одного из московских собеседников узнал, что в коридорах столичных ведомств, отвечающих за культуру, «бродил» проект документа, которым до выработки особых правил предполагается прикрыть в стране «частные лавочки», имеющие дело с антикварными вещами, нумизматикой, филателией. Не сомневаюсь, что в подобных «фирмах» немало злоупотреблений, что наносят ущерб культурному достоянию страны. Но равно не сомневаюсь и в том, что, загнав эту сферу предпринимательской деятельности в подполье, пресечь ущерб этот не удастся. Потому хотя бы, что рынок коллекционных материалов — самый старый и устойчивый в нашей стране. Он прошел хорошую полуподпольную и подпольную школу, существуя даже в самые неблагоприятные для этого годы, и отличается завидной отлаженностью отношений между партнерами. А вот четких и всеобъемлющих законов о государственных и частных коллекциях

в России нет и в ближайшем будущем не предвидится.

Нет и отечественного исторического опыта по этой части. Как засвидетельствовала в разговоре со мной авторитетный специалист в области музееведения, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского института культурологии Светлана Каспаринская, в нашем отечестве никогда не существовало музейного законодательства — при всем огромном количестве и разнообразии объектов, юридических и физических лиц, которые подпали бы под его действие.

Что же в будущем ждет многие великолепные частные собрания? Такие, например, как некогда знаменитая коллекция открыток Тагрина, о плачевной судьбе которой я писал в одном из предыдущих очерков...

Не боясь ошибиться, скажу, что в каждом городе есть собрания, имеющие национальную значимость, даже если она, условно говоря, местного масштаба.

Впрочем, местный масштаб и есть самое главное в жизни. Именно на таком уровне мы теряем все. Или находим все.

И пример тому — ярославский частный музей «Музыка и время».

К сожалению, пример пока что единичный...

# ✚ Красный Крест России ✚

## ОБЩЕСТВЕННАЯ АССОЦИАЦИЯ ЗАЩИТЫ ИНВАЛИДОВ И СИРОТ

### ОАЗИС

Служба «**ОАЗИС-Информ**» бесплатно сообщит номера телефонов фирм и организаций Москвы, занятых:

- продажей модной повседневной и рабочей одежды и обуви, швейных машин и другой бытовой техники, теле- и радиоаппаратуры;
- всеми видами ремонта;
- оказанием медицинских и се-стринских, юридических, банковских и нотариальных услуг, а

также сообщит телефоны курсов, в том числе аудиторских, бухгалтерских, иностранных языков, стенофонографии, компьютерной техники, ювелирных, скорняжных мастеров, мастеров по ремонту телевизионной, холодильной, мото-техники и т. д.

#### Контактные телефоны:

(095) 464-10-82, 379-73-04, 126-09-96 (офис),  
с 10 до 15 часов, кроме выходных.

Служба «**ОАЗИС-ТРУД**» готова помочь вам в поиске мест трудоустройства с учетом вашей специальности, квалификации и индивидуальных склонностей. Приглашаем здоровых, частично утративших трудоспособность. Обслуживаем москвичей.

Контактные телефоны: (095) 372-86-16, 113-94-92, 126-09-96,  
с 10.00 до 15.00, кроме выходных.

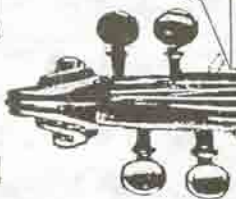
#### ЕСЛИ:

вам нужны квалифицированные специалисты;  
вы готовы проявить милосердие и сострадание;  
вас интересуют значительные льготы по налогам —

служба «**ОАЗИС-ТРУД**» оперативно подберет для фирм и организаций Москвы (строительно-ремонтных, медицинских, учебных, юридических и других) необходимых работников, в том числе инвалидов, имеющих возможность эффективно трудиться в условиях вашего бизнеса. Готовы предложить услуги опытных переводчиков и программистов.

#### Контактные телефоны:

(095) 372-86-16, 113-94-92, 126-09-96 (офис).  
с 10.00 до 15.00, кроме выходных.



АНДРЕЙ КУЦ

# СКРИПЯЧ НА КРЫШЕ

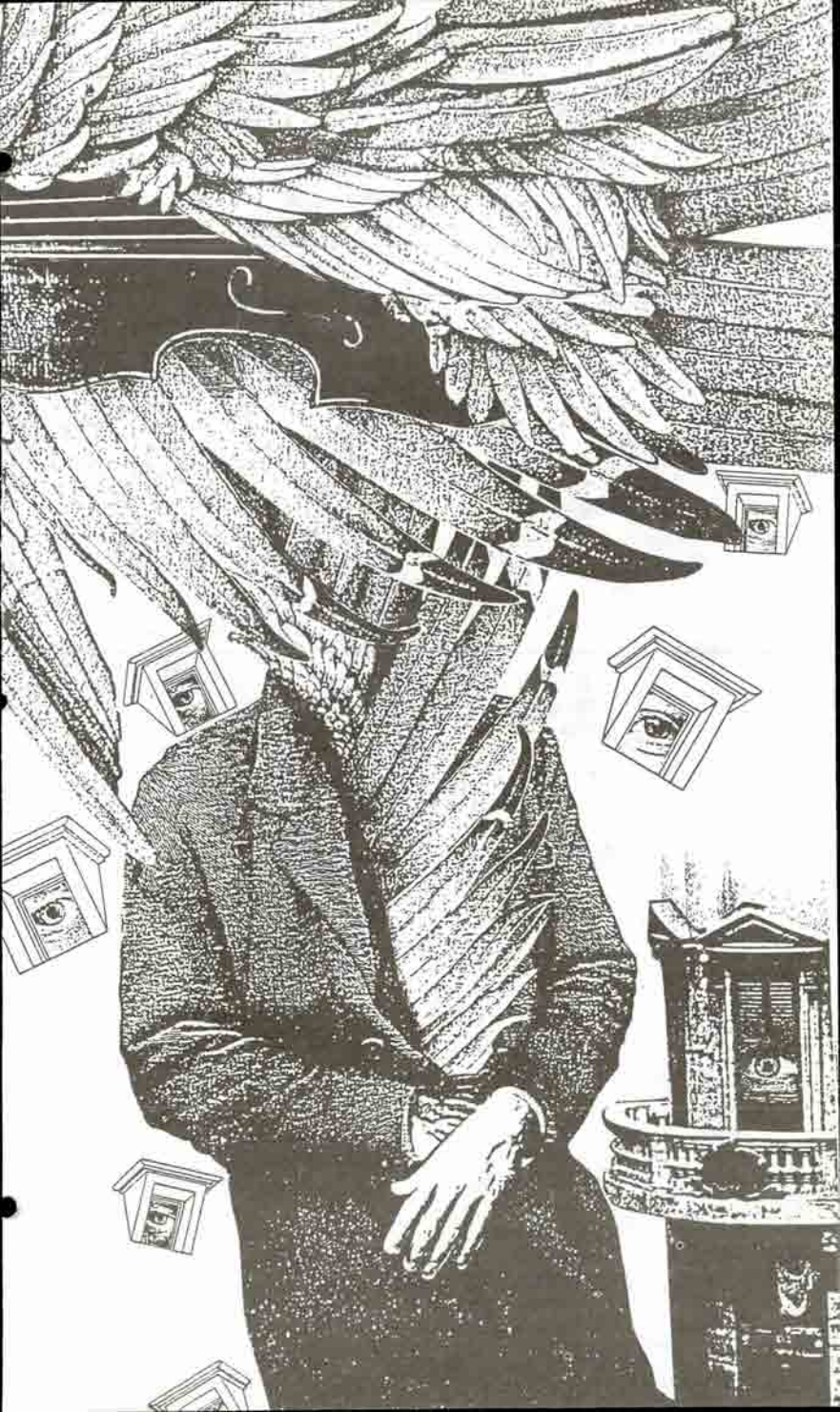
56

Ассистент режиссера не любил серьезную музыку и ничего в ней не понимал. Любому оркестру он предпочитал дворовую гитару и полагал, что при отсутствии четкого ритма самые гениальные музыкальные произведения превращаются в погребальное бречание. Поэтому капризы его шефа, всемирно известного продюсера Альмао Криветто, казались ему непонятными. По мнению ассистента, с лихвой хватило бы одного-единственного дубля, да и вообще можно было обойтись без профессионального скрипача. Разве симпатяга главный герой не постоял бы точно так же на крыше со скрипкой в руках, разве не смог бы он вот так же сладострастно закрывать глаза, якобы в экстазе от своей игры? Конечно, смог бы. А в любой студии звукозаписи вам достанут любой концерт, любого исполнителя, даже Паганини поднимут из гроба, только плати «зеленые».

Но режиссер, как все гении, немножко идиот, требовал чего-то сверхъестественного и пожелал для последней сцены профессионального скрипача, причем талантливого, чтобы запечатлеть руки настоящего музыканта, силуэт настоящего музыканта, его позу в момент эйфории. И звук должен обязательно записываться вживую, а не в студии, и исполнять скрипач должен обязательно седьмой концерт Байдуэна, потому что именно эта композиция отражает в полной мере всю трагедию человеческого бытия.

Все скрипачи, которых находил ассистент, играли на крыше шестнадцатизэтажного дома. Съемки велись из окна гостиницы напротив, и жалобное пиликанье, постоянно звучавшее за окном





и из динамиков, которыми был напичкан гостиничный номер, сводило ассистента с ума и наполняло отвращением ко всей музыке, даже к ранее любимому «кантри». «Завтра же куплю скрипку и медленно, по щепочке, превращу ее в мусор», — с ожесточением думал он к концу сорок второго дня съемки сцены на крыше.

Да, эту сцену снимали уже сорок два дня. Шестидесят четыре дубля! Шеф забраковал четырех лучших в мире скрипачей: Альгорда, Синуэтто, Блюма и великого Тхарга, даже его затаскали на крышу. Правда, за такие деньги сам ассистент играл бы на чем угодно и где угодно, хоть на верхушке Эйфелевой башни. На музыкантов потрачено уже пятнадцать миллионов золотых, все получили свои гонорары, но ни один из них так и не угодил режиссеру.

— Чтобы я, неповторимый Криветто, привез на фестиваль этот вой мартовских котов, — сокрушался шеф всякий раз, когда ставил крест на очередном дубле. — Да меня сожгут на костре и будут правы.

Ассистент скрипел зубами и снова кидался на поиски гения.

А ведь поначалу казалось, что фильм снимут на одном дыхании. Так и было до этой проклятой крыши. Актеры играли бесподобно, сценарий легкий, денег выделили много... И вдруг, на тебе, последняя сцена снимается столько, сколько снимался весь фильм. Еще неделя, и терпение дружного когда-то коллектива лопнет. Многие уже перешептывались по углам, а некоторые вслух высказывали свое «ай-яй-яй» деспотичному руководству и грозились пожаловаться в профсоюз. Будет очень (очень!) жаль, если съемки провалятся из-за одной дурацкой сцены.

Фильм действительно имел все шансы стать победителем фестиваля. Увлекательный, красивый и в то же время простой сюжет. Много стрельбы, много любви — и какой любви! — всего за полмиллиона перед камерой разделась сама Сюзи Картер!

Но, конечно, сладчайшей изюминкой фильма станет главный герой. Ассистент подобрал его буквально на улице и попал в точку. Высокий, стройный, обворожительный брюнет, рядом с которым сам Аполлон — недоношенный ребенок. И сыграл свою роль замечательно.

Криветто же показал себя, как всегда, на сто баллов. Настоящий мастер, он сумел из обыкновенной капли дождя сотворить стихию, из простенького, казалось бы, банального сценария слепил настоящую поэму. Главный герой, именитый скрипач, по нелепой случайности оказывается в курсе дел мафии. Целых две серии бандиты преследуют его, попутно убивая и разрушая всех и вся, и наконец настаивают на крыше высотного здания. Герой чувствует, что скоро умрет, вынимает из футляра скрипку и дает свой последний концерт. Бандиты плачут, актеры плачут, зрители рыдают, аплодисменты, цветы, астрономические гонорары — в общем, все прелести славы.

И вот из-за чрезмерной придирчивости режиссера этого может не произойти. Сорок второй день, а сдвига никакого.

Великий Тхарг, загримированный, в черном теплом пальто,



в парике, пятый час жарится на крыше и водит смычком по струнам, как напильником по железной болванке.

— Ну разве это игра, разве так должна звучать музыка Байдуэна! — стонал Криветто.

Он сидел в кресле, обхватив голову руками, и даже не смотрел на противоположную крышу, лишь страдальчески покачивался всем телом. На него жалко было смотреть.

Оператор напряженно вглядывался в глазок камеры и жевал при этом резинку. Выражение его лица говорило о том, что он с удовольствием сменил бы сейчас кинокамеру на винтовку с оптическим прицелом.

Ассистент бродил из угла в угол и изредка мотал головой, пофыркивая, как после стакана водки. Если режиссер забракует и этого скрипача, следующего придется искать на Марсе.

— Патрон, — в который уже раз взмолился ассистент, — жители гостиницы грозят пожаловаться в мэрию. Если съемки продолятся еще несколько дней, то Тхарга на самом деле пристрелят. Почему бы нам не взять тридцать второй дубль, ведь он не такой уж плохой...

— И освещение отличное, — вставил оператор.

— И выгладит Блюм куда лучше этого... — презрительно кивнула в сторону крыши костюмерша.

Режиссер зарычал, поднял голову и обвел всю компанию взглядом, от которого обычно перегорают предохранители и лопаются лампочки.

— Я вам уже триста раз повторял, — сквозь зубы процедил он. — Либо мы найдем действительно гениального музыканта, либо фильма не будет. Ни-ког-да! Я не повезу на фестиваль фальшивку, потому что...

«Ну, началось». — Ассистент закатил глаза.

Еще пять минут они выслушивали, что именно он, талантливейший Криветто, поднял отечественную кинематографию на недостижимую высоту, что это его, неповторимого мастера, зрители любят и почитают, матери благодарят за детей, воспитанных на его фильмах, что он скорее умрет, чем позволит поставить свое имя рядом с этой «оперой голодных волков»...

Оператор с шумом выплюнул жвачку и сильнее прижался к камере. Его челюсти дрожали, кожа на лысом черепе дымилась.

— Если он сейчас не сыграет, как надо, завтра будет пиликать под дулом настоящего пистолета с настоящими пулями, — с ненавистью прошептал он.

Ассистент с интересом посмотрел на мужественный бритый затылок оператора. Вообще-то он не любил бывшего морского пехотинца за его тупую силу и дурацкий фанатизм, но сейчас ассистенту захотелось обнять широкие плечи и слюняво поцеловать небритую щеку.

— Все на сегодня! — рявкнул Криветто.

Все с облегчением вздохнули, правда, полного облегчения не было, ведь фильм так и остался недоделанным.

— Кальмари, — обратился режиссер к ассистенту, — отнеси



этому горе-гению чек и передай, что он неповторим... все рыдали... город у его ног.

Кальмари взял чек и сделал все так, как было приказано. Тхарг покинул страну с чувством удовлетворения, хотя так и не понял, почему его заставили играть одно и то же несколько раз, ведь и в первый раз он сыграл, как всегда, отлично. Скрипач не знал, что музыка Байдуэна — любимая музыка режиссера и угодить ему очень сложно. Криветто чувствовал, переживал в этой музыке каждую ноту, и если она исполнялась не так, режиссер негодовал. Тхарг исполнил ее не так. Он просто мастерски сыграл, а надо было на пять минут стать Богом.

Вечером ассистент пришел в номер Криветто. Тот тупо смотрел в телевизор и, по-видимому, не желал разговаривать.

— У меня есть кое-какие соображения по поводу... — начал издалека Кальмари.

Режиссер даже не шелохнулся.

— Я предлагаю воспользоваться советом нашего оператора. Он хоть и туп, но иногда...

Криветто не ответил. Он не помнил слов, произнесенных шепотом во время съемок.

— Давайте сыграем вживую... давайте поставим скрипача... перед дулом...

Режиссер повернул голову и посмотрел на Кальмари. Ассистенту показалось, что на лице шефа промелькнула хищная улыбка, и он пожалел, что начал этот разговор. Кажется, режиссер тоже на пределе и готов расстрелять всех музыкантов мира.

— Делай, что хочешь, — спокойно произнес старый, добрый, но изрядно уставший Криветто и опять уткнулся в телевизор.

На следующий день Кальмари объявил всем, что группа распускается на месяц. Выполнение плана требовало времени.

Антон разложил оставшиеся медяки на длинной ладони. Всего девять. Он потер каждую монету пальцем, переложил их на другую ладонь, но от этого их не стало больше. Девять медяков. Что можно купить на девять медяков в этом городе? Бутылку коньяка или бутылку дешевого вина и пачку сигарет или пообедать в паршивом ресторанчике? Самое разумное, конечно, купить ласты и палочку для почесывания спины. Антон даже улыбнулся от этой мысли, хотя, честно говоря, для улыбок причин вовсе не было.

Неделю назад его выгнали из оркестра. Это третье увольнение за последние шесть месяцев. Дирижер пожал ему руку и сказал: «Я так и не понял, что у вас не в порядке, мсье Скобицин, — зрение или слух? Того, что вы играете, в нотах нет».

Антон не обиделся на старого дирижера, потому что тот был прав. Скрипач ненавидел ноты и считал, что играть музыку по нотам — это то же самое, что готовить еду по рецепту или писать стихи по программе. Он никак не мог заставить себя во время концерта непрерывно смотреть в нотную тетрадь. Стоило мысли уйти немного в сторону, и пальцы начинали бегать по струнам сами по себе. А в результате даже самые неприкосновенные произведения классиков извращались Антоном так, что только

уху изощренного слушателя могло уловить в этих звуках нечто до боли знакомое. Антон ничего не мог с собой поделать. Наверно, он был болен, и, вполне возможно, его болезнь называлась талантом. Но дирижер никак не хотел понять этого и разделял точку зрения негодующих фанатиков: любая импровизация с классическими произведениями преступлению подобна.

Однажды Антон пытался заняться сочинительством. Быть может, думал он, его причуды таят в себе талант композитора? Но ничего из этого не получилось. Его создания в лучшем случае были видоизмененными шедеврами, написанными много лет назад и не им. «Я всего лишь обыкновенный реконструктор, — решил про себя Скобицин, — который хочет изменить то, что изменению не поддается».

Еще некоторое время Антон сидел на скамеечке в тенистой аллее, размышляя над тем, как разумнее использовать остатки увольнительного пособия. Наконец он сделал выбор и вышел на проспект. Зайдя в первый попавшийся магазин, купил бутылку дешевого вина и пачку сигарет. Сигареты были в мягкой упаковке, что позволило Антону сэкономить одну монетку, на которую он взял в киоске газету бесплатных объявлений. Без денег, но с товаром он вернулся в полумрак желтеющей аллеи и расположился на скамеечке, уже несколько дней служившей ему домом.

Антон поставил бутылку на футляр со скрипкой и долгое время смотрел на нее, как влюбленный смотрит на предмет своего воздыхания. Нет, он не считал себя пьяницей, он просто любил выпить. Потому что вино несло ему настроение, в котором он забывал о своей бедности, о невезении, о больной матери в трехстах километрах отсюда, о полном одиночестве в этом убогом, запущенном, не поддающемся исправлению мире. В минуты легкого опьянения Антон помнил только о музыке. Как-то невероятные блуждающие мотивы возникали в его голове, и руки сами тянулись к футляру. Он превращался в изолированного от внешнего мира гордеца, спрятанного под оболочку человеческого тела. Из этого состояния всякий раз его выводили либо милиционеры, либо разгневанные горожане. А однажды он очнулся от того, что какая-то старушка влепила ему пощечину и громко сказала:

— Прекратите издеваться над Паганини, молодой человек, в вас нет ничего святого.

Антон не обиделся на нее хотя бы потому, что она услышала в песне его души отголоски творения великого мастера. Тем не менее ему пришлось удалиться из центра города и поселиться здесь, на окраине, в лоне деревьев узенькой, грязной и пустынной аллеи.

«Пожалуй, пора», — сказал он себе и зубами открыл бутылку.

Вино оказалось очень сладким и пахло горелой резиной. Антон сделал несколько глотков и закурил. Это мгновение, когда опьянение еще не наступило, но восприятие мира уже начинало меняться, было самым лучшим. В такие минуты он сидел неподвижно, уставившись в одну точку, и внимательно прислушивался к своим ощущениям.

Вдруг взгляд Антона упал на желтые страницы газеты, только что купленной в киоске. Антон довольно часто покупал ее, когда в кармане водились деньги. В его душе еще теплилась надежда, что люди не всегда думают о наживе и желудке, а иногда вспоминают о возвышенном, нематериальном субстрате бытия. Ведь что-то толкает их в огромные концертные залы и заставляет платить большие деньги за билеты.

Антон искал работу и верил: его последний концерт еще не сыгран. Он надеялся на богатого дяденьку, которому уже ничего не надо от этой жизни, кроме красоты. Дяденька обязательно поймет Антона и оценит его музыку.

Обычно в разделе «Работа» требовались трудолюбивые, красивые, сильные, умеющие печатать на машинке, ремонтировать унитазы или раздеваться в присутствии жирных, потных и облизывающихся толстосумов.

Однако на этот раз одно из объявлений заслужило того, чтобы Антон, глотнув вина, отложил бутылку в сторону.

«Всего за один скрипичный концерт плачу полмиллиона золотых. Об условиях спросить у пана Симинского по адресу: Хлорвиниловая, 9-36».

Что это: шутка или прихоть выжившего из ума богача? Антон рад бы был поверить в последнее, но его вера в красивое безумие людей держалась на очень тонкой нити и почти не имела прав на существование.

Он скомкал газету и бросил ее на землю. Шутка не стоила бутылки дрянного вина, от которого Антон не собирался отказываться.

А если это все-таки не шутка? Полмиллиона золотых! Да за такие деньги можно купить домик на берегу моря и до самой старости наслаждаться звуками скрипки в лучах красного солнца, опускающегося за темно-синий горизонт. Во всяком случае, оставшиеся три четверти бутылки можно спрятать здесь же, под ворохом опавшей листвы, чтобы, вернувшись, вечером посмеяться над собственной доверчивостью и продолжить празднество. Ведь он ничего не теряет.

Антон поднял газету и нашел заинтересовавшее его объявление. Хлорвиниловая — это где-то на другом конце города. У него как раз будет время поразмыслить над собственной глупостью и вволю насладиться ожиданием попойки.

Антон спрятал бутылку, схватил футляр и вышел на проспект, где сел на подоспевший автобус.

Он занял свое любимое место у заднего окна, откуда открывался отличный вид на город. Антон любил этот город, хотя тот не был ему родным и часто приносил неприятности. Но ведь неприятности приносят люди, живущие в городе, а сам город — его дома, площади, фонари — не желал Антону зла. Наоборот, именно город создавал в его сердце те неопишуемые настроения, когда Антон становился невидимым в желтом свете фонарей и мягком сентябрьском воздухе, сильным и безразличным к своему будущему.

«Однако ты, братец, нахал, самоуверенный нахал, — пожурил Антон самого себя. — Ты решил возвыситься до божества, не



сделав в этой жизни ничего, заслуживающего внимания. Выделил себя из толпы, а толпу записал в разряд жвачных животных. А может, на самом деле ты просто завидуешь им? Злишься потому, что в кармане твоём нет ни одной монеты, а люди не падают перед тобой на колени и не целуют тебе руки. Признайся, ты ведь хочешь быть одним из них?»

Антон посмотрел на сосредоточенные, озабоченные, озлобленные лица сидящих в автобусе, выползающих из «лимузинов» толстяков и холёных мальчиков, прогуливающих на улице, и попытался представить себя на их месте. Мелкая рябь отвращения пробежала по всему телу.

«Нет, ребята, — облегченно выдохнул Антон, — быть среди вас я не соглашусь ни за какие деньги. Да и деньги мне нужны только для того, чтобы иметь возможность ненавидеть вас еще больше. Ненавидеть за то, что вы добровольно отдали себя во власть этих зеленых бумажек, променяли музыку на курицу-гриль и двигатель внутреннего сгорания... Цивилизация, которая перестала ценить музыкантов, скоро станет преклоняться перед гровщиками».

Антон сильнее прижал футляр к своей груди. Скрипка была единственной материальной вещью, которая железными прутьями привязывала его к этому миру... да еще, пожалуй, бутылка вина под одеялом из желтых листьев.

Очнулся он от того, что объявили его остановку. Кстати, очень вовремя, так как рядом прозвучало противное «предъявите ваши билеты». Антон выскользнул на тротуар, не желая вступить в пустые переговоры с контролерами.

Девятый дом находился совсем рядом, и уже через несколько минут Антон робко нажимал кнопку звонка на обитой дерматином двери с номером 36. Хозяином квартиры оказался дряхлый серый старик, укутанный в клетчатый плед. Его портрет не имел ничего общего с тем образом миллионера, который Антон взрастил в своем воображении. Да и к ценителю музыки отнести его было нельзя. Такие старички обычно первую половину дня стоят в очереди за газетами, а вторую половину читают их. В перерывах они варят манную кашу и ругаются с соседями.

Хозяин смерил Антона взглядом с ног до головы. В этом взгляде читалось нескрываемое презрение к молодому человеку как к представителю своего поколения.

Надо признаться, «представитель» выглядел не лучшим образом. Длинное черное пальто, когда-то довольно экстравагантное, требовало в лучшем случае ремонта, а в худшем — нафталина и покоя. Длинные черные волосы слиплись сосульками, а недельная щетина оттеняла впалые глаза, придавая «представителю» жутковатый вид.

— Чего тебе? — не очень вежливо спросил старик.

— Я по объявлению, — виновато ответил Антон. После такого откровенного изучения своей внешности он действительно почувствовал себя виноватым.

— Много вас тут по объявлению. Приходят, читают, уходят, — проворчал старик и пошел в глубь квартиры, предварительно бросив: «Иди за мной, бездельник».

Антон попал в темную комнату, заставленную какими-то бочками и картонными ящиками, на которых крупными буквами было написано «ХЛЯВНИКИ 7». Он хотел спросить, что такое «ХЛЯВНИКИ 7» и чем они отличаются, например, от «ХЛЯВНИКОВ 6», но побоялся.

Старик долго копался в таком же дряхлом, как и он сам, шкафу и при этом говорил, говорил, говорил: о том, что в его молодости все было не так и люди были не те, молодежь была вежливой и работала от зари до зари, а стариков почитали и кланялись им в пояс, что макароны не разваривались и на улицах было чище, а конфеты были слаще.

Наконец он достал толстый конверт и грубо сунул его Антону, вспоминая в этот момент закопанную бутылку и проклинавшему всех стариков мира, независимо от цвета кожи и вероисповедания.

Слава Богу, у хозяина что-то зашипело на кухне, и он, шаркая тапочками, помчался на звук, как акула на запах крови.

Антон отыскал среди «хлявников» хромое кресло, сел в него и открыл конверт.

В нем было письмо, напечатанное на лазерном принтере. Бумага на ощупь говорила о фешенебельных дворцах, а содержание письма — о палатах психбольницы.

«Дорогой друг, когда вы прочтете это письмо, то скорее всего рассмеетесь и уйдете восвояси, потому что предложение мое более чем странное и обыкновенному, нормальному человеку не скажет ни о чем, кроме как об извращенности стариковской натуры. Что поделаешь, когда наступает старость, начинаешь понимать, как бездарно прожита жизнь. Появляется чувство, что ты не успел приобрести что-то очень важное, но в то же время не можешь сказать точно, что именно.

У меня много денег. Так много, что, купив Дворец Слез, я не истрачу и десятой доли своего богатства. Но не нужен мне Дворец Слез — вот в чем беда.

Я очень стар, и дни мои сочны. Глядя на свой счет в банке, мне хочется плакать. Всю жизнь я зарабатывал деньги, не считаясь ни с кем и ни с чем. И хотя совесть моя почти чиста, я понимаю, что цель жизни не достигнута. Миллионы золотых так и не принесли мне удовлетворения.

Долгое время я не мог понять, откуда эта неудовлетворенность, и в неведении бросался из одной крайности в другую. Покупал дорогую вещь и тут же менял ее на еще более дорогую. Уезжал в самый красивый уголок мира, но сразу же мчался в другой, еще более красивый. Когда вы состаритесь, вы меня поймете. Страшно умирать, не обретя покоя.

Однако несколько месяцев назад я понял, чего просит моя душа. Понял и ужаснулся, потому что она просила, требовала греха взамен на покой. Я гнал от себя ужасную находку, но так и не смог от нее избавиться и потому прошу вас: сжальтесь над стариком, продайте мне свою жизнь.

Если вы настоящий музыкант, музыкант от Бога, вы встретите смерть как великое наслаждение, потому что только смерть даст право сотворить бессмертный шедевр.

За свою долгую жизнь я видел много людей и могу с уверенностью сказать, что только перед смертью человек близок к сотворению чуда, а настоящий музыкант перед смертью в силах создать божественную музыку.

Несмотря на мою испорченность деньгами, я не остался в стороне от прекрасного. Я в полной мере могу восхищаться прекраснейшими картинами, фильмами, женщинами, но больше всего меня волнует музыка, а особенно гениальные творения Байдуэна. Современники не оценили его творчество, и в этом их беда. Его седьмым концертом невозможно не восхищаться, и я восхищался им почти полвека. Но в последние годы я все больше и больше стал убеждаться, что никто из великих музыкантов не исполнял и не исполняет музыку Байдуэна так, как она была задумана. Поверьте мне, у меня богатая фонотека, и ошибки здесь быть не может.

К сожалению, все мои деньги не в состоянии поднять из могилы самого Байдуэна и заставить его исполнить свои творения по-настоящему. Если бы это было возможно, я не оставил бы себе ни монетки.

Размышляя над тем, как добиться невозможного, я пытался совершенствовать мастерство музыкантов силой денег, но деньги оказались плохим стимулятором. Самые известные скрипачи играли передо мной, играли прекрасно, но достичь вершины не смогли. И тогда я пришел к выводу: только смерть взметнет душу мастера на недостигаемую высоту. Ощущение того, что играешь последний раз в жизни, играешь перед Богом, превращает творца в кудесника. И может свершиться чудо!

Итак, если вы разделяете такую странную на первый взгляд точку зрения, вот мои условия:

- 1) Вы должны быть скрипачом.
- 2) Вы должны понимать и любить музыку Байдуэна.
- 3) Вы должны быть готовы умереть.

Поверьте, совершив чудо, вы сами не сможете жить на белом свете, потому что лучше вам уже никогда не сыграть. А я не смогу себе позволить оставить вам жизнь, потому что когда-нибудь обязательно захочу еще раз повторить эксперимент.

Если на все три пункта вы ответили положительно, попросите у пана Симинского еще один конверт».

Антон вложил письмо в конверт, откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза...

Ослепительный всплеск молнии. Бушующее море. Огромные волны с сокрушительной силой обрушиваются на прибрежные скалы и разбиваются в мокрую пыль. Скалы привыкли к безумству жидкого мира и равнодушно взирают на пенящуюся стихию. Миллионы равнодушных глаз, в которых нет ничего, кроме сонного бессмыслия. Но среди них ярким огнем вспыхивают редкие искры сумасшедшей мечты, раскалывающей гранит на мельчайшие невидимые трещины...

Антону вдруг стало необычайно хорошо от того, что в городе существует этот выживший из ума старик, который на самом



краю между жизнью и смертью обратился к нему с просьбой о помощи, пусть даже такой странной.

Что такое жизнь? Это всего лишь скучный отрезок времени между рождением и смертью. Только сами рождение и смерть являются по-настоящему интересными событиями. К сожалению, мы не в силах управлять своим рождением, но ведь смерть в наших руках. И не надо ее бояться. Не лучше ли превратить смерть в торжественный фейерверк по случаю финиша, в буйство фантазии, в овацию души...

Антон вздрогнул. Ему стало страшно. Он понял, что не сможет удержаться от этого шага, и дело вовсе не в деньгах. Не о них он сейчас думал, а о громе литавр и труб над облаками, о своем коротком величии...

Байдуэн был его любимым композитором. В музыке этого забытого всеми чудака каждый звук подразумевал в себе тысячи других звуков и просто вынуждал к импровизации. Антон мог часами исполнять пятиминутный седьмой концерт, каждый раз играя так, как того требовало настроение — Любовь, Ненависть, Хандра, Сон. Но на этот раз он хотел сыграть Смерть... Нет, черт возьми, он сыграет Жизнь. Да, именно жизнь, такой, какой она должна быть, а не такой, какой ее рисуют философы, историки, экономисты.

— Ну что, прочитал? — спросил вошедший в комнату пан Симинский, прихлебывая на ходу из дымящейся кружки. На его морщинистом лбу выступили крупные капельки пота.

Антон посмотрел на него невидящим взглядом и не ответил. Он был весь во власти своих мыслей.

— А если прочитал, то проваливай. Мне на тебя смотреть нет никакого удовольствия, — проворчал старик и вырвал конверт из обмякших рук скрипача.

Антон неожиданно улыбнулся, будто вспомнил что-то далекое и приятное.

— А дайте-ка мне, уважаемый пан, второй конвертик, — жизнерадостно произнес скрипач и, сам не зная почему, подмигнул старику.

Пан Симинский оторвал поблекшие губы от кружки, и на лице его появилось выражение то ли уважения, то ли страха. Разумеется, он не знал ничего о содержании письма, потому что был всего лишь посредником, которому платили за визиты таких оборвышей и волосатиков, как Антон. Просто этот молодой человек оказался первым, кто попросил другой конверт и тем самым нарушил привычный ритуал «прочитал — ушел».

«Интересно, — подумал Антон, — как вели себя те, кто приходил до меня?»

Старик молча достал из шкафчика второй конверт. Так же молча протянул его скрипачу и быстро-быстро поспешил на кухню.

Второе письмо было чисто техническим. В нем говорилось, что такого-то числа в таком-то часу Антон должен подняться на крышу такого-то дома по такой-то улице, встать в месте, обозначенном крестиком, спиной к восходящему солнцу. Ровно в семь утра он должен коснуться струн смычком и исполнить седьмой

концерт Байдуэна. Когда скрипка издаст последний звук, прогремит выстрел, и короткий, ничем не примечательный жизненный путь Антона Скобицина на этой земле оборвется.

Еще в письме говорилось о черном пальто и парике, которые он должен взять у старика, чтобы надеть во время концерта на крыше. Зачем это было нужно, Антон не понял да и не хотел понимать, так как и черное пальто у него имелось и черный парик ему ни к чему, ведь он брюнет.

Кроме письма, в конверте лежал чек на полмиллиона золотых. Его нужно только заполнить своей рукой: указать фамилию и адрес получателя, то есть большой матери, которая была единственным родным человеком.

— Может быть, пан хочет кофе? — спросил старик, но Антон отказался.

Отказывался он и от пальто с париком, однако пан Симинский настоял на своем.

— Мне велено передать, а уж как вы с этим поступите, не мое дело. Хоть выбрасывайте.

Пальто было очень дорогое и выглядело куда приличнее, чем его собственные обноски. Антон согласился, снял свое пальто, надел бесплатную обновку, после чего, сжимая в руке ненужный парик и драгоценный футляр, молча вышел. В мыслях он уже был на крыше, хотя до последнего концерта оставалось чуть больше трех дней.

А на другом конце города его ждала почти полная бутылка сладкого вина...

В просторном гостиничном номере, где расположилась съемочная группа, разгорелась война за обладание глазком кинокамеры. Оператор вышел покурить, и теперь каждый хотел воспользоваться случаем, чтобы поближе разглядеть нового скрипача. Взрослые люди хватали друг друга за локти и пыхтели, наливаясь краской. Добравшись до окуляра, каждый из них, то ли искренно, то ли в угоду режиссеру, выражал свое восхищение:

— Да, хорош...

— И где вы только такого нашли...

— Он даже красивее, чем наш главный герой...

Никто из присутствующих не был посвящен в авантюрный план Криветто и его ассистента, и поэтому все считали, что Антон — неизвестное юное дарование, найденное в стенах консерватории.

Криветто стоял несколько в стороне от основной массы и нервно пощипывал ус, хотя тоже остался доволен внешним видом скрипача и снова поверил в удачу...

Поначалу он с недоверием отнесся к абсурдному предложению ассистента и посчитал план слишком драматичным и сложным. «В мире значительно больше сумасшедших, чем вам кажется, шеф, — брызгая слюной, доказывал ассистент, — на десять нормальных обязательно найдется один с придурью. Так неужели из тысячи идиотов не будет хотя бы одного, который прочтет нашу газету и не откажется от такой возможности плюнуть всему миру в лицо?..» На что Криветто справедливо возражал: «Да, но этот

идиот, как минимум, должен уметь держать скрипку в руках». Ассистент приводил десятки самых различных доводов и даже пытался обучить шефа основам теории вероятности. В конце концов Криветто сдался, а сейчас понял, что поступил правильно.

Скрипач действительно был хорош. Темные большие углубления глаз, слегка длинноватое лицо, в меру впавшие щеки, прямой классический нос и густая копна натуральных черных волос заставляли верить в скрытую гениальность музыканта. Сам Криветто был убежден, что внешность человека является отражением его внутреннего мира.

Антон сидел на плоской крыше в самом центре нарисованного белой краской креста и курил, положив футляр на колени. За его сгорбленной темной фигурой поднималось большое красное солнце.

Криветто пальцем поманил к себе ассистента и тихо, чтобы никто не услышал, произнес:

— Сегодня декорационные выстрелы в воздух отменяются. Боюсь, как бы скрипача не хватил сердечный удар. Представляешь, каково ему сейчас там... Когда съемка закончится, отнесешь ему чек еще на миллион и извинишься... Впрочем, нет, приведешь его сюда, я сам с ним поговорю.

— Осталась минута, — громко объявила вторая ассистентка, и все заметались по комнате. Только оператор был спокоен, потому что не верил, что этот скрипач окажется удачнее предыдущих. Огорчало его только распоряжение режиссера снимать через закрытое окно. Это же неудобно.

Антон взглянул на часы, встал и посмотрел прямо в то окно, из которого на него таращилась кинокамера. Криветто даже показалось, что их взгляды встретились. По спине режиссера побежали холодные мурашки. «Не может быть, — с ужасом подумал он, — он никак не может, не должен знать, он просто не может видеть нас...»

Криветто зря беспокоился. Антон действительно не мог видеть их, так как, во-первых, ассистент заранее позаботился о том, чтобы в окно номера вставили специальное стекло, через которое не видно, что делается внутри, а во-вторых, в этот час все окна гостиницы отражали лучи восходящего солнца и ничего не могли рассказать об обитателях номеров постороннему наблюдателю.

Антон медленно прошелся взглядом по окнам. Ему очень хотелось, чтобы на его последнем концерте присутствовало много зрителей. Пусть они не аплодируют ему, пусть не кричат «Браво!», не бросают цветы. Ему нужна всего лишь щепотка внимания, потому что свой последний концерт он посвятил им, людям.

«Эй вы, — хотелось крикнуть ему, — оторвитесь от телевизоров и тарелок, вылезайте из-под одеял и из ванн! Я хочу рассказать вам правду о вас! Я хочу огорчить вас, пожалеть вас, потому что вы никогда не будете счастливыми! Вы ищете счастье под ногами, а оно здесь, на крыше!»

Ни одно из окон не открылось, и никто не выглянул.

Но Антон знал, что у него есть по крайней мере один слушатель — сумасшедший старик, который по-своему тоже несчастен.



Единственный выход для него: умереть в тот миг, когда он нажмет спусковой крючок.

Так попробуй же прицелиться глазами, полными слез!

Где-то в центре города башенные часы пробили семь раз. Антон посмотрел на раскинувшийся у его ног город, который он так любил, и положил голову на скрипку. Смычок коснулся струн.

Если говорить о настроении музыки Антона Скобицина, то больше всего к нему подходит ощущение полета, хотя полет, настоящий полет, а не пассивное созерцание облаков из иллюминатора самолета, не знаком человеку, природой обделенному крыльями. Лишь во сне мы получаем редкую возможность парить в прозрачной голубизне воздушного моря.

На этот раз это был настоящий полет. Полет большой гордой птицы над такими же гордыми и величественными горными вершинами.

Антон действительно походил на большую парящую птицу с черными крыльями развевающегося пальто, с проникновенным взглядом хищника и гордой орлиной осанкой. Он был счастлив, как никогда, и ждал смерти именно сейчас, на этой крыше.

То, что он играл, мало походило на седьмой концерт Байдуэна, созданный сотни лет назад. Это была Жизнь. Жизнь птицы в человеческом обличье. Но если бы не Байдуэн, вряд ли у этой птицы выросли бы сейчас крылья.

Кальмари не любил серьезную музыку, но для себя отметил, что операция «скрипач на крыше» прошла на «отлично», а следовательно, съемку фильма можно считать завершенной. Он уже стал подумывать о том, как отметить это событие, но его планам помешал непредвиденный случай.

Музыка, исходившая из динамиков, вдруг оборвалась. Все бросились к окну и увидели, как скрипка медленно вываливается из рук скрипача, а сам он неслышно оседает на бетонную поверхность. Вскрикнула костюмерша, кто-то бросился к телефону.

— Да не волнуйтесь, это всего лишь обморок, — поспешил успокоить коллег Кальмари.

Тяжелая рука режиссера схватила ассистента за ворот рубашки.

— Если с ним что-нибудь случится, я задушу тебя, — хриплым голосом произнес Криветто. Слезящиеся глаза его горели ненавистью.

Антон умер. То ли от перенапряжения, то ли от разрыва сердца, а скорее всего от того, что просто должен был умереть.

Фильм завоевал все призы фестиваля, но Криветто эта победа удовлетворить не могла. Он чувствовал себя убийцей.

Перед началом демонстрации режиссер хотел рассказать зрителям о последнем концерте Антона Скобицина, но осекся, увидев в первом ряду ухоженного круглого мужчину, опущенного в мешок, именуемый фраком. Толстячок что-то жевал и равнодушно рассматривал декорации, изредка позевывая. Криветто понял, что не сможет проникнуть в это сердце под толстым слоем жира, и, махнув рукой, ушел со сцены и... из кинематографии.



СВЕТЛАНА СОЛОЖЕНКИНА

# ЗВЕЗДА

## НА КУПОЛЕ СИНеМ

Как-то меня пригласили в редакцию журнала «Родина»: надо было вычитать гранки одной статьи. Ожидая, когда их принесут, я рассеянно перелистывала подшивку редакционных журналов. И вдруг в номере первом за 1965 год наткнулась глазами на незнакомое имя: Мария Вега. Подборка стихов... Стала читать, и первые же строки заворожили меня светлым лиризмом, своим, ни на кого не похожим видением мира:

*Летом на чердаке —  
Светлые кудри стружек.  
Паук лежит в гамаке  
Из самодельных кружев.*

Это из стихотворения «Детство». А дальше пронзительные строки о матери:

*Была у меня сероглазая мать,  
Но мне запретили ее вспоминать,  
И только осталось о прошлом, о ней,  
Что пела она, как поет соловей.*

Почему «запретили»? Как можно запретить вспоминать о матери? Какая горькая и прекрасная судьба стоит за этими скупыми строками:

*Я долго блуждала в тумане пустом,  
И жизнь протекла, как вода под мостом.  
Но вечером к правде мы ближе всегда.  
Чем глубже колодец, тем ярче звезда.*



Стихи Марии Веги так захватили меня, что на гранки принесенной наконец статьи я взглянула с досадой и недоумением. К чему все это? Важно одно: узнать, кто такая Мария Вега, где ее искать? Мне ответили, что найти ее можно: талантливая поэтесса Мария Вега волею судьбы в ранней юности оказалась за границей, долгие годы прожила во Франции, какое-то время — в Майами, а теперь вот уже несколько лет вместе с мужем Михаилом Максимилиановичем Лангом живет в Швейцарии, в Берне... Комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом время от времени печатает в своих изданиях ее стихи.

Я немного приуныла. Надо ли напоминать, что в ту пору такого свободного общения с заграницей, как сейчас, не было. И все же я упросила переслать через Комитет мое письмо Марии Веге, в котором выразила восхищение ее стихами. Послала ей также свою небольшую книжечку стихов, фотографию. Получить ответ особенно не надеялась. Но Мария Вега отозвалась, ведь для нее мое письмо явилось как бы весточкой с далекой, но незабываемой Родины.

Завязалась переписка. Мы обменивались стихами, своими и чужими, фотографиями, книгами, воспоминаниями...

Были и непосредственные встречи: когда Мария Николаевна, получив литературную премию Комитета по культурным связям с соотечественниками за поэму «Кирилл Радищев» (потомок нашего Радищева, герой французского Сопротивления...), смогла вместе с мужем посетить Москву и Ленинград. Я познакомила Марию Николаевну и Михаила Максимилиановича со своими друзьями-поэтами, они, в свою очередь, «подарили» мне своих давних друзей...

Они мечтали вернуться на Родину навсегда. Михаил Максимилианович, увы, не дожил до этого дня. А Марии Николаевне удалось приехать в Ленинград, где и прошли последние годы ее жизни в ДВС — Доме ветеранов сцены, когда-то основанном знаменитой русской актрисой Марией Гавриловной Савиной. Это произошло в 1975 году, а в 1980-м она умерла.

Все эти годы наша связь не прерывалась. Письма, поездки, снова письма, стихи, стихи... И вот передо мной лежат три толстых папки. В них письма Марии Веги с 1968 по 1980 год. Тринадцать лет листок за листком собиралась удивительная эпистолярная книга... И каждый раз меня с новой силой охватывает ощущение, что творческое общение с Лангами дало возможность прожить еще одну, неповторимо увлекательную, насыщенную множеством событий жизнь...

Звездами становятся не сразу... Сначала Мария Вега была просто Мусей Вольтинцевой. Родилась она в Петербурге 15 июня 1898 года. Мать ее была певицей... Но... Как мы уже знаем, девочке в раннем детстве «запретили ее вспоминать». Отчего? Что заставило молодую женщину покинуть маленькую дочь, оставить семью? Романтическое увлечение? Приверженность сцене?

*О, эта женщина,  
Такая же, как все:  
Рот полумесяцем,*

И невеселый смех,  
 И смутных крыльев проблески,  
 Но вниз влекущий страх,  
 И вечно поиски  
 Впотьмах, впотьмах:  
 Мне этой женщиной  
 (Она как дым прошла),  
 Не жемчуга завешаны,  
 А только два крыла.  
 Сказала: «Вспыхни заревом,  
 Птенец мой, полетев!»  
 Лететь заставила,  
 Сама — сгорев.

Так много позже, в 1933 году, напишет Мария Вега...

Отец Муси Волынцевой — отставной офицер — был по-своему человеком весьма одаренным: прекрасно рисовал (этот талант передан и дочери), математику не просто знал, но делал в ней свои открытия. Что до поэзии, то... лучше процитирую письмо Марии Николаевны: «Приведя строчки «Я пришел к тебе с приветом рассказать, что солнце встало», Вы заставили меня вспомнить моего отца, удивлявшегося тому, что поэт считает нужным заявлять об этом «в рифму». Но это просто к слову пришлось, а уж на отца моего как на ценителя стихов никак нельзя сослаться. Он честно говорил, что никогда не смог одолеть «Онегина». Одно произведение своей дочери офицер Волынец, впрочем, ценил и нередко цитировал. Маленькая поэма, которую Муса сочинила и торжественно преподнесла «дорогому Папи на мои одиннадцать лет» (орфографию сохраняю авторскую):

Повсюду видно Бонапарта,  
 Иль в шляпе, или в сюртуке,  
 В его руках, конечно, карта,  
 Сраженье будет при реке.  
 И вдруг французы победили,  
 Никто не понял почему,  
 Всех немцев наповал убили,  
 Живых же бросили в тюрьму.

Забавно... Но, между прочим, именно отец помог уже взрослой дочери выбрать себе такой звучный, красивый псевдоним: Мария Вега.

Несмотря на полное равнодушие отца к поэзии, стихи частенько звучали в доме. Иначе и быть не могло. Ведь девочка росла в артистической среде. Одна бабушка, Александра Карловна Брошель, была драматической актрисой в Александринском театре, другая — балериной в Мариинском. А крестная мать Муси — Мария Гавриловна Савина. Теперь понятно, что возвращение в ДВС, в приют для актеров, созданный в свое время Савиной, было отнюдь не случайностью...

Знакомство с театром произошло у Муси очень рано, и «театральная тема», вошедшая позже в ее творчество, тоже далеко не случайность. Придет время — и в Русском театре за рубежом с успехом пройдут пьесы «Великая комбинаторша», «Король трюф», «Ветер», «Суета сует»... Своими руками сделает она

декорации к ним, причем оформление понравится публике не меньше самих пьес. Мария Вега вспоминала потом: «...один акт этой пьесы, между прочим, был приобретен Москвой. Мне прислали магнитофонную ленту, которую я храню как реликвию. Играли артисты МХАТа, Театра сатиры и Театра Вахтангова. Должна сказать, что парижская труппа, в которой играли старики Павлов и Греч — бывшие артисты МХАТа, а также их ученики и хорошие актеры эмигрантской пражской труппы того же МХАТа, была на высоте, и что самое интересное: прослушавшая московскую игру, я удивилась полной одинаковости исполнения, настолько и те, и другие одинаково поняли свои роли и автора. Как мне все это было приятно и сколько волнения, когда первый раз была поставлена лента и заговорили живые голоса!»

Но все это будет годы спустя... Пока же восьмилетняя Муся в имени теткинх друзей готовится к своей первой инсценировке «Василисы Прекрасной». Не важно, что «русский лес» состоял главным образом из ... пальм и олеандров, горшки с которыми садовник, посвященный в «артистические» детские секреты (спектакль ставился в полной тайне от взрослых!), притащил ночью в усадьбу. Не важно, что вместо черепов на частокоче вокруг избушки Бабы-Яги красовались на двенадцати шестах довольно странные белые бумажные шары с горящими внутри свечами. Но сколько счастья! «Царевич в отцовском охотничьем костюме, который был ему невероятно велик, все время делал вид, что крутит усы, намазанные жженой пробкой, и подбирал падавшие штаны, но в последнем акте, когда Баба-Яга исчезла и пошла зажигать бенгальский огонь, мы с царевичем стояли, обнявшись, в густом дыму и верили в свою неотразимость».

74

Через год после этого «дебюта» Муся Волынцева поступила в Павловский женский институт. Самое яркое воспоминание институтских лет: она, двенадцатилетняя, танцует на балу с высоким подростком Михаилом Лангом — он учился тогда в Морском корпусе... Жизнь надолго разведет их, Мария Вега прочтет в Париже траурное извещение о гибели лейтенанта Михаила Ланга и не поверит ему. Она будет ждать, искать, верить и на закате дней все-таки найдет своего лейтенанта. Он подарит ей топазы, привезенные с Цейлона, увезет в Майами, а потом они проведут десять счастливейших лет в Берне. Любовь, огромная и прекрасная, как закат... Перед смертью Михаил Ланг пожелает, чтобы его прах был развеян над Черным морем или над Балтийским заливом. Мария Вега выполнит эту волю и пожелает быть похороненной так же.

В 1920 году Мария Вега вместе с отцом оказывается в эмиграции, во Франции. Начиная с тридцатых годов ее имя становится известным — и не только во Франции, но и в Бельгии, в США. Она издает три сборника стихов — «Польнь», «Мажор в миноре», «Лилит», а также два романа — «Бронзовые часы» и «Бродячий ангел». Об успешных постановках ее пьес мы уже говорили.

На одном из публичных чтений — Мария Вега познакомила парижскую литературную публику с отрывками из романа «Бронзовые часы» — присутствовал сам «Иван Великий», как



называли в эмиграции Бунина. На комплименты, как известно, он был скуповат, но, выслушав то, что написала Мария Вега о русском лесе, выразил свое одобрение: «Вот как надо писать!» Думается, стоит привести это «стихотворение в прозе» целиком:

«Русский лес — стихия. Думая о нем, надо отрешиться от всех лесов земли, и страшных, и очаровательных, зажмуриться, забыть Шварцвальд, забыть кудрявые леса Франции, с тротами фей и останками аббатств; забыть о джунглях, об Аляске, о Канаде и смотреть изо всех сил в то дальнее стеклышко, спрятанное в тайниках памяти, сквозь которое увидишь забытый и забываемый русский лес. Не думайте ни о чем, что делает его специфически русским: почернелая богомолка, мужик с вязанкой хвороста, нестеровский пастушок с его лаптями, дудкой и пегой телкой; забудьте глубоко врезанную в черную землю колею от расхлябанного колеса, и лошадей, выезжающих в «ночное», и Хоря с Калинычем, и вурдалака, и врубелевского Пана и прислушайтесь к простым словам: «И смолой, и земляникой пахнет темный бор». Почему они так волнуют? Почему так остро дают почувствовать именно русский бор — тульский, черниговский, костромской, со всей его темной, сочной, жуткой и упоительной глубиной, а не французский лес и не скандинавский, хотя они также пахнут смолой и земляникой, те же в них корявые пни, курящиеся на закате болотца и свечки подосиновиков в тонкоствольной чаще. В чем же дело? А в том, что и смола, и земляника, и горящий на солнце мухомор, и могучее дыхание земли в России совсем другие... Но какими словами изобразить ту смесь запахов, красок, сказочности, печали, древности, дикости и торжественного покоя, в которую душа погружается, медленно закрывая глаза, при воспоминании о лесе своего детства, о русском лесе?»

Память сердца неизбежна. Столько лет прожив в чужих краях (гражданства своего Мария Вега, впрочем, так и не сменила), она сумела сохранить в первоизданной яркости и чистоте всю ту «смесь запахов, красок, сказочности, печали, древности, дикости и торжественного покоя», которая — кратко — и есть Россия. Эти запахи и краски оживали на ее полотнах (картины Марии Веги выставлялись в парижском Салоне), царили в стихах, и недаром первый ее поэтический сборник, изданный на Родине при содействии Комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом, был назван «Одолень-трава».

*Одолей, трава-одолень,  
Все, что в жизни неодолимо...*

«Даже то прекрасное, что удалось повидать в разных странах, мне уже ничего не говорит, если и сохранилось. Был в моей жизни день (кажется, я вам уже об этом писала?), когда я ощутила себя настолько пропитанной и пресыщенной готическими соборами, что перестала их видеть. Только снаружи, как часть пейзажа, они еще что-то говорят, но тут уже первое место принадлежит не им, а освещению, соотношению тонов, пропорциям. Только Россию, такую неизведанную, такую необыкновенную, я была бы готова пешком исходить, и на это не хватило бы

длинной жизни. Меня на импрессионистов заманить невозможно: всем им предпочту московский переулочек, низкий старый домик за забором, тоненькие осенние деревья, огромное московское небо».

Михаил Максимилианович — я называла его Крылатым: за его одухотворенность и счастливый дар до глубокой старости оставаться молодым — всецело разделял это стремление к «неизведанной» России. Их интересовало все: картины, выставки, театральные постановки, лекции о поэзии, которые я в те годы читала — даже диссертацию мою в четыреста страниц «Пейзаж в русской советской поэзии. Двадцатые — тридцатые годы» они одолели поистине героически, с лупой в руках! — встречи с людьми, нравы, судьбы, лишь бы это касалось России. Пластинки, книги, открытки, рисунки шли в Берн бесконечным потоком, а они все просили меня: «Присылайте, присылайте свет в конвертах».

После смерти Михаила Ланга жизнь в Берне потеряла для Марии всякий смысл. Все окружающее казалось ей «картонными декорациями», жить стало не на что да и незачем... Между тем налоговые чиновники, квартирохозяйева и вся армия торжествующей «пошлости людской» терзали ее, как могли. «А ведь я, кажется, поэт! Разве поэта так затаптывают? — недоумевала она, и все помыслы ее были об одном: чтобы «сероглазая вечная Мать» услышала, позвала...

И это свершилось! Никогда не забуду день ее возвращения на родную землю. Мы встречали ее в Шереметьеве в разгар лета, но... с валенками, русскими валенками, о которых она так мечтала!

На двери комнаты Марии Веги в ДВС нередко висела табличка: «Я РАБОТАЮ». И она действительно работала! В 1978 году в Москве вышли ее «Самоцветы». Сколько было радостных хлопот!

А вот стихи, собранные в книгу «Ночной корабль», увидели свет в 1982 году, уже после смерти автора. Мария Вега умерла 27 января 1980 года, собираясь в Москву с подготовленной рукописью. Уже лежал на столе билет; позвонив мне накануне, она сообщила о часе приезда, добавив: «А я вам что-то интересное везу в подарок!» Я никогда не узнала, что же на этот раз она собиралась мне подарить... Ее подарки бывали экзотичными — так, однажды это оказался кокосовый орех, драгоценными — огромный топаз, из тех, что когда-то подарил ей Крылатый, просто милыми и заботливыми — красный японский зонтик, белый пуховый капор. Она подарила мне все свои книги с трогательными надписями, всех своих друзей, «атлантов Петербурга» — Икара и Клевера, в Москве ввела меня в дом Евгении Александровны Ланг (двоюродной сестры Крылатого), прекрасной художницы, ставшей на годы моим большим другом... Что же еще могла она подарить мне в свой несостоявшийся приезд?

Но, что бы это ни было, самый прекрасный подарок — она сама. Звезда, надолго озарившая мою жизнь. Навсегда!



*Подслеповатое окно  
Да комната в четыре метра —  
Вот жизнь моя. И я давно  
Забывла шум лесного ветра.*

*Оборван день мой, искалечен,  
Как недоконченный рассказ,  
Но почему в нем каждый час  
Такою музыкой отмечен?*

1930



*У кого бессонница,  
У кого любовница,  
А кому все помнится  
Боевая конница,  
А у тех по комнате  
Мысли, что паломницы,  
Черные и белые,  
Бродят до зари.  
Молится и мается  
Род людской.  
Это называется —  
Ночь. Покой.*

1933



*Если ночью, глухою, व्यоженной,  
Умирает чужой, ненужный,  
Незнакомый от страшной чумы, —  
Ты не бойся заразы, тьмы,  
бездны, гибели.*

*Выйди просто,  
Помоги ему. До погоста,  
Если нет родных, проводи,  
А потом сторонкой уйди,  
От прохожих лицо скрывая,  
И не думай, что стоишь рая.*

1932

ОЛЬГА

*Имя Ольга прозвучало глухо,  
И плотней сомкнулась тишина,  
Словно бережно коснулась слуха  
Нежная и страшная струна.*



Ольга — это детство, это ревность,  
Это снег, и музыка, и грусть,  
Это вся языческая древность,  
Вся лесная, княжеская Русь.  
Буйных пург струится белый полог,  
Канули пути в иочную тьму...  
Ольга — это ледяной осколок  
С темных окон в сонном терему.  
Снятся мне глаза, слегка косые,  
Бронзовые, скифские черты,  
И, когда мне говорят: «Россия», —  
Спрашивает сердце: «Ольга, ты?..»

### ПЕРЕУЛОК

Если в сердце моем уцелели  
Темно-красный, с колонками, дом,  
У забора косматые ели  
Да сугробы в тумане седом,  
Если вылились в святочном воске  
И остались со мной навсегда  
Переулок Николо-Песковский  
И на куполе синем звезда, —  
Разве бедным стихом обозначу,  
Разве сделать живую смогу  
Ту любовь, что не вижу иначе,  
Как цветком на московском снегу?

### РОССИИ

Возьми мой талант, и мои неуставшие руки,  
И опыт, и память, и гнева отточенный меч,  
И верное сердце, что выросло в долгой разлуке,  
И строгую лиру, и мягкую женскую речь.

И порох возьми, что стучал о холодные плиты  
Чужих городов, и веками накопленный клад,  
И краски моей, нищетою расцвеченной, палитры,  
И парус скитальца, лохматый, в узоре заплат.

Сложи их на площади, в снежном твоём Ленинграде,  
Костер запали, пусть огонь высоко заблестит,  
И легкими стаями к небу взвоятся тетради,  
Как желтые листья, когда леденеет гранит.

Ведь только из страшных горений рождается слово,  
И если ты спросишь, стихам моим веря живым:  
«Готова ли дважды гореть?» — я отвечу: «Готова!»  
И русская муза протянет мне руки сквозь дым.

### ДВЕ РАДУГИ

Корабль не шел. Шли две большие радуги  
По усмирённой грозими воде.

Они переливались и не падали,  
Они возникли неизвестно где,  
Из сердца океана дымно-синего...  
В пространстве без начала, без конца,  
Они спокойно к кораблю придвинули  
Два фосфорических полукольца.  
Темнел туман, горячий и недвижащий, —  
До сотворенья мира был такой...  
Шли радуги... Мы их шагов не слышали,  
Мы очутились под двойной дугой,  
И побегало, вдоль безлюдной палубы,  
Мерцанье семицветного огня...  
Таких ворот и без тебя не знала бы,  
А ты в них не вошел бы без меня.

1963

### В ОКНЕ

В окне моем звезды и сумерки бледные  
Над искрами синего льда.  
Я грешная, злая, земная и бедная —  
И все-таки чья-то звезда...

За этими стеклами, странными, сонными,  
В высоком моем терему  
Я смутно горю над морями бездонными,  
Лучи посылая ему...

О Вега, О Сириус, звезды победные  
Имен, обрученных мечте!  
Вблизи вы, быть может, простые и бедные,  
Вы, может быть, тоже не те...

Но будет когда-нибудь небо расколото  
Свершеньем последнего дня,  
И мы распадемся — не брызгами золота,  
Не ливнем живого огня.

А смертную пылью... И все суевернее,  
Все жалобней хочется мне  
Казаться кому-то звездой вечерней  
В далеком и синем окне.

### ПОЧТИ

Поэт на языке богов  
Почти коснулся откровенья.  
Но нет морей без берегов,  
Полета без сопротивления.

И слова нет, как ни зови  
Его из глубины сознанья,  
Для абсолютности любви,  
Для беспредельности страданья.



**СВЕТЛАНА БЕБИЯ**  
ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА





ПОСТКИ

детский приют «Улыбка» в Армавире знают все. И дети, и взрослые.

Официально это Центр социального обслуживания детей и подростков, но в народе его никто так не зовет, а говорят попросту: приют «Улыбка» или детский дом Ничипурук — по фамилии директора этого самого дома. Точнее, директрисы — Татьяны Васильевны Ничипурук...

Еще год-полтора назад армавирские беспризорники, сбившись в стихийную коммуны, обосновались на стекольном заводе. Там тепло — день и ночь гудит печь, да и городская окраина — никто особо не беспокоит...

Нельзя сказать, что администрация города не пыталась помочь им: не раз отмывали, кормили, одевали. Но... проходило время — одежду ребята спускали тут же, на армавирском базаре, вновь, грязные и голодные, собирались вокруг гудящей печи...

Они убежали от отцов-пьяниц, гуляющих матерей, из домов, превращенных в ад. Были среди них и сироты, и малыши, потерявшиеся в нынешней житейской круговерти... Вот некоторые судьбы.

«Толя Ельнев\*, 11 лет. В школе никогда не учился. Мама и бабушка — алкоголички. Голодал по нескольку дней. Подкармливали иногда соседи. Первое, о чем спросил в приюте: а кушать есть что-нибудь?»

«У Мышева Алеши (ему 7 лет) мать — наркоманка. Приходила в приют, скандалила, судом грозила. А сама уже «под кайфом»... Дедушка и бабушка Алеши живут в Воронежской области, в местечке с красивым названием Русская

Журавка. Алеша очень хочет жить там, но «бабушка старенькая, не управится...».

«Рома (5 лет), Оксана (7 лет) Кашоровы. Есть и отец, и мать. Сильно пьют. Гонят самогон. Дети всегда голодные, просили милостыню... Как-то мама заехала в приют, пообещала забрать детей. И сгнула. Больше не появлялась...»

«Кристине Ковалевой 4 года. Был случай, соседка вышла в дождь посмотреть, где собака ее. Видит, она под дождем мокнет возле конуры. Сидит тихо, не лает. А в конуре спит Кристина... Родители ее сейчас под следствием за поножовщину».

«Нина Овсова, 5 лет. В приют пришла сама. Мать пыталась задушить ее... У Саши (4 года) и Сережи (5 лет) мать — шизофреничка, отец — инвалид I группы, бабушка и дедушка — слепые... К братьям Красновым приходит отец. Кожаная куртка на голом теле. Цепь с бляхой. Ногти длинные, накрашенные. Лишен родительских прав...»

(Записи эти я умышленно не редактировала. Сделаны они второпях по рассказам ребят и по собственным наблюдениям. Перечитывая их, и сейчас ощущаю тяжесть на сердце, безысходность какую-то... «Счастливое детство» — насмешка времени, наша всеобщая слепота?!)

У истоков создания приюта «Улыбка» — две женщины, две матери. Заместитель главы администрации Армавира Ирина Ивановна Киракозова и заведующая отделом социальной защиты Тамара Николаевна Полиенко. Их волей, болю душевной, напором и опытом создан этот приют. Об-

\* Фамилии ребят по понятным причинам изменены.



Дети комната.



Родительница.





«Я свой...»



Суббота — в кино!



*«Добавки, пожалуйста».*

«Смешливые» качели.





ветшалое здание бывшего детского сада с помощью фирм «Реал-сервис» и «Руно» (есть, есть среди «новых русских» люди добросердечные!) было перестроено и оборудовано под детский дом. Холл, столовая, спальни, музыкальный зал (к слову сказать, стоило это полмиллиарда рублей...) — красивые, удобные, уютные. Это и в самом деле дом, а не казенное помещение.

— Важно, чтобы дети чувствовали себя здесь раскованно, по-домашнему, — говорит Татьяна Ничипурук. — Им так этого не хватает. Многие из ребят в «Улыбке» учатся улыбаться...

Здесь не только смываются с детских лиц многодневная грязь и заскорузлость бездомья, но и с души их соскребаются, если так можно выразиться, короста озлобленности и недоверия к этому жестокому миру взрослых.

Приют финансируется из городского бюджета. Затраты на одного ребенка составили (на осень прошлого года) 2 миллиона рублей в месяц. Пятиразовое питание, одежда — не униформа — для каждого своя, подобранная со вкусом, так, чтобы ребенку нравилось...

Вначале (в июле прошлого года, тогда только-только открылся приют) их было семнадцать. Сегодня в «Улыбке» более пятидесяти детей. От трех до пятнадцати лет. О них заботятся шестьдесят взрослых специалистов — медики, повара, воспитатели, рабочие, которые стали для бездомных ребят, пожалуй, самыми близкими и дорогими людьми.

Приют для них дом и семья. Они в нем не просто живут — спят, едят, играют, — но растут. И хотя по всем правилам в этом Центре ребята должны содержаться не более полугода (далее: усыновление, стационарный детский дом,

интернат, ПТУ или отправка к родителям...), многие возвращаются сюда вновь и вновь.

Может, кому-то из читателей тон этих заметок покажется чересчур благостным. Это не так: чего-чего, а проблем — и хозяйственных, и финансовых, и правовых — у приюта хватает. Достаточно сказать, что здесь одна из самых низких по городу зарплат. До сих пор в России нет закона о благотворительности, а потому помощь спонсоров (тех же «Руно» и «Реал-сервиса») облагается немислимыми налогами...

Но в «Улыбке» к трудностям относятся без страха. Даже шутят: мы, дескать, «Улыбка», негоже плакаться... В нынешнем году собираются строить собственные мастерские — столярную и швейную, бассейн, теннисный корт, зал для лечебной физкультуры. Часть денег уже выделена краевой краснодарской администрацией; и городской бюджет предусмотрел траты на приют, да и местные бизнесмены, конечно же, в стороне не останутся...

А главное, армавирцы считают «Улыбку» своим Домом и безвозмездно, чем могут, помогают детскому приюту расти.

Ростки... В нашем случае это не аллегория — реальность. Как ни тяжело складывается нынешняя жизнь, ростки завтрашнего дня — вот они, тянутся, тянутся вверх.



КРАСНОЗНАМ



аслуженный артист республики, старшина запаса Алексей Георгиевич Печкуров более тридцати лет прослужил басом в Краснознаменном ансамбле песни и пляски Советской Армии. Еще недавно за рубежом этот коллектив был своеобразной визитной карточкой советского искусства, неизменным «эстетическим элементом» на закрытых кремлевских банкетах и партийных пирушках.

Известно, что голос и внешность человека как-то связаны между собой. Кто из вас видел маленького, тщедушного баса? Так и Алексей Георгиевич: несмотря на то, что разменял девятый десяток, по-прежнему статен, широк в плечах, голубоглаз и не лишен шевелюры.

Мы беседуем в уютной однокомнатной квартире, где Печкуров проживает со своей очаровательной женой Галиной Устиновной, выпускницей Московской консерватории по классу знаменитого профессора Гольденвейзера. В прошлом году супруги отметили 55-ю годовщину свадьбы.

— Алексей Георгиевич, когда вы впервые узнали, что у вас есть голос?

— Я родился на Смоленщине, в семье железнодорожника. Недалеко от нашего дома стояла церковь. И меня с детских лет манили голоса певчих, доносившиеся из храма. Когда мне было лет десять, я познакомился с местным батюшкой, помогал ему по хозяйству, а потом как-то незаметно стал подпевать во время богослужения. И он обратил внимание: «Леша, а ведь ты все правильно тянешь. У тебя дар Божий. Не дай ему пропасть». Так, с его благословения, и начал петь. Сначала в художественной самодеятельности. Потом призвали в армию, где

# БАС

# ИНОГО



я был неизменным запевалой. Оттуда уже прямая дорога в красноармейский ансамбль. Теперь мало кто помнит, с чего началась его слава. А дело обстояло так. В 1937 году в Париже проходила Всемирная выставка. Советский Союз впервые участвовал в ней. По условиям этого форума, кроме всяческих экспонатов, каждая страна должна была продемонстрировать свои достижения в культуре. Говорят, Сталин ломал голову: кого послать? Ведь должно быть что-то необычное и «политически верное». Послать балет — это форма буржуазного искусства. Выбрать какой-нибудь народный коллектив — так мы интернационалисты и не должны выделять одну нацию. И тут кто-то ему подсказал: красноармейский ансамбль. Такого не было тогда ни в одном государстве. Есть военные оркестры, но у нас песни и танцы всех народов СССР. Так состоялось высочайшее правительственное решение, и перед изумленной Европой предстал экстравагантный хор — в буденовках, украшенных красными звездами, высоко профессиональный, исполнявший несколько песен на французском языке. Это был действительно фурор! Зрелище и любопытное, и необычное, и одновременно красивое... После первого концерта ансамбль получил поздравительную телеграмму от Ворошилова. Но особенно всех нас тогда тронула радиограмма с Северного полюса. От имени зимовщиков, возглавляемых Папаниным, радист экспедиции Кренкель передал в эфир: «В первом часу ночи мы, лежа в меховых спальных мешках, слушали концерт вашего ансамбля, который транслировался из Парижа. Мы прекрасно слышали, как большой зал театра буквально грохотал аплодисментами и криками «браво» и «бис». Мы —

самые северные слушатели на земном шаре — шлем свой сердечный привет и искренние поздравления всему составу ансамбля во главе с профессором Александровым».

Текст этой радиограммы стали оглашать во вступительном слове к каждому концерту, что вызывало бурный восторг парижан. На Родину ансамбль вернулся с полным триумфом. Нарком обороны издал приказ наградить каждого участника поездки. С тех пор мы стали «придворным» хором... Выступали, как правило, в Георгиевском зале Кремля, где проводились банкеты после парадов или во время государственных праздников. Иногда, правда, случались и незапланированные концерты. Один из них здорово потрепал нервы нашим домочадцам. Происходило это в 1940 году... Сгустились сумерки, к подъезду дома, где жило большинство артистов ансамбля, подкатил черный лимузин. Из него вышли люди в штатском и велели: «Срочно собирайтесь!» Жены певцов быстро созвонились и выяснили, что такая же участь постигла каждого участника ансамбля. Вслух говорить боялись, но про себя решили: «Весь хор арестован». Сами знаете, какое было время... Прошла ночь — никто из артистов не возвращался. Теперь уже сомнений в нашей трагической судьбе ни у кого не возникало. И только утром те же «воронки» привезли всех нас, измотанных до предела, домой. А дело было так. В тот день Молотову исполнилось 50 лет. Сталин, как известно, любил держать в напряжении своих соратников. Сам Молотов, видимо, не мог и заикнуться о юбилее. А вождь спокойно занимался текущими делами и только к вечеру «вспомнил»:

— Вячеслав Михайлович, у тебя же сегодня круглая дата!

Надо это как следует отметить...

И завертелись колесики и винтики. Банкет был организован в считанные часы... Славно тогда руководители партии и правительства погуляли. Ну, и мы неплохо величали юбиляра. Помню, на той вечеринке я с удивлением узнал, что настоящая фамилия Вячеслава Михайловича «музыкальная» — Скрябин, а Молотов — это его партийный псевдоним.

— Скажите, а как Сталин относился к песне?

— Любил... Иногда даже подпевал. А несколько раз непосредственно режиссировал. Он ведь вообще считал себя большим знатоком изящных искусств. Однажды после исполнения украинской песни «Распрягите, хлопцы, коней» Сталин подошел к хору и, обращаясь не то к Александрову, не то ко всем певцам, сказал: «Товарищи, по-моему, вы не совсем правильно исполняете эту вещь. Вы поете ее очень быстро, чересчур задорно. А ведь казаки вернулись вечером домой, они устали... Нужно петь медленно, спокойно...» К следующему разу Александров, конечно же, изменил темп исполнения. И Сталин сразу заметил это: «Совсем другое дело!»

Вспоминается еще такой случай. В день празднования 23 февраля Сталин попросил Александрова, чтобы на концерте в Большом театре ансамбль исполнил русскую народную песню, которую он когда-то слышал в ссылке, и пропел ему по телефону несколько строк. Боже, что тут началось! Подняли на ноги всех фольклористов. Наконец, кажется, нашли то, что надо. Оказалось, исполнять эту песню под «медь» нельзя, а группа балалаечников Радиокomiteта была на выезде. Послали за ней самолет... А в это время Александров сделал гармо-

низацию, вызвал людей, которые занялись перепиской партий для хора, написал оркестровку. Когда до начала выступления оставалось несколько часов, приступили к репетиции. К счастью, высокий профессионализм всех участников «исторического события» помог великолепно справиться с поставленной задачей. Сталин был очень доволен. Нам сообщили, что он сказал: «Вот, как и вся РККА, ее ансамбль умеет оперативно выполнять любые приказы!»

В дни XVIII съезда ВКП(б) Александр Васильевич Александров написал песню на новые стихи Лебедева-Кумача, которые начинались словами:

*Страны небывалой свободные*

*дети,*

*Сегодня мы гордую песню поем  
О партии, самой могучей на свете,  
О самом большом человеке своем.  
Славой овееяна, волею спаяна,  
Крепни и здравствуй во веки*

*веков,*

*Партия Ленина, партия Сталина,  
Мудрая партия большевиков!*

Новое произведение исполнялось в Кремле и очень понравилось Генеральному секретарю. Мелодия этой песни действительно величественная и красивая. Сталин встал из-за стола и произнес: «Надо поздравить товарища Александрова с большой творческой удачей! Неплохо бы назвать эту вещь гимном партии большевиков». Так оно и случилось. Впоследствии с этой песней произошла удивительная метаморфоза. Но об этом несколько позже...

22 июня 1941 года фашисты напали на страну. Мы горели желанием помочь фронту всем, чем могли. Через два дня в газетах «Известия» и «Красная звезда» появилось стихотворение Лебедева-Кумача «Священная война». Слова этого произведения потрясли Александрова, и он за одну

ночь написал мелодию, вошедшую в музыкальную историю нашей Родины. Многие думают, что премьера песни состоялась на радио, а на самом деле уже 26 июня наш ансамбль исполнял ее под сводами Белорусского вокзала, откуда отправлялись на запад воинские эшелоны. Солдаты, слушая «Священную войну», плакали от волнения...

А потом начались многочисленные поездки фронтовых бригад. Порой наши выступления прерывались артобстрелом или налетом авиации противника. И поэтому боевые ордена мне носить не стыдно...

В конце 1943 года, когда наступил коренной перелом в войне, весь наш хор неожиданно собрали в Москве. Началась эпопея создания Государственного гимна СССР. Сталин понимал: близится эра международных конференций, встреч с президентами, премьер-министрами и пугать их «Интернационалом», который в то время считался официальным гимном страны, вроде как ни к чему. Вот и появился новый социальный заказ... Около двухсот авторов принимали участие в конкурсе. На второй тур пробились, кажется, 50 кандидатов. Все эти гимнические песни мы должны были разучить и исполнять перед представительной комиссией. Подходил срок окончательного выбора. Но ни один из представленных вариантов Сталину не нравился. И тогда он вспомнил свой любимый «Гимн партии большевиков». Поэтам Михалкову и Эль-Регистану было поручено написать на этот клавиш новый текст. И вот глубокой ночью в зале Большого театра мы исполнили перед вождем сначала гимн Великобритании, потом гимн США, затем «Боже, царя храни!» и, наконец, уже наш «Союз нерушимый...». Сталин хотел прослушать

его на фоне всех остальных, чтобы сравнить и убедиться в правильности выбора. Как мы пели!.. Кажется, душа с каждой нотой вылетает из горла. Да и то сказать: мелодия в своем жанре великолепная! Вспомните, слов гимна до конца не знал почти никто. Но когда наши спортсмены стояли на высшей ступени пьедестала и, слушая величественные звуки, плакали от восторга и гордости — согласитесь, это волнующий момент! Недавно по телевидению передавали исполнение Гимна СССР группой зарубежных поп-музыкантов. Наверное, они хотели создать пародию. Но ничего у них не вышло. Великолепная музыка и в рок-ключе звучит достойно.

— *Алексей Георгиевич, а изменилось ли положение ансамбля во времена «оттепели»?*

— Это, можно сказать, период расцвета. Тогда интерес к России был необычайным, особенно после наших космических побед. В 1960 году мы гастролировали во Франции почти пять месяцев, и на каждом концерте — аншлаг. В Мексике восторженная публика взяла обычай обрывать «на счастье» пуговицы с наших мундиров, и заведующий реквизитом срочно вынужден был заказать из Союза мешок воинской атрибутики. Но если кто-то думает, что мы получали тогда большие деньги, — глубоко заблуждается. Суточные были нищенские. Помнится, как раз в Париже мы хотели отметить день рождения своего товарища. Сбросились, но сумма, прямо скажем, получилась небольшая. И вдруг вбегает в номер один наш баритон и кричит: «Ребята! Совсем недалеко обнаружил магазин, где цены на продукты сказочно низкие!» Мы отправились туда. Смотрим, действительно, в полиэтиленовых пакетах лежат колбаса,



паштеты. За витриной стоит торт, сделанный вроде бы как из взбитых сливок. И все стоит очень дешево. Обрадовались: не только на выпивку, но и на закуску хватит. Конечно, потом обратили внимание, что у еды некий специфический вкус. Решили; это чудачества французской кухни. А в разгар веселья забрел к нам переводчик и, глянув на этикетки, сообщил: все яства приобретены в магазине «для котов». Нам даже в голову тогда не могло прийти такое! Поэтому сейчас, когда по телевизору идет реклама «Вискаса», я, усмехаясь, думаю: «Эге, это мы уже пробовали!»

Происходили и другие забавные случаи. Так, во время гастролей в Италии мы, конечно, не упустили возможности сходить в знаменитый оперный театр «Ла Скала». Во время антракта, когда уже прозвучал третий звонок, заскочили в туалет. Он был почти пуст. И тут неожиданно один наш солист затянул знаменитую «Калинку». Мы на него зашикали, а он поясняет: «Эх, ребята, теперь я смело могу всем говорить, что пел в «Ла Скала»! И вы это подтвердите...»

Однажды в ансамбле появился незнакомый офицер во флотской форме. Ходил, вынюхивал, беседовал с каждым поодиночке... Очень быстро мы догадались о его особой роли и придумали ему кличку «Кортик». Вскоре состоялись очередные гастроли в Англию. Я уже несколько раз был в этой стране... В свободное время новичков повезли в музей мадам Тюссо. Я знал, что там у входа стоит лавочка, на которой сидит замечательно исполненная восковая фигура молодой женщины. Решил подшутить над «Кортиком». Оторвался от группы, подсел к «леди» и начал страстно признаваться ей в любви. «Кортик», увидев эту картину, обалдел. Подско-

чил ко мне и шипит на ухо: «Все, Печкуров, это твоя последняя поездка!» Пришлось познакомить его со своей избранницей. То-то смеху было...

В брежневские времена, особенно после ввода наших войск в Чехословакию, ансамблю, конечно, было нелегко. Атмосфера вокруг него в некоторых странах сгустилась до уровня грозовой. Постоянно слышались угрозы подложить бомбу, сжечь реквизит, сорвать выступление... Некоторые не выдерживали такого напряжения и даже отказывались выезжать на гастроли.

— Алексей Георгиевич, вы давно уже на пенсии, но, наверное, поддерживаете связь с родным коллективом?

— Естественно. Ансамбль, как и вся Российская Армия, живет сейчас трудно и беспокойно. Но я оптимист. Верю в силу нашего народа. И, если б была возможность, грянул бы во весь голос свою любимую:

*Эх, дубинушка, ухнем,  
Эх, зеленая, сама пойдет!..*

**Интервью взял  
ИГОРЬ КОЗЛОВ.**

**Фото  
ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА**



# ПРАК

ВЛАДИМИР ТРАПЕЗНИКОВ

ДЛЯ

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

94

— Понимаете, первый раз мы его утром увидели, когда на тот берег плавали. Смотрим, у камышей лодка, удочки расставлены, и человек в ней лежит, головой к борту привалился. Еще посмеялись тихонько: горе-рыболов, выплыл рыбу ловить, а сам уснул...

Собеседник, молодой парень, почти мой ровесник, с которым при других обстоятельствах я давно бы уже перешел на «ты», остановился, что-то припоминая. Признаться, очень хотелось его поторопить. Мы стояли на самом солнцепеке, и я, естественно, застегнутый, как лицо официальное, искренне завидовал его костюму, состоящему из одних купальных трусов. Наконец, он прервал затянувшуюся паузу и обратился к своей спутнице:

— Ты не помнишь, в котором часу это было? Инспектору важно знать время? — Он вопросительно посмотрел на меня.

Я кивнул.

Миловидная девушка в символическом купальнике почему-то смутилась и отрицательно помотала головой. Да и откуда ей помнить — счастливые, известное дело, часов не наблюдают. Но ее друг еще не до конца потерял голову:

— Сейчас прикинем. Встали мы в восемь... Завтракали... Потом сели в лодку. Ходу туда на веслах минут двадцать... Значит, было около девяти. Это когда мы мимо проплывали. Ну, а когда назад плыли — часа три спустя, — видим, он в той же

# ТИКУМ НАЧИНАЮЩИХ



Рисунок ЛЬВА РЯБИНИНА

позе. Тут и почуяли неладное. Окликнули — не отзывается. Приблизились, постучали по лодке веслом. Ничего. Тогда я перелез к нему: мало ли, человеку плохо... Хотел пульс пощупать, а он холодный... Тогда оставили все, как было, и через озеро сюда. Катер остановили, вас вызвали... — Он замолчал.

— Скажите, — спросил я, — других лодок в заливе не было?

— Нет, мы бы заметили. Залив небольшой. Да и редко кто туда плавает — далеко. Мы потому и любим это место...

— А с покойным раньше встречались?

— Один раз, мельком, — неожиданно вступила в разговор девушка.

Молодой человек недоуменно посмотрел на нее.

— Да, да, — продолжала она. — Это было вчера, ближе к вечеру. Он шел от посадочной площадки с какими-то вещами. Помоему, только что прилетел. Я обратила внимание, потому что на нем была куртка с красивой эмблемой какой-то космической службы. Правда, я в них не разбираюсь.

— Точно, — подтвердил ее друг. — Теперь и я вспомнил.

С минуту я размышлял, о чем бы еще спросить, но, так и не придумав, поблагодарил юную пару и простился, выяснив, где их найти в случае необходимости. Они направились к озеру.

— И какие же выводы после столь содержательной беседы, инспектор-практикант Ник? Наверное, вам уже все ясно? — раздался насмешливый голос за спиной.

Я обернулся. В тени под деревом, облокотившись о ствол, стоял мой начальник, старший следователь Альбин Фогг. Надо ска-



зять, что с самого начала моей практики во вверенном ему отделении Службы космической безопасности наши отношения не сложились. Не знаю, что его не устраивало во мне, и разбираться с этим неохота, зато причину своего раздражения знаю точно. Нет, дело не в придирчивости, хотя есть и это. Главное — полное пренебрежение к мнению подчиненных сотрудников. Специалист он действительно хороший, одно из раскрытых им дел даже входит в обязательный практикум курсантов второй ступени — я его тоже изучал. Вот, видно, и зазнался: только он на метр под землей видит, а эти молодые что там навывдумывают? Да и не только молодые... Подозреваю даже, что именно этой замечательной черте характера он обязан назначению сюда, в тихое в общем-то по меркам Службы место. Мало кто захочет с таким работать.

Итак, старший следователь Альбин Фогт, видимо, на протяжении всего разговора кусал травинку под деревом, и сейчас в свойственной ему манере снизошел до того, что поинтересовался моим мнением.

Мысленно ругнув себя за непростительную оплошность — обязан был почувствовать его присутствие, это азы, — я пожал плечами.

— По-моему, делать выводы пока преждевременно. Надо узнать заключение врача...

— Мне нравится твой подход, Ник. — Он скорчил непонятную гримасу. — Пойдем послушаем врача.

По тропинке мы вышли на крутой обрывистый берег и, спустившись вниз, оказались на песке узкого пляжа.

— Где вас носит, сыщики? Ждать устал... — Доктор сидел на песке у гравилета, прячась в его тени от солнца.

— Ну что? — спросил Фогт.

— Похоже, дело не по вашей части: никаких следов насилия. Отравления в том числе. Смерть наступила около восьми утра. Точную причину смогу назвать после лабораторных исследований.

— Установил личность погибшего?

— Слушай, Альбин, не один ты дело знаешь! — Врач покачал головой. — Лиман Фрос, биохимик, Служба колонизации. Вчера прилетел на Землю. Как видишь, узнал даже то, что мне вовсе не нужно.

— Что ж, работай дальше. Жду заключения. Удивлен только, что ж за причина смерти такая, если ты не можешь ее сразу установить?

Лицо врача неожиданно стало злым.

— Не суй нос туда, где ничего не понимаешь. Будет тебе заключение! — Он поднялся и открыл дверь гравилета.

Робот-санитар бережно поднял со дна лодки безжизненное тело и уложил его в операционный отсек.

«Вот так и бывает — живешь себе, и вдруг хлоп! И нет тебя...»

— При виде подобных картин всегда задумываешься о собственной смерти. Молодой, в сущности, парень... а на тебе... — Альбин Фогт будто прочитал мои мысли.

Заключение врача было весьма лаконично. Фогт перекинул мне через стол небольшой пластиковый листок, не удержавшись от ядовитого комментария:

— Вот, полюбуйся на нашу доблестную всемогущую медицину. Получил эту писульку по связи. Лично эскулап доложить постеснялся.

Я пробежал несколько строчек текста, заключавшего результат лабораторного исследования трупа Лимана Фроса. Следы какого-либо насилия исключались. Причиной смерти явилась внезапная остановка сердца. Правда, почему это произошло у сравнительно молодого и здорового человека, ранее сердцем не страдавшего, оставалось пока неясным. В самом конце так и было написано: «Исследование продолжается».

— Каково?! — спросил Фогт, когда я поднял глаза. — В наше время умирает человек, а эти, — он кивнул на записку, — даже понять не могут, от чего! Значит, поступим так. — Мой начальник поднялся из-за стола. — Пусть медики сколько хотят гадают на кофейной гуще, в конце концов это их дело. Ты же составишь отчет о проведенном нами расследовании, укажешь, что факт преступления не обнаружен, приобщишь этот трактат, — он указал пальцем на заключение врача, — и отправляй в архив. Здесь все ясно: что поделывать, бывает и такая смерть... Кстати, когда заканчивается твоя практика?

— Сегодня последний день.

— Ну и ладно... Заканчивай и завтра гуляй. Завидую. Можешь идти.

Выйдя из кабинета Фогга, я отправился к себе и, затворив дверь, первым делом удобно развалился в кресле. Очень люблю такое полуторизонтальное положение и принимаю его при первой возможности. С завтрашнего дня каникулы. То-то можно будет поваляться! Никто не посмеет с места сдернуть... Но сегодня еще работа, надо сочинить отчет. В принципе Альбин прав: дело не наше. Но надо же хотя бы для проформы поинтересоваться личностью умершего. Все-таки редко в наше время скоропостижно умирают люди, притом по неизвестной причине... «А, ладно, чего гадать на пустом месте. Ему видней».

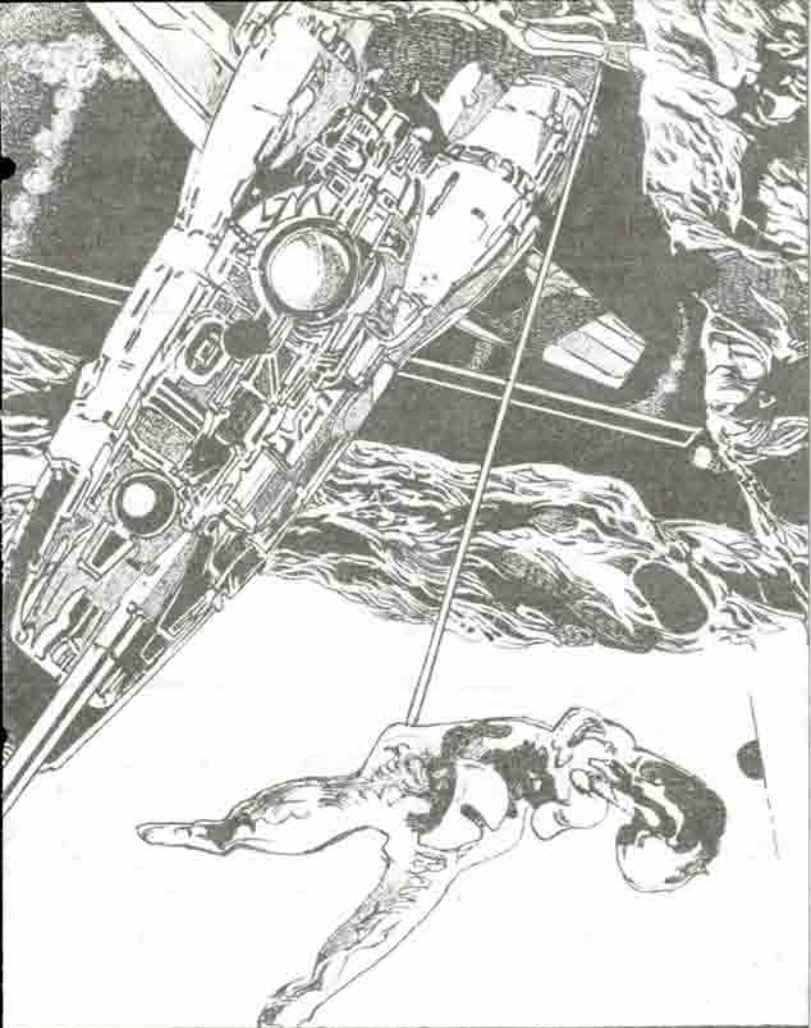
Подтянувшись вместе с креслом к компьютеру, я за полчаса состряпал отчет и отправил его в архив Службы. Делать больше было нечего. Плеснув в стакан ледяного тонизирующего сока тогу, я откинулся на спинку и принялся смаковать его мелкими глотками. Одни и те же мысли, как ни старался их отогнать, вертелись в голове:

«Интересно, возможно, хотя бы теоретически, вот так подстроить убийство, чтоб даже врачи считали смерть естественной... Не слышал о таком. Но...»

За все время практики не было ни одного мало-мальски интересного дела, на котором представилась бы возможность проявить себя. Так, какие-то мелочи. И вдруг такой случай! Интригует? Бесспорно! Особенно, если считаешь себя способным следователем и два месяца до того зевал от скуки.







Сознавая в глубине души всю бредовость своей затеи, я решил попытаться построить версию убийства. Тайком от всех, конечно, и в первую очередь от Фогга. Узнают — на смех поднимут. Ну и, если версия получится, отработать ее. Благо с завтрашнего дня каникулы, а тут уж я предоставлен сам себе.

Полный решимости, я послал вызов в лабораторию доктора. Ответчик долго молчал, но вот наконец экран засветился. Врач выглядел очень усталым.

— А, это вы, Ник...

— Как видите. Есть что-нибудь новое?

— Ничего ровным счетом. Остановилось совершенно здоровое сердце. Я подключил к работе своих коллег, сделал запрос в Главный архив... Пока безрезультатно. Мы в тупике, прямо скажу. — Он развел руками.

— А хотя бы теоретически, от чего такое может произойти?

Мой собеседник ответил не сразу.

— Теоретически? — Он усмехнулся. — Что ж, извольте... Ну, например, крайняя степень испуга и, как результат, резкая смена ритма работы сердца, к которому оно не сможет приспособиться... Если подумать, наверное, смогу назвать еще несколько причин. — Помедлив, он добавил: — Только к чему? Для здорового человека они маловероятны. Да и вам вряд ли нужны. Проблема здесь чисто медицинская.

— Спасибо. — Я отключил связь.

На помощь медицины действительно рассчитывать не приходилось. Все, что назвал доктор, практически сразу отпадало. Погибший работал в Службе колонизации, а у них такая подготовка, что даже смертельная опасность не вызовет учащения пульса. Да и с чего резко меняться ритму сердца у человека, который спокойно ловит рыбу посреди озера?

«Что ж, познакомимся поближе!» — Я послал расширенный запрос в Общий каталог.

Компьютер коротко пискнул, призывая к вниманию. На экране появилась надпись: «Лиман Александр Фрос». Далее — дата рождения, биоспектр при жизни, формула генетического кода, и замыкала все дата смерти. Сегодняшняя. Мой отчет уже был учтен каталогом. Пробежав пальцами по клавиатуре, я погрузился в чтение.

«Так, родился на Земле, кратко о родителях, рос, учился... Специальное образование получил в Высшей школе Службы колонизации. Биохимик-адаптор. Аттестации наилучшие. Первое самостоятельное дело — на Тарге. Участник еще шести экспедиций, — следовал перечень. — Женат. Жена — Юлия Лота Фрос, урожденная Анит. Двое детей: сын Вэлин и дочь Ирма. Постоянно проживал на Тилле. Скончался на Земле». Стояла дата и примечание: «Сообщение Службы космической безопасности».

Ознакомившись с общей частью биографии Фроса, я принялся штудировать ее по пунктам. Наибольший интерес, конечно, представляли профессиональные качества погибшего и все, что было связано с его работой. Этот раздел я изучил дважды, и не напрасно! Во-первых, выяснил, что Фрос — специалист высшей категории подготовки. Среди прочего это означало его умение

блестяще управлять функциями своего организма. Во-вторых, узнал, что он недавно побывал в очередной экспедиции и после медицинского обследования был признан абсолютно здоровым. Впрочем, это совпадало с заключением нашего врача. В-третьих, и это главное, обнаружил белое пятно в его послужном списке. Два года назад он прибыл из своей предпоследней экспедиции. Осваивалась некая планета Терфа системы звезды Алиот. Обычно сразу указывалось, как в последнем случае, о проведении медицинских обследований. Но здесь было иначе: врачи дали ему свое разрешение на дальнейшую работу только полгода спустя. Почему? Не объяснялось.

Интерес мой только возрос, когда, запросив информацию о Терфе, узнал, что все работы по колонизации планеты остановлены и она закрыта. Срок принятия этого решения Высшим Советом Земной ассоциации почти совпадал со временем прибытия из экспедиции Лимана Фроса!

«Однако что же там произошло?!» — Я углубился в материалы Общего каталога.

### III

Планета Терфа по всем параметрам идеально подходила для колонизации. Практически равная Земле по массе и размерам, она получала достаточно тепла и света от своей звезды. Но, обладая инертной атмосферой, была безжизненна. Жизнь — вообще решающий фактор при решении вопроса о колонизации: окажись там хоть самые простейшие ее формы, и люди бы ушли. Но Терфа была мертва, и поэтому начались работы. Прежде всего предстояло преобразовать атмосферу. На планете смонтировали сеть установок, которые обслуживала небольшая группа ученых из пяти человек. Состав небольшой экспедиции раз в полгода менялся. Дело было не новое и продвигалось достаточно быстро: через три года на Терфе уже прижились первые растения; оставалось совсем немного до того, как воздух станет пригодным для человека... И вдруг с планеты пришел сигнал бедствия!.. Никаких объяснений не последовало, потому что связь прервалась...

Спасатели прибыли через сутки. Четверых нашли в помещении Станции. Люди были живы, но находились в состоянии полной прострации, безучастно взирая на прибывших. Двое сжимали в руках разряженные энергаторы. Казалось, здесь разыгралось настоящее сражение: испещренные лучами стены, уничтоженное оборудование, разбитый координационный компьютер. Он управлял всеми атмосферными установками на планете, которые теперь остановились. Однако не это волновало сейчас спасателей. Они искали пятого члена экспедиции, но тщетно — на Станции его не было.

Кто-то обратил внимание на то, что в ангаре не хватает одного легкого гравилета. Через несколько часов спасательный крейсер с помощью локации обнаружил его с орбиты у одного из отрогов Большой каменной гряды. Прибывшая к месту группа нашла



там и последнего члена экспедиции. В бессознательном состоянии он лежал в сотне метров от машины. Рядом валялся обретенный энергатор. Только этот был заряжен полностью — человек не сделал ни единого выстрела. По характеру следов установили, что он бежал к гравилету, вероятно, рассчитывая укрыться в нем от какой-то опасности или спешно покинуть это место...

Расследованием занялись сотрудники Службы космической безопасности. К работе было привлечено много ученых-экспертов, но никаких причин, приведших членов экспедиции к полному лишению рассудка, обнаружить не удалось. Даже сама природа болезни осталась непонятной. Медики не могли разобраться, как, а главное, от чего лечить пострадавших: никаких поврежденных мозгов они не нашли. Однако вывезенные на Землю люди довольно быстро выздоровели, правда, не сохранив никаких воспоминаний о разыгравшейся драме.

Дело осталось нераскрытым. Безопасное пребывание людей на планете гарантировать было невозможно. И Терфу закрыли, несмотря на огромные энергетические ресурсы, затраченные на преобразование.

Одним из членов этой драматической экспедиции был Лиман Александр Фрос...

#### IV

«Что ж, весьма интересно: таинственная смерть участника таинственной экспедиции...»

102 Я поднялся из кресла, потянулся и прошелся по кабинету. Все это было действительно очень любопытно, но не более. Моя версия убийства не продвинулась ни на шаг. «А может, ну ее к черту? Высасываю из пальца неизвестно что, голову ломаю, тогда как все проще простого. Умер человек и умер. Мало ли от чего люди умирают! Можно подумать, эти врачи все знают. Вон на Терфе целая группа сошла с ума, а они даже не поняли, что с ними. Так и сейчас... Стоп!» — Я вновь подсел к компьютеру и послал несколько запросов: в голову пришла мысль поинтересоваться, как сейчас поживают сотоварищи Фроса по несчастью.

Первой пришла информация на Гэла Питера Миза, ботаника экспедиции. Бегло просмотрев текст, я задержался на последнем абзаце: здесь сообщалось, что вот уже почти два месяца продолжаются его розыски в заповеднике бассейна Амазонки, куда он отправился в одиночку изучать какие-то растения. Тревогу подняла служба заповедника после того, как Миз в назначенное время не вышел на связь. Поиски вела группа спасателей местного отделения Службы космической безопасности.

Любава Марга Воря. Врач экспедиции. Единственная женщина. С ней было все в порядке. Сейчас работала главным врачом лечебного центра где-то в Сибири. На всякий случай я зафиксировал для себя адрес.

Третьим шел Тиман Лори Гвич. Инженер-техник. Именно он отвечал за работу всех автоматических систем на Терфе. Как сообщалось, пребывал в настоящее время в добром здравии у себя дома на Камосе.

Записав его шифр связи, я обратился к последнему участнику экспедиции.

Андерс Шервин Вэл. Руководитель группы, физик. Крупный ученый. Даже я, весьма далекий от науки человек, знал это имя. Благодаря открытому им эффекту стало возможным создание новейших быстроходных гравилетов. Не было необходимости подробно изучать приводимую о нем справку: две недели назад всю Земную Ассоциацию облетела весть о его трагической гибели. Во время карнавала, посвященного встрече лета в Европе, Андерс Вэл организовал фейерверк в духе старины. По расплывчатым им где-то описаниям были изготовлены пороховые ракеты, которые запускались со специальных подставок при помощи тлеющего фитиля.

Зрелище получилось впечатляющим. Сам автор поджигал запалы, толпа рукоплескала давно забытому чуду. Но тут произошло несчастье: одна из ракет взорвалась на старте. Вэл был убит наповал...

«Да... Дела... — Отодвинувшись от компьютера, я подпер подбородок кулаком. — За последние два месяца двое умерли и один пропал. Как стоворились... И все происходило на Земле, хотя мало ли планет в Ассоциации. Гвич вон живет на своем Камосе, и все с ним в порядке. И Фрос у себя на Тилле, видно, на жизнь не жаловался. А прилетел на Землю — и на тебе... Миз и Вэл, те другое дело — они здесь постоянно проживали. Хотя нет, эта Любава жива-здоровая... Все может быть лишь совпадением. А вдруг теперь ее очередь?!»

Охватившее меня волнение смешивалось с растерянностью. Что предпринять, я не знал. Очень хотелось ознакомиться с материалами расследования гибели Андерса Вэла и исчезновения Гэла Миза. Не мешало бы подробно изучить дело Терфы. Но... Ключ к каталогу Службы космической безопасности имеют только штатные сотрудники, а практиканты вроде меня обязаны обращаться к своему руководству. А оно уж решает, надо им это или нет. Никакого желания идти к Фоггу не было. Но выбирать не приходилось. Кроме того, я был просто обязан доложить ему о вскрытых фактах, оставляя, впрочем, за собой право никак их не комментировать. Уговорив себя таким образом, я поднялся и отправился к начальству.

Разговор с Альбином Фоггом получился гораздо короче, чем можно было предположить. Собственно, и разговором-то это назвать нельзя. На протяжении всего моего доклада старший следователь не проронил ни слова, лишь лицо его становилось все более и более кислым. Изложив в конце просьбу предоставить мне возможность поработать со специальным каталогом Службы для уточнения некоторых деталей, я замолчал. Молчал и Фогг, уставившись мимо меня куда-то в угол. Вдруг он как-то встрепетнулся и обыденно спросил:

— Отчет по делу Фроса отправил в архив?

Я утвердительно кивнул.

— Хорошо... — Он пробежал пальцами по клавиатуре компьютера. — Итак, Вет Эльм Ник, ваша практика окончена. Несмотря на некоторую излишнюю эмоциональность, вполне объяснимую

молодостью, в целом вы неплохо с ней справились, и я считаю возможным оценить ее высшим баллом и направить в Академию Службы отличную аттестацию. Впереди — сложный курс последней ступени, поэтому желаю вам хорошо отдохнуть во время каникул. Не забудьте, что больше каникул у вас не будет. Начнется серьезная работа. — Он поднялся. — Можете идти. До свидания.

Я был взбешен, зол на весь белый свет и в первую очередь на Службу космической безопасности, которая терпит в своих рядах подобные чудеса природы. Не надо мне никакой помощи, сам разберусь в этом деле!..

Забежав в свой бывший кабинет, я забрал куртку и покинул здание отделения, не забыв на прощанье хлопнуть дверью...

## V

Говорят, пора молодости хороша тем, что никакое, даже самое неприятное событие не может надолго испортить вам настроение.

Мысли мои всецело были заняты предвкушением радостной встречи с самыми близкими мне людьми. Опустив гравилет, я не спеша пошел по дорожке через сад. У входа на веранду была разбита большая клумба, которой в прошлый приезд я не видел. Над цветами, склонившись, колдовала мама. Цветы вообще ее страсть. Вряд ли существует на свете более тонкий знаток и ценитель — она знает про них все.

При звуке моих шагов она подняла глаза и всплеснула руками:

— Вет!.. Приехал! — И пошла навстречу. Обернувшись, позвала: — Эльм, иди скорей!

На пороге показался отец.

— А! Блудный сын явился! — Перепрыгивая через ступеньку, он спустился по лестнице и, раскрыв объятия, пошел ко мне. — Совсем нас, стариков, забыл!..

Крепко обняв обоих родителей, я окончательно почувствовал себя дома. Шевельнулась в душе жалость по безвозвратно ушедшему детству.

— Что мы здесь стоим? — проговорила мама. — Идемте в дом. — И, как маленького, потянула за руку.

— Держи крепче, — посоветовал отец, — а то, не ровен час, опять сбежит. — Он, смеясь, легонько подтолкнул меня к крыльцу.

...Мы не виделись больше года. Нет, общались, конечно, посредством видео, но разве можно сравнить это с такой вот неторопливой беседой за столом в нашей гостиной? Естественно, родителей интересовали мои успехи и жизненные планы. Маму волновало, отчего я похудел и стал такой бледный. Отец интересовался моей профессиональной подготовкой. А меня мучили угрызения совести. Ведь еще два дня назад я и не помышлял прилетать к ним, а собирался провести каникулы в веселой компании друзей. Но в деле, которым и решил заняться, суще-



ственную помощь мог оказать именно мой отец, Эльм Тони Ник. Как-никак, а он возглавлял Совет экспертов Службы колонизации и уж наверняка про историю с Терфой должен был знать многое...

Ночью мне не спалось. Из головы не шла загадочная цепочка смертей. Устав ворочаться с боку на бок, я встал и, накинув халат, вышел из своей комнаты — захотелось побыть на воздухе. Спустился на первый этаж и, направляясь к веранде, увидел, что дверь в кабинет отца приоткрыта и из-за нее пробивается полоска света. Тихонько заглянул. Он работал у компьютера. Постучавшись, я вошел и устроился в кресле рядом.

— Не спишь? — Отец отвел глаза от экрана. — Что так?

— А тебе?

— Да вот, работа приспела: изучаю новые данные от групп поиска. Несколько новых планет, может быть, колонизируем. Ты-то что не спишь?

— Есть к тебе дело... — Вообще-то я собирался задать свои вопросы завтра, но раз уж подвернулась возможность, решил не медлить. Тем более что время было дорого.

— По моей части?

— Именно. Как раз связано с колонизацией одной из планет.

— Ну-ка, давай. — Он развернул кресло ко мне. — Любопытство или по службе?

— По службе... Скажи, что произошло на Терфе? В Общем каталоге информация, мягко говоря, скудная...

— Но ведь у твоего ведомства свой каталог, там подробный отчет. Как практиканту не разрешили воспользоваться?

Я кивнул.

— Ну и порядки у вас.

Среди прочих достоинств у отца есть замечательная черта — не задавать лишних вопросов. Нужно тебе, значит, нужно. Вот и сейчас, немного помолчав, он произнес:

— По правде сказать, дело это темное. И рассказывать особенно нечего... Терфу закрыли, так, по сути, ни в чем не разобравшись. Поэтому, боюсь, не смогу ответить, что же там произошло на самом деле... Но кое в чем дополнить Общий каталог, пожалуй, сумею.

— Это я и прошу.

— Как вела расследование твоя Служба, мне не известно, хотя в это время я присутствовал на планете. Мы с коллегами давали разъяснения по научным вопросам. И только по тем, которые нам задавали. Не более... Однажды я попытался обратить внимание Старшего следователя, руководителя группы дознания, на некоторые обстоятельства, по моему мнению, важные. Но он в вежливой форме дал мне понять, что я лезу не в свое дело. Они, мол, профессионалы и сами знают чем заниматься. Больше я не вмешивался... Интересно получается, — внезапно перебил он сам себя, — прошло два года, и Служба космической безопасности в лице моего сына, без пяти минут следователя, решила наконец поинтересоваться моим мнением. Извини за любопытство: с чего вдруг?

Даже мой всегда сдержанный отец не удержался от вопроса.

Что ж, его можно понять.

— Обязательно объясню, но сначала расскажи, пожалуйста, то, о чем собирался сообщить тогда.

— Что ж, давай так... Понимаешь, драматическое происшествие с последней экспедицией, повлекшее за собой расстройство психики сразу всех ее членов и оставшееся неразгаданным, бесспорно, самый значительный эпизод в освоении Терфы. Но лишь эпизод! Там и до этого творились вещи совершенно необъяснимые. Например, с насыщением атмосферы кислородом. Оно шло гораздо медленнее, чем ожидалось, хотя все смонтированные установки работали с заданной производительностью. Одновременно инертные газы, составляющие естественную атмосферу планеты и активно откачиваемые, убывали совсем не так быстро, как мы бы хотели. Кроме того, нарушалось естественное перемешивание газов: в атмосфере образовались зоны, богатые кислородом, а наряду с ними участки, где лишь обнаруживались его следы. И это несмотря на постоянно дующие ветры! Скажем, в районе Станции воздух практически пригоден для дыхания, а десятью километрами западнее — изначального состава... Как будто стена разделяет эти области. Нам так и не удалось объяснить этот феномен. — Отец встал с кресла и подошел к открытому окну. Долго молчал, всматриваясь в темноту. Наконец, не поворачивая головы, произнес: — Знаешь, Вет, на определенном этапе у меня даже сложилось впечатление, что кто-то откровенно издевается над нами, над нашими стараниями... Мы хорошо сделали, что ушли с Терфы.

— У тебя есть конкретные подозрения?

— Откуда?! Если б были... — Он уселся на подоконник, привалившись к косяку. — Это я так... Не обращай внимания. Мистика, рожденная недостатком знаний...

Мне показалось, что он недоговаривает.

— А эту, как ты выразился, мистику, вы не пытались проверить? Вдруг, правда, кто-то препятствует землянам?

Он посмотрел на меня с любопытством:

— А ты сам как думаешь?

— Не темни, пап, выкладывай. Наверняка поработали в этом направлении.

— Ну и догадливый у меня сын. — Отец покачал головой. — Конечно, работали. Особенно если учесть, что такая мысль возникла не у одного меня. Большая каменная гряда. Цепь высоких скал, опоясывающая через полюса всю планету. К ней, как притоки к большой реке, со всех сторон сбегаются цепочки скал поменьше. Смотри! — он подошел к компьютеру и вызвал нужную информацию. Вывел ее на большой экран на стене. — Это снимки Терфы из космоса. Видишь гряду?

Не увидеть ее было невозможно. Действительно, будто большая река текла по планете вдоль меридиана, собирая малые и большие притоки.

— Так вот, — продолжал отец, — именно в районе гряды и происходят все фокусы. Вся остальная поверхность Терфы преиму-

щественно равнинная, и в целом насыщение кислородом атмосферы там шло успешно. Здесь картина резко менялась: в районах малых образований замедлялось и, по мере приближения к главной скальной цепи, прекращалось вовсе.

— Прости, — перебил я, — а ты тоже был на Терфе? Я имею в виду не расследование по делу последней экспедиции, а тогда...

— Нет, не смог выбраться, к сожалению. Как всегда хватало других дел. Но регулярно изучал отчеты работавших там экспедиций.

— И что же?

— А ничего ровным счетом. Орешек оказался не по зубам. Скалы и скалы. Никакого намека на искусственное происхождение, никаких следов разумной деятельности. Мы уж и так и сяк судили-рядили — полный хаос во внутренней структуре. Магнитных или гравитационных аномалий тоже нет. Зато новую загадку получили... Помнишь, я говорил, что в атмосферу над грядой не проникал кислород?

— Конечно. И вы решили...

— Да. Решили смонтировать несколько установок прямо на гряде.

— Они не заработали?

— Ну что ты! — Отец усмехнулся. — Исправно заработали. Только выделяемый кислород исчезал неизвестно куда... Вот так. Этот эксперимент проводила предпоследняя экспедиция. Что случилось с последней, ты знаешь...

— Скажи, — прервал я затянувшуюся паузу, — последняя экспедиция чем-нибудь отличалась от предыдущих? Задачами, например...

— В целом нет. Предполагалась обычная работа. Правда, состав был значительно сильнее: руководителем полетел Андерс Вэл, член Совета экспертов. Ты, вероятно, знаешь — выдающийся ученый. Хотел сам на месте изучить все эти чудеса. И команду себе подобрал соответствующую — лучших специалистов Службы колонизации. Фрос, Миз, Гвич, врач Воря — все у нас люди известные. Жалко, Вэл недавно погиб, трагически и глупо...

— И Лиман Фрос тоже, — произнес я.

— Как?! Когда?! — вскинул на меня взгляд отец.

— Вчера утром. На рыбалке. Внезапно остановилось сердце.

— У Лимана? — Он растерянно покачал головой. — Никогда не думал, что с ним такое может случиться.

— И тем не менее случилось. Но это еще не все: в конце марта Гэл Миз отправился в заповедник Амазонки и бесследно там исчез. Есть все основания считать его тоже погибшим. Кстати, вот тебе и ответ на вопрос: почему я заинтересовался делом Терфы...

— Думаю, относительно Миза ты ошибаешься, — сказал отец. — Как раз в начале апреля он прилетал к нам. Консультировался у матери по каким-то цветам.

Эту новость надо было хорошенько осмыслить. Кроме того, отец вряд ли что мог добавить к сказанному. И потому, завер-



шив разговор, я поднялся и, пожелав спокойной ночи, отправился к себе.

Уже в дверях обернулся:

— Пап, а ты не помнишь, как звали начальника группы дознания? Ну, того, который не захотел тебя слушать на Терфе?

Погрузившийся было вновь в работу отец обернулся; провел пальцем по переносице:

— Имя не помню, а фамилия... Сейчас... Фогг! Старший следователь Фогг.

— Альбин?!

— Точно. Ты его знаешь?

— Приходилось встречаться... Еще раз спокойной ночи.

Я вышел, плотно прикрыв дверь.

## VI

Первое, что я сделал утром, это поинтересовался в Общем каталоге, не нашелся ли в бассейне Амазонки пропавший Гэл Миз. Если бы это произошло, то Служба обязательно дала бы такую информацию. Но нет. Сообщалось, что поиски продолжаются. Ночью я воздержался от этого запроса, а приказал себе сразу же спать. Сегодня мне нужна была свежая голова.

После завтрака отец куда-то улетел, и мы остались вдвоем с мамой. В разговоре среди прочего я поинтересовался, зачем прилетал Гэл Миз. В отличие от отца мама страшно любопытна, и, конечно, первым делом стала выяснять, откуда я его знаю. Ничего не поделаешь, пришлось покривить душой и сочинить с горем пополам мало-мальски правдоподобную историю, что я, де, занимаясь на практике одним делом, вынужден был ознакомиться с некоторыми вопросами ботаники и неоднократно сталкивался с этим именем в специальных материалах. Вчера узнал, что этот авторитетный ученый нанес ей визит, и вот теперь любопытно — зачем? Получилось, видимо, не очень удачно, потому что мама, подавив улыбку, сочувственно произнесла:

— Чем тебе только не приходится заниматься! Что поделать? Сам выбрал стезю... — Но на вопрос ответила: — Это был чисто профессиональный визит. Ему для опытов необходимо было несколько редких цветов, и он консультировался по выращиванию. Но знаешь, возможно, это будет тебе интересно, мне показалось, что он очень хотел поговорить с отцом.

— С чего ты взяла?

— Эх ты, сыщик! — Она засмеялась. — Запомни, у женщин особое чутье. Да что там чутье! Я объясняю, а слушает он вполуха. Мы в саду разговаривали, а Эльм в кабинете работал. Так Гэл все на окно его посматривал, будто ждал, когда освободится. И за ужином сидел напряженный очень. Я уж их вдвоем оставила — думала, мешаю. Но он почему-то сразу засобирался и улетел. Так что цветы — это повод был, чтобы у нас побывать и с отцом поговорить. Но видно, не решился. Может, передумал... Вообще все они в Службе колонизации странные. Возьми отца: ночи напролет работает, днем работает, вокруг ничего не заме-

чает. И Гэл Миз, насколько знаю, такой же... — Она с интересом посмотрела на меня. — А все-таки, что случилось?

— Да ничего! Я же тебе сказал.

— Ладно, будем считать так... — Мама явно огорчилась, что я не посвятил ее в свои секреты.

Убрав со стола посуду, она отправилась в сад к своим цветам. А я, мысленно перед ней извинившись, вывел из ангара свой спортивный гравилет.

Берег в этой части залива был низкий. Лес рос на кочках, между которыми проглядывала вода. В озеро вдавалась довольно широкая полоса камыша. Вряд ли кому придет в голову прогуливаться здесь пешком. Влюбленные, наверное, плавали на другую сторону, где под невысокими обрывами желтели полоски песка. Но Фрос вчера, в последнее утро своей жизни, ловил рыбу именно здесь, под самой травой. Показанное место я хорошо запомнил.

Что ж, может, и к лучшему, что здесь так топко. Немного покружив в поисках сухой площадки и не обнаружив ничего более подходящего, я опустил гравилет на маленькой лужайке, поросшей жесткой травой. Натянув предусмотрительно захваченные сапоги, открыл дверцу кабины и выпрыгнул наружу. Под ногами чавкнуло, задышало. Страхуясь, я ухватился за стойку машины, но это оказалось ни к чему: почва держала. Уже собираясь двинуться в путь, чертыхнувшись, вновь полез в гравилет — воздух вокруг звенел писком тучи комаров, которые были явно не прочь мною полакомиться. Выступать в роли деликатеса не хотелось, а потому, порывшись, нашел ультразвуковой излучатель, включил и повесил на шею. Теперь людоеды были не страшны. Осторожно ступая, я пошел вдоль берега.

Конечно, осмотреть все здесь следовало еще в день происшествия, но тогда меня сбил с толку Фогг. Однако лучше поздно, чем никогда! В таком месте следы могут сохраниться...

Увидел я их настолько быстро, что даже не поверил в свою удачу. Цепочка залитых водой углублений, оставленных человеческими ногами. Я прошел по следам в обе стороны. Сначала отправился к озеру. Тропинка в камыше недолго петляла и оборвалась возле торчащего из воды валуна. Взобравшись на него, я осмотрелся. Отсюда отлично было видно место, где стояла лодка Фроса. Расстояние метров в двадцать. Срезав несколько сломанных стеблей камыша, я пошел обратно и вскоре вновь оказался на берегу озера, только с другой стороны заболоченного мыса, который отделял залив от основной акватории. Здесь следы терялись. Судя по всему, человек сел в лодку и отчалил. Больше тут делать было нечего, и, сжимая срезанные стебли, я вернулся к гравилету. Скорее домой! Мне нужна была теперь мамина консультация.

## VII

Когда я вернулся, отец уже был дома: его гравилет стоял на площадке. Опустившись рядом, я подошел к веранде. Из откры-

тых окон доносились голоса родителей. Отец, по-видимому, при-  
был только что: мама интересовалась, будет ли он обедать.  
В ответ он согласно хмыкнул. И поинтересовался:

— Где наш сыщик?

— Понятия не имею. — В маминой интонации улавливалось  
недовольство. — Упорхнул без уведомления. Кстати, ты не в кур-  
се, с чего вдруг он заинтересовался Мизом?

— Видишь ли, Вет откуда-то взят, что Гэл пропал в джунглях  
Амазонки, а я рассказал о его визите.

— Вот это да! Значит, я масло в огонь подлила.

— Ты о чем?

— Рассказала, что Миз прилетал к тебе, хотел о чем-то погово-  
рить, но так и не решился.

— Ко мне?

— Это только ты ничего не замечаешь — живешь, как ни от  
мира сего. Точно говорю — Миз прилетал к тебе... — И безо  
всякого перехода мама заговорила обо мне. — Знаешь, Эльм, не  
нравится мне выбор нашего сына. И никогда не нравился. С его  
характером, и работать в Службе космической безопасности?!  
Самоуверенный до зазнайства, невыдержанный. Вспомни, с дет-  
ства в авантюры всякие любит влезать, очертя голову...

— Успокойся, Ружа. Я интересовался: отзывы о нем превос-  
ходные. Парень занят своим делом. Конечно, в известном смыс-  
ле, опасным...

При моем появлении разговор оборвался. Как ни в чем не  
бывало мама пригласила меня к столу. Пообедали.

— Где был? — поинтересовался отец.

— Так, на озеро одно слетал. Mam, вся надежда на тебя!

— В чем же?

— Нужно определить, когда сломаны эти растения, — я пока-  
зал на стебли камыша, — и, если можно, поточнее. Ты же  
непревзойденный эксперт по этой части!

— Зачем... — начала было она, но махнула рукой. — Давай!

— Дело связано с Терфой? — спросил отец, когда она ушла.

— Пока не знаю.

Я действительно этого не знал. Отец не стал спрашивать,  
перевел разговор на другую тему. Мама не заставила себя ждать.

— На, и отстань. — Она сунула мне в руки пластиковый  
листок. — Была рада помочь следствию.

— Спасибо.

Я пробежал глазами данные. Предположение подтвердилось.  
Камыш был сломан позавчера между семью и девятью утра. Что  
совпадало с временем гибели Лимана Фроса...

Затем я заказал разговор с Тиллой, где жил Фрос. Лениво  
потягивая ледяную жидкость, успел даже задремать, прежде чем  
запищал сигнал вызова. Встрепенувшись, оставил напиток  
и нажал кнопку ответчика. На меня смотрела с милой улыбкой  
молодая девушка.

— Вы заказывали разговор с Тиллой?

— Заказывал.

— Извините, но придется подождать: ретранслятор на Салге



вышел из строя. Сейчас его ремонтируют. Мы вас вызовем.

— Ладно, — миролюбиво согласился я. — Когда починитесь, шлите вызов сюда и в мой гравилет. Запишите позывные.

Она записала и отключилась.

А мне надо было срочно заняться поисками Гэла Миза.

## VIII

А вот где его искать, я понятия не имел. Родители здесь помочь ничем не могли: прилетать-то он прилетал, но откуда?.. И решил я поступить просто: отправиться по адресу, указанному в Общем каталоге. Вряд ли кто из сотрудников Службы туда заглядывал. Зачем? Если пропал человек в джунглях Амазонки, значит, и искать его следует там. А ведь бывает всякое, когда почему-либо хотят скрыться! Очень я надеялся, даже если не найду там самого Миза, обнаружить хоть какую-нибудь ниточку к нему.

С воздуха поселок представлялся маленьким зеленым островком, затерянным среди блеклой, выжженной солнцем степи.

Описав пару кругов, я высмотрел трещину в этом рыжем степном одеяле и посадил гравилет на дно балки. Осмотревшись, прыгнул за землю и пошел отыскивать нужный дом.

Особняк Миза трудно было спутать с окружающими домами: он утопал в зелени экзотических растений. На ветвях некоторых зрели диковинные плоды, другие цвели, разливая нежное благоухание. Под деревьями цестрел живой ковер цветов, при взгляде на который я почувствовал себя чуть ли не дома, в маминном саду. Приблизившись к входу, я вытянул руку и сделал короткий шаг. Пальцы наткнулись на упругую невидимую преграду: путь закрывала силовая калитка. Можно было, конечно, заявить о своем прибытии и подождать, если в доме кто-то есть, пока впустят, но визит мой носил неофициальный характер, и потому я решил проникнуть во владения Миза несколько иным способом. Более эффективным. Оглядевшись, разбежался и прыгнул. Красивое сальто — и вот я уже по ту сторону изгороди. Осторожно подкрался к дому. Да, похоже хозяева отсутствовали уже давно: вездесущая степная пыль толстым слоем покрыла ступени крыльца. Я осмотрел окно. Обычный электромагнитный замок. Хмыкнув, извлек заранее припасенную отмычку собственного изготовления. Так, состряпал как-то хулиганства ради — в сыщиков любил с детства играть, а где сыщики, там, известно, и воры... Слабенькое контрополе, созданное в нужном месте, — и рама под нажимом руки сдвинулась в сторону. Еще раз извинившись перед хозяином и законом, я перемахнул через подоконник.

Около часа я бродил по дому, в котором давно никто не жил. Прежний азарт испарился. Мной овладело чувство неловкости за свой мальчишеский поступок.

Две комнаты наверху были детские. Аккуратно застланные кровати, миниатюрная мебель, игрушки, на столиках по ком-

пьютеру и рядом коробки с кристаллами памяти. Наверное, игры. Спустившись вниз, я попал в просторную гостиную. Изящество и красота обстановки делали честь вкусу хозяйки.

Единственным помещением, где царил беспорядок, была лаборатория Миза. Он, наверное, никого в нее не впускал. Компьютерный стол был завален грудой исписанных пластиковых листков, часть которых свалилась на пол. Осмотрев содержимое ящиков стола, я перевернул листки и махнул рукой: о том, чтобы разобраться в записях, не могло быть и речи. Во-первых, их было очень много, во-вторых, я ничего не смыслил в значках и символах...

Я попытался придумать, что делать дальше. К сожалению, пора было уходить. Около лестницы мой взгляд упал на ящик пневмопочты — в нем что-то лежало. Приблизившись, я извлек длинную запечатанную коробку. Секунду поколебавшись, открыл ее. Внутри оказался продолговатый металлический предмет круглого сечения и записывающий кристалл, вероятно, с посланием. Недолго думая, я вернулся в лабораторию и, включив компьютер, вставил в него кристалл. На экране появилось знакомое лицо, обрамленное густой черной бородой. Смешной нос картошкой, веселый прищур глаз под нависающими бровями... Кто это? Человек не успел заговорить, как я узнал: Андерс Вэл! Трагически погибший во время карнавала руководитель последней экспедиции на Терфу.

— Привет, Гэл! — взмахнул он рукой. — Совсем ты пропал: никак не могу с тобой связаться. Ни тебя, ни домашних дома не застать. Вот пневмопочтой решил воспользоваться... Хотел бы увидеть тебя, старина, на карнавале первого июня. Если получишь мое послание раньше, обязательно прилетай, не пожалеешь. Решил я позабавить народ одним старинным фокусом. Изготовил четверть сотни веселых трубочек. Больше, к сожалению, не успел... Зрелище будет — во! — он показал большой палец. — Сам испытывал! Кстати, о нем почти все забыли, так что — сюрприз. Впрочем, если не успеешь, не огорчайся: одну такую штучку я тебе послал. Именно ее ты в руках сейчас вертишь. — Андерс Вэл засмеялся на экране, а я вздрогнул невольно: действительно вертел присланный им предмет. — В общем, как появишься, — продолжил он, — обязательно дай знать. У тебя же день рождения не за горами. Не зажимай. С удовольствием прилечу поздравить. Если пригласишь наших, с радостью повидаемся... И игрушку мою запустим. Ты ее убери до встречи. Но недалеко: пусть напоминает тебе о моем предложении. Ладно, надоела мне односторонняя беседа — я говорю, а ты нет. Надеюсь, скоро встретимся. Между прочим, чтоб тебя заинтриговать, есть некоторые мысли по Терфе. Хочу поделиться ими с Эльмом Ником. Ну и тебе, так и быть, поведаю. Все. Привет Лоле и детишкам.

Изображение исчезло, и я выключил компьютер. Извлек кристалл и положил его назад в коробку, куда предварительно спрятал пороховую ракету, присланную Андерсом Вэлом. Закрыв крышку, побарабанил по ней пальцами.

«Что же хотел поведать моему отцу Вэл? Хотел и не успел».

Встав с кресла, я прихватил посылку и, поднявшись на второй этаж, покинул дом тем же путем, аккуратно закрыв за собой окно.

## IX

Едва открыв дверцу гравилета, я услышал трель вызова. Прыгнув на сиденье, поднял машину, одновременно включая экран.

— Тиллу заказывали? — строго спросила знакомая девица.

— Да-да!

— Тогда почему не отвечаете?! Устала вас вызывать!

Вот всегда так: если какие безобразия по их вине — они сама любезность. Но если что-то не так сделал абонент — всех собак на него спустить готовы.

— Но вы же сами сказали, что ждать не менее шести часов! — огрызнулся я, забыв про всякие правила хорошего тона.

— У экрана ждать, а не где-нибудь!

— Ладно, — махнул я рукой, — извините. Давайте Тиллу.

— Минуту. — Она исчезла.

Я тем временем задал бортовому компьютеру курс. Теперь путь мой лежал к дому родителей Лолы. Может, она там?

— Есть связь.

Я обратился к экрану. Средних лет женщина безучастно взирала на меня. Правильные черты ее лица были помечены скорбью. На щеках проступали следы слез. Сомневаться не приходилось: о смерти мужа она уже знала.

— Здравствуйте, — как можно мягче произнес я. — Вас зовут Юлия Фрос?

— Да, — она кивнула. — Кто вы?

— Я Вет Эльм Ник, агент Службы космической безопасности. Сожалею, что потревожил вас в такую минуту, и приношу свои искренние соболезнования, но мне поручено подготовить отчет для архива. В связи с этим хотел бы уточнить некоторые формальности...

Что-то странное произошло с женщиной: она вдруг резко подалась вперед и срывающимся голосом крикнула:

— Что с Вэлином? Когда?!

На мгновение я опешил — о ком она? Но тут же вспомнил, что Вэлин — это ее сын. С ним познакомился, изучая биографию Лимана Фроса. Кажется, он был сотрудником Службы поиска и находился сейчас в космосе. Но почему Юлия решила, что беда случилась с сыном? Неужели этот идиот Альбин Фогг не сообщил ей о смерти мужа? Обязан был! Ну и ну... Видно, все-таки придется быть черным вестником.

— С Вэлином, надеюсь, все в порядке. Я говорю не о нем. Позавчера на Земле умер ваш муж, Юлия...

И вот здесь я был окончательно сбит с толку. Она откинулась в кресле и истерически с надрывом захохотала. Все это было настолько дико, что рука моя непроизвольно потянулась к кнопке отключения связи. Но я удержался, пересилив себя. Жуткий



хохот оборвался внезапно. Сжав подлокотники кресла, Юлия Фрос уставилась на меня неподвижным взором. Если б я не сидел в тесной кабине гравилета, мчащегося на большой высоте, то, наверное, убежал бы от мрачной силы, исходившей от этих глаз.

— Не думала я, что мое проклятье падет на него так скоро, — произнесла она хриплым голосом. — Вы принесли мне добрую весть! А как себя чувствует она? Убита горем?

«Сумасшедшая, не иначе! Этого мне только не хватало...» Но я решил продолжить разговор:

— Кого вы имеете в виду?

— Женщину, ради которой он предал меня, Лолу Миз. Он к ней полетел на Землю!..

— О ней мне ничего неизвестно. Знаю лишь, что она жена Гэла Питера Миза...

— Была! — прервала меня Юлия. — Но вот уже несколько месяцев как ушла от него. Она оказалась смелее моего мужа: прямо сказала Гэлу, что любит другого... Если бы Лиман поступил так же, то был бы жив.

У меня мороз пошел по коже от этих сказанных обыденным голосом слов.

— Кстати, как он умер? — спросила она.

Подчиняясь магической силе ее глаз, я послушно ответил:

— Ловил рыбу на озере... Скончался в лодке...

— Жаль. Я надеялась, это произойдет в ее объятиях. Впрочем, не важно. Главное — свершилось проклятие женщины Тиллы! Спасибо вам, что известили. Теперь могу умереть и я...

Юлия Фрос нагнулась и извлекла откуда-то флакончик с темной жидкостью. Спокойно откупорила крышку и капнула несколько капель в стакан с каким-то напитком на столике рядом. Взяла его в руки.

Не в силах помешать, с ужасом смотрел я на страшное приготовление.

— Стойте! — Мой голос сорвался. — Вы хотите сказать, что убили своего мужа?!

— Вы это до сих пор не поняли? — Она оторвала зачарованный взгляд от стакана. — Убила... Вот этим. — Ее палец указал на флакон на столе. — Сок муаго — верная смерть! Только не рассчитала дозу: думала, он поживет подольше и умрет при Лоле.

— Но ведь вы могли ошибиться! Что если Лиман Фрос чист перед вами?!

Юлия покачала головой.

— Чист?! Нет... Лиман зачастил на Землю. А чуть больше месяца назад ко мне попал кристалл. Кто прислал его — мой друг или враг — не важно. На нем записаны некоторые эпизоды их встреч с Лолой. Я все увидела собственными глазами. Оставим этот разговор. Все решено... Надеюсь, сейчас я не ошиблась: здесь мгновенная смерть. Прощайте! Странно, у меня плохая память на имена, но ваше запомнила: Вет Эльм Ник...

— Остановитесь!

Но она уже не слушала меня. Твердой рукой поднесла стакан

к губам и выпила до дна. Почти тотчас голова ее запрокинулась и до моего слуха донесся звон разбитого стекла: стакан выпал из безвольно опустившейся руки...

Не знаю, сколько времени смотрел я на замершую в кресле Юлию Фрос, прежде чем сбросил оцепенение. Первым же движением выключил экран со страшной картиной и обхватил голову руками. Все мое естество отказывалось верить увиденному и услышанному. Возможно ли такое в наше время?! Но кошмарная сцена в мельчайших подробностях вновь вставала перед глазами. Надо было что-то предпринять, кому-то сообщить о свершившемся. Но сил моих на это не было.

— Молодой человек, вам плохо? — раздался над ухом мягкий женский голос.

И я решил, что сошел с ума: у меня начались галлюцинации. Откуда этот голос — ведь я лечу в гравилете? Однако я поднял голову. Оказывается, машина приземлилась в чьем-то саду. Дверь была открыта, и в проем обеспокоенно заглядывала молодая женщина. Милое ее лицо, обрамленное схваченными через лоб широкой яркой лентой темными густыми волосами, показалось знакомым. Но вспомнить, кто это, я не мог. Видимо, выражение моего лица заставило ее повторить вопрос:

— Вам плохо?

— Да... — машинально подтвердил я.

— Не волнуйтесь. Хорошо сделали, что сели здесь. У нас в доме есть врач. Любава! — позвала она. — Иди скорей! Человеку плохо.

— Что случилось, Лола? — донесся до меня звонкий голос и шелест травы под ногами. Похоже, подруга бежала.

А я вздрогнул. Потому что все вспомнил. Ведь летел я к родителям Лолы Миз, чтобы навести о ней справки, а если удастся, и повидать. Ее видеобраз попался мне, когда изучал биографию Гэла. И вот сейчас она стояла возле меня. Женщина, по вине которой пали жертвой страшного обычая Тиллы Лиман и Юлия Фрос.

## Х

Истинно говорится: нет худа без добра. Мое состояние позволило не объяснять причину визита к Лоле. Какой визит? Летел я по своим делам, вдруг плохо стало. Ну и приземлился у первого попавшегося жилья — нужна помощь. Конечно, можно было посадить гравилет где угодно, послать сигнал бедствия. Спасатели отыскали бы меня по пеленгу. Но сколько бы времени прошло! Поэтому дотянул до людей. Дом имеет персональный код, и врач сюда прибудет гораздо быстрее...

Конечно, объяснять все это не пришлось: женщины прекрасно поняли сами. К тому же мой бледный вид не располагал к вопросам.

— Пустя, — отстранила Любава подругу и взяла мою руку за запястье. Одновременно обхватила за плечи и осторожно откинула меня на спинку сиденья. Не отпуская пальцев с пульса, свободной рукой расширила веки и заглянула в глаза.

Как ни был я плох, а все же отметил, что это была женщина ослепительной, редкой красоты. Ее видеообраз в Общем каталоге сильно проигрывал живому оригиналу. Да, я узнал ее. Это была Любава Воря, врач последней экспедиции на Терфу.

«Опять Терфа... А они, оказывается, подруги, Любава и Лола... Тесен мир... Хотя нет, почему? Миз и Воря работали вместе. Гэл вполне мог познакомить ее с женой...» — закружились у меня мысли. Но их прервала Любава.

— Что стоишь?! — прикрикнула она на Лолу. — Открывай вторую дверь! Включи обдув! Ему нужно больше воздуха.

Лола без звука повиновалась. Прохладный сквозняк ударил в лицо, и я действительно почувствовал себя лучше. Отпустив мою руку, Любава слегка похлопала меня по ноге и, видимо, осталась недовольна моей реакцией. Покачала головой. Расстегнула на мне рубашку и осторожно провела пальцами по груди, иногда резко и больно нажимая на какие-то точки. Другая рука лежала на моем затылке и вдруг, скользя, сильно сжала шею. Я дернулся.

— Все-все, больше не буду вас мучить. — Она убрала руки. — Теперь все хорошо. Сейчас придете в себя. — И, обернувшись к подруге, пояснила: — Нервный шок. Переволновался. Сердце работало в критическом режиме. Не каждый такое выдержит.

А я действительно уже чувствовал себя вполне нормально. Руки врача оказались волшебными. И какие руки! Изысканные длинные пальцы с безукоризненной формы ногтями!..

«Ну, если это отметил, значит, с тобой точно все в порядке!» — я улыбнулся и вслух произнес:

— Спасибо, доктор! Будто заново на свет родился. Слабость, вот только небольшая. Ну ничего. Полечу дальше, по дороге пройдет. — Я выпрямился на кресле и выключил обдув. — Скажите лишь, кого поминать в молитвах?

Моя спасительница ответила на улыбку и произнесла:

— Меня зовут Любава Воря. Только сейчас вы никуда не полетите: как врач, я не имею права отпустить вас сразу после такого шока. Думаю, хозяйка, Лола Миз, позволит вам отдохнуть в своем доме.

— Конечно, оставайтесь! — сказала Лола. — Выходите из машины и пойдете в сад. Здесь на солнце очень жарко. Ой! А вы можете идти? — Она смутилась, наверное, вспомнив мое недавнее состояние.

— Вполне. — Я вышел из гравилета и нерешительно промолвил: — Ну, если врач настаивает, а хозяйка приглашает...

— Придется подчиниться, — закончила за меня Любава. И, взяв под руку, повела к деревьям, под которыми был накрыт стол. — Мы как раз только сели обедать. Составите нам компанию?

Грех было не принять предложение двух очаровательных женщин. Просто неприлично. И я согласился. Тем более что это вполне соответствовало моим намерениям... С начала обеда обе женщины деликатно предоставили меня самому себе, ни о чем



не расспрашивая. Даже, как меня зовут, не спросили. А я, признаться, и забыл представиться. И сейчас решил этим воспользоваться, чтобы завязать разговор. Выждав паузу в их беседе, я поднялся.

— Прошу простить за неучтивость, но я только сейчас вспомнил, что не назвался. Меня зовут Вет Эльм Ник.

Свое полное имя я произнес неспроста — был у меня тайный умысел.

— Очень приятно,— одновременно сказали Любава и Лола и засмеялись.

— Простите, а Эльм Тони Ник?.. — начала Любава.

— Мой отец,— сказал я, не дожидаясь конца вопроса. И с совершенно естественным удивлением спросил: — Вы его знаете?

— Я работаю в Службе колонизации, и, стало быть, он один из самых больших моих начальников,— пояснила она.

— Вы?! В Службе колонизации?!

— Почему вас это удивляет? В экспедициях нужны врачи.

— Несомненно. Но я несколько иначе представлял таких врачей...

— Понимаю.— Любава улыбнулась.— Эдаких суровых мужчин, одного вида которых достаточно, чтобы больной слушался. Но должна вас разочаровать: у нас много женщин. И ничего, справляемся.

Такой красавицы я никогда прежде не встречал. Правильный овал лица, прямой нос с тонкими крыльями, трогательная ямочка над верхней губой, смелый разлет соболиных бровей. И глаза. Огромные, зеленые. С невероятно длинными ресницами. Густые, тяжелые волны каштановых волос выбивались из-под золотистой широкой ленты и свободно падали на плечи.

— Какой у твоего начальника интересный сын! — вмешалась в разговор Лола, возвращая меня с небес на землю.

Любава многозначительно кивнула. А я, выдержав паузу, спросил:

— Простите, Лола, а Гэл Миз не ваш родственник? Я с ним немного знаком...

Ничего особенного не произошло. Любава, подперев ладонью щеку, посмотрела на подругу. А та спокойно ответила:

— Мой муж. Бывший. Скоро полгода, как мы расстались... Кстати, как он поживает? Первое время часто прилетал сюда к детям, а потом куда-то пропал... Правда, я не интересовалась...

— Действительно, о нем давно не слышно,— произнесла Любава. И пояснила: — В свое время я с Гэлом работала в одной экспедиции.

Похоже, обе на самом деле ничего не знали о ботанике.

— К сожалению, ничего конкретного сказать не могу.— По понятным причинам вдаваться в подробности я не стал.

После разговора о погоде хозяйка поднялась и спросила, обращаясь ко мне:

— Что вам еще предложить? Может, апельсиновое желе? Вы его не пробовали...

Но я, поблагодарив, отказался.

— Тогда отдохните. Дом и сад в вашем распоряжении. Наде-

юсь, Любава, ты займешь гостя? А меня прошу извинить: ближе к вечеру я улетаю, надо собраться.

К столу подкатил робот-уборщик и загремел посудой. Я встал и с большим удовольствием предложил руку Любаве.

## XI

Мы с Любавой играли в магбол. Шел упорный розыгрыш мяча. Любава яростно нападала, а я, изображая невероятные трудности, защищался. Удачно отразив очередной удар, я заметил Лолу, стоявшую на краю площадки, и остановил игру.

— Ты что?! Выдохся?! — победно закричала Любава. Но, увидев Лолу, опустила ракетку и спросила: — Уже улетаешь?

— Да, мне пора. Пришла проститься. А ты останешься или полетишь домой?

— Полечу домой. Пойдем, проводим тебя.

Любава взяла подругу под руку, и они пошли через сад к посадочной площадке. Я двинулся следом.

На площадке рядом с моим гравилетом стоял еще один. Обогнав женщин, я распахнул дверцу.

— Спасибо! — Лола села в кресло пилота. — До свидания, Вет. Надеюсь, мы еще увидимся.

— Обязательно! Всего доброго.

— Ну, будь умницей. — Любава обняла подругу. — Навещать вас не стану. Если захочешь, вызывай меня дома. Когда вернешься?

— Не раньше, чем через месяц. Пока!

Конечно, я вызвался отвезти Любаву домой. Она не возражала. Улыбнувшись, кивнула и пошла в дом собрать вещи. Я не стал даром терять времени, устроившись в гравилете перед экраном, набрал код родительского дома. На вызов подошел отец. Увидев меня, сделал суровое лицо и выразительно посмотрел на часы.

— Позоже объявиться не мог? Если думаешь, что мы не ложимся и ждем тебя — ошибаешься!

— Прости, пап... Хотел предупредить, что сегодня не прилечу... Может, меня не будет еще несколько дней. Скажи маме...

— Нет уж!.. Сам завтра с ней объясняйся. Не успела тебя повидать, как уже удрал! Дела?

— Как тебе сказать... — замаялся я.

— Ты же занимался расследованием?

— Все прояснилось. Расскажу при встрече. А Терфа оказалась ни при чем...

— Ну-ну. Гуляй. Только с мамой завтра обязательно поговори. — Отец отключил связь.

Теперь оставалось главное: доложить о разговоре с Юлией Фрос и ее самоубийстве. В Управлении Службы космической безопасности сейчас был разгар дня, и поэтому я без колебаний вызвал начальника Криминального отдела. Бэр Рош Найд возник на экране почти тотчас.

— Да?! — коротко бросил он, не отрывая глаз от листка под рукой.

— Курсант четвертой ступени Академии Вет Эльм Ник, с докладом.

— А, это ты. — Он помнил меня по прошлому году, когда вел нашу группу. — Что случилось, Вет?

Стараясь быть кратким, я доложил, умолчав лишь о своей версии причастности к этому делу Гэла Миза.

— Почему так поздно докладываешь?

— Не мог сразу... — потушился я.

— Бывает... — совсем не начальственным тоном произнес Ник и неожиданно спросил: — Кстати, почему сообщаем мне, а не начальнику практики? Кто у тебя?

— Старший следователь Альбин Фогг. Но он отстранил меня от расследования, и с Юлией Фрос я беседовал по собственной инициативе.

Бэр Ник понимающе кивнул и выключил экран.

Погасил свой и я. Откинувшись на спинку кресла, блаженно потянулся. «Все! Теперь свобода, и можно предаваться всем удовольствиям мира!»

В сумерках на дорожке я разглядел Любаву. Распахнув дверь, подал ей руку. Приятное тепло нежной ладони заставило затрепетать сердце.

Гравилет рванулся в потемневшее небо...

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ

### I

Земля внизу была плотно укрыта облаками. Поднявшаяся полная луна серебрила безбрежный белый океан с замершими в разбеге крутыми валами. Волшебная игра света и тени. Тишина.

Я посмотрел на Любаву. Она спала, привалившись к спинке кресла и подложив под щеку ладонь. Лунный свет играл на рассыпавшихся по плечу волосах, проникал сквозь них, очерчивая нежный изгиб шеи, контур лица...

— Сто восьмой, что у вас? — раздался противный бесцветный голос автомата-диспетчера. — Индивидуальное управление на трассе запрещено! Включите автопилот!

Неожиданно запищал вызов. Кому-то я понадобился среди ночи. Нечего сказать — вовремя! Пришлось нажать кнопку ответчика.

Этого человека сейчас мне меньше всего хотелось увидеть. Впрочем, не только сейчас...

— Практикант Ник! — безо всякого приветствия произнес Альбин Фогг. — Вы грубо нарушили субординацию: о случившемся в первую очередь вы были обязаны сообщить мне. Кроме того, кто дал вам право продолжать работу вопреки моему запрету?! Вашу недисциплинированность я вынужден отметить в аттестации в Академию. Вам надлежит представить подробный рапорт на мое имя с объяснением ваших действий... — Он



остановился, разглядев рядом со мной Любаву. Его глаза изучающе уставились на нее, затем на меня: — Хочу предостеречь от дальнейших несогласованных шагов и напомнить, что по Уставу курсант не имеет права работать в одиночку без особого разрешения.

Не прощаясь, Фогг отключил связь.

— Это твой начальник? — спросила проснувшаяся Любава.

— Ага... Бывший... — сквозь смех выдавил я.

— Ты курсант Академии Службы космической безопасности?

Я утвердительно кивнул: какие, собственно, причины скрывать это. Но тут же удивленно посмотрел на свою спутницу — как она догадалась? Фогг был не в форме. И не сказал ничего, прямо указывающего...

— Я его знаю, — ответила Любава на немой вопрос. — Альбин Фогг...

Впрочем, удивляться было нечему: отец же рассказывал, что Фогг занимался делом Терфы. Просто в какой-то момент я перестал воспринимать Любаву как участницу последней экспедиции...

— Как-нибудь расскажу, если хочешь, о нашем знакомстве, — добавила она. — Смотри! Уже прилетели!..

Действительно, гравилет не спеша опускался на зазывно моргающий огонек маячка.

## II

Ночка здесь выдалась — не видать ни зги. Моросил мелкий холодный дождь. Ступив на траву, я поежился в своей легкой рубашке. Любава выглянула наружу и ойкнула. Ее туфли на высоком каблуке не годились для путешествия по лужам. Без лишних слов я взял ее на руки.

— Показывай дорогу.

Обняв меня за шею, она указала свободной рукой на освещенное крыльцо одного из домов, и я бегом припустил по дорожке. Взбежав по ступеням, подождал, пока она открыла дверь. Так мы и вошли: я — в хлюпающих туфлях и мокрых брюках, она — у меня на руках, тесно прижавшись к груди. Мягкий золотистый свет разлился по прихожей, и в волосах Любавы радужно засверкали мелкие капельки влаги. Склонив голову, я робко коснулся ее губ. Она замерла.

— Ну что, так и будем стоять? — Любава тихонько засмеялась. — Может, все-таки отпустишь меня?

Я все еще держал ее на руках, привалившись спиной к входной двери.

— Не хочу! — Я помотал головой. — Боюсь, исчезнешь.

— Куда я исчезну, дурачок? Пусти! — Она окинула меня критическим взглядом и скомандовала: — Давай сюда все мокрое. Да, и брюки тоже! Надо сушить и чистить. А сам отправляйся в ванну — хорошенько прогрейся.

— Ничего, не простужусь.

— Иди, иди, не повредит. Пока будешь париться, я успею умыться и соорудить ужин.

С охапкой моей одежды Любава скрылась за дверь. А я, оставшись в одних трусах, пошел разыскивать ванную.

Стол был сервирован на двоих. Пламя двух фитильков, плававших в ароматном масле, играло на хрустале бокалов, выхватывало из темноты приборы, бутылки с напитками, фрукты. Вкусно пахло жареным мясом. Убедившись, что хозяйка отсутствует, я направился к приоткрытой двери, из-за которой выбивалась полоска света. Осторожно заглянул. Это была спальня. Любава сидела перед зеркалом и, негромко напевая, заплетала косу. Неслышно подкравшись, я наклонился над ней и поцеловал. Она вдруг засмеялась.

— Ты чего?

— Слушай, а как же ужин?

— Подождет до утра. Объявим его завтраком.

В этот момент прозвучала громкая трель. Будто компьютер вознаграждал себя за долгое вынужденное молчание.

— Любава! Наконец...— едва возникнув, выдохнула Лола.— Я уже отчаялась...

— Ты что, не нашла ночью более интересного занятия, чем трезвонить мне?! — с раздражением оборвала ее Любава.— Я собираюсь спать. Поговорим утром.

— Слушай...— Лола совершенно не владела собой: ее голос срывался, слышались всхлипы.— Лиман умер...

Любава вся подалась к экрану:

— Как?!

— Я прилетела, а он не встретил. Навела справки и узнала... Его убила жена. Отравила из ревности!..

— Кто тебе это сказал?! Дикость какая-то!.. Не может быть! Закрыв лицо руками, Лола зарыдала.

— Это я во всем виновата... Все из-за меня...

— Постарайся успокоиться.— В голосе Любавы зазвучали властные нотки.— Ответь, откуда ты все узнала. Может, это идиотский розыгрыш?

— Нет... Я разговаривала со следователем Службы безопасности, который ведет дело о гибели Лимана. Он сам на меня вышел... Сначала сочли смерть естественной: экспертиза не показала следов насилия. Но Юлия, узнав о гибели мужа, сама сказала, что отравила его и назвала какой-то яд. Я не запомнила... Его присутствие очень трудно установить. Лишь зная о нем, повторная экспертиза подтвердила... На Тилле сохранился варварский обычай, по которому жена убивает неверного мужа и кончает жизнь самоубийством. Юлия покончила с собой...

— Страшно подумать...— промолвила Любава.— Кто ей рассказал?!

— Не знаю... Мне сказали, что ей прислали кристалл, на котором записаны некоторые моменты... Ну, такие, где мы вместе с Лиманом. Ужасно, но, мне кажется, следователь считает, что это сделал Гэл. Он очень настойчиво интересовался нашими взаимоотношениями...

— Возвращайся домой, завтра я навещу тебя.— Любава простилась с подругой.

- Что скажешь? — повернулась она ко мне.
- Ничего... Могу лишь посочувствовать твоей подруге.
- Верно, ты же ничего не знаешь...

— По-моему, здесь много знать не обязательно: следователь не дурак, полагая, что все подстроил бывший муж, Гэл Миз. Ревность — страшное чувство...

— Нет же, нет! Говорю, ты ничего не знаешь! Гэл не способен на такой поступок, да и не нужно ему это... Он первый охладил к Лоле. Какое-то время они еще жили вместе, но, когда начался ее роман с Лиманом, расстались окончательно. Гэл первым узнал о любви Лолы, она сама все рассказала, и отнесся к этому совершенно равнодушно. Даже с Лиманом остался в дружбе. Мне ли не знать?! Мы не раз встречались вместе...

- Мы — это кто?
- Ну, я, Лола, Лиман и Гэл...
- Узкий круг...

— Да, среди знакомых Лола и Лиман не афишировали свои отношения: Лиман не хотел, чтобы дошло до жены. Признаться, мне не нравилось, что он обманывает ее, но не вмешивалась... Не имела права... А что ты подразумевал, сказав про узкий круг?

— Получается, только ты и Гэл Миз знали про отношения любовников. Значит, если ты ничего не сообщала жене Лимана, как ни смотри, это мог сделать только Гэл!

- Нет! — твердо сказала Любава. — Ни он, ни я.

— А кто? Можно, конечно, допустить, что кто-то еще видел их вместе. Но, согласись, этот человек должен иметь веские причины скомпрометировать Лимана. Иначе как объяснить его рвение: не так-то просто записать на кристалл пикантные сцены... Почему ты так уверена в непричастности Миза? Мало ли какие чувства могли в нем вспыхнуть?!

— Помнишь, я сказала, что не имела права осуждать Лимана Фроса за обман жены?.. Ты правильно догадался: мои отношения с Гэлом были более чем дружеские. Правда, это я любила без памяти; он первое время просто развлекался. И не мучили его никакие угрызения совести: Лолу он воспринимал не более чем вещь, так, придаток к дому, где иногда бывал. Она, в известном смысле, даже мешала ему: приходилось соблюдать внешние приличия. Страдала я. Как же, муж единственной подруги!.. Но со временем он ко мне привязался и почти все свободное время стал проводить со мной. Конечно, мы хранили наши отношения в тайне, вряд ли Лола догадывалась о них. Но о его прошлых похождениях она кое-что знала. Поэтому, когда в ее жизнь вошел Лиман, без колебаний предложила Гэлу расстаться. А он только обрадовался: ведь теперь всю вину за разрыв Лола брала на себя. Сожалел лишь о детях — их он по-настоящему любил... Ну как, по-твоему, мог Гэл Миз из ревности послать этот проклятый кристалл?

— Пожалуй, нет... — Нарисованный Любавой облик Миза сильно изменил мой взгляд на вещи. Вместе с тем вновь вставал



главный вопрос: кто организовал убийство Лимана Фроса? Оставалась, правда, вероятность, что Мизом двигали какие-то иные мотивы, но тогда в равной степени можно было подозревать и Любаву: захотел кто-то из них расправиться с Фросом — вот и воспользовался удобным случаем.

— В конце марта, — продолжила Любава, — Гэл отправился в заповедник Амазонки. Он туда часто наведывался. Обычно ненадолго, дней пять — семь. Мы заранее договорились о встрече через неделю, задерживаться он не собирался. За день до срока связался со мной, сказал, чтоб завтра ждала. И не прилетел... Твоя Служба его до сих пор ищет. Думаю, он умер... А ты здесь потому, что я боюсь одна!..

— О Боже! И он умер! Что ж мы обсуждали, мог он или не мог подстроить убийство Фроса?! Кстати, спасибо. Вот уж не думал оказаться в роли сторожа. Показалось — я тебе нравлюсь... Чего ж ты боишься?

— Подожди! — остановила меня Любава. — Я расскажу... Извини, вырвалась глупость. Ты мне действительно очень нравишься. — Склонившись, она поцеловала меня. Потом погасила свет, легла рядом и, обняв, крепко прижалась. — Знаешь, — заговорила шепотом в самое ухо, — после исчезновения Гэла у меня возникло предчувствие беды. Почему-то стало казаться, что она вот-вот разразится над нами...

— Ты давно знаешь Лимана Фроса?.. Не совсем понял он и друг Миза, и любовник Лолы... Ты-то через кого с ним познакомилась?

Она не спешила с ответом. Опершись щекой о согнутую в локте руку, уставилась в темноту.

— Ни Гэл, ни Лола ни при чем, — произнесла она наконец. — Ты что-нибудь слышал о Терфе?

— Ну да: планета, которую закрыли для колонизации. Там что-то случилось с последней экспедицией. Кажется, все сошли с ума...

— Я работала в этой экспедиции... Гэл и Лиман тоже.

— Вот это да! Расскажи!

— О чем?

— Что с вами случилось. У меня смутное представление.

— Да рассказывать, собственно, нечего... Все пятеро подверглись неизвестному воздействию. Сошли с ума, как ты сказал. Хотя это не совсем верно: впали в состояние прострации. Почти одновременно. Правда, была и буйная фаза, которую можно назвать сумасшествием...

— Ты сказала, что впали в прострацию почти одновременно. Значит, все-таки кто-то раньше, а кто-то позже?

— Да. Вероятно, моя специальная подготовка психиатра позволила мне продержаться дольше... — Любава помолчала. — Хорошо помню начало: дикая боль в голове. В коридоре топот и крики. Распахиваю дверь. Лиман бьет с колена из энергатора неизвестно куда. Что-то лопается и пипит. Рядом на полу, сжимая оружие, лежит без движения Андерс Вэл. Я кинулась к нему и едва не поплатилась жизнью: Фрос обернулся на шум и выстрелил. Не знаю, как успела уклониться. Бросилась в глаза

его безумная гримаса. Наверное, вторым выстрелом он бы убил меня, но погас свет. Я побежала на центральный пост. Раздумывать было некогда — послала сигнал бедствия. Тут на пороге появился Гэл и стал методично расстреливать Главный компьютер. Дальше — все, провал...

— А пятый? — спросил я.

— Что пятый? — не сразу поняла Любава. — А, Тиман Гвич? Его не было на Станции. Он с утра улетел к установке на Гряде. Есть на Терфе такое образование... И его постигла та же участь. Только об этом я узнала уже на Земле, когда выздоровела...

— Андерс Вэл недавно погиб... Он был у вас начальником?

— Да, — рассеянно подтвердила Любава.

— Вы когда-нибудь собирались все вместе? Я имею в виду участников экспедиции.

— Один раз в прошлом году. На дне рождения Гэла. Хотели сделать это традицией. Договорились каждый год в этот день собираться у него дома без всякого особого приглашения. Это, кстати, послезавтра. Но видишь, как вышло... Теперь из всей нашей группы остались только я и Тим, Тиман Гвич. Он далеко, живет на Камосе... Давно с ним не виделась! — Любава вдруг встрепелась. — Как он?!

Похоже, она только сейчас включила Андерса Вэла в общую цепь погибших и была готова кинуться к экрану. Но я удержал.

— Подожди, успеешь связаться с Тиманом. Скажи, почему Вэл взял в экспедицию врачом тебя? Зачем ему понадобился психолог-психиатр?

— Во-первых, все, что необходимо знать обычному врачу, я знаю. А потом, в прошлых экспедициях встречались случаи психических расстройств. Правда, более легкие, чем в нашей: больные выздоравливали довольно быстро, еще на Терфе... Пригласив меня, Вэл, вероятно, хотел, чтобы за психикой группы следил специалист. Тем более я как раз занималась тогда аномальными расстройствами во внеземных условиях.

— Он ставил какие-то конкретные задачи?

— Абсолютно никаких.

Пока я обдумывал, что бы спросить еще, Любава встала и подошла к экрану. Зачем? Догадаться было нетрудно: сейчас ей просто необходимо убедиться, что с Тиманом Гвичем все в порядке.

Вызов долго оставался без ответа. Наконец экран засветился. Потирая глаза на заспанном лице, появился Тиман.

— Да... Кто это? А, Любава. Привет! Извини, я спал. Что случилось?..

#### IV

— Здравствуй, Тим... — В голосе Любавы слышалась нерешительность. Похоже, она не знала, о чем говорить. Но скоро нашлась: — С каких это пор ты спишь днем?

Действительно, на далеком Камосе сейчас день: за спиной ее собеседника через открытое окно был виден ярко залитый светом сад.

— Да вот, знаешь ли, решил перед дорогой: сегодня вечером вылетаю к вам на Землю, к Гэлу на день рождения. Всех вас хочу повидать. Но, понимаешь, совсем не могу спать в полете. Может, при встрече чего посоветуешь, как врач, а? Но все-таки, что случилось?

— Почему ты думаешь, что что-то произошло?

— Ну, во-первых, у тебя, вижу, ночь, а во-вторых — посмотри в зеркало! Так что выкладывай.

— Праздник не состоится, Тим. Гэл пропал. Андерс погиб. А вчера утром умер Лиман.

— Ну и новости... — изменившимся голосом промолвил Тиман Гвич. — Про трагедию Андерса я слышал. Но Гэл и Лиман!.. Что с ними?! Ведь Лиман только три дня назад был у меня. Совершенно здоровый. Собирался в экспедицию... Как же так?!

— Поговорим при встрече. До свидания. — Любава отключила связь. Погруженная в свои мысли, она как бы забыла о моем присутствии. При звуке моего голоса вздрогнула, не расслышала вопрос.

Я повторил:

— Ты знаешь, в какую экспедицию собирался Лиман Фрос?

— На Терфу.

— Но планета закрыта?!

— Закрыта, — подтвердила Любава. — Но есть твоя Служба космической безопасности...

— При чем здесь моя Служба?

— При том! — зло ответила она. — Ради своего любопытства можете наплевать на все запреты. Этим Лиман и воспользовался...

— Ничего не понимаю!

— Лиман был убежден, что мы подверглись на Терфе удару биополем. Даже рассчитал его параметры. Я сама по его просьбе помогала ему строить модель воздействия на психику. Кое-что удалось, но требовались дальнейшие исследования. А он одержимо считал, что достигнутых результатов вполне достаточно. И Андерс Вэл ему помог, у него самого зуд был опять оказаться на Терфе. Разработал и сделал экранирующий генератор. Происшествием с нашей экспедицией занимался небезызвестный тебе Альбин Фогг, вот, кстати, почему я его знаю. Лиман и Андерс — я в этом участвовать отказалась — сумели убедить его в необходимости продолжить следствие и предложили себя в качестве добровольцев. Он согласился, только с условием, что Андерс останется на Земле, слишком крупная фигура! Тогда Лиман решил, что и троих хватит...

— Кого троих?

— Гэла, Тима и его самого.

— А что, с ними он тоже договорился?

— Конечно! Отказалась только я. Сбор был назначен в день рождения Гэла, а старт — днем позже. С ними должен лететь Фогг с кем-то из сотрудников. И все это втайне от Высшего совета и Службы колонизации. — Любава вдруг остановилась



и растерянно посмотрела на меня: — Я не должна была тебе это рассказывать...

— Чего уж там. Теперь экспедиция не состоится.

— Пожалуй... Лететь некому...

## V

День — уже пробило одиннадцать — выдался таким же ненастным, как и ночь. С серого неба сыпался мелкий дождь, ветер раскачивал ветви кедров, гул которых доносился даже через плотно закрытое окно. По стеклу сползали капли, оставляя мокрые дорожки.

В спальне было тепло, но вылезать из-под одеяла не хотелось. Пересилив себя, я сел. Любавы не было, наверное, ушла в свою лечебницу. Рядом на кресле лежала моя одежда и сверху листок бумаги. Я взял его и прочитал следующее:

«Доброе утро, Вет! Надеюсь, ты хорошо выспался. Я не решилась потревожить твой сон, поэтому обращаюсь запиской. Костюм в полном порядке, завтрак на столе в гостиной. До двух я в лечебнице, потом отправлюсь к Лоле. Так что при необходимости знаешь, где меня искать.

Любава».

Потянувшись, я пошел в ванную. Взбодрился холодным душем, оделся и принялся за завтрак, обдумывая план дня.

Основательно подкрепившись, подсел к компьютеру. Было досадно, что в нашей Службе такой дурацкий порядок — курсанты по своему усмотрению не имеют права и не могут пользоваться архивом. Возможно, я бы за считанные минуты получил необходимую информацию. А теперь приходилось изобретать для этого окольные пути и скорее всего утробить уйму времени.

Меня интересовали обстоятельства гибели Андерса Вэла. Трагедия произошла на летнем карнавале в Европе. Но где конкретно? Европа велика! Поэтому первое, с чего начал, спросил, где он проходил. Оказалось, дело было в Италии под Миланом. В примечании указывалось, что к моим услугам подробная видеозапись праздника, но я отказался от просмотра. Выяснив далее, какое отделение Службы контролирует этот район, вызвал учебный отдел своей Академии. Подошла мама Нина — так все курсанты моей ступени называют нашего инспектора: она как мать — все про всех своих подопечных знает. О лучшем собеседнике и мечтать не приходилось, тем более что мама Нина меня выделяет и любит.

— Здравствуйте! — широко улыбнулся я.

— А! Ветик-цветик! Легок на помине: только сейчас о тебе разговаривали. Что у тебя там с Фоггом приключилось? Позавчера прислал отличный отзыв о твоей практике, а сегодня рапорт о нарушениях дисциплины! Это как понимать?

— Обязательно расскажу, только с глазу на глаз! Боюсь, сейчас кто-нибудь подслушает. — Я засмеялся. — А у меня к вам маленький вопросик...

— Давай любой, тебе — пожалуйста!

— Нина Александровна, кто из наших проходил практику в Отделении пятнадцатого сектора? И известно ли, где они сейчас?

Мама Нина не раздумывала ни минуты. Насмешливо сощурившись, ответила:

— Где сейчас, не знаю. Она после практики не объявлялась. А что, дома не отвечают? — И, приблизив лицо, тихо произнесла: — Попробуй поискать там, где были в прошлом году. Решил помириться?

Пришлось утвердительно кивнуть.

— Все видите насквозь! Спасибо, вы мне очень помогли. До свидания.

«Надо же. В пятнадцатом секторе работала именно Марика Афи!»

Такое известие не обрадовало. Вовсе я с ней не собирался мириться, но, хочешь не хочешь, обстоятельства подталкивали к встрече. Хотя нет худа без добра: среди моих товарищей вряд ли сыскать лучшего специалиста в следствии. «Не откажет же в конце концов она мне в разговоре по делу. Это ни к чему не обязывает».

Связавшись с Любовью, я сообщил, что улетаю. Узнав о ее намерении заночевать у Лолы, пообещал вечером туда заявиться. Любава замаялась, и я понял свою бестактность: у подружки горе, а мы будем любовь крутить!

— Ладно, ну хоть поговорить-то с тобой можно будет?

— Конечно! — В знак согласия она хлопнула своими чудесными зелеными глазами. — Вызывай. А завтра...

— Договорились! Пока.

## VI

По местному времени было половина девятого, когда, оставив гравилет на общей площадке, я по знакомой дорожке пересек молодой березняк и подошел к клубу. Миновав холл, поднялся в ресторан и вышел на открытую веранду. Несколько столиков было занято; за одним сидела большая компания полуголых парней и девиц, явно, несмотря на ранний час, возбужденная чем-то крепким. Но наш прошлогодний стоял свободным. Повесив на спинку стула куртку, я сел и не спеша закатал рукава рубашки. Автоматической раздачи здесь не было, обслуживал официант, который не замедлил явиться. Есть не хотелось. Попросил тонизирующий коктейль и, потягивая его, стал ждать.

Рика чрезвычайно пунктуальна. Если она здесь, то к девяти обязательно явится завтракать, и именно за этот столик. Я взглянул на часы. Было без десяти минут. А ровно в девять за моей спиной раздался голос.

— Здравствуй, Вет! Я ждала тебя... Знала почему-то, что прилетишь...

— Здравствуй, Рика! Вот видишь, прилетел... — Я себя почувствовал неловко после ее слов. Но, желая внести ясность, добавил: — По делу.

— А! Что ж, пойдём ко мне.

Я перекинул куртку через плечо и последовал за Рикой.

## VII

Домик был тот же, прошлогодний. Наверное, Рика позаботилась заказать его заранее, задолго до начала сезона. Удивительно все же ее постоянство в привычках. Разлад наш начался именно из-за этой черты ее характера. Внутреннее раздражение копилось сначала тихо. Но, когда меня посчитали своей собственностью и стали посягать на мои пристрастия и свободолюбие, я взорвался. Все высказал и ушел. Вот из этой гостинной... Потом год почти не виделись: у курсантов четвертой ступени занятия индивидуальные. При редких встречах в Академии лишь кивали друг другу издали. А ведь хотели пожениться, два года нас видели вместе. Но прожили месяц бок о бок, и вот...

Некоторое время мы оба молчали: я не спеша потягивал пиво, она ела. Наконец, отодвинув тарелку, спросила:

— Наверное, ты прилетел не только для того, чтобы поздравить меня с диссертацией? Чему обязана визитом?

Без предисловий я перешел к делу:

— Первого июня на карнавале под Миланом погиб Андерс Вэл. Это район отделения, в котором ты проходила практику. Все, что есть в Общем каталоге, изучил. Другой информации, сама понимаешь, взять неоткуда — архив Службы для меня закрыт. Вот и надеюсь, может, ты знаешь какие-нибудь подробности. Ну от сотрудников, скажем, слышала.

— При чем здесь сотрудники! Я сама была в составе следственной группы на месте. И заключение в архив писала...

— Ты для меня — клад! Рассказывай, рассказывай!..

Рика взяла чашку кофе, отпила глоток, поставила.

— А зачем тебе?

Кому другому я бы что-нибудь наплел, но с Рикой этот номер бесполезен. А потому сказал прямо:

— Я сейчас на свой страх и риск ковырню одно дело. И, может статься, гибель Вэла прямо с ним связана.

Рика еще раз отхлебнула кофе.

— Полагаешь, убийство? Напрасно. Эта версия отработывалась. Произошел несчастный случай...

— Ну, расскажи! — взмолился я.

И Рика все мне подробно изложила, вплоть до свидетельских показаний.

Я напряженно ловил каждое слово, не перебивал. И лишь когда она замолчала, спросил:

— Прости, вопрос покажется глупым, но все же... Не мог ли кто заменить ракету перед фейерверком или раньше?

— Вопрос как вопрос. Только, представь, и у нас голова варит: конечно, допускали такую возможность! Но отвергли.

— Почему?

— Видишь ли, ракеты довольно хитро закреплялись на установках. Заменить их — дело непростое. А тут, на глазах публи-



ки, незаметно... Нет, невозможно. Это бросилось бы в глаза. Особенно если учесть, что Вэл привез установки собранными. Что касается «заменить раньше» — тоже невероятно: он готовил фейерверк тайно, как сюрприз, все делал сам. Это утверждает его жена. Нет причин ей не верить.

— Ну, ладно. А когда выгружал и расставлял, наверное, у него были помощники?

— Конечно, нашлись. Карнавал! А Вэла знали и любили, каждый раз он придумывал что-нибудь этакое...

— Ну и представь: заменили установку в целом. Как-то все-таки узнали заранее, что он затевает, и заменили...

— Слушай, Вет, гадать и выдумывать можно сколько угодно!

— Успокойся, пожалуйста. Я хочу опровергнуть для себя даже самые идиотские мысли. Чутьочку терпения! Скажи, как выглядела установка?

Рика вздохнула:

— Раздвижная тренога метровой высоты с наклонной направляющей.

— Ладно. Проиграем такой вариант: некто бродит на карнавале с метровым предметом, сдвинутой треногой. Пока никто не знает, что это, на него и внимания не обратят!

— Пожалуй.

— Дальше прибывает Вэл. И вот тут наш некто под видом помощника ставит свое изделие в общий ряд! И ничего не уносит.

Похоже, терпение Рики истощилось. Но, пересилив себя, она ответила спокойно:

— Нет, и эта версия не проходит. Мы бы обнаружили лишнюю установку. Число изготовленных Вэлом удалось установить точно. По его записям.

Боже! Как я сразу не сообразил! С этого надо было начинать! Быстро спросил:

— Сколько их было на площадке?

— Все до единой — двадцать пять.

«Вот оно! Значит, я прав!» Установок могло быть только двадцать четыре: двадцать пятая ракета, посланная Мизу, сейчас лежала в моем гравилете!

Желая скрыть волнение, я залпом допил пиво и поставил банку на стол. Поднялся.

— Спасибо тебе. Извини за беспокойство.

— Да что там... Сожалею, что не смогла помочь. Уже уходишь?

Я кивнул.

— Что ж, до свидания. Может, еще как-нибудь навестишь. Теперь дорогу знаешь, она старая... Кстати, ты плохо изучил Общий каталог.

— Почему ты так решила?

— Не знаешь, как выглядит установка Вэла. Если б просмотрел видеозапись карнавала, знал. Что касается трагедии, запечатлено очень полно. Ведь снимали фейерверк, зрелище забытое...

«Черт! Зря, может быть, с утра отказался от просмотра!»

— Смотри, пожалуйста. — Рика стала собирать со стола посуду. — Только я уйду: через четверть часа играю в магбол, меня будут ждать...

Вероятно, я проявил полное отсутствие вежливости: бросился к компьютеру, даже не дослушав ее. Вызвал нужный сюжет и впился глазами в экран. Начиная с запуска первой ракеты, действительно было заснято все. И взрыв, и как люди устремились к расprostертому телу Андерса Вэла... Жаль, не была запечатлена подготовка к фейерверку. Но что поделать... Просмотрев один раз, я запустил сначала, на сей раз внимательно разглядывая зрителей. Они стояли на почтительном расстоянии от установок, выхватываемые из темноты разноцветными сполохами. При третьем просмотре обратила на себя внимание фигура в первом ряду. В противоположность окружающим, человек не выказывал бурных эмоций. При запуске последней перед взрывом ракеты уступил кому-то место и стал пробираться сквозь толпу. Сильный грохот заставил его обернуться, яркая вспышка осветила лицо. Я остановил изображение и дал увеличение. Невольно вздрогнул. Прямо мне в глаза смотрел Лиман Александр Фрос.

## VIII

«Что предпринять дальше?» — Я сидел, уставившись в потолок, будто надеялся прочесть там ответы на мучившие вопросы. Пытался связать воедино открывшиеся звенья цепочки загадок. Напрасно! Остро ощущался недостаток фактов.

Теперь предстояло работать сразу в нескольких направлениях.

«Хоть на части рвись! Эх, толкового бы помощника... — Я вскопчил: — Рика?! А почему нет! Только бы согласилась».

Можно было подождать ее возвращения, но медлить не хотелось. В поселке несколько площадок для магбола, предстояло лишь их обойти.

Но и этого не потребовалось. Она сидела на скамейке возле крыльца. Одета в спортивный костюм, с ракеткой на коленях, теребила локоны своей короткой стрижки.

Опустившись рядом с Рикой на скамейку, я положил ей руку на плечо.

— Чего тебе?

— Нужна твоя помощь.

Она резко отодвинулась.

— Нет уж, уволь.

— Дело важное. По пустяку не обратился бы. Пойдем.

— Куда ты меня тащишь?

Увидев на площадке мой гравилет, Рика остановилась.

— Я никуда не полечу.

Открыв машину, я извлек коробку, прихваченную в доме Миза. Снял крышку и показал ее содержимое. Рика в момент преобразилась.

— Вет, это же ракета Вэла!

— Угу. Между прочим, двадцать пятая.

— Откуда?

— Достал по случаю. Ну что, поговорим?

Гравилет быстро доставил нас к дому. Пройдя в гостиную, я устроился в кресле, а Рика прямо с порога спросила:

— Так откуда у тебя ракета? И почему, говоришь, двадцать пятая? По-моему, двадцать шестая: двадцать пять Вэл привез на карнавал...

— А не ты ли сказала, что изготовлено было всего двадцать пять?

— Верно. Мы это точно установили!

— Теперь слушай. Здесь в коробке кристалл с личным посланием Вэла одному приятелю. Вот он. Эту ракету он послал ему, ну, в подарок, что ли: хотел запустить на дне его рождения. В послании Андерс Вэл сам называет точную цифру изготовленных ракет — четверть сотни. Теперь считай, доктор математики: двадцать пять минус одна. Сколько должно было оказаться на карнавале?! Не веришь, сама просмотри запись на кристалле.

Но Рика не стала этого делать, лишь покачала головой.

— Значит,— продолжал я,— взорвавшаяся ракета была подставлена. Причем человеком, знавшим, что одной не хватает. Иначе он сильно рисковал: окажись на площадке лишняя установка, вы бы работали с большим рвением, заподозрив преднамеренное убийство. А так свели концы с концами и успокоились... Похоже, продумано все было тонко. Впрочем, это мое предположение. Может, убийца ничего не знал. Просто так совпало...

— Слушай, а этот приятель, кому адресовано послание?..

— Понимаешь, вроде бы посылка до него не дошла: я нашел ее в его доме в ящике пневмопочты.

— А сам он что говорит?

— К сожалению, наша с ним встреча не состоялась.

— Где же он?

— О! — Я поднял вверх палец. — Об этом я хотел попросить узнать тебя. У самого рук не хватает.

И рассказал Рике об исчезновении Гэла Миза в заповеднике Амазонки и его таинственном появлении пред очами моих ничего не подозревавших родителей. Закончив, спросил:

— Как, согласна?

Заинтригованная, она кивнула. Но вдруг спохватилась:

— Как же я, практикантка, поведу следствие без разрешения? Нам же запрещено!

— Скажи, какая законопослушная! А я как работаю? Сказал же: на свой страх и риск.

— А представляешь, что будет, если об этом узнают? — спросила Рика.

— Догадываюсь. И именно поэтому не спешу докладывать о своих открытиях в Службу. Когда все распутаю, тогда другое дело... Нет, ты, конечно, подумай хорошенько, прежде чем соглашаться. Нагореть может здорово. Да и покрутиться придется. Так что решай!

— Согласна! — Я заметил блеснувший в глазах Рики азарт.



В родительском доме никто не отвечал. Не повезло и на службе отца: кибер-секретарь приятным девичьим голоском сообщила, что Председатель Совета экспертов Эльм Тони Ник в настоящее время очень занят и на вызов ответить не может. «Если что передать — пожалуйста. Не забудьте только представиться». Но от этой любезности я отказался. Необходим разговор с глазу на глаз. Я послал еще один вызов. Доктору из отделения Альбина Фогга. Любопытно, какая там сейчас обстановка?

Развалившись в кресле, доктор прихлебывал из чашки что-то дымящееся, похоже, изнывал от скуки и был явно не прочь поболтать.

— А, Ник! Привет! Не забываете нас.

— Как же! Родное отделение. Что Фогг? Характер не улучшился?

Врач даже поперхнулся.

— Смеетесь?! Злой как черт! Между прочим, благодаря вам. Приятный у него состоялся разговор с начальником Криминального отдела Нардом.

— Вы откуда знаете?

— Сам сказал. А уж вас поносил!.. Понять можно: послезавтра в отпуск собираемся, и вдруг такое дело. Мы, признаться, тоже огорчены — хотели месячишко от него отдохнуть...

— Если не секрет, что-нибудь новое открылось? Ну, скажем, кто послал этот кристалл жене Фроса?

— Этого не знаю. Но, по-моему, не в кристалле дело.

Я насторожился.

— Разве? Ведь из-за него жена отравила Фроса. Она сама мне сказала.

Врач отставил чашку и придвинулся к экрану. Заговорил вполголоса:

— Это действительно секрет, но, думаю, вам можно... Жена угостила Фроса ядом муаго, он был обречен и все-таки умер по другой причине...

— От чего же?!

— Если б понять...

— А! — разочарованно махнул я рукой. — С чего вы взяли?

Недоверие, проскользнувшее в моем тоне, задело врача.

— Не уподобляйтесь Фоггу, молодой человек! Мы тоже кое-что умеем. Я ночь не спал, проводил анализ, а вы тут... Верите или нет — дело ваше, но действие яда должно было сказаться только завтра ближе к вечеру. Так-то! Заявляю со всей ответственностью.

— Фогг знает?

— Доложил.

— И что?

— Выругался, заперся у себя, а часа два назад куда-то улетел. Адреса не оставил...

Перекинувшись еще несколькими фразами, мы распрощались.

«Не по зубам тебе это дело, Вет Ник. Не годится оно для практики начинающего сыщика. Доложи, что узнал, умным

опытным людям и отправляйся весело проводить свои последние каникулы. Жаль, не послушался Фогга: давно бы уже гулял...»

Внезапно возникшая мысль заставила вздрогнуть. Она была настолько дикой, невероятной, что я тут же постарался ее отогнать. Напрасно! Будто заноза впиалась в мозг. Рука сама легла на клавиши управления. Не успев как следует осознать свои действия, я круто развернул гравилет и положил его на новый курс. Все визиты, и к отцу тоже, откладывались. Сейчас было важно подтвердить или опровергнуть мелькнувшую догадку.

Я бы предпочел опровергнуть...

— А, инспектор! Добрый день. — Молодой человек посторонился в дверях. — Проходите. Что случилось?

Приветственно кивнув, я переступил порог. Влюбленная пара, обнаружившая труп Фроса на озере, особенно не шикавала. Это был едва ли не самый дрянной коттедж в поселке: маленький, на самой окраине, с видом на заболоченный лес. Представляю, что бы мне высказала Рика в свое время, посели я ее в нечто подобное. Но, видно, бывают покладистые женщины, следующие принципу «с милым рай и в шалаше». Только позавидовать можно!

Хозяйка встретила меня приветливой улыбкой. Сейчас она была не в купальнике, а в платье, и спокойно выдержала мой взгляд.

Поздоровавшись, я устроился в предложенном кресле.

— Так что вас вновь привело к нам? — Парень устроился напротив. — Простите, забыл ваше имя...

Напомнить я не успел.

— Инспектор Ник, не так ли? — Девица легонько ткнула пальцем кончик его носа и села на подлокотник.

— У вас отличная память. — Улыбнувшись в ответ, я перешел к делу. Времени расшаркиваться не было. — Сейчас я покажу вам видеобразы нескольких человек, и если кого-то узнаете, постарайтесь вспомнить, где его видели.

Сосредоточившись, я не спеша стал воспроизводить на ладони портреты. Они склонились, внимательно разглядывая.

Шансы на успех были невелики, но они были! Их подкреплял расчет времени. Смерть Фроса, по заключению врача, наступила около восьми утра. Убийца, сделав свое дело, скорее всего поспешил уйти. Обнаруженные следы вели на другую сторону мыса. Добираться туда по болоту минут десять. Дальше он сел в лодку и отчалил. Куда? Вероятнее всего к пристани — других лодок на озере нет, и эту, чтобы не возникло подозрений, просто так он бросить не мог. Да и не было в тот день брошенных лодок, я проверял... Ходу оттуда до пристани на веслах минут двадцать, примерно столько же, что и до залива, где обнаружили труп Фроса. А заметили его влюбленные около девяти. Вот и получается, если верно прикинул, что они могли повстречать убийцу на пристани или около...

— Ой! — воскликнула девушка.

— Что?! — встрепнулся я.

— Это погибший.

Тревога оказалась ложной: действительно, я машинально воспроизвел Лимана Фроса. Но когда я сменил видеообраз, они, прежде чем ответить, переглянулись. И парень уверенно произнес:

— Этого мы видели. На пристани. Садись в лодку, а он только что приплыл...

— Спасибо. — Я поднялся.

Попрощавшись, вышел из дома. Факты — вещь упрямая, и с ними приходится считаться: и он, и она опознали Альбина Фогга...

## Х

На аллее возле озера я присел на скамейку и уставился на воду. Легкое головокружение появилось внезапно. По телу пробежала волна какого-то странного оцепенения. К горлу подкатил комок. Миг — и все прошло.

«На солнце перегрелся, что ли? — Откинувшись на спинку скамейки, я вслушался в свой организм, стараясь постичь причину столь незнакомых ощущений. — Вот уж не думал, что это грозит мне, уроженцу тропиков».

Когда это возникло вторично, я всерьез обеспокоился. Самостирование показало, что мой организм в полном порядке. Значит, неприятные ощущения возбуждались каким-то источником извне. Причем кратковременными импульсами. Судя по всему, воздействовали на мое биополе. Я осторожно осмотрелся. Аллея была пустынна. Никого из отдыхающих. Впереди за редкими деревьями лежало озеро. А вот за спиной! Там сразу начинался лес с густым подлеском. Вполне можно спрятаться в двух шагах, и не заметишь!

Неприятные приступы не возобновлялись, но у меня уже не было и тени сомнения: именно оттуда исходило неизвестное излучение. Спасибо Академии — кое-чему меня научили, развив природные способности: сконцентрировав внимание, я определил направление, в котором скрывался неизвестный. Наискок от меня шагах в пятнадцати и в пяти от края аллеи густо разрослась бузина...

Я встал и не спеша пошел по дорожке к посадочной площадке. Поравнявшись с зарослями, без подготовки прыгнул в чащу и сразу столкнулся с ним нос к носу. Внезапность решила исход: хватило одного удара.

Весьма приятный молодой человек без памяти сидел, привалившись к стволу сосны.

«Так-то, нечего за мной следить! И облучать всякой гадостью. Кстати, а чем?»

Я обыскал его, посмотрел вокруг. Ничего, кроме энергатора под мышкой и мелкой дребедени в карманах. Правда, наличие энергатора кое о чем говорило: парень был агентом Службы космической безопасности, на рукоятке выбит его личный номер. «Пригодится!» — Я сунул оружие в карман и продолжил поиск неизвестного излучателя. Не сразу, но все-таки догадался разжать его правый кулак. Небольшой цилиндрок длиной и толщи-



ной в палец. Крохотный огонек указывал, что он все еще работает. Странно, никакого воздействия я сейчас не чувствовал, испытав его лишь дважды, сидя на скамейке. Что это за прибор, я не знал, но оказалось, выключается он обычно: коснувшись пальцем, я погасил огонек. Для внимательного осмотра место было неподходящим, но удалось разглядеть мелкую маркировку по окружности вдоль торца. Буквы указывали, что эта штука медицинского назначения.

«Может, меня хотели от чего-то вылечить? — Я усмехнулся. — Согласия надо спрашивать!» Вышел из зарослей и направился на посадочную площадку.

На общую трассу, контролируемую автомат-диспетчерами, выходить не стал: скорость на ней регламентировалась, да и расстояние получалось больше. Экономя время, я взял управление на себя и полетел к отцу кратчайшим путем. Вот где можно было позволить разбежаться моей спортивной машине! Но я обуздал себя: надо было пошевелить мозгами, а во время бешеной гонки это невозможно. Гравилет и так шел гораздо быстрее, чем по трассе.

Привлекла внимание трель радара — поблизости появилась чья-то машина. Вероятно, кто-то, подобно мне, торопился. «Что ж, бывает». Я не придал этому значения: сигнал свидетельствовал, что наши курсы не пересекаются. Повторная трель заставила взглянуть на экран. «Интересно!» Неизвестный гравилет следовал точно моим маршрутом, причем догонял. «Радар у него неисправен, что ли? Или нахал какой?» Я решил посторониться и заложил вираж. «Пусть прет себе, неба ему мало!» Но минуту спустя радар вновь залился, на сей раз сменив мелодию; замигал сигнал тревоги: незнакомец опять висел у меня на хвосте. Расстояние быстро сокращалось. «Вот те на! Похоже на погоню». Чтоб не гадать, я резко увеличил скорость и не спускал глаз с экрана, наблюдая, что он предпримет. Сомнения рассеялись — меня кто-то преследовал: почти тотчас прибавила ходу и чужая машина. И это был не обычный транспортный гравилет. Те не умеют летать так быстро. Поступить можно было двояко: попытаться уйти — у моей машины был еще значительный запас мощности — или подождать дальнейшего развития событий. «С какой стати удирать, подобно зайцу?! Да и понять надо, что это все значит...» — я выбрал второй вариант и, сбросив скорость, полетел как ни в чем не бывало. Отключив, чтобы не действовал на нервы, звуковой сигнализатор, впился взглядом в экран. Едва неизвестный вошел в визуальную зону, обернулся. Прямо за спиной, на северо-западе, увидел ярко блестящую в солнечных лучах точку. Несколько мгновений спустя она превратилась в серебристый стремительно надвигающийся гравилет. Казалось, он собирается таранить меня. «Псих! Не иначе!» Меньше, чем в сотне метров я, не выдержав, резко рванул машину в сторону. И тут случилось непредвиденное: мой всегда такой послушный гравилет вместо заданного маневра вдруг стал падать. На пульте замигали огни — силовая установка вышла из строя! Мгновение спустя встряхнуло: вклю-

чилась аварийная автоматика и повела гравилет на посадку. Преследователь будто этого и ждал. Замедлив ход, зашел сверху и стал провожать к земле.

Конечно, я опешил от такого поворота событий, но усилием воли взял себя в руки. Пробежал пальцами по клавишам пульта. Загоревшийся в левом углу зеленый огонек позволил облегченно вздохнуть, от души отлегло. Я посмотрел за борт. Внизу простирался лес. Места были безлюдные. Мы плавно снижались на какую-то пропелсину, кое-где поросшую кустарником. Положив руки на рукоять управления, я глубоко вздохнул, стараясь подавить волнение. Что, собственно, переживать? Уничтожить меня не собирались, иначе давно могли бы это сделать. Хотят просто поймать. А это мы еще посмотрим, как получится!.. Бывает, что охотник и дичь меняются местами... До земли оставалось метров пять. «Пора!» Мой гравилет юркнул из-под брюха незнакомца и в мгновение ока оказался над ним, едва не зацепив колпак. Затем с максимально возможным ускорением рванул вверх. Ох, не позавидовал я преследователю! Вихрь гравитационного возмущения, созданного моей машиной, бросил его к земле. Расчет был точен: аварийная автоматика чужака успела сработать, гравилет не разбился, но мозги у пилота, видимо, встряхнуло основательно. «Знать надо противника!» — Я усмехнулся. Действительно, неизвестный, похоже, не ожидал от меня такой прыти. Не знал, что, кроме основной силовой установки, есть резервная, — гравилет-то спортивный! Обычно она заблокирована и используется только на соревнованиях...

Опустившись на поляну, я подбежал к поверженному гравилету и дернул дверцу. Их было двое. Пилот уткнулся разбитым носом в пульт, а пассажир запрокинул голову в кресле. Оба были без сознания. Схватив первого за шкуру, я выволок его на траву, а со вторым... Со вторым пришлось повозиться! Я чуть не попал впросак. Это оказался мой знакомый, оставленный под бузиной. Он пришел в себя и, едва я его коснулся, перехватил мою руку и нанес удар. Парировать мне удалось в последний момент, когда пальцы уже коснулись шеи. Бил он профессионально и точно! Резко рванув противника на себя, я освободился от его хватки и вскочил на ноги. Он тоже оказался на ногах! Сделав резкий выпад, я начал первым и наткнулся на глухую защиту. Не оставшись в долгу, он провел серию ударов. Все это напоминало обычную тренировку в Академии, правда, была в его движениях этакая вальяжная небрежность уверенного в себе мастера. На ней-то он и попался. Решив разом сломить мое сопротивление, высоко подпрыгнул, направив удар ноги в мою голову, и пренебрег предписанной теорией защитой. Увернувшись, я встретил его контрударом под ребра, а в момент приземления добавил по затылку. Доделал то, что не случилось при падении гравилета: мозги теперь у него окончательно съехали набекрень, и он затих на травке...

Передохнув, я осмотрел гравилет. Красивая серебристая машина без опознавательных знаков, спортивного типа, но с одной силовой установкой, запросто можно было от нее уйти. Внутри ничего любопытного. У пилота тоже обнаружил энергатор. Все

честь честью — с личным номером и эмблемой Службы космической безопасности. Оба парня были штатными агентами. Заглянув в неисправную силовую установку своего гравилета, я довольно быстро обнаружил маленькую, величиной с горошину, лишнюю деталь, включенную в цепь между управляющим компьютером и основным агрегатом. Видно, в назначенное время эта штучка сработала. «Засунули, хитрецы! Хотели взять меня без лишнего шума и посторонних глаз...» А действовали эти ребята явно незаконно — предъяви мне законные основания, я бы сам последовал за ними.

Уничтожив все следы, указывающие на меня, — пускай объясняются как хотят, — я включил в их машине аварийный маяк и сел в свой гравилет. Конечно, силовая установка заработала...

## XI

Дальнейший путь прошел без приключений, и я наконец добрался до Центра Службы колонизации. Никогда не запираю свой гравилет, но сейчас, наученный горьким опытом, тщательно заблокировал замки, настроенные на мой биоспектр. Даже подергал дверцы. Жизнь на посадочной площадке кипела всю — машины постоянно садились и взлетали. Мимо проходили люди. Среди них вполне могли быть приятели двух неудачников, отдыхавших сейчас на солнечной лужайке. Пусть видят...

Влившись в людской муравейник, я направился к зданию Управления. Небольшое трехэтажное строение посреди огромного парка не соответствовало своим видом грандиозным задачам, решаемым в нем. Всегда этому поражаюсь, когда бываю здесь: преобразование планет в безбрежном Космосе и какой-то домишко. Правда, в парке раскидано много других, но этот главный. Мозг, принимающий окончательные решения...

Отец уже ждал меня на ступеньках.

— Ты откуда?

— Мотаюсь по делам... К тебе по пути завернул.

— Какие дела? У тебя же каникулы!.. Сам вчера сказал, что все прояснилось, и теперь гуляешь. Или тебя выставили? — Он хитро прищурился.

— Нет, — улыбнулся я, — там все в порядке. Но вскрылось кое-что интересное, и поэтому хочу уточнить некоторые детали. В продолжение к нашему разговору...

— Ну! А я уж уши тебе надрать собрался за то, что отрываешь меня от работы, маясь бездельем.

— Хорошо ты обо мне думаешь, пап! Между прочим, не прилетел бы, если б не твой кибер-секретарь: побеседовали б по видео, но она не соединяет. Ангельский голосок, а по поведению — пес цепной.

— Правильно делает, мой приказ.

— Ты, папа, настоящий бюрократ. От людей прячешься. Интересно, мама тоже не может к тебе пробиться?

— А ты у нее спроси. — Он засмеялся. — Ладно, к делу! Я действительно занят. Поднимемся ко мне или прогуляемся?



— Походим.

Мы спустились в парк и свернули на маленькую дорожку.

— Меня интересует последний визит Миза, — начал я. — Ты сказал, что он был в нашем доме в начале апреля...

— Да. Именно в тот день, когда его стали разыскивать в заповеднике. Шестого апреля.

— Даже число вспомнил? — удивленно посмотрел я на отца.

— Нет, конечно. Мама вспомнила — у нее феноменальная память. Я проверил твое известие и спросил у нее.

— Не доверяешь? Буду знать... О чем вы говорили? Только сейчас меня интересуют не мамины воспоминания, а твои. Был момент, когда она оставляла вас вдвоем.

— За ужином? Было... Только разговором это назвать трудно. Знаешь, сейчас мне действительно кажется, будто он ждал, что я о чем-то заговорю первым. Но это сейчас! Тогда же, как всегда, был чем-то озабочен и не особо обращал внимания. Тем более считал, что прилетел он по делу к маме. Молчит и молчит. Может, настроение такое. Что приставать к человеку?.. Конечно, задал из вежливости какие-то вопросы. Отвечал он немногословно...

— А сам так ничего и не спросил?

— Нет... поужинал и попрощался. Хотя...

— Что?!

— Был вопрос! Поинтересовался, не знаю ли я что о Фросе. Так, спросил между прочим...

— А ты?

— Сказал, что только сегодня виделись. Навещал меня. Собирался встретиться с Любовью...

Я остановился как вкопанный. Отец не сразу заметил, сделал еще несколько шагов вперед. Обернувшись, спросил:

— Ты что?

— Когда у тебя был Фрос?

— Утром того же дня.

— И ты, конечно, не помнишь, зачем он прилетал?

— Конечно, нет. О чем-то просил... Какая разница. В его визите не было ничего необычного: мы старые приятели, и когда он на Земле — видимся. Может, даже у него и дела никакого не было...

— А что, в тот день ты вообще не был на службе? Утром Фрос, вечером Миз... С чего вдруг ты целый день сидел дома? Не замечал за тобой такого!

— Я тогда дней пять никуда не выходил — готовил отчет в Высший совет.

— Понятно. И еще один вопрос. Последний. Больше надоедать пока не буду... Совершенно случайно узнал, что незадолго до гибели Андерс Вэл хотел поделиться с тобой какими-то мыслями. Он успел?

— Интересно, как ты это узнал?.. Ну, ладно, ладно, — отец похлопал меня по плечу, — понимаю, профессиональная тайна. Вэл перебрал мне какие-то материалы, просил изучить. Мы договорились о встрече: хотел побеседовать с глазу на глаз. А на следующий день он погиб...

— Ты хоть взглянул, что он тебе прислал?

— Понимаешь... — Отец замаялся. — Каюсь, забыл. Иначе бы я, конечно, все бросил и изучил... Ну что ты на меня так смотришь? Что угодно вылетит из головы после такой трагедии...

Упрекать отца было бесполезно: его рассеянность порой не поддается описанию. Я лишь покачал головой.

— Прилетай вечером домой, вместе посмотрим. Обещаю, — извиняющимся тоном промолвил он.

— Постараюсь. Но прошу, посмотри, даже если меня не будет. Думаю, речь там о Терфе... Ну, я пошел. До вечера!

## XII

Я взглянул на часы. Любава должна быть у Лолы. Неплохо бы поговорить, да и консультацию заодно получить.

На вызов откликнулась Лола. Едва кивнув на приветствие, уставилась отрешенным взглядом в экран.

— Ищете Любаву, Вет?

— Она сказала, что в это время будет у вас... Я не ошибся?

— Нет. Сейчас... — Лола вышла из комнаты.

Вскоре на пороге появилась Любава. Выглядела она неважно. Усталой походкой подошла к экрану и опустилась в кресло. В ее облике чувствовалось нервное напряжение, однако, улыбнувшись, она подмигнула мне:

— Привет!

— Как у вас там?

Любава приложила палец к губам и покосилась на дверь. Я все понял: про меня Лоле она ничего не говорила.

— Так, сидим, сплетничаем.

— Ночевать там останешься? — спросил я.

Она кивнула.

— А завтра увидимся?

— Надеюсь.

Разговор не клеился, похоже, он тяготил ее. В чем дело, понять я не мог. Ладно, разберемся при встрече. Сейчас я собирался задать главный вопрос. Извлек из кармана приборчик, отобранный у соглядателя, и показал ей. Глаза Любавы от удивления округлились, но она приложила палец к губам и рукой показала на дверь. Кто же мог нас подслушивать?

— В общем, у меня все в порядке, — громко произнесла Любава. — Завтра с утра я в лечебнице. Как только станет ясно, когда освобожусь, разыщу тебя...

— Буду ждать.

— До свидания.

Странная наша беседа оборвалась.

«Как старит женщину горе». Я знал, что Анна Вэл ровесница моей мамы. Но выглядела она гораздо старше. Последний раз я видел ее очень давно, еще мальчишкой: уж не помню, по какому случаю Андерс Вэл с женой были у нас в гостях. Память сохранила образ красивой жизнерадостной женщины...

И вот, спустя много лет, я сидел перед ней на обширной веранде роскошного особняка. За спиной шумел морской прибой. В зелени сада шелестел легкий ветер. А она... Она казалась лишней среди окружавшего буйства жизни. Пожилая невзрачная женщина с потухшими глазами. На лице проступили морщины, особенно выделялись складки в уголках губ. Замкнутая, немногословная.

Когда договаривался с ней о встрече, меня она не узнала. Немудрено — столько воды утекло. Но достаточно было назвать имя моего отца, чтобы получить согласие. Целью визита не заинтересовалась. Сдержанно встретив, пригласила на веранду и, устроившись напротив, вопросительно взглянула. Я представился агентом Службы, и она все поняла.

— Со мной разговаривали. Несколько раз... Могу только повториться.

Чувствовалось, она желает лишь одного: чтобы ее наконец оставили в покое. Очень не хотелось лишней раз травмировать Анну воспоминаниями. Но что поделаешь?!.. Я мог лишь попытаться свести расспросы к минимуму.

— Не надо повторяться. Содержание бесед мне известно. Хотелось бы кое-что уточнить. Вы позволите?

Анна Вэл не прореагировала, смотрела куда-то в сторону. Я рискнул спросить:

— Моим коллегам вы сказали, что ваш муж готовил фейерверк в тайне от всех, как сюрприз на карнавале. Самостоятельно изготовил все ракеты. Так?

На сей раз она откликнулась:

— Да.

— Но вы-то знали, чем он занимается?

— Нет. Если Андерс имел секреты, то это секреты для всех. Я не исключение.

— Даже так... — Я был разочарован. «Уж если Вэл жене ничего не сказал, вряд ли посвятил кого другого». Безо всякой надежды спросил: — Может, сейчас, оглядываясь назад, вы знаете, откуда у него возникла идея фейерверка?

Ответ последовал неожиданно быстро:

— Знаю. Сейчас знаю...

Я замер, не перебивая. Почувствовал: она скажет сама. И не ошибся. Помедлив, Анна Вэл произнесла:

— Давно, еще в начале весны, был у нас один друг Андерса. Он-то невзначай и рассказал, что где-то вычитал о забытом старом зрелище. Андерс и ухватился: он каждый год голову ломал: чем позабавить людей на летнем карнавале.

— А как зовут этого друга? — спросил я.

— Лиман. Лиман Фрос.

— Скажите, а после он у вас появлялся?

— Был однажды. Незадолго до того... — Она на мгновение осеклась, но, взяв себя в руки, закончила: — Как все случилось. Но при мне ни о чем таком не говорили. Зная мужа, думаю, он молчал и без меня...

«И все-таки, видно, похвастался», — мелькнуло у меня, а вслух спросил:



— Вы хорошо знаете Фроса?

— Не особенно. У нас он бывал редко — живет на Тилле, — пояснила она. И вдруг спросила: — Думаете, он мог что-то подстроить?

— Я пока не делаю выводов... Простите, а вы рассказывали кому-нибудь из следователей, с кем беседовали, о Фросе?

— Сразу после гибели Андерса — нет. Они не задавали таких вопросов, а мне было не до того...

«Дураки безмозглые!»

— Но недавно прилетал один. Ему рассказала. Сейчас даже удивилась, почему вы спрашиваете? Наверное, работаете не вместе?

— Кто прилетал? — Я едва сдержал волнение. — Он представился?!

— Да. Старший следователь Альбин Фогт. Недели не прошло...

— Мы действительно работаем не вместе... Прошу извинить за беспокойство. — Я откланялся.

«На сегодня все. Домой!..»

Оставалось только связаться с мамой и попросить приготовить что-нибудь вкусненькое на ужин.

### XIII

Еще не дойдя до дома, я понял: у нас гости. В сгустившихся сумерках ярко светилось настезь распахнутое окно столовой. Родители сидели за столом и беседовали с кем-то невидимым, расположившимся в моем любимом кресле. Сейчас говорила мама. Я прислушался.

— ...быстро схватывает он все с детства. Ему многое дано. И музыкален очень... Отсюда и самомнение выше всякой меры. Исключительно сам знает, как надо жить. Не дай Бог посоветовать! Вспылит!.. Но остывает быстро. Главное, не обращать внимания. А вообще он добрый и отзывчивый...

«Любопытно, кому это меня так рекламируют?» — Вспрыгнув на подоконник, я свесил ноги внутрь комнаты:

— Привет! Вот и я.

— Фу, напугал, — махнула рукой мама. — Дверь не нашел?! Отец засмеялся.

— Добрый вечер. — В моем кресле с бокалом сидела Рика. — Узнала, что ты скоро будешь, решила навесить.

Я подсел к столу и налил себе вина, мама подвинула тарелку.

— О! Да у вас пир горой! — воскликнул я.

— Почему бы нет. — Отец чокнулся с Рикой и подмигнул маме. — Не каждый день в гостях очаровательные девушки.

— Ну, ну! Мам, присмотри за ним: он даже на службе велел приделать кибер-секретарю такой голосок!.. — Я закатил глаза.

Родители вдруг прыснули.

— Дурачок! — наконец произнесла мама. — И ты не узнал? Это же имитация моего голоса!

Тут уж засмеялся и я.

— Что ж, приятного аппетита.— Отец вышел из-за стола.—  
Пойду поработаю. Между прочим, изучаю материалы Вэла.

— Расскажешь?

— Поговорим утром. Еще не все просмотрел.

Вскоре по своим делам ушла и мама.

— Ну, что-нибудь узнала? — обратился я к Рике.

Она кивнула. Поставила недопитый бокал, прошлась по столовой. Стоя вполоборота ко мне, негромко произнесла:

— Миз тайно сбежал из Амазонии. Так что ищут его там напрасно.

— Ценная новость, особенно если учесть, что мне известно о его появлении в доме родителей.

— Не пронизируй. Ты хоть раз бывал в заповедниках?

— Не приходилось.

— Поэтому и не знаешь, что проникнуть на территорию, равно как и покинуть ее, без ведома охраны невозможно. Только чрезвычайные обстоятельства могли вынудить Миза на такое...

— Так как же он сбежал, если невозможно?

— В мусорном контейнере. Специальный гравилет забирает их в заповеднике два раза в неделю. Как раз шестого апреля был такой день. Пункт сбора мусора не особенно далеко от места, где работал Миз. Час ходьбы.

— Ты что, проверила?

— Конечно.— И, предваряя мои дальнейшие вопросы, Рика продолжила: — Даже совершила это увлекательное путешествие.

— В мусорном ящике?

— Ага. Они одноразовые, так что ничего страшного. Правда, комфорта никакого...

— Сегодня тоже день вывоза?

— Да. Именно это и натолкнуло меня на мысль... Сначала понаблюдала: погрузчик пропускает пустые контейнеры, забирает лишь полные. Я залезла в один из пустых, и моего веса оказалось вполне достаточно — контейнер погрузили. Выбралась из него уже на станции переработки. Она автоматическая, но там есть контрольный пост. Вызвала оттуда обычный гравилет и отправилась дальше по своим делам.

— Оригинально, — восхитился я ее находчивостью. — Но почему ты считаешь, что Миз поступил точно так же? Похоже, но где доказательства? Пока их нет, я готов допустить что угодно. Даже то, что у родителей был совершенно другой человек, а Миз к этому времени погиб в Амазонии.

Рика поморщилась.

— Еще будут версии? Неужели ты думаешь, что я... — Не закончив, она хмыкнула. — Короче, доказательства у меня есть. Со станции переработки не так часто вызывают гравилеты. Так вот, последний вызов был именно шестого апреля. А что надо сделать, вызывая гравилет?

— Дать компьютеру считать свой биоспектр... — Я догадался, о чем она.

— Именно! Чтобы было известно, с чьего счета списывать плату за услугу. И информация хранится в памяти компьютера

довольно долго во избежание недоразумений, если у кого-то возникнут претензии.

— Вот не знал! А как ты выудила ее? Не представляю!

— Я же доктор математики, в отличие от некоторых.

— Ладно, не зазнавайся. Значит, там запечатлен его биоспектр.

— Ну наконец, дошло!

— Слушай, Рика, а нельзя как-нибудь выяснить, куда он полетел от моих родителей? Ведь здесь он тоже вызвал гравилет.

— Увы... К сожалению, номер прибывшей машины не регистрируется. Если б ее удалось найти, тогда, может быть... Но это практически нереально.

— Жаль... Значит, дальше след Миза теряется. Кстати, ты поставила в известность о своем открытии ребят из местного отделения Службы? Чтоб прекратили напрасные поиски в джунглях.

— Конечно. Они такие обходительные, милые.— Рика улыбнулась.— Место, где Миз работал, показали. Сопроводить вызвались. Им в голову не приходило, что он способен на такое, и они честно продолжали поиски...

— Действительно, кому в голову придет?.. Ни с того ни с сего тайно удрать, если можно улететь нормально. Да и про мусорный ящик догадаться надо! А почему ты ищешь Миза, не поинтересовались?

— У тебя, наверное, спросили бы...

— А у тебя?

Рика покрутила браслет на запястье, вытянув руку, полюбовалась игрой вставленных в него камней. Не отрываясь от этого интересного занятия, произнесла:

— Иногда у женщин возможности шире... Там работает один мой давний поклонник. Дело прошлое, ты его не знаешь... В общем, я сразу обратилась к нему. Он был рад оказать услугу...

— Сейчас проверим, чего стоит твой поклонник! Значит, говоришь, он не задает лишних вопросов?

— Что ты надумал? — растерялась она.

— Попроси его выяснить, какие суммы списаны со счета Миза шестого апреля. И есть ли более поздние списания. Компьютер в углу. Ему, как сотруднику Службы, Генеральный банк ответит. Не то, что нам...

— А что? Попробую.— Рика села к экрану.— Только зачем?

— Давай, давай! Потом объясню.

Парень не подвел. Обаяние Рики действовало на него безотказно. Выслушав просьбу, он согласно кивнул. Минут десять спустя я уже изучал листок с цифрами.

— Смотри! Шестое — последний день, когда Миз пользовался счетом. Так, это он заплатил за вызов гравилета на помойку, это — за полет, очевидно, в наш дом. Ага! Опять плата за вызов. И вот последняя сумма. Она-то самая интересная! Обрати внимание,— сказал я склонившейся рядом Рике,— других списаний нет.

— Значит, столько он отдал за пользование гравилетом, когда улетел от твоих родителей,— поняла Рика.— Ну и что с того?



Мало ли куда он отправился в радиусе этого тарифа...

— Есть мысль! — Я поднялся и подошел к компьютеру. Ввел шифры двух домов, своего и Любавы, и запросил стоимость перелета. Суммы на экране и листке совпали.

«Вряд ли это случайность! Если допустить, что Миз искал встречи с Фросом, он и должен был отправиться туда. Ведь отец передал ему намерение Фроса навестить Любаву. И, судя по всему, Миз долетел. Но Любава его не видела. Обманывает? А зачем ей меня обманывать? Кто я такой?.. Черт! Ничего не понимаю. Тайное бегство из заповедника прямо к моему отцу. Ожидание какого-то разговора. И в итоге исчезновение. И со счета с того дня ничего не списывается. Должен же Миз как-то существовать? Питаться, передвигаться. Конечно, может, сидит на чем-то иждивении и пользуется частным гравилетом, за который платит хозяин. Вполне допустимо... Но вероятно и другое: Миза нет в живых. Фрос! Вот кто мог все подстроить... Проклятие! Но кто же тогда послал жене Фроса компрометирующий кристалл?!»

— О чем задумался? — спросила Рика.

— А! — Я махнул рукой. — Концы с концами не сходятся.

— Может, помогу?

— Попробуй... Как ты считаешь, какова роль Фогга в этом деле?

— Догадаться нетрудно. Фогг не убийца, он работает: ведет расследование! И занялся им гораздо раньше тебя.

— А как объяснить все, что я узнал, охоту на меня, наконец? Или не он послал этих ребят? Тогда кто?

— Скорее всего он.

— Не понимаю тебя. — Я был обескуражен.

— Тупой ты, Вет Ник! А еще кто-то считает тебя подающим большие надежды... Плесни мне вина. — Рика протянула бокал. — И присядь. Так и быть, растолкую.

Я даже не разозлился. Налив заодно и себе, вопросительно уставился на нее.

— На это дело как посмотреть, — смакуя вино, начала она. — С твоей точки зрения, его поступки выглядят, мягко говоря, странно. Но давай все-таки допустим, что Фогг занимается расследованием, и попробуем взглянуть на события его глазами. Итак, Фрос и Вэл уговорили его вновь заняться феноменом Терфы. Полететь туда. Гэл Миз и Тиман Гвич согласились принять участие в этой экспедиции. Только Любава Воря отказалась... Между прочим, Фоггу должны были представить весомые аргументы в пользу такого решения, иначе он вряд ли согласился бы: планета закрыта Высшим Советом, вся ответственность ложилась на него. И вдруг исчезает Миз, через пару месяцев погибает Вэл... Не думаю, что Фогг глупее нас: конечно, он внимательно просмотрел запись гибели Вэла и узнал Фроса. А уж когда выяснил, что именно он подбросил идею фейерверка, решил проконтролировать его действия в очередной визит на Землю. Возможно, поэтому Фогг и оказался на берегу...

— Да, — перебил я, — но Фрос тоже гибнет. И вовсе не от яда муаго.

— К яду вернемся. О нем Фогг тогда ничего не знал. Фрос умер на его глазах, и это, должно быть, поставило Фогга в тупик. Тем более, что первая медицинская экспертиза не обнаружила признаков насильственной смерти. И вот тут на арену выходишь ты!

— Я?!

— Да, да. Именно ты! В том, что молодой, горячий сотрудник, проявив служебное рвение, изучил доступную информацию и обнаружил некоторую странность в исчезновении одного и гибели двух участников последней экспедиции на Терфу за два с небольшим месяца, ничего подозрительного, конечно, нет. Твоя просьба поработать с архивом Службы естественна и понятна. Но Фогг просто не захотел впутывать тебя в это темное дело, возможно, по его мнению, далеко не безопасное. Потому и прогнал. Но смотри, однако, что дальше! Вместо того, чтобы послать все куда подальше, ты развил бурную деятельность. Сообщил Юлии Фрос о смерти мужа, что Фогг делать не спешил явно по каким-то соображениям. Иначе, как объяснить задержку? Вряд ли он забыл существующие положения закона... Самое главное, в разговоре с Юлией ты узнал о яде муаго, о кристалле с записью измен ее мужа. Стал свидетелем самоубийства. И доложил обо всем Бэру Нарду, начальнику Фогга. Чем не попытка получить разрешение на дальнейшее расследование? Ну, хотя бы не самостоятельное, а, скажем, в качестве помощника Фогга...

— Вот еще! В мыслях не держал,— перебил я.— Работать с этим крокодиллом?!

— Фогг мог думать иначе,— спокойно заметила Рика.— Именно так, как я сказала. Кроме того, представь, задал себе вопрос: почему ты так рвешься в это дело? Конечно, все объяснимо любопытством и романтикой, но! Не собираешься ли ты взять расследование под контроль? Кто знает, о чем ты говорил с Юлией Фрос? Содержание разговора известно лишь с твоих слов. Почему ты поспешил связаться с ней? Повторяю: есть вполне рациональные причины, все объясняющие, но при некотором воображении, а Фоггу его не занимать, можно предположить и другое: например, твою причастность к этому делу. Скажем, кристалл ей отправил ты...

— Фогг что, по-твоему, идиот?!

— Нет, мой дорогой, он — сыщик. Один из лучших, при всех своих недостатках. И обязан учитывать все факторы, даже самые невероятные. Тем более вскоре ты подкрепил его подозрения.

— Интересно, как?

— А твой разговор с ним в гравилете, когда он делал тебе выговор! До этого он мог полагать, что ты знаком с Фросом через отца. И вдруг увидел рядом Любаву Ворю, пятую участницу драматической экспедиции. Вы одни в ночном небе, скорее всего давно знакомы. Кстати, не исключено, что Любава у него на подозрении... Вот и дал Фогг команду присмотреть за тобой. Дальше, сам понимаешь, дело техники... Но,— Рика улыбнулась,— ребята не учли, с кем придется иметь дело!.. В общих чертах так. Понимаю, как трудно тебе это представить, приме-

ряя на себя, зная истинное положение. Но, поверь, со стороны твои действия выглядят весьма подозрительно...

— Да,— протянул я растерянно.— Убедительно... Не зря говорят, что ты королева логики. Будто Фогт сам тебе все рассказал.

— Ага.— Она засмеялась.— Сейчас шептал мне в ухо.

— Ну пускай шепчет дальше. Что хотел тот парень в кустах? Чем он меня облучал?

— Сейчас спрошу. Уважаемый Фогт, вы слышали? — подыграла Рика и уже серьезно обратилась ко мне: — Покажи прибор, Вет.

Я вынул его из кармана и протянул ей.

— Не знаю, что это,— изучив, покачала она головой.— Но ты прав, штучка медицинская. Давай узнаем.— Рика подошла к компьютеру.

— Запросишь каталог медицинского оборудования? — спросил я, потому что собирался сделать именно это.

Она кивнула. Набрала цифровое обозначение прибора и запросила информацию.

— Ваш личный ключ, доктор? — вежливо осведомился компьютер.

— Интересно,— сказала Рика, выключая экран.— Приборчик-то хитрый. О его назначении и свойствах простым смертным знать не положено. Безобразие! — Она повернулась ко мне: — Врач нужен, Вет. Да и всякий ли подойдет, не знаю,— покачала в сомнении головой.— Может, информация выдается только конкретным специалистам. Знать бы хоть область применения...

— Есть у меня один знакомый универсал. Завтра поговорю. Удрученные неудачей, мы помолчали.

— Знаешь, теперь понятно, почему эти горе-шпионы в открытую погнались за тобой и хотели посадить гравилет,— произнесла вдруг Рика.

— Ясное дело — хотели меня взять.

— Нет. Вряд ли у них был такой приказ. Просто хотели отобрать эту штучку, ну и энергатор заодно. Стыдно ребятам стало: с треском провалили задание. Представили, как нагорит им от Фогга! Вот и решили воспользоваться прерывателем. А его в силовую установку твоего гравилета скорее всего сунули заранее, как только у Фогга зародились подозрения. С дальним прицелом... Что, кстати, намерен делать с энергаторами?

— Отдам Фоггу при встрече — пусть поскрипит зубами. Вообще, после того как ты мне все растолковала, с ним надо объясниться: пусть не тратит свою энергию попусту!

— С огнем шутишь! Я бы, пожалуй, обратилась к Нарду. В-первых, все это лишь мои догадки, а во-вторых... Сзади!!! — внезапно закричала Рика, вскакивая с кресла.

#### XIV

Это не было неожиданностью. Уже несколько минут мной владела уверенность, что с улицы нас подслушивают. Кто? Я решил проверить догадку: провоцируя нападение, произнес



последнюю фразу, стоя спиной у окна. Необходимо было заманить этих приятелей в дом и окончательно с ними разобраться в присутствии свидетелей.

Я резко пригнулся к подоконнику. И вовремя. В окно влетели два молодца. Я тотчас нажал кнопку, и тяжелая рама захлопнулась, отрезав им путь к отступлению. Опрокинув кресло, обезопасил себя слева — справа была стена — и изготовился к обороне.

«Старые знакомые», а это оказались, конечно, они, не заставили ждать. Не обращая внимания на Рику, дружно кинулись на меня. Но, благодаря принятым мерам, схватился я лишь с одним. Второму помешало кресло. А в следующий момент ему уже и вовсе было не до меня: сбоку напала Рика. Волей судьбы мне противостоял тот же противник, с кем мы бились у гравилета. Яростно атакуя, он, наученный горьким опытом, был сейчас гораздо внимательнее в защите. Зато второй явно недооценивал Рику. Отражая и нанося удары, я с беспокойством посматривал за их поединком, но скоро успокоился. Действовала она расчетливо и хладнокровно, в своем обычном ключе: коварно маскируя превосходную технику, отступала, защищаясь с видимым трудом. Даже зная заранее об этой ее уловке, сколько раз сам на нее попадался! А уж нынешний противник, с самого начала не воспринимавший всерьез красивую девушку, терял бдительность на глазах. Я сосредоточился на собственной схватке и резко перешел в наступление. Все-таки жило в моем сопернике чувство превосходства, не смог он его преодолеть. Мою прошлую победу рассматривал как досадную случайность. И внезапно обрушившийся град ударов застал его врасплох. С трудом поспевая в защите, он стал выдыхаться. Ложно открывшись, я позволил ему атаковать, увернулся и поставил точку: сильный удар с двух сторон по шее — и он повалился.

Я посмотрел на Рику. Прижатая к столу, она казалась совершенно обессиленной. Меня взбесила ярость, с которой рослый детина нападал на хрупкую девушку. Заранее простив себе любую жестокость, я собрался вмешаться, как все взрывоподобно закончилось! Уклоняясь от удара, Рика резко бросилась влево и, используя инерцию противника, подсекла его ноги. Он уже падал, когда сложенные замком ее руки обрушились ему на затылок. Стукнувшись головой об стол, противник судорожно вцепился в скатерть и, увлекая ее за собой, сполз на пол. Грохот падающей посуды ознаменовал финал.

Дунов на разметавшуюся челку, Рика подмигнула мне и потерла ладони.

— Что происходит?! — Властный голос отца заставил нас вздрогнуть. — Что это значит, Вет? — Отец, а следом мама вошли в столовую.

— Боже!.. — только и смогла промолвить мама, охватив взглядом поле битвы.

— Ответ же наконец, — потребовал отец, — кто эти люди?

— Понятия не имею. — Я пожал плечами. — Мы сидели, беседовали... Они ворвались через окно. Пришлось проучить. Хулиганы, наверное... Мам, вызови Службу безопасности.

— Сейчас, сынок...

Рика подошла и негромко спросила:

— Может, сперва кое-что узнаем? — Она указала глазами на поверженных.

Я мотнул головой:

— Бесплезно. Будут молчать.

Трех минут не прошло, как у крыльца опустился патрульный гравилет. В комнату вошли трое агентов. Отец встретил их у порога.

— Добрый вечер, уважаемый Эльм. Что случилось? — осведомился старший.

— Хотел бы я знать! Вот эти двое ворвались через окно. Сын и гостя вынуждены были защищаться.

— Чистая работа! — Осмотрев лежавших, старший обернулся ко мне. — Ваша?

Я не успел ответить.

— Этот мой, — негромко сказала Рика, опустив глаза.

— Ваш?! — Он соразмерил габариты победительницы и победенного и недоверчиво покачал головой: — Шутите, девушка?

— Правда, — подтвердил я.

— Профессиональные удары... Откуда вы с ними знакомы? — спросил старший агент.

Мы молча воспроизвели на ладонях наши курсантские знаки.

Его лицо расплылось в улыбке.

— О! Коллеги!

Больше вопросов он не задавал, а обернулся к одному из помощников:

— Миша, приведи этих в чувство!

Мы с Рикой с улыбкой переглянулись: знал бы этот старший агент, что лежавшие на полу в гораздо большей степени его коллеги. Ну да ладно. Хвастаться, над кем одержали победу, мы, понятно, не стали.

Тем временем оба субъекта пришли в себя. Как я и ожидал, на вопросы они отвечать не пожелали. Молчали, словно немые.

— Ничего, разберемся. Давайте их в гравилет. Всего доброго, Эльм. Если что — вызывайте. Но, думаю, с таким сыном, а особенно с такой гостьей, — старший улыбнулся Рике, — опасаться нечего.

Патруль улетел.

— Идите в гостиную, я должна здесь убраться. А вообще спать пора! — выставила всех мама.

Недоверчиво хмыкнув в мой адрес, отец ушел к себе. А мы отправились заканчивать прерванную беседу.

## XV

— Так на чем мы остановились? — Я включил свет и предложил Рике сесть в кресло. — Да! Ты сказала, что я шучу с огнем, желая объясниться с Фоггом. Мол, во-первых, все, что о нем рассказала, — лишь версия, а во-вторых?..

— Уже неактуально. Хотела тебя предостеречь от подобного нападения. Потрясающе! Они ворвались именно в этот момент!

— Да уж. Чего не бывает... Ну, ладно. Уже поздно. Пора поговорить о дне завтрашнем.

— Подожди! — перебила Рика. — Утром ты меня еще кое о чем просил. Я сделала, хоть было нелегко. Не помнишь?

— Имеешь в виду запрос в Единый информаторий относительно литературных интересов Фроса? Когда только успела и как?!

— Какая разница? Смогла.

— Восхищен, но, к сожалению, а может, к счастью, не знаю... — Я замаялся. — В общем, это оказалось не столь необходимо. Нет, конечно, я тебе очень благодарен. Однако сама понимаешь, что я надеялся узнать; не интересовался ли он чем-нибудь, связанным с фейерверками? А все встало на свои места после разговора с вдовой Вэла. Я ж тебе рассказал: она сообщила, что идею подал Фрос. Так что... — Мне было неловко, заставил Рику проделать напрасную работу. Какого труда наверняка это стоило.

Но, выслушав мою сбивчивую извинительную тираду, она осталась невозмутимой.

— Не стоит оправдываться, Вет. То, о чем ты говоришь, я усвоила. Однако моя работа может оказаться не такой уж бесполезной. Обнаружилось кое-что любопытное. Сразу скажу: действительно Фрос дважды изучал какое-то старое пособие по пиротехнике. В январе и апреле. Но я сейчас не об этом. Скажи, а ты помнишь, кто он по специальности?

— Биохимик-адаптатор, Служба колонизации, — машинально ответил я.

— Верно. А ведомо тебе, что он был или по крайней мере пытался стать настоящим энциклопедистом?!

— Ну?! Интересно!

— И мне тоже. Настолько, что я не ограничилась рамками твоей просьбы изучить его заказы за последнее полугодие. А охватила последние три года. Да! — предварила Рика мой вопрос. — Конечно, я полюбопытствовала, что это за человек, — ведь ты про него ничего не сказал, — и узнала о его участии в экспедиции...

— Не томи. Давай дальше!

— Так вот, — не спеша, продолжала она. — До экспедиции на Терфу Фрос пользовался информаторием нечасто. Знакомился в основном с работами по специальности и из смежных областей. А вот после, месяца два спустя, — взрыв!.. Да сам взгляни. Весь список я перекинула на себя.

Рика пошла в столовую к компьютеру, где мама все еще ликвидировала последствия сражения. Через несколько минут появилась с несколькими листами. Молча их протянула.

Пластик был густо исписан.

— Это за два года! — изумился я.

— Даже чуть меньше... Обрати внимание на тематику. А последний лист для сравнения: за весь год до экспедиции.

С него-то я и начал. Десятка два специальных работ, несколько развлекательных гипнофильмов, заявки на музыку... Отложив этот лист, углубился в остальные. Разительное отличие!



Чего тут только не было!

— О какой тематике ты сказала? Здесь сущий винегрет! И математика, и история, и техника, и философия, и даже не знаю как назвать: работы на стыке наук... А это что?! «Основы теории музыки с иллюстрациями», следом «Принципы информационного компьютерного обмена»... И дальше так?

— Да, — ответила Рика. — Я же сказала: похоже, он решил стать энциклопедистом.

— Нет, скорее это напоминает... — Я покрутил пальцем у виска. — Может, он так до конца и не излечился после Терфы? Смотри, тут указано время. Больше трех часов он ничего не изучал — стало быть, заказывал ускоренный просмотр. И так с самых первых дней...

— Не забывай! Фрос после Терфы был еще в одной экспедиции. Проходил медицинский тест-контроль. Так что сдвиг психики маловероятен.

— Много эти врачи знают! Факт-то налицо. Вот чем им надо было поинтересоваться. — Я потряс листами. — А не тест-контролем!

— Что ты разошелся? Успокойся. — Она попыталась меня урезонить. — Материалы эти надо проанализировать...

— Что тут анализировать?! — Я вновь взорвался. — Три дня бегаю, высунув язык, с ног валюсь от усталости, головой рискую. А разгадка-то вот! Эти врачи проглядели сумасшедшего маньяка, который дошел до убийства людей. И ты еще весь вечер молчала! Сразу надо было это показать!.. — Теперь, когда все встало на свои места, тяжким грузом навалилась усталость от прошедшего дня. Откинув голову на спинку кресла, я с трудом удерживал потяжелевшие веки. — Пора спать, договорим завтра. Все равно делать будет нечего... — Я потянулся. — Мама постелила тебе в комнате для гостей. Пойдем провожу...

— Нет уж, — холодно прозвучал ее голос. — Закончим сегодня! Потерпи. Пусть Фрос — маньяк-убийца. Но его-то кто убил?

— Никто. Может, сам умер от болезни, — лениво обронил я, зевая. — Или от яда. Доктор-то мог ошибиться со сроком...

— Допустим. А кристалл к его жене попал от кого?

— Ну хватит, — попросил я. — От Миза, наверное, и послать он мог его довольно давно. Юлия ведь могла долго колебаться, прежде чем отравить мужа. Не простой шаг-то...

— Может, все так, а может, и нет. Нельзя превращать расследование в игру: вроде обо всем догадались — бросим! Остались непонятные факты, и мы обязаны с ними разобраться.

— Завтра! Обо всем завтра...

Но она была неумолима.

— Сядь. И послушай. Все, что изучал Фрос, я проанализировать не успела, да, наверное б, и не смогла. Но, что мне близко, вопросы математики рассмотрела. И вот: прослеживается четкая система! Сначала идут фундаментальные основы, потом он углубился в частности практически во всех областях. Не похоже на сумасшедшего...

— Да? — Я встрепенулся. — Что ж, давай анализировать... Только, думаю, лучше обратиться к отцу. Попросим подключить

экспертов. Пусть разберутся, что означает этот список. Если он еще не спит, отдам ему сейчас. Все?

Рика не ответила.

— Что ж, продолжаем работать, — сказал я. — С утра постараюсь разобраться с прибором, которым на меня воздействовали... И еще одно дело. Завтра с Камоса прибывает Тиман Лори Гвич, участник той же экспедиции. Надо за ним присмотреть: мало ли что! Сам, боюсь, не успею: лайнер в полдень.

— Сделаю, — пообещала Рика и поднялась.

— Теперь спать?

— Да. Спокойной ночи. — Она пошла к двери. — До завтра.

— Ты куда?

— Домой, — бросила она через плечо и скрылась.

«Может, так и к лучшему...» — Я поднялся к себе.

Отец еще работал. Увидев меня, что-то хотел сказать, но я лишь мотнул головой:

— Завтра.

Вручил ему листы с заказами Фроса. Более-менее связно объяснил, что мне нужно.

Наконец, рухнул на постель.

Сумасшедший день кончился...

## XVI

Давно уже рассвело. В окно врываются лучи солнца. Рядом стоял отец и тряс мое плечо:

— Вставай, сыщик. Работу проспишь!

Сев рывком на постели, я посмотрел на часы. Без чего-то семь. Тут же улегся вновь, отвернувшись к стенке, пробормотал:

— Пораньше не мог?.. Какая работа, пап? У меня каникулы...

— Поднимайся, говорю, — не отставал он. — Через час я улетаю, не увидимся до вечера.

— Ну и что?..

— Все, о чем ты просил, я сделал.

Наконец до меня дошло: отец хочет сообщить нечто важное.

— Сейчас! — Я побежал умываться.

Отец ждал меня в кабинете, устроившись у компьютера. По всему, эту ночь он провел без сна: усталое лицо, глаза покраснели... Но одновременно чувствовалось в нем какое-то внутреннее возбуждение. Едва я появился на пороге, он указал на стул рядом.

— Я изучил материалы Вэла. Жаль, не сделал этого раньше. Ты оказался прав: речь идет о Терфе... — Отец помолчал, повернулся к экрану: — Вот, смотри.

Появилась какая-то длинная формула.

— Что это? — уставился я на запись.

— И не пытайся вспомнить: такого ты не проходил в Академии. — Отец усмехнулся. — Да и не только ты... Это последнее открытие Андерса Вэла, уравнение взаимодействия гравитационного и биополей. Я не привожу математические выкладки, они довольно сложны, но поверь: этот вывод строго обоснован.

— Хорошо, но при чем здесь Терфа? Какая связь?

— Вэл полагает... полагал,— поправился отец,— самая прямая. Видишь ли, характер поражения участников последней экспедиции напоминал, по последствиям, удар биополем. Знаешь, наверное, что у наших медиков есть специальные генераторы биополя? Их в особых случаях используют для лечения различных расстройств организма, в частности — психики. Можно, например, избавить человека от какой-нибудь мании, заставить забыть навязчивую идею... Словом, тут был похожий случай, только воздействие, приведшее к потере рассудка, должно быть во много раз сильнее. Но мы отбросили такую возможность.

— Почему?

— Большая часть пострадавших находилась внутри Станции, а ее стены непроницаемы для биоволн, впрочем, как и для других видов излучения.

— А если допустить удар изнутри Станции?

— Не перебивай! У меня мало времени и некогда отвечать на глупые вопросы. Подумай сам, как же в таком случае в то же самое время это воздействие поразило и пятого участника экспедиции, который находился за несколько десятков километров?

— Правда. Извини...

— Так вот, мы эту идею отбросили. Но ничего другого придумать не смогли. Исследования после закрытия Терфы как-то сами собой прекратились... Однако оказалось, что с этим не смирились сами пострадавшие. И в первую очередь Лиман Фрос.

— Фрос?! Откуда ты знаешь?

— Из сообщения Вэла. Со мной Лиман не делился... А именно он продолжал развивать идею биоудара. И безуспешно. Я говорил тебе, что врачом в экспедиции была Любава Воря, едва ли не лучший специалист психолог-психиатр в Службе колонизации. Они напару рассчитали параметры этого поля и построили модель воздействия на психику. На этом этапе Фрос и обратился к Вэлу. Андерс сам говорит, что поначалу несерьезно отнесся к изысканиям Лимана. По той же причине, что и все: как поле проникло внутрь Станции? И вот тут Фрос выдвинул идею, которая, по нынешним представлениям, невероятна: да, Станция защищена от всех полей, кроме одного — гравитационного. Лишь оно проникает внутрь беспрепятственно. И, если его определенным образом промодулировать, вступает во взаимодействие с биополем. При этом у человека возможен сдвиг основных линий биоспектра, что, скажем, может привести к потере рассудка. После снятия гравитационного воздействия биополе некоторое время находится в возбужденном состоянии. Основные линии испытывают микроколебания, что проявляются у человека в виде психического расстройства. Наконец эти колебания затухают — наступает выздоровление.

— А что, — наивно спросил я, — взаимодействие биополя с гравитационным считается невозможным?

— По крайней мере до сих пор экспериментальных подтверждений не было. И вряд ли Андерс взялся бы за работу, если бы Фрос не описал примерный характер модуляций. Вэл сам говорил, что занялся этим на досуге, чуть ли не в шутку, скорее из



желания доказать Лиману принципиальную невозможность подобного, собираясь убедить, что теория поля — область не для дилетантов. Действительно, Фрос — биохимик. Откуда ему глубоко знать этот предмет? А видишь, чем кончилось?! — Отец кивнул на уравнение.

Я молчал.

— Это еще не все, — продолжал он. — Андерс и Лиман изучили гравиметрические данные за все время освоения Терфы. Действительно, в момент происшествия с экспедицией приборы зарегистрировали некое слабое возмущение гравитационного поля планеты. Кроме того, случаи расстройств психики, правда, куда более краткие, наблюдались и у некоторых участников прошлых экспедиций. Оказалось, что и они совпадали по времени с возмущениями.

— Да, но тогда по одному, а здесь вся группа... Что, по-твоему, это значит?

— Не знаю... Сам Андерс полагал, что это РАЗУМНОЕ действие, направленное на изгнание людей с планеты. Или попытка Контакта.

— Контакт?!! Но с кем? У Вэла были какие-нибудь гипотезы?

— Гипотезы?.. Видишь ли, Вет, почти всегда, когда ученый излагает свои взгляды в виде гипотезы, для себя он уже все решил. Уверен в своей правоте... Особенно ученый такого масштаба, как Андерс... Непонятно только, почему Фрос, столь продвинувший исследования, не допускал возможности разумного воздействия, довольно беспомощно пытался объяснить модуляции гравитационного поля естественными причинами. Будто вдруг поглупел. Ведь аргументы Вэла очень весомы... Теперь не спросишь...

Вроде отец обращался ко мне, но одновременно, казалось, был погружен в свои мысли.

— Пап, непонятно... — робко произнес я.

— Да, прости... Вэл указывает носителя разума. БОЛЬШАЯ КАМЕННАЯ ГРЯДА — вот кто, по его мнению, хозяин Терфы.

— Гряда?! Камни?!!

— Именно так. Как бы невероятно это ни казалось! Я тебе рассказывал о непонятных явлениях, которые имели место вблизи нее. О спорах планетологов относительно ее происхождения. Цепь высоких однородных скал, опоясывающая почти точно по меридиану от полюса к полюсу всю планету. Практически не подверженная эрозии в инертной атмосфере. Ни одной гравитационной аномалии на всем протяжении. Хотя в целом на Терфе их немало. Отсутствие аномалий и заинтересовало Вэла. Смотри, — отец опять повернулся к экрану, — вот гравиметрическая карта, составленная им. Красным выделены зоны таких аномалий. Самое интересное: гряда всегда их огибает, следуя точно по границе. Пересекает лишь однажды. — Он указал на большое красное пятно в южном полушарии. — И удивительно! Справа и слева сила тяжести несколько выше, на самой гряде остается неизменной. Можно, конечно, попытаться объяснить все это естественными тектоническими процессами. Гравитационные аномалии расположены обычно там, где кора планеты сложена

из наиболее твердых пород. Поэтому при образовании гряды разлом проходил по границам таких областей. А вот здесь, — отец вновь указал на обширное красное пятно, рассеченное грядой, — отклонение от общего направления было бы весьма значительно, поэтому не устояли и твердые породы. Все это правдоподобно. Неясно лишь, почему столь грандиозный катаклизм, по существу располовинивший Терфу, практически никак не отразился на остальной поверхности планеты. Преобладают-то равнинные ландшафты! И еще один непонятный момент: сила тяжести на гряде всюду одинакова — и на полюсах, и на экваторе. Хоть планета и вращается вокруг оси быстрее, чем Земля, где это различие вполне поддается регистрации. Так что в целом гряда очень похожа на искусственное образование. После тщательного анализа Вэл уверовал, что она — форма организации разума, постигшего такие тайны гравитации, которые нам, людям, и не снились. А может, это результат эволюции цивилизации Терфы, которая в прошлом, не исключено, была биологической. Во всяком случае, иначе откуда она знакома с биополем? Все это верно, если разделять выводы Андерса Вэла. Словом, он считал, что гряда — коллективный разум, который создал в масштабах планеты идеальные условия для своего практически вечного существования. И вот пришли мы. Стали насыщать атмосферу кислородом. Для хозяина планеты возникла реальная угроза гибели от этого окислителя. И он постарался нас изгнать, а может, хотел объясниться... Впрочем, что мы знаем? Возможен ли вообще какой-либо контакт между столь различными цивилизациями? Однако Андерс считал чуть ли не преступным легкомыслием просто закрыть планету и обо всем забыть.

— И что ты собираешься делать? — спросил я после затянувшегося молчания.

— Собираю Совет экспертов. Доложу. — Отец поднялся. — Извини, мне пора. — Он вышел, но вдруг вновь заглянул в кабинет. — Кстати, чуть не забыл! Ту абракадабру, которую ты мне подсунил перед тем, как уйти спать, проанализировали. Вон лист с результатом. Любопытная штука: этот субъект вовсе не сумасшедший, как кажется на первый взгляд. Во всем — система. Правда, на мой взгляд, пустое занятие — он решил обогатиться знанием чуть ли не всех достижений человечества. Интересно, кто это?

— Так, один дилетант, решивший прослыть энциклопедистом. Меня интересовало, насколько он глубоко копает. — Я постарался улыбнуться, скрывая имя.

— Ну-ну. До встречи. — Отец помахал рукой.

Минут пять спустя и я поднял свой гравилет. Отдав компьютеру необходимые команды, развернул листок с анализом требований Лимана Фроса.

## XVII

А здесь все лил дождь. Мелкий, противный. Гонимые ветром, обрывки низких туч цеплялись за верхушки промокших кедров,

окутывали их туманной мглой. И было очень холодно: будто не разгар лета на дворе, а поздняя осень. И только воздух был отрадой — какой-то легкий, чистый, пьянящий запахами хвои, молодой травы и почему-то грибов, хоть время их пока не наступило...

Приятно сознавать себя собственником чего-то хорошего, что во всем мире принадлежит лишь тебе одному. Особенно если это улыбка любимой женщины. Я сидел в кабинете Любавы.

— Ждала тебя только к вечеру. Сейчас работа... — будто извиняясь, произнесла она. — Еще часа три...

— Вечером само собой. — Я поднялся, вспомнив наконец о деле. — Есть вопрос. Вот. — Я достал прибор, отобранный у горьсыщиков, и протянул ей.

— Откуда у тебя психограф?!

— Ага! Значит, эта штука называется психограф.

— Ты даже не знаешь, что это за прибор? — еще больше изумилась Любава.

— Понятия не имею. Но вижу: тебе он отлично знаком. Надеюсь, просветишь? А то в медицинском каталоге почему-то сведений нет...

— Действительно, сведений там нет. — Любава испытующе смотрела на меня. — Потому что даже не всякий психиатр имеет право с ним работать. И уж не знаю, какое разрешение нужно, чтобы он попал к агенту Службы космической безопасности...

— Так что это за психограф такой?! Не томи...

— Объясни сначала, как он к тебе попал, — потребовала она. — Дальше посмотрим...

— Этим психографом меня вчера пытались подлечить, сам не знаю от каких болезней. Мне это пришлось не по вкусу, и я изъясил его у «доктора». Видишь ли, неприятно, когда о твоём здоровье пекутся, сидя в кустах... Короче, меня интересуют два аспекта: не повредила ли эта штука моему организму, и чего этот «лекарь» добивался.

— Ну, насчет первого могу успокоить — действие совершенно безвредно. А вот со вторым... — Любава задумалась. — Я расскажу, только обещаю, что отдашь психограф мне.

— Идет, — согласился я, хоть это и не входило в мои планы. — Я и пользоваться-то им не умею. Так что это?

— Аппарат для записи мыслемодулирующей биополя. Процесс мышления вносит переменные изменения в биополе человека. Их-то психограф и регистрирует. Полученные мыслеграммы расшифровываются по специальной программе и преобразуются в видеобразы. Попросту говоря, можно воочию увидеть, о чем ты думаешь. Понимаешь теперь, почему не всякому можно доверить этот прибор? Правда, хороший результат возможен, если человек не занят активной физической деятельностью. Иначе картина получится смазанной...

— Точно! Я сидел на скамейке и размышлял.

— Идеальный случай, — подтвердила Любава. — Если хочешь, могу продемонстрировать расшифрованную запись твоих мыслей.



— Любопытно, что там записалось. Скажи, а вас после Терфы обследовали психографом?

— Нет, — покачала она головой. — Какой смысл? Прибор предназначен для записи видеообразов. С его помощью психиатры могут изучать искаженную картину мировосприятия некоторых больных. Установить наличие галлюцинаций, например. И все лишь при работе сознания. Но оно у нас сначала отсутствовало, а потом, когда вернулось, мы вполне нормально воспринимали окружающее... Ну что, будем смотреть запись?

Любава поддела ногтем крышечку в торце психографа, о существовании которой я и не подозревал, извлекла маленький кристалл и вставила его в компьютер. Манипулируя с клавиатурой, вскинула на меня глаза, подмигнула:

— Не боишься? Ведь сейчас узнаю, о чем ты думал, сыщик.

— Боюсь, конечно, но что делать? — Я хотел обойти стол, чтобы встать у нее за спиной.

— Нет уж, посиди, — остановила она. — Все тебе покажу, когда настрою. Не могу работать, если стоят над душой...

Я не возражал.

Компьютер пискнул — включилась программа. С минуту Любава пристально вглядывалась в него. Выражение ее лица вдруг стало озабоченным, и она ввела какие-то дополнительные команды. Снова писк. Я догадался, что пошел повтор записи. Так повторилось несколько раз. Лицо Любавы все больше хмурилось. Наконец она пробормотала:

— Ничего не понимаю... Посмотрим, что дальше...

Я не вмешивался, ждал.

— Ага, — опять донеслось до меня, — здесь ясно... Но это... Иди сюда, — позвала она.

Наконец и мне представилась возможность взглянуть на экран. На светлом фоне нарисовалась темная горизонтальная линия. Один за другим последовательно на ней стали возникать разной высоты пики. Любава никак не комментировала происходящее, и мне оставалось лишь молча созерцать непонятные картинки. Внезапно нарисованная диаграмма потеряла четкость очертаний. Острые вершины пиков сгладились, сами они, пульсируя, стали расширяться. Когда основания нескольких сомкнулись, изображение пропало. Я уже хотел было обратиться за разъяснением, как экран вновь пересекла горизонтальная линия. Возникшая следом картина напоминала предыдущую, лишь несколько иным было расположение пиков, и мне показалось, что их количество меньше. На сей раз продолжение было другим: изображение стабилизировалось, под ним возникла колонка цифр, и дальше без всякого перехода появилась панорама озера с редкими деревьями на берегу. Следующие картины воспроизвели пустынную аллею...

— Вот это да! — не удержавшись, воскликнул я. — Именно так все и видел, когда пытался прикинуть, откуда меня могут облучать! Сейчас будет лес за спиной, а теперь бузина...

Появился куст. Одновременно на его фоне возникла схематичная фигура человека. Изображение вдруг размылось, сменившись цветными пятнами.

— Ты, вероятно, встал и пошел,— сказала Любава.

Я кивнул. Должна была наступить развязка. Цветная мозаика вновь сложилась: на экране появился энергатор с четко выбитым номером на рукоятке. Дальше опять смазано. И вот, наконец, крупным планом психограф... Запись прервалась: оно и понятно — я выключил прибор.

— И что тебе непонятно? — спросил я Любаву.— Прибор сработал превосходно.

— Самое начало. Какая-то странная запись. Я специально дала тебе просмотреть все подряд; думаю, ты обратил внимание.

— Где диаграмма расплылась?

— Да.— Она вернула запись к тому месту.

— А что вообще означает эта диаграмма?

— Понимаешь, психограф настраивается на индивидуальный биоспектр человека, которого обследуют. Иначе невозможна идентификация видеообразов...

— Если можно, подходчивей, пожалуйста,— попросил я.

— Я и стараюсь... В конце концов не неуч же ты!.. Метод настройки — резонансный. Каждому человеку присущ строго определенный набор биочастот — индивидуальный биоспектр, который, кстати, вместе с именем заносится в Общий каталог. Это, надеюсь, тебе известно?

— Конечно.

— Так вот, в режиме настройки психограф посылает зондирующие импульсы биочастот, охватывая некоторый диапазон. Когда зондирующая частота совпадает с одной из собственных частот исследуемого, наступает резонанс: резкое усиление биополя. Такова реакция организма. Прибор это фиксирует. Таким образом он устанавливает весь биоспектр. Обычный человек этого не ощущает. Но у вас в Академии, насколько знаю, существует специальный цикл занятий по развитию биочувствительности.

— Было такое,— подтвердил я.

— Именно поэтому ты и почувствовал воздействие. А вот это,— Любава указала на диаграмму,— схематичное изображение биоспектра: каждый пик — всплеск биополя на конкретной частоте.

— Ага,— сказал я,— понял. Но что тебя смутило на этой картинке?

— Прежде всего финал. Видишь, линии расплзаются. Это может означать только одно — организм гибнет!

— Но, как видишь, я жив и здоров...

— Не о тебе речь. Это не твой биоспектр. Смотри.

Любава включила режим сравнения. На экране попеременно стали возникать первая и вторая диаграммы. Резонансные пики явно не совпадали.

— Вот ты,— указала она,— а это кто-то другой... Обрати внимание вот на эти две линии. Они есть только на первой диаграмме, стоят особняком. Видишь, слева?

— Да, у меня таких нет...

— Не только у тебя. Ни у кого из людей их быть не может:

биоспектр человека не охватывает эти частоты. Поверь на слово: для медика это азы. Вот я и недоумеваю, откуда они взялись... Основные линии, которые расположены в нормальном диапазоне, тоже со странностью: они несколько уширены. Сравни сам!

Убедившись в правоте ее слов, я спросил:

— И что все это может значить?

Любава ответила не сразу.

— Понимаешь, если отвлечься от этих непонятных линий слева, я бы решила, что здесь наложены одна на другую записи двух чрезвычайно близких биоспектров. Явление, правда, крайне маловероятное. В нашей практике такое не встречалось. Представь: два практически идентичных отпечатка пальцев. Возможно такое?

— Криминалистика не сталкивалась...

— Вот. Здесь почти тот же случай... Можно было бы, конечно, допустить неисправность психографа, но эти линии! И потом, как испорченный прибор смог совершенно точно записать твои мыслеобразы?..— Любава замолчала. Потыкала клавиши, то уменьшая, то увеличивая странный спектр. Неожиданно произнесла: — Лезет в голову прямо-таки чертовщина...

— Ты о чем? — оживился я.

— Все о том же... Напрашивается вывод, что в одном теле сосуществуют два человека... Бред какой-то!.. Даже не так. Сосуществуют человек и еще некто с очень близким биоспектром.

— Почему некто?

— Говорю тебе, этих двух линий у человека быть не может! Кстати, если допустить такую невероятную возможность, кое-что станет понятно. Собственные биочастоты обоих индивидуумов практически совпадали. Эти две частоты за пределами человеческого спектра не сильно влияли на общую картину биополя. Вклад их незначителен: видишь, насколько меньше высота резонансных пиков? Короче, организм человека вполне мог приспособиться к слабому излучению в этом диапазоне. Но все резко изменилось при воздействии психографа. Резонансное возбуждение биополя на этих частотах сыграло трагическую роль: организм человека не приспособлен к такому. Нарушилась координация жизненно важных процессов, и как следствие — гибель...

— А могла произойти остановка сердца? — как бы невзначай спросил я.

— Вполне, — ответила Любава. И тут же, вскинув голову, пристально заглянула мне в глаза: — Ты знаешь, кто это?!

Выдержав ее взгляд, я невозмутимо покачал головой:

— Понятия не имею. Просто так спросил... — И, стараясь уйти от дальнейшего разговора на эту тему, сказал: — Ты рассказала все так, будто уверена в своей правоте.

— Предупредила ведь — чертовщина! Но другого объяснения дать не могу... Что бы там ни было, но за этим, — она помедлила, подбирая слово, — субъектом почему-то наблюдала Служба безопасности. Увы, использовать психограф было нельзя, похоже, он его погубил...

Я обошел стол и устроился в кресле напротив нее.



— Предположим, Любава, все так... Психограф, как договорились, оставь себе. Интересно, что ты с ним будешь делать?

— Передам начальству — пусть разбираются, как он попал к сыщикам. Хотя теперь думаю, было разрешение. Не мое это дело...

## XVIII

В гравилете негромко попискивал информационный блок: кто-то, не застав меня, оставил сообщение, вернее, сообщения — их было два. Не раздумывая, я ткнул кнопку.

— Курсанту четвертой ступени Вету Эльму Нику — начальник Криминального отдела Службы Бэр Рош Нард, — зарокотал в салоне хорошо знакомый голос. — Срочно свяжитесь со мной.

Это был приказ, и, оставив на потом второе сообщение, я вызвал Нарда.

— Ты где? — спросил он, кивнув на мое приветствие.

— В Сибири.

— Сибирь велика. Координаты?

Я назвал.

— Ровно через два часа жду у себя, — быстро прикинув время полета, сказал Нард и выключил экран.

Я и спросить ничего не успел. Мало приятного, если вызов в такой форме, но делать нечего. Положив гравилет на курс, занялся вторым сообщением. Оно оказалось от Рики. Рика извещала, что до часу дня по местному времени будет у себя дома на озере.

«Что она, после вчерашнего работать со мной раздумала? Ведь в полдень должен был прилететь Тиман Гвич! Просил же присмотреть за ним. Зачем соглашалась?!» — Я взглянул на часы. У Рики сейчас половина первого. Вне себя от возмущения послал вызов.

Она обедала.

— А, привет, — помахала ложкой.

— Почему ты не в космопорте? — рявкнул я. — Забыла?!

Или...

— Не бесись, успокойся, — перебила Рика. — Там сейчас нечего делать: лайнер с Камоса опаздывает на три часа.

— Прости. — У меня отлегло от сердца. — Так зачем меня вызывала?

— Есть чем поделиться. Возможно, тебе это будет интересно. Так вот... сам ты, конечно, не соизволил этим поинтересоваться, удовлетворился самыми общими сведениями... А я постаралась узнать как можно подробнее об этом обычае Тиллы. Тебе повезло, что я родилась на Земле и ты не мой муж...

— Последнее особенно верно, — ввернул я.

— ...иначе бы простился с жизнью, — закончила она фразу. — Обычай родился и укоренился в те восемьдесят с лишним лет, пока Тилла была отрезана от Земной ассоциации. Может, тебе ведомо, что после взрыва сверхновой звезды в Персее между Землей и Тиллой произошло локальное искривление пространства, и, пока не нашли способ, всякое сообщение и связь были прерваны?

— Ведомо, ведомо...

— Это как раз совпало с началом активной колонизации. Причины возникновения обычая неясны и поныне, но полагают, что...

— Прости, Рика,— перебил я.— Мне сейчас не до причин возникновения обычая. Послушаю как-нибудь в другой раз. А сейчас выкладывай, если есть что существенное.

— Жаль. Хотела поделиться любопытной версией... Ну да ладно. Короче, так. Никто не может сравниться в ревности с женщинами Тиллы. Исключительно верные, они требуют того же от своих мужей. Если жене становится доподлинно известно об измене супруга, она ожидает ровно месяц. Если в течение этого срока муж покается или, признавшись, что полюбил другую, предложит разойтись, все кончается благополучно. Наступив на горло своей гордости, жена либо простит его, но лишь единожды, либо отпустит на все четыре стороны. Но, если он молчит, спустя ровно месяц она угостит его ядом муаго. Это страшное зелье: противоядия не существует. В зависимости от дозы человек может умереть мгновенно или сколько-то еще прожить, но кончина неотвратима. После его смерти она кончает с собой. Звучит дико, но, знаешь, на Тилле очень устойчивые браки.

— Да уж, не сомневаюсь... Кто только женится на этих отравительницах?!

— Они очень красивы и верны...

— А что это за яд?

— Сок местного папоротника муаго, определенным образом приготовленный. Сам по себе он совершенно безобиден. Кстати, интересный момент: как приготовить яд, знают исключительно женщины. Конечно, его можно синтезировать в лаборатории, но технология очень сложна. А уроженки Тиллы запросто, в домашних условиях... Мать делится этим секретом с дочерью в день свадьбы — этакое таинство посвящения. И сколько прошло времени, ни одна женщина не проболталась...

— Это все, что ты хотела мне сообщить?

— Нет, не все! Сейчас скажу самое важное. Тот, кто желал гибели Фроса и переслал его жене кристалл,— житель Тиллы!

— С чего ты взяла? — изумился я.

— Говорю же, надо было вовремя поинтересоваться обычаем. Прямо скажем, странные у них там традиции: жена поверит в измену мужа лишь в двух случаях — либо установит это сама, либо получит сведения от соплеменника, гражданина Тиллы. Причем, согласно кодексу чести, всякий узнавший должен сообщить бедной женщине...

— Никогда не думал, что на Тилле столь дремучие нравы. Хорош кодекс чести — культ доноительства, да и только. Они что, застряли в развитии?!

— В этом смысле, Вет, похоже. Пуританское мракобесие... Но в конце концов не нам их судить... Я сейчас о другом: Юлия Фрос могла поверить достоверности записи на кристалле только в случае, если он прислан гражданином Тиллы, даже и анонимно.

— Интересно, как это она могла установить, что анонимщик

с Тиллы? Он что, оговорил это особо? Не вяжется, знаешь ли. Такое кто угодно может прислать, не имеющий к Тилле никакого отношения. Нет, тут нужны веские доказательства.

— Она вполне могла их получить. Хотя бы по виду упаковки посылки с кристаллом.

Ничего не понимая, я смотрел на Рику. Ждал, что она скажет дальше.

— Да, да, Вет. По виду упаковки. Тилла одна из четырех планет, где все почтовые отправления для своих граждан бесплатны. Как внутренние, так и внешние. Причем на каждой такой планете своя характерная упаковка. Так-то! Сегодня я это проверила.

— А может, все проще? — возразил я. — На кристалле наверняка было записано такое, что и тени сомнения у Юлии не оставило. И вовсе не обязательно его прислал житель Тиллы...

Рика покачала головой.

— Можно, конечно, допустить. Но был бы нарушен обычай...

— Дался он тебе!..

— Да! — отрезала она. — Ты не представляешь, как даже в наши дни у них строго регламентированы брачные отношения. Во всем остальном обычные люди, а в этом... Если женщина узнает об измене от кого-то, кто не является тилланином, обычай позволяет не принимать это во внимание либо предписывает лично удостовериться. Только тогда можно вершить судьбу... А Юлия Фрос видела записи на кристалле. Вот и остается полагать, что его прислал тилланин. И Миз, видно, никакого отношения к этому не имеет. Он житель Земли.

Некоторое время мы молчали. О чем думала Рика, неизвестно. Зато я пытался представить, что сулит такое открытие. Сейчас я не сомневался, что гибель Андерса Вэла и таинственное исчезновение Гэла Миза организовал Лиман Фрос. Но ведь нашелся человек, который сделал все, чтобы убрать и его. Причем, если вывод Рики верен, житель Тиллы! И пусть Фрос в итоге погиб по иной причине, все равно он был обречен... Кто этот тилланин, что им двигало? Загадка опять казалась неразрешимой...

— Слушай, — обратилась ко мне Рика, — что-нибудь удалось узнать про прибор?

— А? — Я не сразу сообразил, о чем она. — Ах, да... Это психограф, аппарат для записи видеобразов. Ребята решили поинтересоваться, о чем я думаю. У меня теперь есть расшифрованная запись.

— Похоже, я была права. Фогг, значит, решил даже в мыслы твой заглянуть, надеясь увидеть криминальные сцены.

— Вероятно.

— Ну ладно. Мне пора в космопорт. — Она встала, собираясь проститься. Напоследок спросила: — Кстати, куда сейчас направляешься?

— В Управление службы. Нард вызвал, — мрачно ответил я. — Скорее всего Фогг наябедничал. Чую, попадет мне по загривку за самодеятельность. А что делать? Будет разбор — придется выкладывать карты. Но про тебя буду молчать. Так что работай...



— Держись, — подбодрила Рика. — Есть, о чем доложить. Уверена, все кончится благополучно.

— Ну, ну... — кисло усмехнулся я. — Посмотрим...

## XIX

Оказавшись в кабинете Нарда, я увидел Фогга. В наглухо застегнутом мундире с сияющими знаками различия он сидел справа от начальника Криминального отдела. Видно, специально вырядился по случаю визита к начальству: за всю практику ни разу не видел его в форме. Но еще что-то поражало в необычном его облике. Мгновение спустя я понял — лицо! Обычная постная мина сейчас уступила место какой-то подавленной растерянности. На лбу, едва заметные, угадывались бисеринки пота, выступившие явно не от жары: в кабинете было довольно прохладно. Кажется, перед самым моим появлением здесь шел весьма неприятный для него разговор. Однако, перехватив мой взгляд, глаза Фогга злобно блеснули.

Я только собирался доложить о своем прибытии, как Бэр Нارد произнес:

— Здравствуй, Ник. Садись. — И указал на свободный стул. — Оружие с собой?

Признаться, я ожидал чего угодно, но не подобного начала разговора. Повинуясь испытующему взгляду начальника, я молча выложил перед ним оба энергатора.

— Так, — протянул Нارد, постукивая пальцами по столу.

По-своему расценив его реакцию, я произнес:

— Психографа с собой нет, отдал его медикам...

— Что?!

Я было струсил от этого грозного восклицания, но, оказалось, оно адресовано не мне, а Фоггу.

— Что это значит, Альбин?

Куда девалась вся спесь Фогга?! Вид у него был бледный. Заговорил он, словно выдавливая слова:

— С моими людьми разговаривал ты, Бэр... Откуда мне знать, что Ник отобрал у них и психограф?..

— Не крути, Альбин. Ты прекрасно понял суть моего вопроса. Как у твоих людей оказался психограф? Ты им дал?

— Может, поговорим наедине? — промямлил Фогг.

— Нет уж, — отрезал Нارد, — выкладывай сейчас. Так ты дал психограф?

— Да...

— И приказал применить его к Нику?

— Да... Я же объяснил тебе, Бэр: мы за ним следили, психограф мог оказать существенную помощь...

— О психографе-то ты как раз «забыл» упомянуть, — с ехидцей заметил Нارد. — И применять его разрешено было к совершенно другому человеку. Причем только тебе... Что скажешь? Фогг молчал.

И тут кое-что мне стало ясно. Во всяком случае, причина, по которой я оказался здесь. Нет, не Фогг организовал сегодняшнюю

встречу. Посодействовал я сам. Да! Именно так. Кто после драки в родительском доме сдал агентов Фогга патрулю Службы?! Конечно, происшествие дошло до самого начальника Криминального отдела Бэра Нарда, и он пожелал побеседовать с ними лично — случай-то из ряда вон. Здесь-то они и заговорили.

Нард вызвал Фогга, для которого такой поворот событий явился полной неожиданностью. Тот рассказал о своих подозрениях относительно меня и об организованной слежке. О психографе Нард не упоминал, и Фогг тоже, теплилась надежда, что прибор остался у агентов. Те наверняка объяснили свой поступок желанием отбить отобранные мною энергаторы, и только. Покрывали своего начальника...

Фогг по-прежнему молчал. Оправдываться было нечем.

— Кстати,— обратился ко мне Нард,— а ты почему не доложил о слежке, а напал на агентов, отобрал оружие? Что молчишь? Докладывай.

Собравшись с духом, я решил выложить все как есть.

— Сначала я не знал, кто следит за мной. Почувствовал биовоздействие и решил выяснить. Потому и напал. Когда узнал, собирался доложить лично вам, но позже...

— Почему? — перебил Нард.— И зачем лично мне?

— Потому что у меня были основания полагать, что приказ о наблюдении отдал старший следователь Фогг. А почему не доложил вам сразу? Пришлось бы отдать неизвестный прибор, которым меня облучали. А хотелось выяснить, что это.

— Ладно. Только почему ты считал, что слежку организовал Фогг?

— Он подозревал, что я веду расследование гибели Лимана Фроса, и имел веские причины воспрепятствовать мне в установлении истины. Так мне казалось.

Нард посмотрел на Фогга, хотел что-то спросить, но раздумал. Вновь обратился ко мне:

— С чего ты это взял?

— Мне удалось установить, что в момент гибели Фроса старший следователь Фогг находился на берегу. Известно было и то, что Фрос погиб не от яда, как думали раньше.— Я подробно объяснил, как узнал об этом. И закончил: — Так что Альбин Фогг вполне мог оказаться убийцей. Оружие только было неизвестно...

— Вот так! Сотрудники подозревают друг друга. Дожили, нечего сказать!..— Нард не скрывал гнева.— А уж методы работы незаконны. Кто позволил тебе, Ник, вести самостоятельное расследование?!

Теперь, потупившись, молчал и я.

— Он мальчишка! — обернулся Нард к Фоггу.— Но ты, Альбин!.. Слушай, Ник, иди-ка погуляй. Нам тут действительно надо потолковать наедине.

— У меня есть что доложить по этому делу,— робко произнес я, поднимаясь.— Важное...

— Поговорим еще.— Нард указал на дверь, но вдруг остановил: — Возьми это.— Он протянул «клипсу» — прибор связи.— Не слоняйся по коридору, подыши свежим воздухом. Когда понадобится, вызову...

Покормив уток на пруду в парке, я решил сходить к гравилету, забрать ракету, присланную Андерсом Вэлом Мизу. Это вещественное доказательство обязательно надо было предъявить.

Когда закрывал дверцу машины, кто-то тронул меня за локоть. Я обернулся. Рядом стояла Рика. Вид у нее был унылый.

— Ты как здесь? Опоздала в космопорт? Упустила?..

Она мотнула головой.

— Мы оба опоздали, Вет. Тиман Гвич умер... Прилетела сообщить тебе...

От неожиданности я чуть не выронил сверток с ракетой, но вовремя подхватил его.

— Ну, рассказывай! От чего? Какие-нибудь подробности узнала?!

— Нет. Знаю лишь, что именно из-за этого задержалось прибытие лайнера с Камоса. Гвич умер во время полета, и корабль делал остановку, чтобы принять на борт следователя Службы космической безопасности. Судя по всему, что-то непонятное в его смерти было...

И вдруг я все понял. Смерть Тимана Гвича замкнула цепь. Мозаика из разрозненных фактов сложилась в целостную картину.

Сорвавшись с места, уже на бегу я крикнул Рике:

— Буду у Нарда. Не жди, объясню все потом...

Сейчас не имело значения, что Нард до сих пор не позвал меня: обстоятельства не позволяли ждать. Только он мог помочь подтвердить сейчас мою догадку.

В кабинет я ворвался без стука и, едва переведя дыхание, выпалил с порога:

— Во время полета с Камоса на Землю погиб Тиман Гвич. Мне сейчас сообщили... — Я подошел к столу и сел на первый попавшийся стул. — Уверен, причина смерти — яд муаго! Прикажете проверить...

Фогт вскочил со своего места и начал в своем извечном ключе:

— Кто позволил вам войти, Ник?!

Но Нард жестом оборвал его и склонился к экрану.

— Что за происшествие на лайнере с Камоса? — спросил он дежурного по отделению космопорта.

— Пока лишь общая информация: во время полета умер пассажир, Тиман Лори Гвич, гражданин Камоса. По данным предварительной медицинской экспертизы, внезапная остановка сердца. Ничего больше сообщить не могу: наш врач пока не прислал окончательное заключение.

— Вот что, — сказал Нард, — передай врачу — пусть проверит экспресс-анализ на яд муаго. О результате немедленно доложить!

— Как вы сказали?

— Яд муаго, — повторил Нард.

— Будет исполнено.

В кабинете начальника Криминального отдела воцарилась напряженная тишина.

«Что покажет экспресс-анализ? Прав ли я?» Мучительно мед-



ленно тянулось время. Прошло десять минут, пятнадцать...

Сигнал вызова заставил меня вздрогнуть.

— Ну что? — спросил дежурного Нард.

— Результат положительный. Сейчас доктор уточняет, когда яд попал в организм.

— Спасибо, — поблагодарил Нард.

Отключив экран, он переглянулся с Фоггом и обратился ко мне:

— Итак?!..

Альбин Фогг встал, прошелся по кабинету, подошел ко мне и опустил руку на плечо.

— Смелее, Вет. Начни с чего-нибудь. Мы разберемся...

И надо же такому случиться! Взглянув на Фогга и наконец решившись, я произнес:

— Лиман Фрос умер из-за вашего эксперимента!..

Фогг так и сел, а Нард усмехнулся:

— Неплохо для начала.

А я, уже не ожидая вопросов, продолжал:

— Да, Фроса погубил психограф!

— Не может быть. Прибор абсолютно безопасен, — проговорил Фогг.

— Для человека — да. Но не для Фроса!

— Что ты хочешь этим сказать? Фрос не человек? — быстро спросил Нард.

— И да, и нет. На каком-то этапе он сам это осознал — и в этом его трагедия. Все началось два года назад, на Терфе. Там во Фроса был внедрен чуждый разум, своеобразный разведчик.

— Разведчик? Чей? Терфа необитаема! — воскликнул Фогг.

А Нард добавил:

— Это твоя версия?

Сообразив, куда он клонит, я перебил его.

— Все, что я сейчас расскажу, основывается на фактах. Вы сами сможете судить, сколь они весомы. Можно их рассматривать в качестве доказательств или нет... — Я обернулся к Фоггу: — Вы руководили расследованием чрезвычайного происшествия с последней экспедицией на Терфу, были на планете.

— Да, — подтвердил он.

— И знаете о таком образовании — Большая каменная гряда. Она является разумным обитателем Терфы! — Стараясь быть кратким, я изложил все, что узнал от отца. Рассказал о теории Андерса Вэда и его последнем открытии взаимодействия гравитационного и биополей, сделанном благодаря Фросу.

Нард и Фогг слушали, не перебивая.

— Случаи кратковременного расстройств психики наблюдались и у некоторых участников прошлых экспедиций, — продолжал я. — Скорее всего это были попытки Гряды вступить в контакт с незваными пришельцами, упорно разрушавшими среду ее обитания. Попытка понять, чего хотят люди. А может, это было с ее стороны изучение незнакомой цивилизации? Кто знает. Гадать не берусь. Но вот в последнем уверен: в какой-то момент

Разум Гряды решил получить максимально полную информацию о Земле и ее обитателях. Это моя догадка, если хотите. Посредством специального гравитационного удара в одного из людей был внедрен разведчик. В теле человека он должен был собрать сведения, а затем вернуться на Терфу, естественно, в том же теле. Вспомните, — обратился я к Фоггу, — ведь главным инициатором новой экспедиции на Терфу, которой вы должны были руководить, был Лиман Фрос, так?

— Пожалуй, — согласился тот. — Андерс Вэл лишь поддерживал идею... А откуда тебе известно про экспедицию?

— Сейчас не важно, Альбин, — остановил его Нард. — Продолжай, Ник.

— Лиман Фрос и был тот человек-разведчик. Вероятно, довольно долго он ничего не подозревал, но потом понял, что с ним творится что-то неладное. Теперь уж мы никогда не узнаем, на что он впервые обратил внимание, но, думаю, первопричиной послужил внезапно возникший интерес к самым разнообразным областям науки и культуры нашей цивилизации. Казалось бы, чего не бывает с человеком? Захотелось вдруг восполнить интеллектуальные пробелы... Но тут другое: изучались не общие сведения, а в первую очередь фундаментальные основы. И притом материалы просматривались с такой скоростью, что, будь человек хоть семи пядей во лбу, ничего усвоить не сумеет. Не хочу быть голословным. Позвольте воспользоваться компьютером, — обратился я к Нарду.

— Пожалуйста. — Он уступил мне свое место за столом. — Посиди в кресле начальника. Может, когда-нибудь оно станет твоим.

Еще дома я перекинул на себя всю добытую Рикой в Главном информатории библиографию Фроса и сейчас лишь вызвал ее. Пока на стол один за другим ложились распечатанные листы, Нард с Фоггом тихо переговаривались.

— ...вполне укладывается в схему, — долетело до меня окончание реплики Фогга.

Прислушиваться я не собирался — мало ли что не предназначено для моих ушей. Собрал со стола листы, сложил их в стопку, подошел и положил перед ними.

— Здесь собрано все, чем интересовался Лиман Фрос за время после прибытия с Терфы...

— Интересно, — опять не удержался Фогг, — с каких это пор в Главном информатории выдают столь исчерпывающие сведения по требованию курсантов?

— Спросим еще! — пообещал ему Нард. — Но сейчас не будем отвлекаться. — Бегло просмотрев текст, он подвинул листы Фоггу и обратился ко мне: — Знаешь, Ник, мы сейчас кое-что сопоставили с твоим рассказом... Увязываются кое-какие концы. В течение полугода после выхода из клиники, где Фрос находился вместе со своими товарищами, вернувшись с Терфы, он трижды обращался к врачам с жалобами на расстройство психики. Но толком ничего объяснить не мог. Самые жесткие тест-контроли признавали его абсолютно здоровым. И он обращаться перестал, приступил к работе...

— Немудрено, Бэр. Его беспокойство понятно, — вмешался Фогг, ткнув пальцем в листы. — Проснись подобный интерес у меня, тоже бы решил, что сошел с ума.

— Увидев впервые эти списки, — кивнул я, — мне тоже подумалось, что Фрос сумасшедший. Но по моей просьбе специалисты Службы колонизации провели экспертизу. Выяснилось: в изучении всех материалов прослеживается четкая система.

— Отец помог? — спросил Фогг.

— Да.

— Что ж, это действительно напоминает сбор информации... — промолвил Нард.

— Вы сейчас сказали, — нарушил я возникшую паузу, — что Фрос обращался к врачам, но ничего конкретного объяснить не мог. Это вполне объяснимо. Разум-разведчик был вовсе не заинтересован в собственном раскрытии и, когда Фрос осознал его присутствие, должен был наложить некое табу на подсознание человека. С этого момента Фрос не мог сообщить никому о своих подозрениях. Кстати, тогда-то он и мог понять окончательно, что является игрушкой чужой силы. А потом появилась неодолимая тяга вернуться на Терфу. Вероятно, разведчик счел свою задачу выполненной. И вот тут началась отчаянная борьба человеческого начала с нечеловеческим. Действуя под контролем, Лиман Фрос убеждает Андерса Вэла в необходимости продолжить исследования Терфы. Сейчас можно лишь гадать, вступил он в какой-либо контакт со своим... — я помедлил, подбирая слово, — «сожителем» и получил от него некоторую научную информацию, или говорил, что называется, по указке, но факт остается фактом: Вэлу была подброшена лакомая приманка — почти в готовом виде уравнение взаимодействия гравитационного и биополей. Андерс Вэл, которого по-прежнему волновало все связанное с Терфой и в первую очередь драма его экспедиции, конечно, ухватился за это открытие. Тем более что оно позволяло по-новому взглянуть на многие феномены Терфы. И тогда он обратился к вам, — я посмотрел на Фогга, — с предложением продолжить исследование планеты силами своей группы в качестве добровольцев. А куда еще он мог обратиться! Только Служба космической безопасности в интересах следствия имеет право послать людей на закрытую Высшим Советом Терфу. Как уж он вас убедил, не знаю, да, признаться, я об этом и не задумывался. Известно мне главное — вы дали согласие с условием, что сам Вэл останется на Земле. Лететь должны были Фрос, Миз и погибший сегодня Тиман Гвич. Из всех сотрудников той последней экспедиции отказалась только Любава Воря.. Вылет назначен был на завтра, а общий сбор участников на сегодня. Эта дата совпадала с днем рождения Гэла Миза. Я не ошибся?

— Все верно, — подтвердил за Фогга Нард. — Мы приняли такое решение, посчитавшись с авторитетом Вэла. Кстати, он рассказал нам о своем открытии и о том, что подвел его к нему Фрос. Конечно, и нам тогда это показалось странным: ведь Фрос не специалист...

Он помолчал. Вопросительно взглянул на Фогга. Тот пожал плечами.



— Расскажи, чего уж там...

Нард согласно кивнул.

— Раз уж ты столь далеко зашел в своем расследовании, Ник, будем откровенны, — начал он. — Практически все, что Андерс Вэл сообщал в послании твоему отцу, он изложил в свое время здесь, в этом кабинете, обосновывая необходимость продолжить изучение Терфы. Даже сидел на твоем месте... Сколь весомы его аргументы, сам знаешь. И мы решили рискнуть — послать специальную экспедицию. Тем более, что Вэл на основе своего открытия обещал создать прибор, нейтрализующий возможные новые гравитационные воздействия на людей со стороны Гряды. И сделал — он сейчас у меня. А потом произошло первое странное событие...

— Исчез в Амазонии Гэл Миз? — не удержавшись, перебил я.

— Нет, раньше. Едва не попал в катастрофу Лиман Фрос. Случилось это у него дома на Тилле. Его гравилет на трассе вдруг перестал подчиняться командам автомат-диспетчера и лоб в лоб вышел на беспилотный грузовой транспорт. Расстояние было столь мало, что тот не мог сам сманеврировать. От столкновения спасло чудо. Позже Фрос объяснил, что успел взять управление на себя. Его машину тщательно обследовали, но причину отказа автоматике не нашли — все оказалось исправно...

— Этого следовало ожидать... — произнес я.

— Ты о чем?

— Так, мысли вслух... Думаю, что это была неудачная попытка самоубийства. Может, были и еще, кто знает...

— Что ж, по-твоему, в последний момент он струсил?

— Нет, самоубийству препятствовал разведчик! С гибелью Фроса погиб бы и он.

— Если принять твою версию, все так, — вступил в разговор Фогг. — Понятно, что ты хочешь сказать: человеческое начало Фроса протестовало против полета на Терфу, который он сам организовал, находясь под контролем. Лишенный возможности рассказать кому-либо о том, что с ним на самом деле, он стоял перед выбором: покориться судьбе и, оказавшись на Терфе, передать всю накопленную информацию о нашей цивилизации Разуму Гряды с непредсказуемыми последствиями для человечества, либо, покончив жизнь самоубийством, уничтожить разведчика, избавив людей от возможной опасности. Так?

— Да.

— Версия стройная. Смелая. Но... слишком невероятная. Ты, Бэр, — взглянул он на Нарда, — похоже, увлекся фантазией Ника. Может, все-таки продолжим поиски более правдоподобных мотивов. Хотя, конечно, мнение курсанта учтем. А он, возможно, и доказательства со временем раскопает...

Такой снисходительно-ехидный тон Фогга заставил меня вспыхнуть. У него самого, судя по всему, и версии-то никакой относительно поведения Фроса не было!

Едва сдержавшись, я медленно раздельно сказал:

— Вы сейчас назвали мою версию фантазией, но, видно, забыли, хоть и часу не прошло, что я предсказал, от чего умер

Тиман Гвич. По-вашему, это что, случайное попадание пальцем в небо? А как считаете, посмел бы я, не будучи уверенным, утверждать, что Лиман Фрос погиб в результате вашего эксперимента с психографом на берегу? Не хотите верить в самую возможность внедрения чуждого разума? Что ж, сейчас докажу!

И я извлек кристалл с расшифрованной Любовой записью психографа.

## XX

— Успокойся, Вет! — произнес Нард, постучав по столу. — Что это за запись?

— Здесь зафиксированы психографом последние минуты жизни Лимана Фроса и результаты наблюдений за мной. Второе не особенно интересно. Позвольте продемонстрировать?

Но Нард взял у меня кристалл и сам вставил его в компьютер. На экране возникли знакомые мне диаграммы.

— Что там может быть? — подошел к нам Фогт. — Видеообразы исключены. Прибор показал смерть Фроса еще до окончания настройки...

Я собрался дать пояснения, но Нард склонился к экрану внутренней связи и кого-то вызвал.

«Пусть сами разберутся», — решил я, отошел и сел в дальнем конце стола.

Минут пять тянулось молчаливое ожидание. Наконец на пороге появился главный врач Криминального отдела.

— Что случилось, Бэр?

— Тут дело по твоей части. Прокомментируй, пожалуйста, эту запись психографа.

— Ого! Вам дали разрешение использовать во время следствия психограф?! — удивился врач.

— Не беспокойся, все по закону, — нетерпеливо ответил Нард. — Разрешение есть. Прошу, объясни, что здесь получилось.

Врач подсел к компьютеру. Дальнейшая его реакция на удивление точно совпала с реакцией Любовы. Он просмотрел целиком всю запись, затем вернулся к первой части. Несколько раз сравнивал диаграммы, накладывая их друг на друга, проводил еще какие-то манипуляции. Затем откинулся в кресле, пробормотав:

— Ничего не понимаю...

— Так что? — спросил Нард.

— Ну, вторая запись... — начал врач.

— Меня интересует первая.

— Здесь что-то странное. Если б подобное показал мне не ты, Бэр, а кто-нибудь другой, я бы счел это мистификацией. Судя по уширению основных линий, складывается впечатление, что здесь наложены друг на друга чрезвычайно близкие биоспектры двух человек. Само по себе такое совпадение практически невероятно. Да и не может прибор настраиваться сразу на двух людей. Но мало того. Один из биоспектров содержит частоты, не присущие человеку. Вот эти два пика. — Врач выделил их на

экране. — Получается невероятное: в одном теле уживаются две сущности, причем одна из них нечеловеческой природы. Либо неисправен психограф... Хотя... Вторую запись делали тем же прибором? — спросил он.

— Да. И никто его не открывал, не ремонтировал...

— Тогда не знаю... Да, вот еще что: психограф зафиксировал смерть. Если принять, что это человек с каким-то аномальным биоспектром, все станет понятно. К нему нельзя было применять этот прибор.

— Почему?

— Резонансное возбуждение двух этих необычных частот неизбежно должно привести к нарушению координации основных процессов организма... Если только... — врач помедлил, — он не устроен иначе, чем у людей.

— Спасибо, ты свободен.

...Фогт сидел, уставившись в стол, опершись лбом о кулак. Откинувшись в кресле, молчал и Найд. И я решил предоставить слово самому себе.

— Теперь, если позволите, я расскажу, как представляю себе дальнейшие события...

Возражений не последовало, и я начал:

— Мне представляется, что ставшая вам известной попытка Фроса покончить жизнь самоубийством была не единственной. Убедившись в невозможности такого шага, он окончательно уверовал, что некто руководит его поступками, опасаясь физической гибели тела. Но в какой-то момент Лиман Фрос осознал и еще одно обстоятельство: воздействию на Терфе подвергся не только он, а вся без исключения экспедиция. Вдруг в каждого был внедрен разум-разведчик?!

— А почему бы и нет? — будто очнулся я. — Правда, у остальных это никак не проявилось, мне неизвестно, во всяком случае, а там кто знает?.. Однако Фрос и не искал доказательств. Не прекращая раздумывать над тем, как свести собственные счета с жизнью, перехитрив своего «сожителя», он решается на страшный шаг — убить своих товарищей, друзей. Не дай Бог кому делать такой выбор!.. Психика его, несомненно, была надломлена постоянным внутренним напряжением. Во всем он был склонен видеть подтверждение своей догадке. А тут еще все, кроме Любавы Вори, согласились вновь побывать на Терфе!.. Действовать ему надо было крайне осторожно. Совершать убийства, не оставляя следов и, мало того, по мере возможности, не настораживая Службу космической безопасности. Если бы он был раскрыт — его задержали бы, и что он мог сказать в свое оправдание? Ничего! Разведчик не позволил бы. Кроме того, и задача осталась бы невыполненной: останься в живых хоть один из членов экспедиции, и человечеству грозит опасность! Рано или поздно он может попасть на Терфу и передать Разуму Гряды накопленную информацию о нашей цивилизации... И, к сожалению, Лиман Фрос преуспел в осуществлении своих планов. Первой его жертвой оказался Гэл Питер Миз. Все было обставлено, как его таинственное исчезновение в джунглях заповедника Амазонии, где его и искали вплоть до вчерашнего дня. Не могу



сказать, как конкретно он погиб, но некоторые существенные детали мне удалось выяснить. Каким-то образом Фрос убедил Миза в необходимости тайно встретиться у моего отца, и тот согласился. — Я рассказал про путешествие Миза в мусорном контейнере, о том, как он, не застав Фроса у отца, полетел разыскивать его к Любаве... — Что произошло дальше, не знаю, нить обрывается. Известно лишь, что он долетел, но с Любовью так и не встретился...

— Мы нашли его труп, но скрыли это в интересах следствия, — глухо промолвил Фогт. — Действительно, будто несчастный случай: он упал с обрывистого берега реки на камни... В двух шагах от дома Любови...

Помолчав, я продолжил:

— Гибель Андерса Вэла, полагаю, объяснений не требует. Вы узнали у вдовы Вэла, что именно Фрос подкинул идею фейерверка, разглядели его на записи праздника. И, конечно, заподозрили. Но доказательств не было, и, думаю, поэтому решили воспользоваться психографом в очередной визит Фроса на Землю.

— Да! Кто мог знать, что он от этого погибнет?!

— Собственно, добавить мне больше нечего. И в этом деле против Фроса лишь косвенные улики. Не улики даже, подозрения. Единственно мне удалось доказать, что гибель Вэла — преднамеренное убийство, а не несчастный случай...

— Как? — спросил Нард.

Я раскрыл принесенную коробку и извлек ракету. Волею-неволей пришлось признаться, откуда она у меня. При упоминании о моем самовольном проникновении в дом Миза Нард нахмурился, но промолчал.

— Сейчас невозможно определить, знал Фрос об этой посылке или нет. Но мне кажется — знал. Может, даже сам посоветовал Вэлу отправить ее.

— Зачем?

— Тому две причины. Во-первых, это существенно упрощало представить гибель Андерса Вэла трагической случайностью. Вероятно, ему было известно, что в своих записях Вэл отметил изготовление двадцати пяти ракет. При расследовании это наверняка установят. А отправив одну ракету на адрес Миза, он мог смело подставить на карнавале свою, сверх меры начиненную порохом. Теперь их количество на старте и в записях совпадало.

— А почему же позднее Фрос не похитил эту лишнюю ракету из дома Миза? — спросил Фогт.

— Это как раз второе, о чем я хотел сказать. Напрашивается лишь одно объяснение: он хотел, чтобы эта история когда-нибудь раскрылась. Справедливо полагая, что после гибели всей группы начнется тщательное расследование, Фрос оставил такую своеобразную подсказку. Никаких других объяснений он дать не мог все по той же причине: не позволил бы разведчик... Собственно, подобный мотив прослеживается и в случае с Мизом. Фрос недаром назначил ему встречу у моего отца. Ему нужен был свидетель, способный позднее дать следствию верную нить. Помните, я рассказывал: до обеда он пробыл в нашем доме, затем

улетел, будто невзначай обмолвившись, что собирается навестить Любаву. Прибывший Миз удивился отсутствию Фроса, но, узнав от моего отца, куда тот отправился, полетел следом. Так он и оказался возле дома Любавы. Отец до сих пор не подозревает, что действовал по плану Фроса. Но если бы дело получило огласку, он бы обязательно сообщил об этом эпизоде в Службу безопасности...

— Видишь ли, Вет, подобные факты лишь косвенно бросают тень на Фроса и при всей их видимой весомости абсолютным доказательством служить не могут. Сам понимаешь, все можно трактовать как совпадение, — вступил в разговор Нард.

— Каждый в отдельности — да. Но собранные воедино...

— И все-таки мне непонятно главное! — перебил меня Фогг. — Ты доказал, что Лиман Фрос погиб в результате воздействия психографа. Убедительно объяснил, что он желал своей гибели. Но мог ли он рассчитывать на такой конец? При всей его дьявольской изобретательности, про себя-то я знаю точно, что не вступал с ним в сговор. И, кроме того, он ведь оказался отравлен женой. Кто, черт возьми, послал ей кристалл с записью его любовной измены? Стало быть, кто-то охотился на Фроса?!

— Могу назвать этого человека! — обернулся я к Фоггу.

— Да?! — вскинул он глаза.

— Это... САМ ЛИМАН ФРОС! Он все-таки смог перехитрить разведчика и изыскал верный способ погибнуть. Конечно, он не рассчитывал на вас... Хотя по происхождению Фрос землянин, жил он у жены на Тилле и знал про старый обычай планеты. И однажды ему пришлось в голову им воспользоваться. Такого самоубийства разведчик предвидеть не смог!

— Боже! — пробормотал Фогг. — Он жертвовал женой. Самым близким человеком...

Я ничего не ответил. Молча смотрел в окно.

— И тут ведь оставил нам подсказку! — вновь донеслись слова Фогга. — В его вещах я нашел кристалл с такой же записью. И еще решил, что кто-то его шантажировал...

— Этого я не знал... — Картина трагедии Лимана Фроса вновь во всей полноте возникла предо мной. Вдруг стало трудно говорить. Мысли путались...

«Нельзя отдавать информацию, которую пытаются выведать тайно, — думал я. — Кто знает, как бы ею воспользовался Разум Гряды? Что могло угрожать в дальнейшем человечеству со стороны столь чуждой цивилизации?.. А может, ничего? Что если сведения о Земле были необходимы Гряде исключительно для Контакта, который многое сулил людям в познании тайны бытия Вселенной? Не упустило ли человечество ВЕЛИКИЙ ШАНС?! Неразрешимая дилемма. Но Лиман Фрос сделал выбор...»

И еще об одном я подумал: действительно ли во всех членов той экспедиции был внедрен разум-разведчик? И в Любаву тоже?! Как узнать, насколько прав был Фрос?

И мелькнула надежда — проверить можно!

— Соединитесь, пожалуйста, с моим отцом. Он сейчас проводит Совет экспертов, — попросил я Нарда. — Меня не соединят...

— Зачем?.. — начал было Нард, но прервал свой вопрос и по-

слал вызов.— Служба космической безопасности, Бэр Рош Нард,— представился он кибер-секретарю и поднес ладонь с личным знаком к экрану.— Срочно нужно поговорить с Эльмом Тони Ником.

— Соединяю,— последовал краткий ответ.

На экране появился отец.

— Чего тебе?— недовольно начал он, но, увидев рядом со мной Нарда, поздоровался и сменил гнев на милость: — Слушаю.

— Скажи,— спросил я,— уравнение Вэла устанавливает связь между параметрами гравитационных модуляций и характеристиками биополя, так?

— Да.

— Так вот. Ты говорил мне, что в день того происшествия на Терфе приборы зарегистрировали гравитационные возмущения. Если правильно понял, по их записи с помощью уравнения можно рассчитать биоспектр?

— Можно. Достаточно взять данные из архива. И такая идея пришла не только тебе. Все уже рассчитано. Биоспектр человека, на которого было направлено воздействие, отождествлен. Показать, или поверишь на слово?

— Поверю. Кто это?

— Лиман Фрос.

— Но тогда ведь пострадали все? — вступил в разговор Нард.

— Да, но это мог быть побочный эффект. В биоспектрах разных людей много одинаковых частот. Скорее всего воздействие на них привело к похожему результату.

Отец хотел добавить что-то еще, но мы поблагодарили и простились.

«Эх! Если б отец вовремя изучил послание Вэла! А Вэл! Как он сам не догадался? Хотя... Может, неспроста хотел поговорить с отцом с глазу на глаз. Как теперь узнаешь?..»

— Да,— мрачно констатировал Нард.— Выходит, разведчик был один.

А я совершенно не к месту облегченно вздохнул: слава Богу, Любаву миновала доля сия. Будто гора с плеч...

Но предстояло еще закончить свой рассказ.

— Теперь о гибели Тимана Гвичи...— начал я.— После того, как Фрос нашел такой способ самоубийства и убедился, что он сработал, ему уже не надо было идти на какие-либо ухищрения. Он похитил у жены яд и отправился к Гвичу. Опасаться, что его раскроют, уже не приходилось: время действия яда муаго зависит от дозы, а Тиману он дал такую, которая должна была сказаться через несколько дней.

— А он не боялся, что умрет, не успев совершить задуманное? — спросил Нард.

— Не знаю... Боялся, наверное, спешил... Хотя... Понимаете, в этом жутком обычае, насколько знаю, все регламентировано. Возможно, Фрос точно знал, когда умрет... Покончив с Тиманом Гвичем, он полетел на Землю. И вовсе не для того, чтобы принять участие в организованной им же новой экспедиции на Терфу. Его целью было убрать, как он полагал, последнего носителя разведчика.



— Любаву Вору? — вдруг спросил Фогг.

— Да. Хотя она и отказалась от полета на Терфу, но оставалась, по его мнению, потенциально опасной. А рисковать он не хотел. Но, к счастью, своим экспериментом с психографом вы ему помешали, — повернулся я к Фоггу. — Хотя ее удалось спасти. Они не успели встретиться...

— Да, не полечу я завтра на Терфу, нет экспедиции... — тихо промолвил Фогг. Он поднялся и обратился к Нарду: — Могу я идти? Есть неотложные дела.

— Можешь. Но завтра жду рапорт о психографе и проделках твоих молодцов. Кстати, Ник, и ты подготовь отчет. Обязательно укажи, кому отдал психограф.

— Есть! — одновременно промолвили мы с Фоггом. А я добавил: — Он, наверное, еще у Любавы. Она меня консультировала.

— У Любавы Вори? — посмотрел на меня Фогг.

Я кивнул.

— До свидания, Ник. Надеюсь, еще поработаем вместе. — И, помедлив, негромко добавил: — Ты талантлив...

Попрощавшись с Нардом, Фогг собрался уйти, но, задержавшись, вновь обратился ко мне:

— Наш врач, который первым исследовал тело Фроса, утверждает, что смерть от яда должна была наступить только сегодня ночью. Как думаешь, Фрос рассчитывал убедиться, что все, кого он отравил, погибли?

— Наверное, — пожал я плечами в ответ.

— И мне так кажется... Ну все, пока!

Конечно, Рика не послушалась и никуда не ушла. Ожидая меня, она сидела за столиком на открытой веранде возле выхода из Управления, что-то потягивая из высокого стакана. При моем появлении поднялась и махнула рукой. Я очень торопился. Хотелось поскорей попасть к Любаве. Там, в далекой Сибири, давно наступил вечер, она меня ждала, а чтобы туда добраться, предстояло еще два часа болтаться в воздухе. Но отказать Рике я не мог. Подошел и сел рядом.

— Ну что? — спросила она. — Живой?

— Как видишь... В общем, дело закончено. Завтра должен сдать Нарду отчет.

— Вот это да! Неужели все прояснилось? — Рика отодвинула стакан. — Рассказывай!

Это было нетрудно: в отличие от Фогга и Нарда большинство фактов было ей известно. Мне оставалось лишь объяснить, как я их увязал между собой. Все заняло не более четверти часа...

— Знаешь, — произнесла она, когда я замолчал: — А Лиман Фрос действительно сделал все, чтобы люди поняли, кто он такой. Ты считаешь, что он подвел Вэла к уравнению взаимодействия полей под контролем разведчика бессознательно, чтобы тот помог организовать полет на Терфу. Но ведь могло быть и иначе: Фрос каким-то образом выведал эту тайну у своего «сожителя» и передал ее Вэлу от себя в надежде, что тот разберется и рассчитает биоспектр. Если б это было сделано вовремя, люди не погибли бы. А так Фрос, видно, решил, что ничего не вышло, запаниковал...

— Думал я об этом... Но увы! Теперь об этом можно лишь гадать. Кроме того, не забывай: на Андерса Вэла надеяться Фрос не мог. Он же тоже подвергся воздействию на Терфе; вполне мог оказаться таким же носителем разведчика... — Я поднялся. — Извини, Рика, мне пора.

— Торопиться домой?... — Она помедлила, но, решившись, предложила: — А может, махнем ко мне?

— Прости, не могу...

— Ты, наверное, ее очень любишь, Любаву, — заглянула она мне в глаза. — А как же я?... — Но осеклась. Порывисто встала. — Хотя, ладно. Прощай! — Сбежав по ступенькам, Рика скрылась в парке.

Мне никогда не суждено было узнать, как она догадалась про Любаву...

Едва коснувшись травы, я выпрыгнул из гравилета и вприпрыжку помчался к дому Любавы. Был уже поздний вечер, но стояли длинные июньские дни, небо наконец и здесь прояснело, и сумерки еще не успели стуситься в тьму.

Одно из окон ярко светилось.

Махом вскочив на крыльцо, едва сдерживая трепетное волнение, я позвонил.

Дверь приоткрылась. Не в силах ждать, я распахнул ее настежь и, раскрыв объятия... остолбенел!

На пороге стоял АЛЬБИН ФОГГ...

...Какая-то сила заставила меня попятиться, но Фогг поймал мою руку и увлек в прихожую. Застывшим взором мы смотрели друг другу в глаза. Не выдержав, он опустил голову. Почти шепотом произнес:

— Да, Вет, он успел... Любава была у Фроса вечером того дня, как он прилетел на Землю. Накануне его роковой рыбалки. Я выяснил это, когда осматривал его дом на озере. Еще заподозрил ее... И сама она подтвердила вчера. Когда ты вызывал ее в доме Лолы Миз, я как раз был там...

Вот о чем я хотел спросить Любаву сегодня днем и забыл! Точно! Собирался узнать, что за обстоятельства мешали ей накануне говорить со мной свободно. Оказывается, за дверью был Фогг!..

— Сегодня у Нарда я не смог сказать тебе... — продолжил он. — Знаю, ты любил ее... Сюда меня вызвали еще по пути в Отделение. Сразу понял, зачем...

Кто-то окликнул Фогга.

— Сейчас! — ответил он. И спросил меня: — Пройдешь?..

Я покачал головой и выбрался на крыльцо. Только теперь увидел у дома гравилет Службы.

Не помню, как оказался на обрыве к реке. Быть может, где-то здесь погиб Миз. Опустившись на мокрую после дождей траву, уставился на подернутую рябью лунную дорожку...

Всплескивала рыба, трещали сверчки. Недвижный воздух наполнял писк комаров. Изредка я отгонял их от лица и смахивал набегавшие слезы...

Пройдет время. Моей женой станет женщина необыкновенной судьбы, чем-то похожая на Любаву.

Но это совсем другая история...

# ДОН КИХОТ

ИЗ

# ТБИЛИСИ





**В**ряд ли найдется не только в России, но и в ныне независимых странах СНГ зритель до 16 и старше, который не видел бы один из самых любимых фильмов недалекого прошлого. «Белое солнце пустыни». Роль Абдуллы, статного красавца, жестоко мстящего тем, кто разрушил его жизнь, исполняет в фильме замечательный грузинский актер Кахи Кавсадзе. Те, кто постарше, помнят прелестные грузинские короткометражки о дорожных рабочих и среди них высокого, сильного и простодушно-снисходительного героя Кавсадзе, который нес на своих широких плечах рельс, чтобы помочь выиграть затеявшим пари товарищам; и его же, замороженного красотой девушки, занятой ловлей бабочки. Были еще и романтический анархист Иорам, чей бунтарский нрав укрощала одним взглядом деревенская красotka из поэтичного фильма Тенгиза Абуладзе «Древо желания», и трагический персонаж из «Покаяния» того же Абуладзе, — там Кахи, сломленный и почти утративший рассудок, признает себя виновным в абсурдном обвинении: «рыл тоннель от Ла-Манша до Бомбея». В прошлом году в Москве на гастролях после большого перерыва побывал Театр имени Ш. Руставели, в котором вот уже более тридцати лет работает артист.

*— Кахи Давидович, для меня было чудом увидеть ваш знаменитый «Кавказский меловой круг» вновь. Спектакль удивительным образом сохранил свою первоначальную энергию и свежесть. И это после того, что произошло и продолжает происходить в Грузии...*

— Не хотелось бы впадать в высокопарность, но если в Грузии, где сейчас не работают промышленность, транспорт, а удо-

влетворение элементарных жизненных потребностей в еде, тепле и свете превратилось в не всегда доступную роскошь, где люди продолжают убивать друг друга, если у нас умрет еще и театр, пусть тогда Грузия признает, что она перестала существовать. Театр — тот институт, в котором живет душа народа, и необходимость в нем, может быть, еще острее, чем в хлебе насущном. Я прекрасно помню, как во время войны работали театры в Тбилиси — мальчишкой почти каждый вечер попадал на спектаклях, и всегда были полные залы. Сегодня, к сожалению, некому финансировать грузинский театр, у нас нет богатых спонсоров. Моя месячная зарплата в переводе с купонов составляет 800 рублей — цифра чисто символическая, а у молодых актеров и вовсе 500. Поэтому мне трудно найти другое слово для определения того, что делают наши артисты, кроме, как героизм!

*— Вы упомянули о том, что в детстве почти каждый вечер проводили в театре. Вы из театральной семьи?*

— Кавсадзе — известная в Грузии музыкальная фамилия. Мой дед Сандро — основатель и руководитель Грузинского народного хора. Между прочим, он учился в духовной семинарии вместе со Сталиным, тогда еще Джугашвили, и тот пел у него в хоре. Дед рано овдовел, его жена происходила из старинного княжеского рода Цицишвили — если и есть во мне что-то «княжеское», так это от бабушки. По стопам деда пошли и сыновья. После его смерти в 1939 году мой отец Давид возглавил хор. Вскоре началась война, его забрали на фронт, а через некоторое время пришла броня на его имя, но было уже поздно. Отец попал в плен в сражении под Керчью,

однако грузинским эмигрантам, жившим во Франции и узнавшим, что Давид Кавсадзе в плену, удалось в 1944 году вызволить его на свободу. Во Франции отец создал грузинский хор, который после войны поредел: многие артисты уехали в Америку, а отец, как его ни отговаривали, отправился домой — ведь в Грузии остались жена и сыновья. Мы ждали отца под новый 1946 год, но не дождались. В Сочи отца арестовали и отправили за Урал, до сих пор помню, письма от него приходили со станции Сосьва. В каждом письме он спрашивал, занимаемся ли мы с братом музыкой, просил почасе присылать фотографии, интересовался, как мы растем, а в 1952 году один человек привез нам наши письма и фотографии. Отец умер в лагере, не дождавшись освобождения. Имя его запрещено было упоминать, пластинки изъяли из обращения. Мама воспитывала нас одна, часто любила повторять: «Я, как Бугримова, не воспитываю, а укрощаю двух львов». Мама, врач по профессии, была доброй, но очень строгой и требовательной, и, если бы не держала нас в руках, неизвестно, как бы сложилась наша жизнь. Брат в итоге стал оперным певцом, сейчас поет в Краковском театре. Я вовсе не собирался в артисты, но здесь, как это часто бывает, вмешался случай. В выпускном классе к нам пришли с Тбилисской студии — искали молодых высоких парней для нового фильма. Я прошел пробу и был утвержден на главную роль. Но в то время я занимался спортом, неудачно прыгнул с вышки, сломал ребра и пролежал на больничной койке целый год. Вполне возможно, если бы мне тогда удалось сняться, первое соприкосновение с кинематографом навсегда отвратило бы меня от профессии артиста, но тут «взыграла

кровь»: как же так, я должен сняться! Год лежал и думал, куда пойти — в Политехнический, как большинство моих товарищей, или в театральный? Я ведь никогда не участвовал в самодеятельности, не читал стихов на вечерах, вообще не терпел и не терплю дилетантства в искусстве. А надо сказать, мы жили в артистическом доме (хотя нас и собирались неоднократно оттуда выселить как «семью врага народа»), и нашими соседями были великие артисты грузинского театра: Хорава, Васадзе, с детства я дружил с Софиико Чиатурели. Все-таки решил поступать в театральный институт. И хотя в приемной комиссии сидели мои соседи по дому, поступил с трудом. И действительно, пришел какой-то верзила, без всякой подготовки, с уличными манерами. Я думаю, меня приняли больше в память об отце, и на курсе я считался одним из самых неперспективных студентов. Однако после окончания был принят в любимый мной с детства Театр имени Ш. Руставели, на сцене которого лет пять «держал поднос» и участвовал в массовках. Тут уж забеспокоились мои друзья, собрали большой совет и решили, что мне нужно срочно менять профессию. И только один друг сказал: «Нет, ты должен остаться в театре».

Мне хватило терпения дождаться своего часа. В 1964-м в театр пришел режиссер Роберт Стуруа, и это стало поворотным пунктом в моей театральной судьбе. Я имею дело с гениальным режиссером, каждая работа с ним открывает новые перспективы, он помогает находить в себе новые качества — и профессиональные, и человеческие, подчас даже преодолевая свою собственную природу. Мы ставили Брехта, Шекспира, грузинскую классику и современную драматургию и за

много лет совместной работы научились понимать друг друга без слов. Бытует мнение, что театр Стуруа — режиссерский театр. Категорически не согласен! Это по-настоящему актерский режиссер, он ставит такие сложные задачи, выполнить которые по большому счету могут только актеры экстра-класса. Работа с ним насыщает артиста, оттачивает мастерство.

— Но вернемся к кинематографу. Как известно, именно он делает актера популярным...

— Кино смотрят миллионы зрителей, а актеру необходима большая аудитория. Это существенная деталь, но не главная. Мне, например, огромное удовольствие доставляют репетиции в театре, может, даже большее, чем готовый спектакль. В кино другое — чувство риска и огромной ответственности, ведь результат уже переделать нельзя. По этой причине я практически не смотрю свои фильмы, не покидает ощущение того, что надо было сыграть иначе. Количество фильмов, в которых я снялся, приближается к сотне, но я не могу сказать, что есть роли в кино, полностью удовлетворявшие меня. Впрочем, в последнее время все чаще одолевают мысли, что я не сделал того, что хотел и мог. Может быть, это возраст?

— Мне кажется, что ваших ролей с избытком хватило бы ни на одну киносерию. Вам, похоже, по плечу все мыслимые жанры — от фарса, лирической комедии, исторической и современной драмы до классической драматургии. Один Дон Кихот в 9-серийном фильме Резо Чхеидзе «Житие Дон Кихота и Санчо», несколько лет назад прошедшем по Центральному телевидению, чего стоит. Я уж не говорю о физических усилиях, когда, например, чувство профессионального долга заставило вас

похудеть за месяц почти на 20 килограммов.

— Действительно, была тяжелая работа. «Дон Кихот» — произведение, которое с трудом поддается кинематографическому переложению. Великая философская книга, требующая вдумчивого, неторопливого чтения, а кинематограф, на мой взгляд, — это динамично и вятно рассказанная «в картинках» история. Я долго думал, прежде чем согласился на эту работу. Перечитал множество книг крупных писателей, но ключ к пониманию Дон Кихота нашел в записях великого артиста Михаила Чехова. Он отмечал, что у Гамлета движущая сила в сердце, у короля Лира — в голове, а у Дон Кихота — чуть-чуть выше головы, точнее не скажешь. Снимали мы четыре года. Пришлось на это время уйти из театра, я почти не бывал дома — большая часть съемок проходила в Испании. В картину вложили много сил и труда, что же касается результата — не мне судить.

— В Дон Кихоте отчетливо проследывается мысль, которую мы часто не берем в расчет: Сервантес создал вовсе не идеального героя, а скорее пародию на «рыцаря без страха и упрека», он достаточно нелицеприятно изобразил «спасителя человечества», благие порывы которого не имеют под собой реальной почвы. Ваш Дон Кихот и нелеп, и смешон, и достоин жалости, и по-своему обаятелен. Впрочем, персонажи живут во времени, изменяются вместе с ним, иногда вдруг начинают восприниматься иначе, чем в момент создания. Вот, скажем, «Белое солнце пустыни», нестареющий фильм Владимира Мотыля, сегодня он смотрится иначе, чем двадцать пять лет назад, да и ваш Абдулла



предстает отнюдь не закоренелым злодеем.

— Из фильма вырезали немало ключевых сцен после того, как «высокая комиссия» познакомилась с отснятым материалом. Заявили, что «этот отрицательный герой очень положительно смотрится». Я действительно играл не мерзавца, а человека, жизнь которого, естественную для него, освященную вековыми традициями, грубо разрушили те, кого он не звал и кто пришел с ним воевать. Мотыль снял очень сильный финал — долгий и мощный поединок Сухова и Абдуллы в море, и гибель Абдуллы вызвала уважение его противника. Увы, это из фильма ушло, но основная мысль, на мой взгляд, все-таки прочитывается.

— В высшей степени пророческим оказался фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние». К несчастью, этого режиссера уже нет с нами. Происшедшее в Грузии не есть ли свидетельство того, что Аравидзе — злой дух, Ничто (так переводится на русский язык эта фамилия)?..

— В Грузии произошла катастрофа, ибо нет ничего страшнее гражданской войны. В этой безумной войне погибает генофонд нации, и сколько понадобится десятилетий, чтобы восстановить его! Я никогда не занимался политикой и сейчас, когда меня зовут стать членом парламента, отказываюсь от предложений. Считаю: актер должен заниматься своим делом, а позволять использовать свое имя в политических играх, даже тем, чья политика тебя устраивает, нельзя. У меня свой взгляд на происходящее: убежден, что только частная инициатива, свободный рынок, увеличение числа деловых людей стабилизируют ситуацию. Я также убежден, что Грузия должна иметь в лице России на-

дежного партнера — у нас общая судьба, нравится это кому-то или нет. Чувство собственного достоинства — вот что должно возобладать в нас, а это значит — уважать не только в себе, но и в других людях личность. И профессиональное достоинство, не позволяющее работать кое-как, независимо от того, играешь ты главную роль или появляешься в эпизоде. Я всегда приходил и на репетиции в театре, и на съемочную площадку мобилизованным, с продуманным планом роли.

— Как часто вы теперь оказываетесь на съемочной площадке?

— К сожалению, нечасто. В Тбилиси сейчас выходит максимум три фильма в год, снимают их молодые ребята на свои деньги, известных артистов они не приглашают — нечем платить. В последние годы я больше снимаюсь в России. Сыграл Ивана Грозного в «Царе Иване Грозном» — экранизация «Князя Серебряного», недавно снялся у Бориса Бланка в «Шейлоке» и у него же в «Риголетто». В театре мы поставили камерную пьесу Дюрренматта «Играем Стриндберга» и возим спектакль на зарубежные гастроли, сейчас репетируем пьесу Сартра «Дьявол и Господь Бог» — у меня там главная роль (кстати, играю в этом спектакле вместе с сыном). Работа, слава Богу, есть, а это главное в жизни актера. Я, например, не знаю, что такое отпуск. Заканчивался сезон в театре, и я свой отпуск проводил на съемках и не жалею об этом.

— Вы можете назвать себя счастливым человеком?

— Наверное, по сравнению со многими — особенно теперь, когда такое количество действительно несчастных людей, потерявших близких, кров, работу, — я счастливый человек. У меня замеча-

тельные дети — дочь и сын, артисты нашего театра, очаровательные внук и внучка. Была прекрасная жена — известная актриса грузинского театра и кино Белла Мирианашвили. К сожалению, она проработала в театре только 9 лет, потом долго и тяжело болела. Уже два года, как она умерла, — ее добило то, что произошло в Грузии. Я до конца жизни буду благодарен ей за то, что она сумела построить наш Дом, всегда открытый для людей. У меня есть надежные, близкие друзья. И работа, которая, смею надеяться, по душе зрителям. Наконец, я объездил с гастрольями нашего театра почти весь мир, испытал ни с чем не сравнимые чувства от того, что видел грандиозные создания человеческого духа, будь то Бруклинский мост в Нью-Йорке или Сикстинская капелла. Что же касается повседневной жизни с ее вечными проблемами, то где вы найдете счастливого человека?

— *Как вы «переживаете» собственную популярность?*

— В Тбилиси мы все на виду, и то, что вы называете популярностью, есть скорее чувство ответственности, необходимость соответствовать образу, сложившемуся в сознании зрителей. Что же касается узнавания, скажем, в России, то вот какой случай произошел со мной в Хабаровске. Мы были там на гастролях, я стоял перед театром с коллегами, и вдруг ко мне подошел парень и задал вопрос: «Простите, вы не тот актер, который играл Дату Туташиа?» «А что такое?» — «Да вот мы с друзьями поспорили, я говорю, что это вы сыграли Дату, а они настаивают, что не вы». — «И на что же вы поспорили?» — «На бутылку водки». Я посмотрел на молодого человека и на трех его приятелей и решил, что им

втроем будет легче купить бутылку, чем ему одному. «Да, это я играл Туташиа», — ответил я, и парень, совершенно счастливый, вернулся к своим друзьям. Позже я рассказал об этом Отару Мегвинетухуцеси, прекрасному актеру, в действительности сыгравшему эту роль, и мы вместе посмеялись. Так что популярность может преподнести и такие сюрпризы. Настоящее же удовлетворение приносит интересная работа, особенно когда выпадает удача работать с такими режиссерами, как Стурва или Абуладзе, когда у тебя такие партнеры, как Рамаз Чхиквадзе, Алиса Фрейдлих, Станислав Любшин, Нинель Чанкветадзе, всех и не перечислишь. Поэтому повторяю, что главное в моей жизни — работа.

**Беседу вела  
ТАТЬЯНА ГОРБАЧЕВА.**



*Б. М. Кустодиев в своей мастерской. 1925 г.*



182

# В

послереволюционном Петрограде, промозглом и голодном, в мастерской дома на Введенской улице перед мольбертом в кресле-каталке сидел русоголовый, светлоглазый человек. Ноги укутаны лисьим пледом, в руке кисть. Потрескивала недолго держащая тепло «буржуйка». Почти все пространство комнаты занимала осанистая, вальяжная, артистично-барственная фигура человека в дорогой шубе с бобровым воротником и бобровой шапке, лихо сдвинутой назад.

Борис Михайлович Кустодиев, «певец России», «богатырь живописи», писал портрет великого Шаляпина!

Уже давно от жестокой болезни позвоночника у художника были парализованы ноги. Сохнувшая рука день ото дня слушалась все хуже. Но что такое недуг, если душу «мучат ненаписанные картины, которые давно просятся, что-

# КУСО

**ЭЛЬВИРА ПОПОВА**





Час пите. 1913 г.

# ГОДИЕВ

бы их оттуда извлекли на свет божий». Этот же портрет поистине принес ему радость с первой минуты, едва вошел в мастерскую долгожданный гость.

Десятилетие спустя в книге воспоминаний «Маска и душа», вышедшей в 1932 году в Париже, Шаляпин писал:

«Но многие ли знали, что сам этот веселый радующий Кустодиев был физически беспомощный мученик-инвалид?.. Жалко было смотреть на обездоленность человека, а вот ему как будто она была незаметна... он поразил меня своей духовной бодростью — ни малейшего оттенка грусти на лице. Блестяще горели его веселые глаза — в них была радость жизни... Нельзя без волнения думать о величии нравственной силы, которая жила в этом человеке и которую иначе нельзя назвать, как героической и доблестной».

184 Действительно, надо иметь сильную жажду жизни, чтобы в таком физическом состоянии продолжать работать, не падать духом... В его тесной мастерской холст на подрамнике был особо приспособлен по придумке самого Кустодиева. «На потолке укрепили блок, через который пропустили веревку с привешенным на ее конце грузом; с ее помощью можно было приближать холст к самому креслу, наклоняя его к себе настолько, чтобы можно и малой кистью доставать до его поверхности, или удалять его от себя для того, чтобы проверить написанное», — рассказывал со слов художника искусствовед П. И. Нерадовский. Мастер работал едва наугад, глядя вверх, не имея возможности по-настоящему охватить «целого».

Когда портрет Шаляпина был закончен, Борис Михайлович признавался, что плохо верит в то, что сам его написал. А ведь этой

работой остались несказанно довольны оба — и требовательный автор, и незаурядная модель. Великий артист считал его лучшим из своих изображений. Верно, знал истоки такой блистательной удачи: духовное родство с художником. Мало того — были они земляками, оба выросли на берегах Волги. Юный Кустодиев писал в 1901 году невесте: «Видел Шаляпина в «Фаусте»; это такой художник, каких мало. Настоящий гётевский Мефистофель, саркастический, умный. А как он пел! Особенно эту известную арию о золотом тельце! Каждой фразе, каждому слову он придавал значение, и при всем этом чудесная мимика».

Два десятилетия спустя они подружились, случилось, «певали вместе русские песни» (которые Кустодиев, обладавший редкостной музыкальностью, бесконечно любил). «...Пел прежде Шаляпин, затем к нему присоединялся отец», — вспоминал сын Кустодиева. А великий артист оставил в «Воспоминаниях» еще и такие строки: «Недолго пришлось мне любовно глядеть на этого удивительного человека. Портрет мой был написан в 1921 году зимой, а в 1922 году я уехал из Петербурга. Глубоко я был поражен известием о смерти — скажу — бесмертного Кустодиева. Как драгоценное достояние я храню в моем парижском кабинете мой знаменитый портрет его работы и все его изумительные эскизы к «Вражьей силе».

Не рассказал Федор Иванович лишь о том, что взялся Кустодиев за эти эскизы под обаянием шаляпинской личности, отказав ранее работать с той же постановкой Лужскому. А еще, когда Борис Михайлович захотел бывать на репетициях «Вражьей силы», понадобилась вся энергия и известность Шаляпина, чтобы снова и снова



Мост. Астрахань. 1918 г.

доставать грузовик для больного художника с его креслом. Великий певец на руках вносил Кустодиева в театр на репетиции...

Обоюдная симпатия, духовное родство, тонкое понимание друг друга помогали больному мастеру отдавать свой творческий дар человеку, навсегда оставшемуся для него воплощением русской гениальности.

Властно подчинять обстоятельства, преодолевать препятствия, стойко переносить все удары немилосердной судьбы Кустодиеву приходилось всю жизнь. Еще с той поры, когда учеником Академии художеств в 1901—1902 годах трудился вместе с Репиным над парадно-юбилейным и сложнейшим по творческим задачам «Заседанием Государственного Совета», представленным теперь в Русском музее. Или когда копировал в Мадриде Веласкеса, будучи пансионером Российской Академии и то-

гда уже определив для себя «понимание творчества»: «Что такое картина вообще? Это — чудо! Это не более как холст и комбинации положенных на него красок. В сущности ничего нет. А почему-то отделяется от художника, живет своею особой жизнью; волнует всех...»

Начало пути. Пока не угадан свой единственный, сразу узнаваемый стиль «наложения красок», в котором сольются любовь к родной природе, красочные гулянья по площадям и набережным, уют русской глубинки, далекий от правительственной казенщины, народный идеал женской красоты, вольно-песенная красочность национального искусства, смешливо-серьезный лубок... За что его, стоящего особняком, ни с кем словно бы и не сравнимого, не станут поначалу жаловать будущие сотоварищи, обращающиеся более всего к европеизированному прош-



лomu России, — художники-эстеты изысканного вкуса: Бенуа, Сомов, Лансере, Добужинский... Укорят в «русофильстве», именуя веселую пестроту его холстов «варварской». Но потом «опомнятся» — примут младшего собрата на выставки своего боевитого общества «Мир искусства». Кустодиев же твердо будет стоять на своем: «Во всяком случае не нам, русским, называть пестроту варварской, — пусть это делают европейцы. А я считаю пестроту, яркость именно весьма типичной для русской жизни».

Ему ли не знать это, выросшему среди базаров, виноградников, садов, причалов Астрахани! Однако его «праздник цвета» еще впереди. Но уже в конкурсной работе «Базар в деревне» (писанной на право заграничного пансионерства за счет Императорской Академии) выпускник Кустодиев заявил тему, со временем вдохновлявшую и утешавшую его всю жизнь.

«Устоявшись» поначалу в «Деревенском празднике», «Ярмарке», еще программно-дипломном «Базаре в деревне», тема эта продолжалась до самых последних, самых творчески насыщенных и самых жестоких десятилетий жизни, когда «умение видеть и воспроизводить только яркое и красивое... ограждает его от сумрака, подавленности и скуки». Со временем она претворилась в цветную искристость, вальняный мажор многоцветья, неумную удал русской стихии и красоты. Он с юмором и любованием воспевал быт, облик людей русской провинции, ее чинное и разнаряженное устройство, своеобразный нрав. А как захватывает дух от образов несравненных кустодиевских купчих!

Вот «Купчиха у окна», вот «Купчиха за чаем», вот подарок товарищу по художественному сообще-

ству «Мир искусства» К. Сомову «Купчиха и домовая». Наконец, едва не самая знаменитая и величавая картина — «Купчиха» 1915 года. Красавица стоит на булыжной мостовой приволжского городка, венчанного плывущими в лазури неба золочеными куполами. Стоит она на косогоре, на синем фоне речной излучины. А еще на этом фоне — оттененная золотом багрянца осенняя листва, бесхитростная пестрота да безыскусная нарядность вывесок, плодовое изобилие торговых прилавков, неоглядность уходящих за речной берег далее...

Этот столетиями устаивавшийся уют Кустодиев не просто любил — сердцем прирос к нему. Любимые сюжеты помнил с астраханского детства, когда семенил, уцепившись за подол матери, оглядываясь, чтобы ничего не пропустить, в пестрой повседневной суете. Помнил по несчитанным поездкам в Кострому, Кинешму... Не переставал любоваться всем этим до последнего часа! Воображение творило любимые образы из родной сердцу «кондовости» встреченных в разных местах улочек и площадей, домиков, прибранных деревянным кружевом, каменных храмов со сложной кладки подзорами, закомарами... Было ему чем согреть сердце. Приходившие в кустодиевскую мастерскую восклицали: «Да это же Касимов! Или — Кострома...» А художник смеялся: «Нет, это выдуманный город, собранный из разных мест; хорошо, что он похож на Кострому, значит, правда есть!» И радовался, что суровая судьба наделила его редкостной зрительной памятью: раз увиденное не забывалось. Говорил сыну: «...вспоминаю и рисую! Когда пишу, у меня всегда стоит картина перед глазами, я ее как бы целиком и срисовываю. Мне легко, так как стоит захотеть, и я могу зака-





*Купеческое гулянье. Эскиз.*



*Лежащая натурщица. 1915 г.*



зять голове картину, и картины эти сменяются, как в кино. Иногда от виденного голова пухнет. Я помню купчих, которые жили за нашим домом в Астрахани, помню, во что была одета та или другая...» Не преувеличивал, утверждая, что волен «свободно распоряжаться своим материалом, работать легко и свободно, без натуры».

На том и держался главный «секрет», «средство», как он утверждал. «...Накопление материала только и дает здоровую жизненную основу для настоящего искусства композиции». То есть власть художника — выстроить, собрать и скомпоновать узнаваемую в свободной творческой «неправде» картину жизни, а не мертвую копию живого. Из этой «художнической власти» над образами бытия, из написанных еще по живым впечатлениям «Гуляний», «Провинций» 1900-х годов и родилась позднее круговерть серии кустодиевских «Маслениц». Из разноцветья праздничных одежд, устланных яркими коврами расписных саней, нарядно-звончатой конской упряжи, веселой кутерьмы катаний с гор создается мир народного праздника. Одна из таких «Маслениц» и кипит, кружится на розоватом от весеннего солнца снегу у ног Шалаяпина, чья фигура на снежном косогоре встает, будто вырастая из буйства русской стихии.

Великий артист запечатлен в свободной и гордой позе во время прогулки, под высоким небом, на фоне курчавящихся инеем деревьев. В повороте вскинутой головы, в вольности взгляда — спокойная удовлетворенность и сдерживаемое воодушевление: я и сам отсюда! П. Нерадовский писал: «...ему не удалось создать портрета более значительного и оригинального, нежели портрет Шалаяпина, такого настоящего кусто-

диевского русского портрета». Без этого портрета невозможны были бы, кажется, впечатления «от Кустодиева» современников: «Заскорузные, обветшалые формы старого быта разваливаются, отмирают на наших глазах, но стихия русская, разудалая и буйная, широкая, как море, бессмертна».

Чтобы подняться до такой вершины, Кустодиев должен был весь свой талант вложить в «мастерство портретиста». Ведь именно портреты первыми принесли ему мировую славу: золотые медали на международных выставках, приобретение европейскими музеями нескольких портретных работ его кисти, предложение флорентийской галереи Уффици написать автопортрет для хранящегося в ней собрания автопортретов величайших художников.

Первым его успех предвидел Репин, взяв даровитого ученика в помощники и соавторы к картине «Заседание Государственного Совета». Но приобретенное у учителя Кустодиев впоследствии претворил по-своему: ушел от подробностей психологии к обобщению светлых, человеческих черт модели. Сын рассказывал, что Кустодиев любил портретировать людей «с тонким умом, иронией, умением необычайно образно рассуждать». А сам мастер признавался: «Физическую тошноту испытываю, когда делаю что-нибудь по заказу». Можно представить душевное состояние Бориса Михайловича, когда перед его мольбертом стоял Шалаяпин! Современники свидетельствовали: «Радостная волна поднимала его в тот мир, в котором он был дома, и, ощущая счастье творчества..., спешил занести на холст черты образа». Лучше самого Федора Ивановича об этом не сказать: «Только невероятная любовь к России могла одарить художника такой веселой меткостью



*Хоровод. 1912 г.*



*Купчиха с покупками. 1920 г.*



*Купальщица с зеркалом.  
1926 г.*



*А. П. Игнатьев. Шарж.  
1906 г.*

рисунка и такую аппетитной сочностью краски в неутомимом его изображении русских людей».

Встречи с духовно близкими людьми, воспоминания детства, юности, поездок по европейским городам, просто жизнь за окном поддерживали в мастере огонь творчества. И словно вычеркивали недуг, от которого, случилось, кричал ночами, который лишил его — живописца! — возможности наблюдать жизнь не «через щель», и вынудил его, жизнелюба, однажды признаться сыну: «Кира, ты знаешь, мне не хочется больше жить, я смертельно устал...» Ведь подвижности лишен был человек, страстно любивший движение, с детства плававший как рыба, мастерски катавшийся на коньках многие версты...

Однажды Кустодиев признался: «...несмотря на ужасные боли, я сам удивляюсь на свою жизнеспособность и даже жизнерадо-

стность. Уж очень люблю, видно, «жить»!..» Потому-то чаще всего от него слышали: «Сейчас у меня страшная жадность к работе», «И такая на меня жадность на работу напала, что просто страсть...», «...весь день сижу в мастерской и пишу».

Биограф художника Вс. Воинов записал: «Работает он с утра и до 12 часов ночи, устает страшно, руки у него совершенно сводит, а локтей не чувствует... Вообще Б. М. никак не может «примириться» с идеей предопределения, что так, мол, на роду написано! Нет, он вовсе не хочет «примириться» со своей участью и глубоко, всем существом протестует против нее». И заканчивает размышления словами самого Кустодиева: «Главным стимулом творчества подлинного художника является внутренняя неутолимая потребность творить».

Но, несмотря на жестокую бо-



лезнь, его мастерство росло, приобретая яркую самобытность. Кустодиев считал: «Похожий портрет — это такой портрет, который внутренне похож, который дает представление о духовной сути данного человека. И тут нужно предоставить художнику выражать свое понимание этой сути. Иначе незачем обращаться к живописцу, а нужно идти к фотографу». Но куда там «свое понимание»... Недоумеваешь, читая о Кустодиеве-портретисте высказывания некоторых критиков: «Декоративные задачи отчетливо преобладают здесь над психологическими. Нарочито подчеркивается момент позирования. Реминисценции портретной живописи XVIII века... своеобразно сочетаются с типично модернистской (!) асимметричной композицией». Вот так. И все это на страницах... «Истории русского искусства». Как-то забылось, что слово «модерн» значит «современный», а превратилось оно в ярлык, навешиваемый на всех, кто не исповедовал традиций передвижничества, некогда передового, но, как и все на свете, устаревавшего. К поре же Кустодиева и вовсе одряхлевшего, изжившего себя в эпигонстве.

На завистливую слепоту некоторых современников, не видевших в его работах ничего, кроме «стилизации», художник, защищая свои полотна и свободу творчества, отвечал: «Если требовать от портрета известного синтеза, если он должен быть суммой всех сторон характера и деятельности данного лица, то можно ли требовать от художника совершенной объективности? Всякий синтез будет субъективен». И как доказатель-

ство этим словам — кустодиевская субъективность в образе Шалыпина! Дано было высмотреть художнику его корни в праздниках русского простонародья, купцов, мещан, извозчиков... Поклонник великого певца взял от «натуры» только важное, нужное, чтобы не отяготить, не принизить полотно, не «засуетить» величавый образ. Где брал Кустодиев, где выверял эту «модернистскую» меру художественного единения быта, праздника, народного колорита? Множество таких бытовых деталей — одежда, собака у ног, сугробы, афиши на тумбах, оповещающие о гастролях, вся эта яркая языческая пестрота — словно обрамление для царственного и простонародного, отмеченного печатью гения, шалыпинского лица.

Перед своею моделью Кустодиев священнодействует, торжествуя каждым мазком, как выяснится, не только над несправедливостью судьбы, но и над человеческой трусостью, самонадеянностью, тиранством, утверждая единство современного и грядущего. «Мои картины я никогда не пишу с натуры — это всё плод моего воображения, фантазии. Их называют «натуралистическими» только потому, что они производят впечатление действительной жизни... А те художники..., которые никогда ничего не воображают и только и делают, что работают с натуры, они не натуралисты. Какое глубокое заблуждение и путаница понятий». Долго будет длиться такая путаница, порождаемая конъюнктурой, модой, приспособленчеством, непониманием... И критики будут лихо пинать Кустодиева, не принимая его само-

*Купчиха.  
Голубой домик. Фрагмент.  
Торговка овощами.  
Извозчик в трактире.*













бытности, непохожести, навешивая опасные (в то время) ярлыки. «...идеализация отсталых, реакционных социальных слоев и бытовых явлений, патриотизм (и это плохо! — Э. П.) и стремление к псевдорусскому, «народному» стилю является основой творчества Кустодиева, — возвещалось на страницах журнала «На литературном посту» уже в 1929 году. — В отношении формы Кустодиев был одним из наиболее консервативных художников... Попытки некритически навязать пролетариату творчество Кустодиева в наши дни есть реакционные попытки, и с ними мы будем бороться, от кого бы они ни исходили». Эти высказывания трудно забыть еще и потому, что подобная ненависть к патриотизму высказывается и поныне в России, кстати, само имя которой в том же 29-м было если не контрреволюционным, то, мягко говоря, неодобряемым... И теми конъюнктурными критиками не высказывалось главное: у таланта один смысл и одно служение — своему народу. Его славе и правде. Все остальное — из подлой сферы грибоедовского «прислуживаться тошно». В этом-то и драгоценность настоящего искусства на все времена. А сомнения и приговоры принадлежат Временям, да еще мучительным сомнениям самого мастера: «Ведь остро чувствуешь, что надо, и еще острее — как все это не походит (далеко) на то, что надо».

И когда читаешь следующие строки Кустодиева, становится понятным, как болезненно тяжело переносил он творческие неудачи: «... она (живопись. — Э. П.) мне кажется ненужной, таким старьем и хламом, что я просто стыжусь за нее... Я так люблю все это богатство цветов, но не могу их передать: в этом-то и трагизм».

За год до смерти Борис Михай-

лович беспокоился: «Не знаю, удалось ли мне сделать и выразить в моих вещах то, что я хотел, — любовь к жизни, радость, бодрость, любовь к своему «русскому» (и в кавычки уже пришлось поставить!.. — Э. П.) — это всегда было единственным сюжетом моих картин...»

Сейчас мы-то знаем: удалось всё! Он воспевал Русь так, что самому себе порою дивился: «А солнце в картине у меня самое большое действующее лицо». Ведь «живем в благословенных краях благословенной русской земли...», где он всегда мечтал «работать что-нибудь светлое, радостное». Увы, радость была нечастой гостью. Ведь даже шалыпинский портрет не развеял сомнений. Сын Кустодиева вспоминал, как отец опасался, что ему не удастся передать всей выразительности лица Шалыпина. Видно, сомнения терзали бы его и тогда, если б знал, что, написав всего один этот холст, он не был бы забыт Россией. А ведь были ему еще известны и пророчества Репина: «Самое значительное — портрет «Монахини» Кустодиева» — это в сезоне 1909 года. И в 1911-м: «На Кустодиева я возлагаю большие надежды. Он художник даровитый, любящий искусство, вдумчивый, серьезный, внимательно изучающий природу. Отличительные черты его дарования — самостоятельность, оригинальность и глубоко прочувствованная национальность; они служат залогом крепкого и прочного успеха». И заключил мастер крылатым — «богатырь живописи!».

Богатырство это живо во всем, что оставил яростно борющийся за счастье кустодиевский талант, — в портретах, живописных полотнах, эскизах декораций и костюмов, иллюстрациях. К Лескову, Островскому, Салтыкову-Щедрину... И кажется, что в каждом маз-



ке, линии, цветовом пятне, рабочей нагруженности композиции, построенной по-русски основательно, подтверждена каждая буква репинского пророчества!

А как все это живет в шаляпинском образе! Оттого, пожалуй, что «сошлись» здесь две незаурядные натуры — мастер живописи и талантливая его модель. Смотришь на холст и чувствуешь, как усилили они талант друг друга. Один щедро раскрылся перед «удивительным человеком» в чуть нарочитом позировании, «показом» себя; другой — способностью ничего не утратить из этого талантливого человеческого доверия.

В 1927 году певец уехал в эмиграцию, уехал и особенно дорогой его душе портрет. Только в 1968 году (чиновники наконец разрешили!) завещанный Родине еще при жизни портрет Шаляпина кисти Кустодиева вернулся в Россию. Сейчас он хранится в Санкт-Петербурге в музее-квартире артиста на улице Графтио.

После «Шаляпина» художнику останутся неполные шесть лет жизни. За это время он создаст много полотен о своем народе, его былой и новой судьбе: «Купчиха перед зеркалом» (лучший по живописи кустодиевский холст), «Лихач», «Праздник в честь II Конгресса Интернационала», «Ночной праздник на Неве», иллюстрации к Пушкину, детским книгам. И — несравненную «Русскую Венеру», соперничающую со знаменитейшими Венерами во всем мировом искусстве. Работал над нею мастер небывало долго — два года! — и завершил за год до безвременной кончины. На звучной, ликующей ноте оборвал свой рассказ о вечной красоте русской женщины.

О «Русской Венере» сохранилась легенда. Якобы где-то в Санкт-петербургских архивах на-

ходится примерно такое письмо некоего митрополита: «Видно, диавол водил дерзкою рукою художника Кустодиева, когда он писал свою «Красавицу», ибо смутил он навек покой мой. Узрел я ее прелесть и ласковость и забыл посты и бдения. Иду в монастырь замаливать грехи свои».

Кустодиев всегда мечтал о создании типично русской картины, как, например, есть голландская живопись, французская... Чтобы была узнаваема страна, школа... Этого от него требовали, по свидетельству первого биографа мастера, «его земля, народ, Россия...».

Конечно же, недуг отнял безмерно много, в итоге — ничего! «Чудесный, незабываемый день! — записывает в дневнике друг художника. — Так радостно было доставить такое наслаждение... дать ему... возможность побывать среди цветущего луга, на просторе бесконечных полей... И у него есть силы шутить». А еще говорить с друзьями, катаясь на кресле, «о трудностях передачи всей гаммы тонов и полутонов неба, зелени. О бессилии художника в передаче всего разнообразия отношений, о хорошей, законной «условности» искусства, эквивалентной «правде» природы»... Говорить о самом главном в творчестве, главным в его жизни. Да, этот «мученик, страдалец и одновременно творец, — как писал с гордостью за отца сын, — несущий в своих произведениях любовь к Родине и зовущий к радости жизни, был настоящим человеком».

Кустодиев всегда призывал беречь Россию. Ее красоту, удаль, творческий полет; в годы голода и разрухи поддерживал Кустодиев «бодность духа» своих родных, друзей, знакомых... Петров-Водкин «приходил к нему освежиться, набраться энергии и отдохнуть...

в тяжелые годы после революции». Эмигрант Добужинский, пожалуй, самый близкий его друг, признавался: «Нам так дорога была эта простая улыбка радости жизни, которая светилась в его творчестве». А Верейский как бы подытожил: «Его жизнь — редкий пример победы творческого горения над немощной плотью».

Умер Кустодиев в дождливый весенний день (Случайной простуды хватило для изнуренного недугом тела...) Кто-то изшедших в печальной процессии громко произ-

нес: «Плачет природа, скучно без Кустодиева».

Скучно... Но Россия может гордиться тем, что на ее просторах жил и творил художник, мастер и Человек, которого не с кем сравнить в щедром на трагедии и одолении мировом искусстве.

И сегодня так же пронзительно и ярко звучит кустодиевская песнь о красоте русской, о разудалом, громкоголосом празднике, преисполненном ликованием жизни.

**На III-й обложке:  
портрет Ф. И. ШАЛЯПИНА.**



**Б. М. Кустодиев работает над бюстом Ф. Сологуба. 1914 г.**

СЕРГЕЙ АДРИАНОВ

# Фаворшка

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА







июне 1789 года Петербургский двор находился в тревожном ожидании. Граф Дмитриев-Мамонов, взысканный всеми милостями императрицы, щедро осыпанный богатством и почестями, внезапно объявил Екатерине, что он уже полгода тайно помолвлен с княжной Щербатовой.

Императрица отнеслась к этому факту крайне милостиво и разрешила предположенный брак, но всем было ясно, что исключительному положению графа пришел конец.

Кто же займет место опального Мамонова? Кого всемогущая императрица отличит и выдвинет из блестящей толпы придворных? Вот вопросы, которые волновали петербургское высшее общество.

Выдвинулся Платон Александрович Zubov, молодой кавалергардский офицер.

Возвышение Платона Zubova, разумеется, тотчас же отразилось на его семье: братья получили важные повышения, а отец, Александр Николаевич Zubov, служивший вице-губернатором в провинции, был назначен обер-прокурором в первый департамент сената и переехал в Петербург.

В то же время, надо полагать, появилась в столице и сестра Платона Zubova, Ольга, дальнейшая судьба которой отличается не меньшим романтизмом, чем судьба ее брата.

Ольга Александровна Zubova родилась в 1766 году. Мы не имеем верных сведений о том, какое образование и воспитание получила она, но, судя по характеру ее отца, ни то, ни другое не могло быть блестящим.

Александр Николаевич Zubov, по свидетельству современников, был человек не глупый, но злой и недобросовестный; попав в 1789 году на довольно важный в то время пост, он запятнал себя целым рядом вопиющих нарушений всяких законов; главной пружиной всех его поступков было ненасытное корыстолюбие. Понятно, что такой отец не мог дать своим детям надлежащего воспитания и внушить им твердые правила нравственности. И действительно, Ольга Александровна, обладая недюжинным природным умом, отличалась, как и ее братья, отсутствием каких бы то ни было нравственных основ и была игрушкой своего пылкого и страстного темперамента.

Вероятно, еще в провинции вышла она замуж за Александра Алексеевича Жеребцова, происходившего из старинного дворянского рода, но никакими достоинствами не отличавшегося. Про этого человека мы знаем только то, что он умер уже в XIX веке, в чине тайного советника и в звании действительного камергера. Женатый на сестре Платона Zubova, всемогущая десница которого выдвинула из мрака забвения на сцену исторической жизни всю семью, не отличавшуюся никакими талантами, Жеребцов удовольствовался почетным званием и не играл никакой роли. В то время как жена его блистала в высших сферах различных столиц и заставляла всех о себе говорить, Жеребцов не обратил на себя внимания ни одного мемуариста. Он прошел совершенно незамеченным. Очевидно, это был человек ничтожный, но

*«В одну телегу впрячь не можно  
Коня и трепетную лань»,—*

сказал поэт. Это изречение вполне применимо к супругам Жеребцовым, если только супруга уподобить робкой и бездеятельной лани, а Ольгу Александровну — горячему, необузданному коню. Обычная судьба таких супружеств, всем известная, свершилась и над четой Жеребцовых.

Молодая 23-летняя женщина, замечательной красоты, выросшая в провинциальной глуши, попала в блестящий петербургский свет, в котором тогда, более чем когда-либо, умели ценить женскую красоту. Разумеется, целый рой поклонников не замедлил окружить новое светило прелести и разбудил дремавшие в ней дотоле страстные инстинкты, не удовлетворенные неудачным супружеством. Скоро между своими обожателями она отличала одного и отдалась ему со всем пылом своих лет.

Двор Екатерины Великой в последние годы ее царствования был ареной интриг иностранных политиков. Боролись партии французская и английская. Представителем интересов Сент-Джемского кабинета в 1788 году был назначен Джордж Витворт, племянник Карла Витворта, бывшего английским посланником в Петербурге при Петре Великом. Новый чрезвычайный посол английский был человеком еще совсем молодым: он приехал в Петербург, имея всего 28 лет от роду, но успел уже выказать выдающиеся дипломатические способности, а в Петербурге еще более упрочил свою известность. Умный, светский, вежливый, чрезвычайно тактичный, Витворт скоро завоевал всеобщие симпатии. Особенно сблизился он с Платоном Зубовым. Усердная поддержка этого всесильного вельможи, а также вспыхнувшая как раз в это время французская революция сослужили английскому послу большую службу, и он без особого труда устранил французское влияние на русскую политику. Однако привлечь Россию к оборонительному и наступательному союзу с Англией против Франции долго ему не удавалось, и только за несколько дней до смерти Екатерины был приготовлен для подписи соответствующий трактат. Но императрица умерла, не успев подписать этого договора, а преемник ее, Павел I, наотрез отказался ратифицировать его. Сразу рухнули результаты долгих стараний Витворта. Приходилось начинать все сызнова.

Сойдясь с Платоном Зубовым и часто бывая у него, Витворт познакомился и сблизился с его сестрою. Жеребцова произвела на юного дипломата неотразимое впечатление, и он решился во что бы то ни стало завладеть ее сердцем.

При обстоятельствах, указанных выше, этот подвиг не представлял особенных трудностей, и прошло немного времени, как светские сплетники передавали анекдот про одного тайного советника, который в одно прекрасное утро, собираясь на прогулку, с крайним изумлением заметил, что шапка стала ему сразу совсем тесна. Слух этот далеко не был лишен основания, да оно и вполне понятно: сравнение между Витвортом и Жеребцовым было, конечно, не в пользу последнего, воспитание Ольги Александровны не дало ей тех нравственных принципов, в силу которых она предпочла бы исполнение своего долга удовлетворению сердечного влечения.

Весело и беззаботно жилось в это время семье Зубовых. Но



безоблачное небо их счастья мгновенно покрылось грозными тучами, когда внезапный удар прервал жизнь Екатерины. Зубовым нельзя было ожидать милостей от нового императора, и Платон Александрович, понимая это, выказал удивительную трусость при кончине благодетельницы. Так как дальнейшее его пребывание в Зимнем дворце становилось неуместным, то он удалился в дом своей сестры и там вместе с нею предавался тоске и мрачным предчувствиям.

В покоях Жеребцовой постоянно находился частный пристав, которому поручено было следить за бывшим временщиком и доносить по начальству подробные сведения о том, с кем он видится, что делает и т. п. Фигура блюстителя порядка не сулила добра и Ольге Александровне: опала могла распространиться на всю семью Зубовых. Однако, ко всеобщему изумлению, Павел чрезвычайно милостиво отнесся к Зубову: пожаловал его Анной первой степени (орден, который Павел ставил выше всех других русских орденов), подарил ему роскошный дом на Морской, с полной обстановкой, удостоил даже своего посещения: император и императрица пили у Зубова на новоселье чай, причем Мария Федоровна сама приняла на себя роль хозяйки. Но уже через два месяца после этого Зубов «получил позволение» ехать за границу и был отрешен от всех своих многочисленных должностей; братья его также высланы были из столицы, а громадные имения их подверглись конфискации.

Из всей семьи Зубовых осталась в Петербурге одна Ольга Александровна, да и той пришлось отказаться от прежней веселой жизни и присмиреть, чтобы как-нибудь не обратить и на себя внимания императора. Один Витворт не унывал: этому ловкому дипломату скоро удалось завладеть расположением Павла и направить течение русской политики по наиболее выгодному для Англии руслу. В 1797 году, 10 февраля, был заключен русско-английский торговый договор, а в следующем году Павел даже примкнул к коалиции против Франции и послал свои войска в Италию. Это был апогей славы и влияния Витворта при русском дворе.

Но как ни был ловок юный дипломат, а у Павла все-таки скоро раскрылись глаза на двусмысленное поведение Сент-Джемского кабинета; союз с Англией был порван, начались переговоры с Бонапартом, и на сцене появился грандиозный план похода на Индию, чтобы поразить Англию в эту ее ахиллесову пятю. Витворт понимал всю опасность этого плана и решил во что бы то ни стало отвратить грядущую беду. Не забудем, что Жеребцова была в связи с Витвортом, и всякий, кто становился поперек дороги любимому ею человеку, при пылком ее темпераменте, становился и ее заклятым врагом.

В 1800 году Павел счел необходимым вернуть Платона Зубова из заграницы: слишком уж зазорно вел себя там бывший временщик. Сначала он удовольствовался тем, что возил за собою повсюду какую-то девицу, переодетую камердинером, потом стал в Теплице назойливо ухаживать за красавицей эмигранткой Ларош Эмон, наконец приволокнулся за молоденькими принцессами курляндскими, влюбился в старшую из них и, когда отец не

согласился на брак, решил похитить ее. Это произвело большой скандал. Однако, вернувшись в Россию, Зубов сумел поправить свои отношения с двором: он посватался к дочери Кутайсова, известного любимца Павла, и через него снова попал в милость к императору. Семья Зубовых была прощена и опять собралась в Петербурге. Тучи как будто рассеялись, но недавний опыт показал, что при Павле нельзя быть уверенным в прочности своего положения, и Зубовы не забывали этого опыта. Таким образом, и семейные связи, и личные чувства заставляли Жеребцову примкнуть к лагерю недовольных новым царствованием.

Известно, что Павел вел жизнь скромную до суровости и того же требовал от всей аристократии. Трудно было петербургскому большому свету после шумной и веселой жизни времен Екатерины привыкать к новому течению, но Павел шутить не любил, и великосветские вивёры\* поневоле должны были притихнуть. Зато весь Петербург знал дом на Английской набережной, где можно было всегда весело провести вечер, ни чем не рискуя. Это был дом Ольги Александровны Жеребцовой.

Когда семья Зубовых собралась в Петербурге и снова попала в милость, у Жеребцовой открылся салон, и пошли почти ежедневные веселые пиры, на которых амфитрионом был Витворт. Как джентльмен, он считал для себя неприличным пировать за счет мужа своей любовницы и сам за все расплачивался. Благодаря неиссякаемому кошельку благородного лорда по вечерам в доме на Английской набережной шампанское лилось рекой и гости наслаждались всеми затеями французской гастрономии. Само собой разумеется, что император, если бы только знал про эти сборища, не потерпел бы их; но он не знал и не мог знать ничего: одним из деятельнейших членов Жеребцовского кружка был граф Петр Алексеевич фон-дер Пален, военный генерал-губернатор Петербурга. Тайная полиция была под его начальством, и все донесения ее агентов проходили через его руки, а он давал движение только тем из них, которые не касались Жеребцовой и ее посетителей.

Но не одни пиры составляли суть вечерних собраний у Жеребцовой. Недаром там сходились члены английского посольства, блестящая гвардейская молодежь, оттертая на второй план гатчинцами, многие сановники, верные традициям екатерининской эпохи, а также некоторые лица, выдвинувшиеся только при Александре I. Все это были люди, ожидавшие много хорошего от наследника престола и не особенно преданные Павлу. Однако вскоре отношения между Россией и Англией настолько обострились, что Витворт должен был покинуть Петербург. Высокое звание пэра послужило ему на родине наградой за гласные и негласные подвиги при русском дворе.

Вслед за Витвортом уехала из Петербурга и его любовница. Но машина уже была заведена и не переставала работать после удаления этих двух личностей. Да не на Витворте и не на Жеребцовой зиждилось все дело. Переворот 11 марта 1801 года

\* Вивёр — человек, живущий в свое удовольствие (франц.).

ясно доказал это... Но возвратимся к судьбе нашей героини и ее возлюбленного.

Жеребцова временно поселилась в Берлине, надеясь скоро снова увидеться с Витвортом, который тем временем исполнял различные дипломатические поручения своего правительства. Но сорокалетний вельможа был уже далеко не тем, чем был двадцативосьмилетний молодой человек, делавший карьеру, а тридцатипятилетняя любовница, хотя и сохранившая все обаяние красоты, уже не представляла для него прежней прелести. Старая связь не могла восстановиться: лорду надо было жениться хотя бы для продолжения рода, надо было сделать приличную партию. Выбор его пал на герцогиню Дорсет, гордую и своенравную девушку, но бывшую завидной невестой.

Весть об этом браке застала Жеребцову в прусской столице. Нельзя описать отчаяния несчастной женщины, когда она узнала, что связь с Витвортом должна быть покончена. Она любила его искренно; это не была легкая светская интрига, это была настоящая любовь, глубокая, всепоглощающая, которую могут испытывать только страстные натуры. С такой любовью нельзя было расстаться: корни заняли все сердце, и их можно вырвать, только совершенно искалечив человека нравственно. Понятно, какие муки причиняет подобная операция. Не будем же строго судить нашу героиню, если она, как утопающий за соломинку, хваталась за всякие средства, иногда даже грязные, лишь бы только вернуть Витворта, если в порывах отчаяния она забывала собственное достоинство и решалась на поступки, совершенно испортившие ее репутацию у современников. Все это результаты не испорченной, а только не в меру страстной натуры и не столько клеймят саму Жеребцову, сколько человека, презревшего такое глубокое и искреннее чувство и толкнувшего на страшный путь женщину, которая всем для него пожертвовала.

Для характеристики отношения тогдашнего общества к Жеребцовой приведем письмо русского посла в Лондоне графа С. Р. Воронцова к его брату. Это письмо помечено 31 июля 1801 года.

«Нам угрожает здесь появление сумасшедшей, которой я не знаю, но которая приедет в январе, если только ее родственники не отговорят ее от этой экстравагантности. Это m-me Жеребцова, которая всем рассказывает о своей связи с лордом Витвортом и имеет бесстыдство жаловаться на то, что ее любовник женился; она заявляет, что он остался ей должен и что она приедет в январе в Лондон, чтобы заставить его расплатиться. Она в настоящее время в Берлине, где мучит всех англичан своими непристойными жалобами: министры, путешественники, купцы, курьеры, словом все англичане, с которыми она встречается, обречены на слушание ее иеремиад, без различия, знакомы они с ней или нет... Если человек прибыл из Англии, то она спрашивает его, что делает ее вероломный любовник, а потом начинает рассказывать свою историю; если, наоборот, кто-нибудь едет в Англию, тогда она поручает отвезти свои жалобы и повествует про свои бедствия. Все письма, приходящие из Берлина, и рассказы путешественников наполнили Лондон толками про неблагопристойную экстравагантность этой безумной. Тут не понима-



ют, каким образом женщина с известным общественным положением, замужня, мать семейства, может до такой степени забиться, чтобы признаться, что она жила в незаконной связи, и что она в отчаянии от невозможности продолжать прежние отношения с любовником, так как он женился... Можешь понять, что я никогда не позволю, чтобы Катенька виделась с этой женщиной, столь непристойной».

Это письмо ясно показывает, с одной стороны, до какого отчаяния довела Жеребцову женитьба Витворта, а с другой — как безвозвратно погибла в глазах света ее репутация. Любопытно, что Воронцов обвиняет Жеребцову не за самую связь, а за то, что она осмелилась открыто признаться в этой связи. Что делать — такова нравственная мерка света!..

Действительно, в 1802 году Жеребцова приехала в Лондон, но Витворта там уже не застала: он уехал в Париж, куда был назначен послом. Утомленная долгой бесплодной борьбой, потерявшая окончательную надежду вернуть к себе любимого человека, она 8 или 9 месяцев прожила в полном уединении, один на один со своей безысходной тоской. Но нет горя, которое не исцелялось бы временем. Мало-помалу Жеребцова примирилась с мыслью, что Витворт для нее потерян и принадлежит другой женщине. Тогда жизненные инстинкты вступили в свои права, и Жеребцова сделала попытку вернуться к прежней светской жизни, но неудачно: ее выходы закрыли ей двери дворцов лондонской аристократии.

Для восстановления своей репутации она в марте 1803 года обратилась к С. Р. Воронцову, прося его представить ее ко двору. Но мы уже знаем, как этот дипломат относился к ней, и потому не удивимся, что он отказал в этой просьбе под благовидным предлогом: «Я имею неперемное правило, — писал он ей, — которое не могу нарушить, а именно: представлять здесь у двора только тех особ, принадлежащих России, кои мне привозят рекомендательные письма от нашего министерства».

Таких писем у Жеребцовой, конечно, не было, и она отлично поняла, что граф Воронцов, в сущности, нанес ей в вежливой форме оскорбление.

Надежда проникнуть в лондонское общество обычным путем была отнята. Тогда Жеребцова решила во что бы то ни стало войти в это общество, но войти победительницей, в блеске и силе, и доказать таким образом своим хулителям, что она в них не нуждается. Обстоятельства благоприятствовали ее намерениям.

Английским королем в это время был Георг II, человек сурового и мрачного характера, совершенно непопулярный да притом же страдавший умопомешательством. Наследник престола Георг принц Уэльский, наоборот, отличался недюжинным умом, импонирующей наружностью и сумел с самых юных лет стяжать народную любовь. *The first gentleman in Europe*\*, как называли принца англичане, умел пожить, соединяя роскошь с большим вкусом, примкнул сразу к популярной партии вигов, отдавал должную дань английским национальным увлечениям, состоя

\* Первый джентльмен Европы (англ.).

председателем жокей-клуба. Суровая узда отца, державшая его в детстве в строгих правилах нравственности, не убила природной пылкости характера и только сделала позднейшие проявления этого качества более резкими и безрассудными. Будучи всего двадцати лет от роду, принц безумно влюбился в молодую и замечательно красивую вдову одного католика-помещика, мистрис Фицгерберт, и женился на ней. Но народные представители, шокированные таким мезальянсом, отказались признать брак законным. Таким образом, честолюбивая вдовушка очутилась в положении довольно неприятном: она думала стать принцессой Уэльской, а сделалась просто любовницей принца. Потеряв надежду на трон, эта мистрис решила извлечь из своего положения возможно больше выгоды материального характера и положительно разоряла принца, требуя от него роскошной обстановки и безумно дорогих подарков.

В течение короткого времени у влюбчивого Георга накопилось свыше полумиллиона фунтов стерлингов долга, и, живя выше средств, он, конечно, не имел надежды когда бы то ни было расплатиться. И король, и нация были недовольны таким образом жизни принца и настаивали на немедленном вступлении его в законный брак, желая видеть продолжение династии обеспеченным. Но принцу жениться совсем не хотелось. Тогда ему предложили следующее: если он женится на принцессе Каролине Брауншвейгской, то парламент заплатит его долги. Преследуемый кредиторами и не видя иного выхода, принц согласился на это предложение.

Разумеется, брак, заключенный при таких обстоятельствах, мало сулил хорошего в будущем. И действительно, не прошло и полугода после свадьбы, как молодые не могли уже равнодушно видеть друг друга. Связь с мистрис Фицгерберт, прерванная было женитьбой принца, возобновилась, потом милостями Георга стала пользоваться леди Джерсей, а за ней другие дамы. Кутежи и прожигание жизни достигли колоссальных размеров. Народные симпатии к прежнему любимцу стали падать, но принцу до этого уже не было дела. В этот-то период жизни принца Уэльского и попала Ольга Александровна Жеребцова в Лондон.

Как ей удалось познакомиться с принцем, мы не знаем, но она произвела сильное впечатление на него, и вскоре Георг занял место своего тезки Витворта. Английская чопорная аристократия, отвернувшаяся от скомпрометированной русской дворянки, не решилась гостеприимно раскрыть двери симпатии принца Уэльского, который совершенно подчинился влиянию энергичной женщины. Победа была на ее стороне.

Шумно и весело катилась жизнь Жеребцовой за границей, но годы уходили неумолимой чередой, страсти потухали, рассудок вступал в свои права, ум и сердце, переполненные, пресыщенные впечатлениями, требовали отдыха. Около 1810 года Ольга Александровна вернулась на родину, к своей семье. Sturm und Drangperiode прошел, наступала старость.

Вместе со старостью начались для нее пустыня, удары судьбы, одиночество и грустная жизнь воспоминаний. Ее сын был убит под Бородино. Старушка всякий год ездила в августе месяце из

Петербурга в Можайск посетить могилу сына. «Одиночество и несчастье не сломили ее сильного характера, а сделали его только угрюмее и угловатее, говорит человек, видевший ее в 1840 году. Точно дерево середь зимы, она сохранила линейный очерк своих ветвей, листья облетели, костливо зябли голые сучья, но тем яснее виднелся величавый рост, смелые размеры и стержень, поседелый от инея, гордо и сумрачно выдерживал себя и не гнулся от всякого ветра и от всякой непогоды. Ее длинная, полная движения жизнь, страшное богатство встреч, столкновений образовали в ней ее высокомерный, но далеко не лишенный печальной верности взгляд. У нее была своя философия, основанная на глубоком презрении к людям, которых она оставить все же не могла по деятельному характеру».

Из всей ее семьи к тому времени остались в живых только одна внучка, тетка бабушки, дочь ее сына Александра Александровича. Эта внучка вышла замуж за Алексея Федоровича Орлова, любимца императора Николая I. 25 декабря 1825 года Орлов был возведен в графское достоинство и сохранил свою близость к императору до конца его жизни, состоя в год смерти Николая генералом от кавалерии, членом государственного совета, шефом корпуса жандармов, главным начальником III отделения Собственной Его Величества канцелярии и кавалером всех российских орденов. Такой влиятельный зять, конечно, опять возвратил бывшее значение Жеребцовой: в ее гостиной снова стали толпиться и юноши, жаждущие протекции, и седовласые сановники, ищущие поддержки и заступления. Но умудренная годами и опытом старушка с презрением относилась ко всей этой толпе искателей.

Как раз в эту эпоху познакомился с ней Александр Иванович Герцен, слова которого мы привели выше.

Знакомство завязалось следующим образом. Возвращенный из первой ссылки, Герцен в 1840 году приехал в Петербург. Одно из рекомендательных писем, данных ему отцом, было адресовано Жеребцовой, старой его приятельнице. Питая инстинктивное отвращение к важным старушкам, Герцен долго не решался поехать к Ольге Александровне, наконец отважился. Но Жеребцова оказалась совсем не тем типом, который был так противен Герцену. Вот как он рассказывает про свою встречу с ней.

«Официант привел меня в довольно сумрачную гостиную, плохо убранную, как-то почерневшую, полинявшую; мебель, обивка, — все сдало цвет, все стояло, видно, давно на этих местах... Самоотверженно ждал я появления хозяйки, приготовляясь к скучным вопросам, к глухоте, к кашлю, к обвинениям нового поколения, а, может, и к моральным поучениям.

Минут через пять взошла твердым шагом высокая старуха со строгим лицом, носившим следы большой красоты; в ее осанке, поступи и жестах выражались упрямая воля, резкий характер и резкий ум. Она пронизательно осмотрела меня с головы до ног, подошла к дивану, отодвинула одним движением руки стол и сказала мне:

— Садитесь сюда на кресла, поближе ко мне, я ведь короткая приятельница с вашим отцом и люблю его. — Она развернула



письмо и подала мне, говоря: «Пожалуйста, прочтите мне, у меня болят глаза».

Письмо было написано по-французски, с разными комплиментами, с воспоминаниями и намеками. Она слушала, улыбаясь, и, когда я кончил, сказала:

— Ум-то у него не стареет, все тот же; он очень был любезен и очень костик<sup>\*</sup>. А что, теперь все сидит в комнате, в халате, представляет больного? Я два года тому назад проезжала Москвой, была тогда у вашего батюшки; насилу, говорит, могу принять, разрушаюсь, а потом разговорился и забыл свои болезни. Все — баловство; он немного старше меня, года два-три, да и то есть ли, а вот я и женщина, а все еще на ногах. Да, да, много воды утекло с тех времен, о которых ваш отец поминает. Ну, подумайте, мы с ним были из первых танцоров. Англызы тогда были в моде; вот я с Иваном Алексевиичем, бывало, и танцуем у покойной императрицы; можете вы себе представить вашего батюшку в светло-голубом французском кафтане, в пудре и меня с фижмами и decolletée? С ним было очень приятно танцевать, il etait bel homme\*\*, он был лучше вас, — дайте-ка хорошенько на вас посмотреть, — да, точно он был получше... Вы не сердитесь, в мои лета можно говорить правду. Да ведь вам и не до того, я думаю, ведь вы литератор, ученый».

Затем Жеребцова стала спрашивать Герцена о причинах его ссылки и добродушно подшучивала над юным возрастом конспираторов и над тем, что «четыре-пять студентов испугали tout le gouvernement\*\*\*». Провожая гостя, Жеребцова сказала:

— А я, право, очень рада, что познакомилась с вами, спасибо вашему отцу, что прислал вас ко мне, вы очень интересный молодой человек, хорошо понимаете вещи, даром, что молоды, — вот мы с вами и потолкуем о том, о сем, а то, знаете, с этими с куртизанами скучно — все одно, о дворе, да кому орден дали, все пустое.

Герцен стал часто навещать Жеребцову и подолгу засиживался у ней, рассказывая про тогдашние литературные кружки. Ольга Александровна с большим интересом слушала своего собеседника и постоянно высказывала предпочтение кипучей жизни этих кружков перед мертвым застоём великосветской среды.

— Вы их еще не знаете, — заметила она Герцену, провожая киваньем головы разных толстых и худых сенаторов и генералов, — а уж я довольно на них насмотрелась, меня не так легко провести, как они думают; мне двадцати лет не было, когда брат был в пущем фаворе\*\*\*\*, императрица меня очень ласкала и очень любила. Так поверите ли, старики, покрытые кавалериями, едва таскавшие ноги, наперерыв бросались в переднюю подать мне салоп или теплые башмаки. Государыня скончалась,

\* Кóлок.

\*\* Он был красивый мужчина.

\*\*\* Все правительство (франц.).

\*\*\*\* Это не совсем точно: в 1789 г. Жеребцовой было 23 года.

и на другой день дом мой опустел, меня бегали, как заразы, знаете, при сумасшедшем-то\* и те же самые персоны. Я шла своей дорогой, не нуждалась ни в ком и уехала за море. После моего возвращения Бог посетил меня большими несчастьями, только я ни от кого участия не видала, были два-три старых приятеля, те точно и остались. Ну, пришло новое царствование, Орлов, видите, в силе, то есть я не знаю, насколько это правда... Так думают по крайней мере; знают, что он мой наследник, и внучка-то меня любит, ну, вот и пошла такая дружба — опять готовы подавать шубу и калоши. Ох, знаю я их, да скучно иной раз одной сидеть, я их и пускаю, болтают всякий вздор — развлечение, час, другой и пройдет...

Герцен, как человек подозрительный, находился под строгим надзором, и достаточно было ему повторить ходивший по городу слух, чтобы снова получить приказание немедленно покинуть столицу. Семейные обстоятельства (беременность жены) делали для него это несчастье особенно ощутительным. Он поехал со своим горем к Жеребцовой.

— Господи, какие глупости, час от часу не легче, — заметила она, выслушавши меня. — Как это можно с фамилией тащиться в ссылку из таких пустяков. Дайте, я переговорю с Орловым, я редко его о чем-нибудь прошу, они все не любят этого; ну, да иной раз может же сделать что-нибудь. Побывайте-ка вы у меня денька через два, я вам ответ сообщу.

«Через день утром она прислала за мной, — рассказывает Герцен. — Я застал у нее несколько человек гостей. Она была повязана белым батистовым платком вместо чепчика. Это обыкновенно было признаком, что она не в духе, щурила глаза и не обращала почти никакого внимания на тайных советников и явных генералов, приходивших свидетельствовать свое почтение. Один из гостей с предовольным видом вынул из кармана какую-то бумажку и, подавая ее Ольге Александровне, сказал:

— Я вам привез вчерашний рескрипт князю Петру Михайловичу; может, вы не изволили еще читать?

Слышала ли она или нет, я не знаю, но только она взяла бумагу, развернула ее, надела очки и, морщась, с страшным усилием прочла: «Князь Пе-тр Ми-хайло-вич!» Что вы это мне даете?.. А?.. Это не ко мне?

— Я вам докладывал, это рескрипт...

— Боже мой, у меня глаза болят, я не всегда могу читать письма, адресованные ко мне, а вы заставляете чужие письма читать.

— Позвольте, я прочту... Я, право, не подумал...

— И, полноте, что трудиться понапрасну, какое мне дело до их переписки; доживаю кое-как последние дни, совсем не тем голова занята.

Господин улыбнулся, как улыбаются лица, понавшие впросак, и положил рескрипт в карман.

\* При Павле I.

Видя, что Ольга Александровна в дурном расположении духа и в очень воинственном, гости один за другим отклавялись. Когда мы остались одни, она сказала мне:

— Я просила вас сюда зайти, чтобы сказать вам, что я на старости лет дурой сделалась, наобещала вам, да ничего и не сделала; не спросясь броду-то, и ненадобно соваться в воду, знаете, по мужицкой пословице. Говорила вчера с Орловым о вашем деле, и не ждите ничего...

В это время официант доложил, что графиня Орлова приехала.

— Ну, это ничего, свои люди, сейчас доскажу.

Графиня, красивая женщина и еще в цвете лет, подошла к руке и осведомилась о здоровье, на что Ольга Александровна ответила, что чувствует себя очень дурно, потом, назвавши меня, прибавила ей:

— Ну, сядь, сядь, друг мой. Что детки, здоровы?

— Здоровы.

— Ну слава Богу; извини меня, я вот рассказываю о вчерашнем... Так вот, видите, я говорю ее мужу-то: что бы тебе сказать государю, ну как это пустяки такие делают? Куда ты! руками и ногами уперся; это, говорит, по части Бенкендорфа, с ним, пожалуй, я переговорю, а докладывать государю не могу, он не любит, да у нас это и не заведено. Что же это за чудо, говорю я ему, поговорить с Бенкендорфом? Я это и сама умею. Да он-то уж из ума выжил, сам не знает, что делает, все актриски на уме, кажется, уж и не под лета волочиться; а тут какой-нибудь секретаришка делает у него доносы всякие, а он и подает. Что же он сделает? Нет, уж ты лучше, говорю, не срами себя, что же тебе просить Бенкендорфа, он же все и напакостил. У нас, говорит, уж так заведено, — и пошел мне тут рассказывать... Ну, вижу, он просто боится идти к государю... Что он у вас это, зверь, что ли, какой, что подойти страшно? и как же всякий день вы его пять раз видите? — молвила я да так и махнула рукой, — поди с ними, толкуй. Посмотрите, — прибавила она, указывая на портрет Орлова, — экой бравый представлен какой, а боится слова сказать!

Вместо портрета я не мог удержаться, чтобы не посмотреть на графиню Орлову; положение ее было не из самых приятных. Она сидела, улыбаясь, и иногда взглядывала на меня, как бы говоря: лета имеют свои права, старушка раздражена; но, встречая мой взгляд, не подтверждающий того, она делала вид, будто не замечает меня. В речь она не вступала, и это было очень умно: Ольгу Александровну унять было бы трудно, у старухи разгорелись щеки, она дала бы тяжелую сдачу. Надобно было прилечь и ждать, чтобы вихрь пронесся через голову.

— Ведь это, чай, у вас там, где вы это были, в этой в Вологде, писаря думают: граф Орлов — случайный человек, в силе... Все это вздор, это подчиненные, небось, распускают слух. Все они не имеют никакого влияния, они не так себя держат и не на такой



ноге, чтоб иметь влияние... Вы уже меня простите, взялась не за свое дело...»

Действительно, Герцену скоро пришлось оставить Петербург. Встреча с Герценом была, пожалуй, единственным эпизодом, внесшим разнообразие в ту скучную обстановку, в которой дожидала свой век эта «странная, оригинальная развалина другого века, окруженная выродившимся поколением».

1 марта 1849 года ее не стало.

HERZEN ZENTRUM  
GITARRENZENTRUM  
**BAVARIA**

приглашает на заочно-очные курсы начинающих и играющих. В программе обучения западноевропейская и американская гитарная музыка и песни. Плата за обучение невысокая, возраст не ограничен. По окончании курса ученики приглашаются в Германию на стажировку и для получения сертификата международного образца с правом работы. Прием производится круглогодично. Напишите нам по-русски или по-немецки, и мы вышлем условия приема:

ГЕРМАНИЯ

An direktor von Gitarrenzentrum "BAVARIA" Waldemar Zvetko-Blume

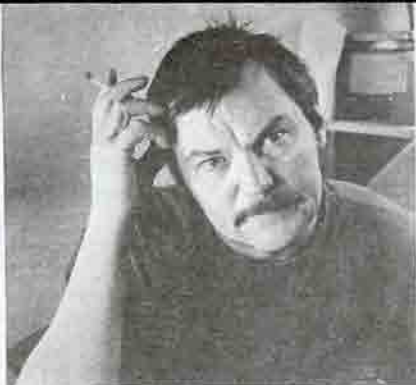
innbrunnerweg 5 D-84028 Landshut Deutschland

Tel. 1049-871-55941



Если вы желаете ускорить процесс, то позвоните нам, — мы говорим по-немецки и по-русски.

**ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МИР ЕВРОПЕЙСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ МУЗЫКИ**



Фотографии  
ВИКТОРА ВАСЕНИНА

# РОДНИК

Говорят, вятские — ребята хватские. У Васенина хватка — будь здоров... Но это что касается работы. В остальном он, крепкий сорокалетний мужчина, отнюдь не «хват» в обыденном толковании этого слова. Проще говоря, как большинство талантливых фотографов (смею обмолвиться об этом, потому что многих из них знаю лично...), в быту, в обустройстве преуспел незначительно. Не отхватил куска от пирога жизни...

Начав заметки с такой вот минорной ноты, далее предоставлю слово Виктору Васенину, как он сам говорит, оптимисту по жизни и по обстоятельствам.

— Я мечтал стать токарем, фрезеровщиком. Работать по металлу, как отец. В Кирове, где рос, специальность эта была в почете. Но в классе пятом взял у старшего брата фотоаппарат, заглянул в видоискатель и был буквально потрясен: увидел совсем иной мир — четкий, приближенный ко мне почти до физического ощущения... И то потрясение не ушло. Я уже не расставался с фотокамерой... Снимал все: лица, природу, вещи — видел их взаимосвязь, взаимозависимость. И это было чудо!

...Помню, в лесу под Кировом наткнулся на родник. Солнце било сквозь листву прямо на водные струи. Они словно росли из земли и исчезали в небе. Как будто между землей и небом был протянут серебряный мост. Я не мастер на allegории, но здесь я почувствовал (а позже осознал) истинный образ человеческой жизни. Думаю, фотография — как раз тот вид творчества, который наиболее реально, наглядно может связать в единое целое дух и плоть, фантазию и действительность, Земное и Возвышенное...

Он стал профессиональным фотографом. Репортером. Художником. Но прежде — работа токарем, учеба в МГУ, коммуналка... Виктор не обижен на судьбу. Ведь в конечном счете она тоже его не обидела, подарив чудесную семью (жена и две дочери), друзей, любимое дело и тот давний серебряный родник.

— Я любопытен, — говорит Виктор. — С жадностью езжу по стране, всматриваюсь в жизнь людей. Мне все время чудится, что вот-вот увижу через объектив камеры самое важное, то, что до меня не видел никто. Это чувство будоражит меня куда больше престижных выставок и премий. Не проскочить бы в суете мимо. Не проглядеть бы...

Мяльгин Александр Васильевич  
Мяльгин Петр Клавдиевич  
Мяльгин Николай Клавдиевич  
Мяльгин Николай Степанович  
Мяльгин Александр Евланпиевич  
Мяльгин Дмитрий Евланпиевич  
Мяльгин Александр Федорович  
Мяльгин Алексей Кириллович  
Мяльгин Александр Федорович  
Мяльгин Виктор Николаевич  
Мяльгин Виталий Владимирович  
Мяльгин Василий Николаевич  
Мяльгин Владимир Николаевич  
Мяльгин Алексей Васильевич  
Мяльгин Алексей Иванович  
Мяльгин Андрей Михайлович  
Мяльгин Анатолий Прокопьевич  
Мяльгин Анатолий Евланпиевич  
Мяльгин Василий Александрович  
Мяльгин Петр Николаевич  
Мяльгин Вячеслав Николаевич  
Мяльгин Василий Николаевич  
Мяльгин Григорий Алексеевич  
Мяльгин Дмитрий Алексеевич  
Мяльгин Григорий Николаевич  
Мяльгин Григорий Иванович  
Мяльгин Григорий Алексеевич  
Мяльгин Дмитрий Алексеевич  
Мяльгин Иван Степанович  
Мяльгин Иван Григорьевич  
Мяльгин Федор Григорьевич  
Мяльгин Николай Григорьевич  
Мяльгин Иван Григорьевич  
Мяльгин Иван Михайлович



*Сорочинская ярмарка.*





Война.



*На позицию, девушки...*







*...А служба идет.*







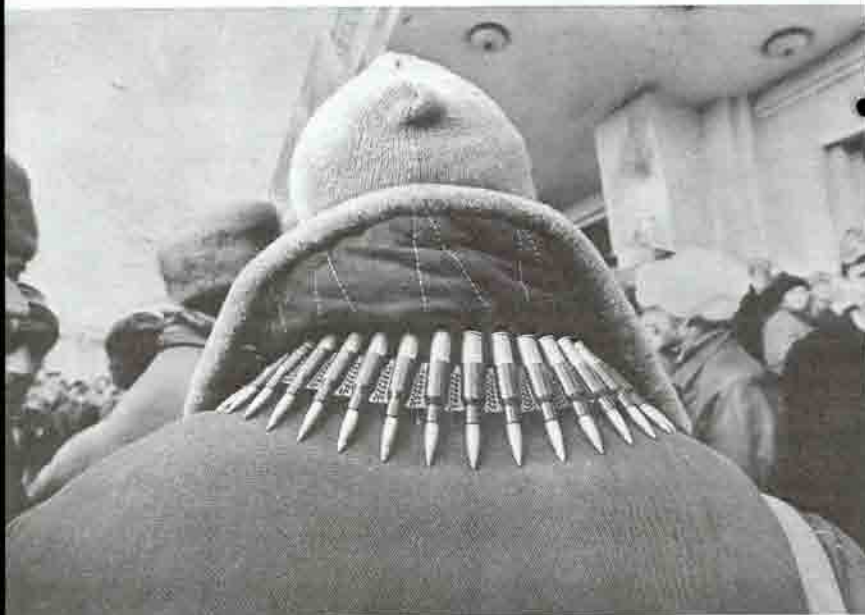
Беженка



*Перед боем...*



*Гусиные бои в деревне Тумботино, Нижегородская область.*



*12 декабря 1994 г., Чечня.*

*Птица счастья. (Мастер-шаркунщик, Архангельская область)*





Модель.



# ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

┌ Без работы, без крова, без родины...

┌ «Господа, угостите... книгой»

┌ «Мужчина, почему ваш поцелуй?»

┌ Читать «Смену», которую выписывал много лет, сейчас возможности не имею. Но пишу вам, потому что не знаю, куда обратиться за помощью. Я — русский, жена — украинка. Но родились и мы, и дочка в Киргизии. Там же вначале работали, а с 1992-го по 1994-й год — на урановом руднике в Чимкентской области Казахстана. С 94-го пытаемся устроиться в суверенной Беларуси, рядом с моими родителями, которые живут здесь уже тринадцать лет.

По профессии мы с женой строители. Я закончил инженерно-строительный институт в Томске, жена — политехнический в городе Фрунзе. Сейчас работаем в колхозе: я — по специальности, жена — бухгалтером, потому что другой работы нет.

Мы здесь, в Беларуси, не только люди без прав и гражданства — даже не зарегистрированы как жители. Прописывать нас отказываются: в районном ОВИРе сказали, что раз я не белорус, то имею право прописаться и жить только у родителей. Право-то имею, но в сельской местности, где живут родители, работы для нас нет, а без документа с места работы нас не прописывают. Заколдованный, страшный круг. Вот и мотаемся по республике уже год.

Я прошу всех, кто может: проявите нормальное человеческое понимание нашей беды, помогите найти работу в России. Мы, тридцатилетние, полные сил люди, специалисты, бедствуем. Все, что имели, продали, чтобы переехать в Беларусь, жить негде и не на что. Да и больно ощущать себя ненужными, выброшенными из жизни — унижительно.

Наши данные: Абрамин Андрей Владимирович, инженер-строитель. Работал техником, мастером, инженером-проектировщиком, прорабом, инженером-строителем. Жена — Абрамина Светлана Витальевна, инженер-проектировщик, работала инженером-конструктором, завхозом, бухгалтером. Согласны на переезд в любую точку России.

**Андрей АБРАМИН**

Наш адрес: 225078, Беларусь, Брестская обл., Каменецкий район, п. Беловежский, ул. Ленина, 14, кв. 1.

┌ Хотите расскажу, что значит — быть счастливой?

Мне восемнадцать лет, в прошлом году я закончила школу, а в начале этого вышла замуж. Мой муж угаживал за мной так красиво и настойчиво, что поженились мы через три месяца после знакомства. Он не

последний человек в совместной фирме, зарабатывает очень даже прилично, имеет иномарку, квартиру. Мои родители тоже коммерсанты, и свадьба у нас была на уровне, а обошлась в одиннадцать миллионов рублей. Потом по видею посмотрели фильм — не хило вышло, вокруг нас все такие красивые, веселые, шикарные. Я не хвастаюсь, просто хочу сказать, что сейчас можно жить хорошо, если не нять, а работать по-настоящему, как мои родители, как мой муж. Они очень заняты, работе отдают много времени, домой приезжают к ночи, зато и имеют все, что хотят. Я понимаю, это удается не всем, но ведь и природой не всем даны энергия, ум, умение правильно вести дела. Побеждают в жизни сильнейшие. Это закон природы, и не за что нас ненавидеть и проклинать, как это делают сейчас многие неудачники. Моя мама, например, тоже могла бы дома сидеть, но у нее талант вести дела. Раз система дала возможность стать богатыми, надо этим пользоваться.

А я — домашняя хозяйка и хочу ею быть всю жизнь. Не домработницей, а настоящей хозяйкой настоящего дома. Конечно, я не в аквариуме росла, знаю, что в нашей стране почти все женщины всегда работали чуть ли не больше мужчин, что поделаешь, нескольким поколениям советских женщин крупно не повезло: работа на износ, магазинные очереди, сумки, мужья-алкаши, больные дети, мизерная зарплата, жалкое жилье — в общем, жизнь убогая досталась. Наверное, поэтому сейчас многие из них с такой завистью и ненавистью к молодым относятся. Но нам просто-напросто досталось другое время,

другая страна, возможность стать настоящими женщинами — как природой задумано. Вот и надо стремиться к этому.

У нас очень красивая квартира — изящная мебель, светильники, шторы, много цветов и разных красивых вещиц. И мне очень нравится дома, я люблю приглашать гостей, сервировать стол. Ко мне часто приходят одноклассники — мы слушаем музыку, болтаем, смотрим фильмы. Я первая из всех подруг вышла замуж, они — кто в институте, кто в фирме у родителей работают, но все мы считаем, что женщина заслуживает любви, должна быть красиво одетой, ухоженной, обаятельной, а иначе зачем же Бог создал женщину?

Я всем желаю быть такими счастливыми, как я.

**РЕГИНА,**  
**Москва**

Живу я в Казахстане, мне сорок лет, и в последние годы жизнь так изменилась, что и жизнью-то это назвать нельзя. Не стану говорить подробно, понимаю, что помочь редакция не может — помочь надо целому народу, а не одному человеку, — напишу лишь о том, что близко журналистам, работникам редакций. С 93-го года все подписные издания, в том числе и «Смена», которую я очень люблю, стали доставляться так нерегулярно, что подписка потеряла всякий смысл. А для меня, человека, увлеченного литературой, это было просто чудовищно. Получение каждого номера журнала становилось для меня праздником. Читал от корки до корки: мне интересно все — публицистика, репорта-



жи, литературные новинки, архивные находки, интервью. И вот подписки на российские издания не стало. Впрочем, на 95-й год ее разрешили, я подписался на «Смену» в счет зарплат, которую не получаю четыре месяца, которую давно съела инфляция, которая всего-то 420 тенге (а хлеб — 12 тенге), когда долгов на год вперед... А за три дня до окончания срока подписки пришло на почту распоряжение — оформлять подписку только за наличный расчет. Вот и все, «а счастье было так возможно»... Денег достать было не у кого — ни родных, ни близких у меня нет. Впрочем, кругом бедствуют. Это страшно — живешь в нищете, изоляции и даже почитать, этой единственно доступной когда-то возможности не опуститься, не одичать, не стало. А когда-то я выписывал более десяти наименований журналов, покупал книги.

Прошу вас, напечатайте мое письмо с просьбой, нет, с мольбой: в обмен на книги или комплекты журналов предлагаю энциклопедические словари — юного художника, техника, астронома, натуралиста, спортсмена, зрителя, биолога, филолога, физика, географа — 10 томов (большого формата, каждый — более 500 страниц с цветными иллюстрациями). Да и вообще хотелось бы с кем-то переписываться, разумеется, по общим увлечениям и интересам, а то буквально тупеешь от серого, беспросветного существования.

Откликнитесь по адресу: 638516, Казахстан, Павлодарская область, Иртышский район, совхоз Амангельды.

**АНАТОЛИЙ ЯКУШЕВ**

Чем провинилась я перед Богом, не знаю, но не дает он мне в жизни радости. Тридцать с гаком, а все одна. Вроде не хуже других, не страшная, не кривая, не глупая. Есть образование, квартира, даже работа хорошо оплачиваемая — в нынешнее время это тоже, конечно, подарок судьбы, да к чему все это? Еще несколько лет — и рожать будет поздно. Но пишу не для того, чтобы познакомиться с кем-нибудь через журнал, — спасибо, не надо. Просто тоска одолела. Странная жизнь — годы набегает быстро, а дни, один на один похоже, душу выматывают однообразием. В кино делать нечего — от американских штамповок уже тошнит. Раньше с подружками, такими же вековухами, в театр ходили — теперь не пойдешь только потому, что вечером возвращаться — даже если повезет, не нападут, — от страха умрешь. Вот и сижу дома, в выходные стираю, убираюсь, чтобы быть занятой. Телесериалы не смотрю, хватило «Рабыни Изаурь»: их, по-моему, нам привозят, как стеклянные бусы дикарям, чтобы мы умилялись и тупели. Посчитала как-то — в телепрограмме на один день четырнадцать иностранных фильмов, из них двенадцать — многосерийные. Раньше все говорили, что наши фильмы не отражают реальной жизни, а эти отражают? Уж лучше кружевные салфетки вязать. Я и вправду их вяжу и раздаю на работе.

...Теперь поймете, на каком небе я была, когда познакомилась с очень симпатичным молодым мужчиной. Отмечали мы юбилей нашей организации — он был среди приглашенных: высокий, красивый, остроумный, об-

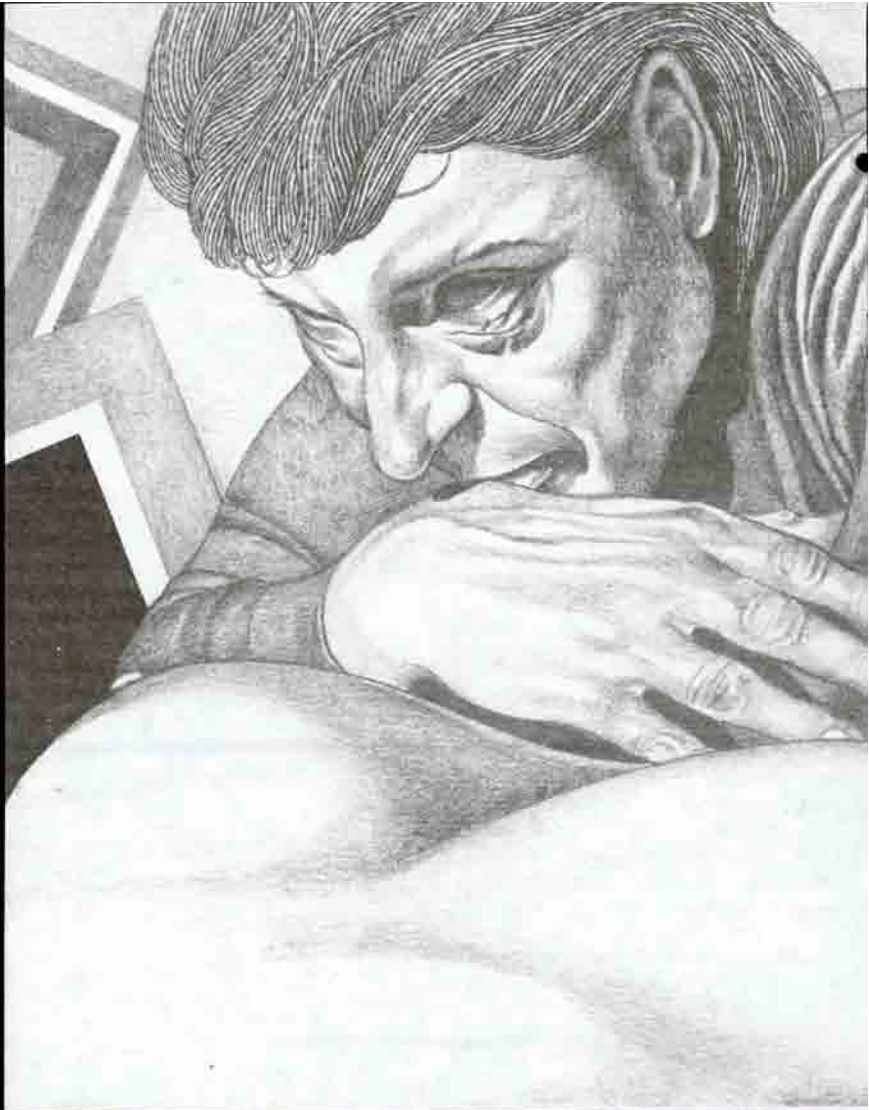
щительный. Женщины меня поймут — сразу заметно, когда тебя выделяют среди других — по взглядам, улыбке, уважительному вниманию к твоим словам. Потом мы танцевали, что-то о себе друг другу рассказали, ну, насколько в общем праздничном гвалте возможно. Вечер продолжили у одной из сотрудниц, куда отправилась небольшая компания, и мы с ним в том числе. Сердце екнуло: не «он» ли?.. Когда поздно ночью подошли к моему дому, спросила — что скрывать — «зайдешь?». «Зайду, но я дорого стою», — ответил он с улыбкой, и я чуть в обморок не упала. Видно, выглядела я дура-дурой с открытым ртом и круглыми глазами, а он так спокойно: «Что это с тобой? Не хочешь — не надо...»

Я читала, конечно, в газетах, что молодые мужики сейчас в проститутки подаются да еще хвалятся своей «работой», спросом, заработками, но чтобы вот так запросто и мне «счастье улыбнулось», не ждала. Оказывается, я для него, одинокая, показалась верным заработком, а я-то воспарила...

Живу как оплеванная, забыть этого случая не могу: лучше бы меня любимый бросил. Я никогда не поддерживаю разговор о том, что у нас сейчас творится, кто сколько взяток берет, кто как капиталы наживает, но это, по-моему, уже предел. Ниже некуда.

Ясно, что всю жизнь одна прокурую — видно, и дальше салфетки буду плести или собачку заведу, потому что теперь каждый мужчина проституткой кажется.

Мой адрес никому не давайте.



ЛЕО МАЛЕ

**ДОРУШКА С**



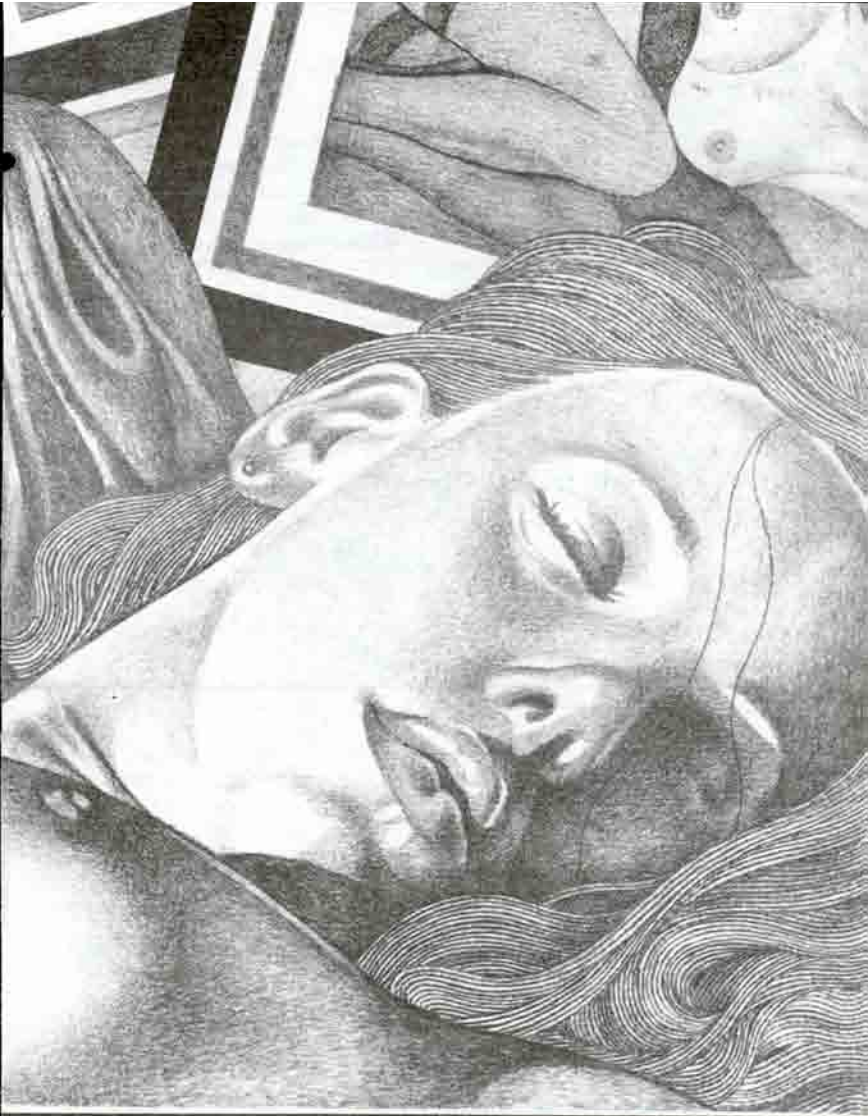


Рисунок ВЯЧЕСЛАВА ЛОСЕВА

**УПАШЫ РОЗ**

Н ечасто Фред Багет находился в компании только одной симпатичной особы женского пола. Обычно их вьется вокруг него целая туча. Я иногда спрашиваю себя: как он с ними со всеми управляется? Правда, он художник, «очень парижский», как принято говорить, и проживает на острове Сан-Луи, что, конечно, добавляет ему шарма. Мы знаем друг друга достаточно хорошо, и он время от времени приглашает меня к себе пропустить по стаканчику. Я никогда не отказываюсь. Хорошо вымеренная доза поддерживает тонус, а у Фреда этого добра всегда достаточно. Так вот, повторяю еще раз, в его ателье, словно в золотой клетке, вечно порхает стайка принаряженных красоток. Либо они ему позируют этакой грациозной группой, либо прогуливаются по всей квартире в вечерних платьях со смелыми декольте. Фред частенько устраивает у себя вечеринки.

Но в тот февральский день, о котором пойдет речь, у него, как ни странно, была только одна молодая женщина, лежавшая на низеньком диванчике.

Не голая. Но мертвая.

Я склонился над ней.

Брюнетка лет двадцати. Под мужским поношенным плащом — простое, но отменного вкуса платье. На гладком лице с небольшой дозой косметики застыло странно умиротворенное выражение.

Фред Багет тоже был здесь, и я повернулся к нему.

Высокий, стройный, красивый сорокалетний мужчина. Элегантный и неотразимый, когда в нормальном состоянии. Только не сейчас... С физиономией, как у трупа, и весь в губной помаде.

Так как он забыл нас представить, я спросил:

— Кто она?

Фред вытаращил на меня глаза, два раза судорожно сглотнул слюну и наконец прохрипел:

— Дьявол ее знает. Кто-то привел, наверное, с собой и оставил тут.

— Как модель? Однако не помню, когда вы в последний раз писали натюрморты.

— Господи, я вами восхищаюсь, Нес! Вы еще шутите.

Я пожал плечами.

— Хорошая шутка поднимает мораль.

Он нервно огрызнулся:

— Хороший пивок поднял бы ее лучше. Послушайте, я предлагаю перейти в студию. Там еще осталось виски. Чтобы объяснить, мне нужно сначала выпить... Я хотел сказать: попытаться объяснить, потому что сам ничего не понимаю.

Лео Мале — французский писатель, работавший в жанре детектива. Первый свой роман «Вокзальная улица, 120» написал в 1942 году. А в 1958 году за серию романов «Новые тайны Парижа» был удостоен «Большой премии черного юмора».

И он бросил взгляд, одновременно ненавидящий и испуганный, на мертвую. Мы пересекли большую комнату и по винтовой лестнице поднялись в обширное ателье, из окон которого открывался вид на Нотр-Дам де Пари.

— У меня была маленькая вечеринка, — произнес художник.

С первого взгляда я понял, что творилось вчера на «маленькой» вечеринке. Славненько погуляли ребята. Рядом с музыкальным центром на канаве валялись кучи раздавленных дисков; окурки самых разных калибров устилали пол вперемешку с осколками разбитых фужеров и пустыми бутылками из-под шампанского. Большой ковер был задвинут в угол наподобие половой тряпки, а картины валялись вдоль стен, одна из них оказалась залитой вином. Красивая женщина, изображенная на ней, получила свою порцию прямо на обнаженную грудь. Нестерпимо воняло табаком и алкоголем.

Фред жестом фокусника извлек из какого-то, видимо, только ему известного тайника, непочатую бутылку «Ройал Скотч» и два фужера девственной чистоты и целости. Он наполнил фужеры, выпил стоя и предложил мне сесть. Подвинув в сторону музыкально-пластиночное месиво, я уселся на канаве. Зависло тяжелое молчание.

— Вечеринка, в общем, маленькая, — повторил художник. — Я плохо помню. А после того, как увидел ее, вообще перестал сообщать. Позвонил вам и все время пил. Три часа прошло, — буркнул он обиженно.

Фред позвонил в одиннадцать. Элен, моя секретарша, ответила, что я буду не раньше двух. Он позвонил в два, но так как меня все еще не было, перезвонил через десять минут — на этот раз успешно.

— Было бы очень кстати, если бы вы приехали, — попросил художник.

И вот — «очень кстати» — я нашел его в такой странной компании.

— Я все пил и думал, но никак не мог сообразить: откуда взялся труп? Наконец-то вы здесь, и теперь все будет хорошо... я надеюсь.

Он залихватски достал из глубин необъятного халата чудом несмятую сигарету и закурил. Я также лихо вытащил свою трубку и, внося мою скромную лепту в общую дымовую завесу, сказал:

— Послушайте, Фред, не знаю даже, чем смогу быть полезен. Я бы на вашем месте вызвал врача или полицию. А лучше — их вместе. Но, учитывая, что вы до сих пор этого не сделали, а я уже «здесь», как вы сами изволили выразиться, то вывод напрашивается следующий: возможно, вам есть, что рассказать, а мне — что послушать. Не стесняйтесь! Единственная просьба — начните с самого начала.

— Нас было двенадцать человек, — начал Фред. — Я дописал картину раньше, чем предполагал, и решил слегка отметить это событие. Вы, конечно, извините меня за то, что я вас не пригласил.

— Считайте, что вы исправили свою ошибку.



— Ну да... Я знал почти всех гостей, но кто-нибудь обязательно приводит с собой двух-трех новеньких. После полуночи все уже было как в тумане. В четыре утра гости ушли. Но я не уверен. Как же! Все... А эта стерва? Так-так... Сообразить бы... Ага! Я проснулся в десять утра, встал с кровати и решил посмотреть, не осталось ли что-нибудь, чем бы я мог промочить горло. Тогда и наткнулся на него... на труп, значит. Он... Она лежала на полу в маленькой комнате. Боже мой! Я стоял и думал, что еще пять минут назад мысленно издевался над моей служанкой, которая наверняка опять будет ворчать по поводу моего нездорового образа жизни. Но при виде мертвого тела возблагодарил небо за то, что старой ворчуньи нет сейчас поблизости. Представляете, если бы она нашла труп! Понимаете, дружище, я взял за правило сам прибирать в квартире после вечеринок и обычно за день сообщаю служанке, что она может передохнуть. Я сам все чищу и мою. Знаете, иногда это даже приятно и полезно для здоровья. Отвлекает от разных мыслей. Но, Боже мой! Мне никогда не приходилось убирать трупы! Вот я вам и позвонил.

— Вы, наверное, решили, что я знаю средство, как от них избавляться, что-то типа «трупывыводителя»?

— Я так не говорил! С чего вы взяли?

— Да так, мысли вслух.

— Прошу вас, не надо. Мое существование сегодня достаточно отравлено.

— Извините, это все проклятая мания. С утра до вечера мерещатся одни насильники да убийцы. Шутка. Хм-хм... Но позвольте!.. Значит, она «лежала на полу»? А потом что — легла на диван?

— Это я перенес ее туда, и, умоляю, не спрашивайте — почему. Я поднял ее и аккуратно уложил на диванчике. Мне показалось, что так будет смотреться приличнее.

— И во время «транспортировки» экспонат лишился туфельки?

Фред покачал головой:

— Я же вам говорил: мы сразу взяли за напитки. Я не помню, чтобы эта сучка попадалась мне на глаза, но, надо полагать, она была среди нас, разумеется, не в одной туфле. Но вы правы — в данный момент на ней только одна. А что касается второй, то я, при всех моих стараниях, не смог ее отыскать. Все, что удалось найти, кроме... кроме трупа, это манто, да еще сумочку, но там оказалась обычная ерунда, немного мелочи — и ни документов, ни записной книжки. В шубе тоже ничего, что помогло бы узнать имя или адрес.

— И зачем она напялила дурацкий плащ, если у нее есть шуба?

— О!

— Да и плащ-то мужской. Вы что, забавлялись игрой в переодевания?

— Нет. Я же вам сказал: нормальная хорошая пьянка. — Фред провел ладонью по лбу и вздохнул.

— А что, собственно, случилось с этой незнакомкой? Напитки оказались для нее слишком крепкими? — спросил я.

Лицо Фреда перекосила нервная гримаса, и он сказал глухим и дрожащим от волнения голосом:

— Собственно... Для этого я вас и позвал... — И, выдержав великолепную паузу, добавил: — Ее убили!

## II

— Вот как!

— Да. Ударом ножа, думаю. Когда я поднимал ее, то нащупал дырку в плаще.

— Что ж, давайте осмотрим труп. Так как вы уже достаточно перекладывали его с места на место, то не беда, если его еще маленько потревожат.

Мы спустились вниз и подошли к телу. Сняв плащ, я увидел глубокую рану, нанесенную, видимо, лезвием, и повернулся к художнику:

— Вы нашли нож?

— Нет, — ответил Фред. — Точнее, я не искал.

— В доме нет ничего подходящего?

— Вы имеете в виду, чтобы...

— Ну да.

— В студии есть две навахи, привезенные мной из Испании. Вряд ли они использовались для... да что я говорю! Уверен, что ими никого не убивали. Боже мой! Вы меня все время пугаете! А я просто хочу знать, что здесь происходит! Кто подсунил мне этот проклятый труп?

— Возможно, это проделки Лиги борцов с алкоголизмом. Они подбрасывают трупы всем пьянчужкам. Как средство наставить заблудших на путь трезвой и здоровой жизни.

Я наклонился над трупом, обыскал карманы плаща и нашел крошки табака и визитную карточку, на которой прочел имя и фамилию: Жак Дитрай.

— Это журналист, — объяснил Фред. — Он живет недалеко отсюда, на набережной Анжу, в отеле.

— Отель де Иль?

— Да. Вы знаете?

— Приходилось бывать. Эдакое гнездышко для типов, зарабатывающих на жизнь своими перышками. Они даже создали там свой клуб.

— Точно! Но Дитрай к ним не принадлежит. Он скорее степной волк, чем гриф-стервятник.

— Так это его плащ?

— Скорее всего... Но вот какая штука. Меня должны скоро представить к Ордену почетного легиона. Я... Вы же понимаете! Так некстати. Я хочу сказать: нелепая смерть у меня в доме. С другой стороны, мелочь, конечно. Я знаком с известными адвокатами, юристами, влиятельными людьми. Но излишне их беспокоить по такому пустяку. Ведь и светские люди не лишены предрассудков. Вот я и подумал о вас. Как частный детектив, вы должны иметь связи с полицией, прокуратурой и знаете, как

с ними вести себя. Короче, я очень хотел бы по возможности меньше шума, всей этой газетной трескотни. Не подумайте, что я хоть в какой-то мере пытаюсь уйти от гражданской ответственности. Но если есть шанс избежать публичной огласки, почему бы им не воспользоваться. Эту сучку тут укукошили? Кто? Зачем? Я понятия не имею. Не отрицаю — дом мой. Но это не повод раздувать скандальную историю вокруг моего имени. Я не могу, однако, спорить с представителями власти, но и не желаю вмешивать в эту историю моих друзей. Остается только вы — опытный, знающий человек. Надеюсь, не откажетесь чуть-чуть сгладить шероховатости этого дела?

— Я позвоню комиссару Фару, объясню ему все, но дальше командовать будет он.

— Я не надеялся на большее, — поклонился Багет.

— А в ожидании почетных гостей мне бы хотелось задать еще несколько вопросов. Не мешало бы взглянуть на ваши испанские кинжалы и убедиться, что они на месте.

Фред подошел к столику и вытащил из ящика два клинка с длинными лезвиями из дамасской стали. Подобное оружие вполне соответствовало тому типу раны, что заполучила наша несчастная новоявленная Золушка.

Я отдал их хозяину, и он бережно положил их обратно в ящик стола.

— А теперь можно позвонить комиссару, — сказал я. — Где телефон?

Не успел Фред и рта раскрыть, как раздался звонок.

— Помянешь черта, а он уже тут как тут.

— Дошутились? — нахмурился Фред. — Звонят в дверь. Кого еще принесло? — Он посмотрел на часы, хлопнул себя по лбу и простонал: — Совсем вылетело из головы! Пришла натурщица. Мы договаривались. — Пригладил пятерней волосы, придав им еще более дикий вид, подвязал потуже халат и вышел.

Винтовая лестница, по которой он спускался, представляла собой замечательное акустическое устройство, и я легко услышал, как он спросил «кто там», прежде чем открыть дверь. Донесся приглушенный женский голос, и посетительницу впустили в дом. Я рискнул осторожно подойти к перилам и слегка заглянуть вниз.

— Совершенно забыл о том, что вы должны прийти, — сказал художник. — Прошу извинить, но сегодня мне не до работы.

— Я прекрасно это вижу, — засмеялась она.

— Но я не хочу, чтобы вы обижались, — продолжал Багет. — Мы продолжим наши сеансы в подходящее время, а сегодняшний визит я все равно оплачу.

— Как угодно, мсье. Вы ведь знаете, где меня найти, не так ли?

— О, да. Подождите секундочку.

Молоденькая грешница осталась стоять одна, как послушная скромная девочка. Ни дать ни взять — воспитанная племянница пришла в гости к своей тете. Не сходя с места, она бросила



вокруг быстрый взгляд, чуть качнула головой и улыбнулась понимающей улыбкой.

Багет появился на сцене, держа в руках деньги.

— Вот,— протянул он купюры, которые она привычным жестом «инкассировала».

— Спасибо.— Осмотрев художника с ног до головы, девушка добавила томно и лениво: — Мы, кажется, договорились... В любое удобное для вас время. До свидания.

Она повернулась на шпильках и направилась к выходу профессиональной, грациозной походкой. Багет плелся рядом.

— До свидания.

— Всего хорошего, мсье.

Я подошел к телефонному аппарату и набрал номер. Мне повезло, что комиссар Фару находился в этот час в своем бюро. Последовало обычное «привет-привет, как дела, ничего, спасибо, для февраля стоит неплохая погода» и т. д.

— Скажите, Фару, у вас лом работы или, быть может, вы уделите мне полчаса своего драгоценного времени?

— Даже час. А что случилось, Бурма?

— Я бы хотел, чтобы вы заглянули к одному художнику. Его зовут Фредерик Баге — или Фред Багет по-простому. Он живет на острове Сан-Луи. Я сейчас от него и звоню.

— А что мне там делать?

— Это вы решите сами. Но я вам кое-что покажу.

— И что же?

— Красивую девушку. Вы же меня знаете.

— Шутите?

— Нет, в самом деле. Мой совет — приходите один.

— Один? Она такая стыдливая?

— Стыдливая, пожалуй, не то слово. Если хорошенько подумать, то можно сказать, что у нее вообще не осталось стыда. Вы можете сплясать перед ней абсолютно голый, и я удивлюсь, если она хоть чуть-чуть покраснеет.

— Э-э...

— Да.

— Вы хотите сказать...

Я рассмеялся:

— Вы же меня знаете, комиссар.

Он разразился бранью, потом буркнул обычное «ладно, сейчас буду, ничего не трогать».

### III

— Где труп? — спросил нетерпеливо Фару, едва переступив порог и не обращая на нас никакого внимания.

Конечно, он приехал не один, а в компании инспектора Грегара. Таков регламент. Они везде ходят парой.

Мы подвели их к телу. Комиссар пригладил свои усы и потребовал объяснений.

— Мы готовы дать вам всю имеющуюся информацию.

Сказав так, я незаметно подмигнул комиссару. Он толковый

парень. Понял с лету и нашел какое-то дело Грегуару, чтобы нейтрализовать его на пару минут. Инспектор кивнул и вышел. Оставшись одни, мы прошлись по комнате. Фред немного осмелел. Он повторил свою историю уже более твердым голосом и даже вставил между строк пару фамилий известных адвокатов. Впрочем, на Фару трудно произвести впечатление. Он слушал молча. Потом осмотрел сумочку, манто, которые по нашим предположениям принадлежали убитой. Но все также молча, сосредоточенно. Выполнив поручение комиссара, появился Грегуар. Ну комедиянт! Как в спектакле — вышел с одной стороны, а вошел с противоположной. Вылез из маленькой «мертвецкой»! Он объяснил, что воспользовался лестницей черного хода. Дверь на улицу была открыта, а ключ торчал снаружи в замке. В руке он держал... что бы вы думали?... недостающую туфельку.

— Где вы ее откопали? — спросил Фред.

— Консьержка отдала.

— Господи! Консьержка! — простонал художник.

— А в чем, собственно, дело? — удивился Фару. — Ну консьержка, ну и что?

— Я совсем о ней забыл. Она же налетит обо мне целый роман.

— Где нашла ее консьержка?

— Все на той же служебной лестнице, сегодня утром. Поэтому я и решил по ней подняться — может, есть еще что-нибудь интересное. Но ничего больше не обнаружил. Только ключ, как я уже сказал, торчавший снаружи, внизу.

— Хм... — Фару повернулся к художнику. — У вас такая привычка? Оставлять ключ в дверях? Даже перед сном?

— О! Вы знаете, вчера я был слишком пьян, чтобы думать о таких вещах.

— Значит, вы не в первый раз оставляете ключ в дверях?

— Когда у меня вечеринка, здесь настоящий дурдом.

Фару посмотрел на Грегуара.

— Э-э... Может, моя мысль вам покажется идиотской... Но послушайте. Не могло ли все произойти следующим образом... Я допускаю, что девушку убили где-то в другом месте, а уж потом принесли сюда. Туфелька соскочила, когда тело поднимали по лестнице.

— Не вижу в этом ничего идиотского! Я сам так думал, — вставил Фару.

Фред Багет облегченно вздохнул.

— Да-да! Так оно и было. Чья-то грязная шутка. Но, Боже мой! Я понимаю все меньше и меньше.

— А вам и не надо ломать голову, — назидательно заметил комиссар. — За это мы получаем деньги.

Он окинул меня и Фреда заговорщическим взглядом:

— Я правильно выражаюсь, господа?

— Более или менее, — ответил я.

— Черт меня побери, Бурма! — взорвался Фару. — С вами трудно работать. Мои объяснения вас не устраивают?

— Мне кажется, они не совсем верны.

— У вас есть лучшие?

— Помните случай на Монмартре, произошедший всего несколько месяцев назад? Проститутка, вернувшись ночью к себе в отель, взяла ключ в холле, поднялась и закрылась в номере. Через день портье забеспокоился, вспомнив, что давно не видел ее. Дверь выломали и обнаружили женщину мертвой — она была убита ударом ножа.

— Помню прекрасно заголовки в газетах: «Убийство в закрытой комнате! Реальность затмевает фантастику!» Нам пришлось выдвинуть версию, что удар ножом бедняжка получила еще раньше, на улице. На нее напали и смертельно ранили. Она в пылу драки даже не почувствовала боли, вырвалась и убежала. И только когда закрылась у себя в номере, эффект возымел действие, и она мгновенно скончалась. Вы считаете, что здесь произошло нечто подобное?

— Почему бы и нет? Меня наводит на такую мысль ее лицо. Жертва не заметила приближения смерти. Если предположить, что по той или иной причине, — скажем, сильное опьянение, — ей понадобилось выйти подышать немного свежим воздухом? Она берет первый подвернувшийся под руку плащ и прогуливается по набережной, где на нее нападает какой-нибудь бродяга с ножом. Девушка бежит, взбирается по лестнице, теряет туфельку. Но ей наплевать на это. Главное — быстрее очутиться среди друзей. Она возвращается тем же путем, что и вышла, — по служебной лестнице, и падает на полу замертво.

— Подождем, что скажет врач. Вы его предупредили, Грегуар?

— Да. И всю бригаду тоже...

— Очень хорошо.

— Боже! Целая толпа! — заканючил Багет.

— Придется потерпеть, — сказал Фару. — Я и так сегодня слишком добрый. Ну ладно, подведем итоги. Взглянем еще раз на плащ.

— Его владелец — мсье Дитрай, — произнес я. — Журналист. Но не думаю, что это нам что-нибудь дает.

— Откуда вы знаете?

— Что? Имя владельца?

— Да.

— В кармане была его визитная карточка.

Я показал визитку. Комиссар взял ее и прочитал вслух.

— Дитрай... Звучит, как «дит рай» — «скажи правду». Это не фамилия... Псевдоним.

— Почему? Я знал одного парня с фамилией Биетду. «Биетду» — нежный билетик. И никакой не псевдоним.

— Но в данном случае мне кажется, что мсье комиссар прав, — вставил Багет. — Хотя и никогда не слышал подлинной фамилии Жака.

— Не важно. Нестор Бурма тоже прав: вряд ли мы продвинулись далеко. Не забывайте: плащ может принадлежать совсем другому человеку.

— А мне кажется, что это его плащ, — заупрямился Фред.

— Так или иначе, главное — ничего не упустить из виду.



Если это ваш друг, то вы, наверное, знаете, где он живет?

— Набережная Анжу, отель де Иль.

Фару записал адрес.

— Где он тискает свои статейки?

— В любой газете. Он, как говорят, независимый репортер. Сам выбирает тему, изучает ее, долго работает, а потом продает готовый материал. Недавно опубликовал в «Пари журно» серию статей об Аль Капоне. А также издал книгу.

В этот момент приехала «бригада»: лаборанты, фотограф и врач. Последний — стройный мужчина в сером костюме — пожал руку комиссару. Кивнув нам слегка головой, он сразу направился к тому месту, где лежало тело, склонился над трупом и притих в уголке.

Фару сообщил ему наши гипотезы: свою и мою. Его мнение?

— Да, — ответил эскулап, — удар ножом обладает замедленным эффектом. Но окончательно покажет только вскрытие. А когда я смогу получить труп? — забеспокоился он.

— Сделаем пару снимков, и она в вашем распоряжении, — ответил Фару.

— Отлично! Буду ждать в морге. — Врач весело сбежал по лестнице, будто спешил на свидание.

Ребята из лаборатории долго не возились: дело привычное. Щелкнули несколько раз фотоаппаратом — слева, справа, сверху. Взяли кое-какие отпечатки и, в свою очередь, испарились.

Вместо них возникли две зловещие фигуры с носилками. И вот уже наша злополучная Золушка исчезла в машине вместе со своим мантио, сумочкой и пресловутой тубелькой.

— Вы свободны, Грегуар, — сказал комиссар. — Встретимся в конторе.

Когда инспектор ушел, Фару обратился к художнику:

— Думаю, вы не должны обижаться на нас, мсье. Конечно, соседи могли заметить что-то необычное. Полицейские тоже люди, а не невидимки. А как вынести незаметно труп? Но не волнуйтесь, прошу вас! Дальше этого квартала никто ничего не узнает. И, естественно, мы воздержимся от заявлений в прессу. Вы довольны?

— Более чем! Громадное спасибо! — воскликнул Багет с нотками искренней благодарности в голосе. — Вы очень любезны...

— Хорошо, — бесстрастно прервал его Фару. — А теперь к делу. Нам нужно выяснить имя убитой. Ни вы, ни Нестор Бурма ее не знали. Мне потребуется полный список приглашенных. Человек, который привел ее сюда, несомненно среди них. — Он открыл записную книжку и приготовил карандаш. — Итак, я вас слушаю.

Багет произнес было пару фамилий, но потом ему в голову пришла, очевидно, та же мысль, что и мне, и он, помявшись, сказал:

— А может быть, Нестор Бурма... э...

— Что Бурма?

Я пришел на помощь Фреду.

— Послушайте, Фару. Разумеется, то, что я предложу, не входит в правила игры, но... Если вы отправите своих людей по

всем этим адресам, то поднимется трам-тарарам. Чего нам меньше всего хотелось бы. А я очень культурно провернул бы это деликатное дельце. Вы так не считаете, комиссар?

Фару покачал головой.

— Дорогой Нестор! Я могу приходить и уходить на цыпочках, но я не имею права поручать расследование случайному прохожему, даже если он частный детектив и мой хороший знакомый. Все, что могу обещать, это ничего не говорить журналистам и действовать без лишнего шума. Я и так очень добрый с вами, мсье.

Багет развел руками и продолжил перечисление имен, фамилий и адресов. Наконец с этим было покончено. Комиссар убрал записную книжку, задал еще пяток скучных вопросов и удалился, оставив нас одних.

— Минимум шума, — сказал я.

— Минимум — это уже максимум! — взорвался Багет. — Черт! Я..

Его перебил звонок в дверь. На пороге стояла консьержка.

— Простите, мсье, у вас что-нибудь случилось? Я сидела тихо, пока эти господа из полиции тут все смотрели, но теперь они ушли и..

— Они ничего не сказали?

— Только то, что заходили к вам. Но я видела э... в общем, я видела.

— Это одна моя знакомая. Ей стало плохо с сердцем. Пришлось вызвать полицию.

— Конечно, мсье. Вы поступили совершенно правильно.

— Если полицейские сильно наследили на лестнице, то я заплачу, чтобы вы не расстраивались.

— Заранее благодарю. Может быть, вам что-нибудь нужно? Я к вашим услугам, мсье.

— Ничего не надо. У меня есть все, что я хочу, и даже то, чего не хочу.

Фред распрощался с ней со всеми возможными любезностями и вернулся в комнату.

— Вот тебе и минимум! — прорычал он. — Черт! Я-то поверил, что можно сказать полиции: «Приезжайте, голубчики, заберите труп из моей квартиры, только, пожалуйста, сделайте это тихо и никому не говорите». Не сомневаюсь, что комиссар выполнит свое обещание, но удивлюсь, если уже завтра весь Париж не будет в курсе. Тем не менее примите мои благодарности, Нес.

— Я сделал все, что в моих силах.

— И раз уж вы начали, я хочу, чтобы вы и продолжали.

— Что именно?

— Эта история не останется без огласки. Необходимо самим заранее предпринять кое-какие меры. Чем быстрее удастся узнать имя убитой, тем лучше. Вы тоже так считаете?

— Безусловно.

— Я хочу, чтобы вы распутали эту загадку. Полиция с одной стороны, а вы с другой — так оно будет вернее. Вы согласны?

— Почему бы не оказать вам такую услугу... а заодно и заработать.

— Вы убедитесь, что меня нельзя назвать неблагодарной скотиной.

Фред резко повернулся на каблуках и исчез за дверью, находящейся прямо под лестницей. Должно быть, там находился банк. Когда Багет вернулся, в руках его была толстая пачка денег, а также два фужера и бутылка виски. Фред поставил свой переносной мини-бар на столик и вручил мне гонорар. «Маленькая вечеринка» обошлась ему недешево.

— Аппетитный кусочек, — сказал я.

— Это вы про что?

— Про кого, — поправил я. — Модель в любое время дня и ночи. Эпизод с передачей денег мне ее напомнил.

— А-а, проститутка...

Он наполнил фужеры и осушил свою дозу, как рекордсмен.

— Просто бутончик. Я видел ее сверху, пока вы разговаривали.

— Да. Неплоха. Она позирует мне для серии картин.

— Я заметил. У нее есть имя?

— Марго.

— Где таких находят, когда сильно прижмет?

— Что, положили на нее глаз? — рассмеялся Багет.

— Назовем это глазом.

— Ориентировочно: угол улиц Николаса Флемеля и Ломбардийской. Но не только. Сами понимаете, в их профессии главное — ноги. Ну и еще кое-что. Хотя обычно она занимает «пост» на улице Сан-Бон.

— Могу я передать от вас привет?

— Конечно! Но не рассчитывайте на то, что получите подешевле. Скорее наоборот.

— Отчаянная несправедливость! А ее сутенер в курсе? Ведь у нее должен быть сутенер?

— Конечно.

— Вы его знаете?

— Нет. — Он подмигнул мне и спросил: — Просто так спрашиваете или что-то на уме?

— Не знаю еще.

Через некоторое время я вышел, оставив Фреда одного с его пьяной рожей, грустными пьяными мыслями и виски — чтоб он в нем утопился!

#### IV

Перед тем, как уйти совсем, я заглянул в комнату консьержки.

— Может быть, вы помните, минуту назад я был у мсье Фреда.

— Вы из полиции, — уточнила старушка.

— Я хотел бы задать пару вопросов.

— Ужасная история! А что, собственно, произошло?

— Да пустяки! Кто-то там умер. Но это же случается каждый день, не так ли? И даже несколько раз на дню. Не с одним и тем же человеком, конечно.



Беседуя столь мило, мне удалось задать ей «пару вопросов» и даже получить на них вразумительные ответы. Так я узнал, что консьержка не слышала ничего подозрительного. Ни на улице, ни в коридоре. Разумеется, было много народу. Как всегда во время вечеринок. Она оставила дверь открытой: гости художника приходили не все сразу, а по одному или парами. Кто-то потом выходил и снова возвращался.

— А что, остальные жильцы никогда не жаловались на шум?

— О нет! У него ведь квартира со звукоизоляцией.— Она подтвердила, что нашла туфельку на лестнице.— И вот... Ужасная история!

Я вышел, закурил и медленно побрел вдоль набережной. Затем повернул направо и вскоре очутился рядом со зданием, напоминающим крепость. Золотые буквы светились на темном фоне: «Отель де Иль».

В холле было пусто — ни живой души. Я постучал по стеклу, но никто не выбежал навстречу. Постучал громче. Без результата. С шумом открыл и закрыл дверь. То же самое. Поэтому я удивился, услышав шаркающие шаги и голос из глубины помещения.

— Простите, я был занят.

— Ничего.

— Что вы хотите? — спросил мужчина.— Читать умеете?

И он показал на табличку с надписью «Мест нет». Но я только покачал головой.

— Это как раз то, что мне нужно. Мсье Дитрай у себя?

Он взглянул на отделение с ключами.

— Да. Третий этаж. Номер шесть.

Ничего себе отельчик — чистенький, удобненький, с ярко-красными коврами. Неплохо устроились журналисты. Я постучал в шестой номер, и дверь тут же открылась.

— Мсье Дитрай?

— Да.

Что-то было в его голосе: волнение, удивление?..

— Меня зовут Нестор Бурма. Могу я войти?

— Нестор Бурма? — Он почесал небритый подбородок.— Детектив?

— Он самый.

— Наслышан о вас. Входите.

Я изумительно посмотрел на Жака. Среднего роста, средней комплекции, без особых примет. Такой пройдет, прошмыгнет, пролезет всюду. Наверняка неглупый малый и себе на уме, но по лицу не скажешь. Только глаза слегка выдают — живые и подвижные. Из него вышел бы отличный детектив. Возраст трудно было определить. Тридцать лет? Сорок? А может, больше? Серый костюм отличного качества хорошо сидел на крепкой спортивной фигуре.

— Чем обязан визиту? — спросил журналист.

— У нас есть общий знакомый — Фред Багет. И я сейчас прямо от него.

— Как он себя чувствует?

— Уже лучше.

— Ага! Я звонил ему все утро, но никто не брал трубку. Тогда я сам залег и уснул.

— Он отключил телефон.

— Да? А, ну конечно!

— Вы звонили ему по поводу вашего плаща?

— Точно. Не то чтобы большая потеря, просто любопытно, у кого именно я его оставил, но...— Жак резко выпрямился и хлопнул себя по лбу.— Но откуда вы знаете? — Он тут же рассмеялся.— Хотя, вы же детектив.— Затем пожал плечами и, нахмурившись, добавил: — В конце концов я так и не понял, зачем вы явились. Это Фред вас послал?

Он переменял позу и уселся поудобней на диване. При этом пачка газет слегка разбегалась, и я увидел, как среди бумаг блеснула никелированная сталь. Неожиданно все в журналисте показалось насквозь фальшивым. Он заметил мой взгляд, и я нарочито небрежно посмотрел в другую сторону. Тогда он протянул руку и взял пистолет.

— Это...— начал он, но не закончил, увидев внушительное дуло моего кольта, направленное прямо ему в грудь.— Э! Что вы делаете?

— Извините,— сказал я.— Знаете, дурацкая профессия. От нее появляются неприятные рефлексы. Такие же автоматические, как ваша маленькая штучка.

— У меня занятие не менее опасное. Поэтому недавно попросил своих друзей устроить так, чтобы всегда можно было иметь при себе надежную пушку. Один из них и подарил мне этот пистолет. Я чистил его перед вашим приходом. Господи! Что вам взбрело в голову?

Жак улыбнулся и посмотрел на меня невинными глазами. Я ответил ему тем же.

— И что будем делать? Постреляем немного?

— Как-то неудобно, вы не находите? Все-таки взрослые люди...

— Да, неприлично, мсье журналист.

— Вполне согласен, мсье детектив.

— Тогда уберем нашу артиллерию.

Я вложил кольт в кобуру. Дитрай поднялся, подошел к столу и спрятал свой пистолет в верхний ящик. Я спросил, имея в виду оружие:

— Полицейские его видели?

Жак ответил не сразу. Взял бутылку минеральной воды и отпил глоток.

— Полицейские? — переспросил он, снова усевшись на диван.

— Они еще не приходили?

— Сюда?

— Да.

— А с какой стати?

— Просто предположения.

— Вы ошибаетесь. Непростительно для столь опытного детектива. Сначала приняли меня за киллера, а теперь несете чушь про полицию.

— Вы у них в списке.

— Что еще за список?  
— Список всех приглашенных на вчерашнюю вечеринку. И это хорошо, что вы не очень сожалеете о плаще. Вряд ли его уже наденете.

— Почему?

— Багет, проснувшись, обнаружил ваш плащ. А в нем — незнакомую девушку. Довольно красивую. И к тому же совершенно мертвую.

— Мертвую? — Жак даже подпрыгнул.

— Убита кинжалом.

— Уби... Ребекка?

— Вы ее знали?

— Боже мой! Да. Мы пришли вместе. Послушайте, это шутка?

— Шутка? Идите и скажите Фреду.

— Как все произошло?

— Никто не знает. Но, может быть, вы сможете что-то прояснить.

Жак хмыкнул:

— Я? Ах, ну да! Все понятно. Вы подозреваете меня!

— Нет.

— Но пришли-то прежде всего ко мне.

— Из-за плаща. Ну и так, на всякий случай. У меня небольшое задание.

— На кого же вы работаете?

— Мой клиент — наш общий друг. Фред пожелал, чтобы я занялся этим делом. Полиция — с одной стороны, я — с другой. Так будет быстрее... Это его слова.

— У вас есть документы? Вы говорите: «Я Нестор Бурма». А откуда я знаю...

Я протянул ему мою карточку.

— Ладно, — вздохнул Жак. — Задавайте вопросы.

— Скажите, вы знали эту девушку, Ребекку? Так вы ее называли?

— Да. Ребекка Флор. Я познакомился с ней месяц назад, в кинотеатре... — Он говорил медленно, будто вспоминая. — Она жила на улице Роз. Мы потом виделись несколько раз. А вчера я пригласил ее к Фреду.

— Вы привели девушку в гости и забыли про нее?

— Да, представьте. Я был пьян. Мы выпли с ребятами и закатились в один бар, потом в другой. А дальше ничего не помню.

— Замечательно. Забыть плащ — это я еще понимаю, но девушку?

— Черт! Вы когда-нибудь напивались?

— Бывало.

— Значит, должны знать, как это происходит. Я подумал, что она ушла раньше. И, кроме того, у меня с ней не получилось.

— Что именно?

— А что вы думаете я хотел с ней сделать? Поддержать за ручку? Выходит, на ней был мой плащ?

— Да.

— Интересно...

— Может, ее перепутали?



- Как это?
- Из-за плаща.
- Вы хотите сказать, что ее приняли за меня?
- А вы сами считаете это возможным?
- У меня нет врагов настолько смелых. Кроме того... плащ, допустим, мой. Но юбка!
- И длинные волосы.
- Следовательно, ваша идея не годится. Да и кто мог меня «перепутать» у Фреда?
- Полицейские высказали предположение, что убили ее в другом месте.
- Жак вытаращил глаза:
- Что за жуткая история!
- Не вы первый так говорите. Ну ладно. Повторяю: я не полицейский. Они займутся этим детально. Но вы уже знаете вкратце сценарий. Если хотите, свяжитесь с комиссаром Фару. Так даже будет лучше.
- Да-да.
- Вы не помните номер дома, где она жила?
- Где-то в середине улицы. Там еще музыкальный салон на первом этаже.
- Кто из гостей Фреда знал Ребекку?
- Никто.
- Я поднялся.
- Спасибо. Был рад познакомиться с вами, мсье Дитрай.
- Кстати, это псевдоним?
- Да. Всего хорошего, мсье Бурма.
- Чао!
- Мы пожали друг другу руки, и я вышел.

## V

На город опустилась февральская ночь. Туман, сырость и холодный пронизывающий ветер с реки не делали ее уютной. Но у меня не было выбора. Я спустился по лестнице к набережной и притаился за оградой.

Странный тип этот Дитрай. Или полный идиот, или очень хитрая бестия. Чтобы проникнуть в его мысли, нужно быть телепатом. Невозможно понять, когда он говорит правду, а когда врет напропалую, действительно удивляется или делает только вид, что впервые слышит то, что ему сказали. Может быть, я такой тупой? Но нет. Мой нос редко меня подводил.

С импровизированного наблюдательного пункта хорошо были видны весь фасад отеля и освещенное окно в комнате журналиста. Чего я жду? Чтобы он вышел, черт его побери!

Неожиданно свет у журналиста погас. Одно из двух: или он сейчас выйдет, или лег спать.

Он вышел. И не один, а в компании мужчины.

На пороге им повстречалась молодая дама, и Жак приподнял шляпу, поздоровавшись с ней, что позволило мне узнать его наверняка. Но другой был либо хамом, либо его убеждения не

позволяли ему снять головной убор — лицо оставалось в тени.

Эти двое пошли вдоль набережной Анжу. Я тихонько следовал за ними и... ругался от досады. Они быстро сели в машину, но я успел в призрачном свете фонаря заметить номер. То ли 2175, то ли 2173 ВВ 75. Если он только мне когда-нибудь пригодится!

Я вошел в первое попавшееся быстро и позвонил комиссару Фару, но его не было на месте, как и инспектора Грегуара. Должно быть, они методично проверяли список. Я вернулся к своей машине. Было без десяти восемь. Можно еще успеть в книжный магазин.

Наклеивалась симпатичная идейка. Багет говорил, что Дитрай выпустил несколько книжек. Мне захотелось взглянуть на одну из них. Не зря говорится, что автор раскрывается в своих произведениях.

Когда я вошел, Андре был занят с покупательницей. Блондинка. Из тех, что в моем вкусе. Шпильки, короткая облегающая юбка, пышная грудь.

— Кого я вижу! — воскликнул Андре. — Нестор Бурма собственной персоной! Вы здесь по делу?

— Вечерний моцион.

Он подал сдачу белокурой красавице. Девушка вышла, скромно улыбнувшись нам.

Андре выбрал среди дюжины трубок, украшавших его стол, одну, самую вычурную, набил ее, раскурил и недоверчиво хмыкнул:

— Действительно, просто гуляете?

— Честно говоря, ищу одну вещь. Автор — некий Дитрай.

Он выпустил облако дыма и задумался. Я уточнил:

— Жак Дитрай, журналист, издающий свои репортажи отдельными книгами.

Андре взял лесенку и полез копаться на самых верхних полках. Перебирая книги, он спросил:

— А вы не в курсе, что происходит?

— Где?

— В нашем квартале.

— А в самом деле происходит?

— Непонятно. Иногда чувствуешь шкуру. Полицейские ведут себя необычно.

— С каких пор?

— Вот уже несколько дней.

— Может, собираются устроить грандиозную охоту на проституток?

— Боюсь, что это связано с недавним нападением на жандармерию. А вот и ваш Дитрай.

Он спустился и подал мне книгу. Мы поболтали еще немного и любезно распрощались.

Чувство голода загнало меня в уютный ресторанчик, где, удобно расположившись, я раскрыл брошюру. «Призраки Аль Капоне». Именно об этой книге упоминал Фред.

Автор гвоздил этих самых призраков, отыскивая их по всему миру — в Чикаго, в Лондоне, в Италии... Все было сработано

достойно, профессионально и где-то даже виртуозно. Фраза началась, закругляясь, плавно перетекала с одного предмета на другой, в двух или трех местах тонула в совершенно немислимых оборотах и в конце противоречила тому, о чем говорилось в начале. Но разве это столь важно? Главное — профессионально. Короче, у нашего публициста были все шансы на гонкуровскую премию, если бы он задумал в том же стиле накропать какой-нибудь романчик. На данный момент — единственный вывод. И я спросил себя, стоит ли он пятидесяти франков.

Засунув руки в карманы, с трубкой в зубах, я храбро зашагал в направлении самой темной части улицы Ломбарди. Ночью здесь так желюдно, как и днем. Но совсем другая публика. Некоторые девицы прохаживались, другие стояли. Молча. Их тут было множество. На любой вкус или, правильнее сказать, на любой кошелек.

Я долго ходил туда-сюда, заглянул в бистро. Уже, наверное, в пятый раз задел впечатляющие «верхние габариты» одной и той же особы, стоящей на углу улицы рядом с отелем. Когда в очередной раз наткнулся на ее аппетитную грудь, то узнал наконец, несмотря на темноту. Блондинка из книжного магазина! Та, что так скромно улыбнулась нам с Андре всего час назад.

— О! Привет.

— Привет.

— Тут есть одна классная девчонка. Может, вы знаете, где она расположилась?

Достал тысячу из кармана и зашуршал ею в воздухе. Незаметно для глаза, но различимо для уха. Блондинка оказалась смекалистой.

— О ком это вы?

— Ее зовут Марго.

— Марго?

— Да, Марго.

— Толстая или худая?

Я рассмеялся:

— Их, что, полный комплект?

Она нахмурилась:

— А ты всегда такой умный?

— Нет. Только по понедельникам.

— Оно и видно. Толстухи Марго сегодня не будет. Она заболела.

— Если хорошенько поразмыслить, то скорее всего мне нужна другая.

— Другая?

— Да. Другая.

— Твоя Марго, наверное, в отеле. Это здесь, за углом.

Она взяла деньги чуть ли не с презрением. Через несколько шагов я обернулся и увидел, что блондинка смотрит мне вслед. Неожиданно она резко повернулась и вошла в кафе.

На несколько мгновений вся эта сцена показалась мне очень странной. Но, подумав, я понял ее значение. Очевидно, блондиночка, прикинув в уме сумму, только что полученную от меня,



разделила ее на человеко-часы и решила сделать в своих трудах эквивалентную паузу.

Я прицелкнул языком. Вот так, Нестор Бурма, король горячих улиц!

«Моя» Марго пользовалась спросом. Пришлось отстоять порядочную очередь, прежде чем я попал в небольшую комнатку, обставленную по-спартански. Восхищение вызывал хорошо налаженный конвейер. Марго работала четко, методично, не отвлекаясь на пустяки и не теряя ни одной минуты, экономно расходуя жесты и слова любви. Я сделал ловкий комплимент по поводу ее «анатомии». Мои слова вывели ее из автоматического режима, и, посмотрев с интересом на меня, Марго спросила:

— Э, парень, ты художник?

— В некотором смысле, — ответил я.

— Не обманывай. Я знаю художников. Одного-то точно. Ты не похож на чудака.

— Но глаза у меня есть! И я прекрасно вижу, что ты можешь стать отличной моделью.

— А кто тебе сказал, что я ею уже не стала?

— Вот видишь, я оказался прав.

Марго, конечно, добрая душа. Но она не собиралась превращать свой будуар в литературно-художественный салон. Для нее тело и дело прежде всего. В таких условиях трудно ходить вокруг да около.

— А твой сутенер в курсе?

Марго нахмурилась:

— А тебе-то какое дело, пегушок?

Не знаю, стучались ли они в дверь, но я вскочил, как любовник-неудачник, захваченный врасплох. Марго даже запротестовала:

— Эй! Что такое?

— Все нормально, крошка, — рыкнул один из вошедших.

Их было пятеро: парень со шрамом, блондинка и трое крепких бородачей, от которых несло пивом, морем, русалками, тинной и самим дьяволом.

## VI

Ни пистолетов, ни ледящих кровь ножей не было в их руках, однако я не испытал восторга от неожиданного вторжения.

Что за манеры в конце концов! Я потянулся за одеждой и кое-как напялил на себя часть туалета. Но пиджак, в котором лежал мой любимый, автоматический 9,5 мм... Пиджак висел на стуле вне досягаемости.

Один тип ткнул в меня пальцем и спросил у блондинки:

— Он?

— Да.

— Хорошо.

— Что хорошего? — вмешался я. — Вы случайно не из полиции нравов? Будете утверждать, что я ее изнасиловал?

И, в свою очередь, показал пальцем на Марго, которая молча сидела на кровати, выставив перед нами свои прелести и забыв, очевидно, что здесь некому позировать.

— Нормально! — рассмеялся Длинный Шрам. — Ты всегда такой остряк или только по понедельникам?

— У вас хорошая агентура.

Тут он вспомнил про «агентку» и, повернувшись, сказал:

— Уматывай, быстро!

Блондинка испарилась.

Длинный Шрам прислонился спиной к двери и, достав спичку, поковырялся ею в зубах. Он выглядел моложе «морячков», но, очевидно, был наделен определенными полномочиями.

— Оденься, Гита, — приказал он.

— Как скажешь, Деде.

Марго — она же Гита — взяла юбку и в одну секунду стала пай-девочкой. Деде посмотрел на меня, достал из кармана блокнот, полистал и вполне даже вежливо спросил:

— Вас зовут Нестор Бурма?

— Да, я Нестор Бурма.

— Частный детектив? — уточнил Деде.

— К вашим услугам, — рискнул я.

— Остряк, — осклабился тот.

Марго явно забеспокоилась.

— Может, я пойду?

— Сиди. Еще понадобится. — И снова ко мне: — Агентство «Фиат-Люкс». Бюро на улице Пти-Шамп. Домашний адрес...

— Послушайте, — перебил я его, — мне бы такого помощника. Если окажетесь вдруг без работы, загляните обязательно в мою контору.

Деде пожал плечами:

— Зная имя и фамилию, достаточно открыть телефонный справочник.

Он приподнял мой пиджак, вытащил книгу и пистолет. Взяв оружие на ладони, Деде присвистнул.

— Простите, но это я отдам вам попозже.

И сунул пистолет в карман. Затем осмотрел книгу, постучал пальцами по обложке и сочувственно произнес:

— Вы интересуетесь такой ерундой?

— Почитываю.

— Н-да... Держите ваш пиджак.

Деде протянул мне его вместе с книгой, но, наверное, он раньше работал в цирке. Потому что у него в руках остались мой кошелек и записная книжка. Быстренько проштудировав то и другое, он вернул их мне, заметив:

— Точно. Вы Нестор Бурма. Ну а теперь поговорим. Надеюсь, вас никто не ждет?

— Дураков нет.

— Отлично.

Он прочно уселся на единственный стул, будто намеревался провести здесь остаток ночи. Толстячок из их компании заюлил. Деде повернулся к нему:

— Ты чего?

— Не очень-то я доверяю этому парню внизу. Еще прохлопает ушами.

— Ладно, иди посмотри, чтобы все было в порядке.

Толстяк вышел, и Деде с интересом взглянул на Марго.

— Ну давай, Гита, выкладывай.

— Что? — удивилась она.

— Ну-у, чем вы тут занимались?

Она рассмеялась:

— Деде! Ты меня удивляешь!

— Подожди. Он задавал тебе вопросы?

— Да! Но...

— Какие?

— О Боже... Какие там вопросы! Просто болтали о всякой чепухе. Ты же сам знаешь, Деде, что говорят в таких случаях. Этот умник сказал, что из меня вышла бы хорошая модель. А я ответила, что уже позировала, и не раз. Тогда он спросил, не возражаешь ли ты.

— И что?

— Я сказала, что это не его собачье дело.

— Послушайте, — перебил ее я. — Может быть, вы всех клиентов так обрабатываете, но мне это не по вкусу. История звучит следующим образом. Сегодня я зашел к моему другу Фреду и там увидел вашу Марго. Она мне понравилась, и Багет сказал, где я смогу ее найти вечером.

Деде вопросительно глянул на Марго.

— Минуточку, — произнесла та. — Я вас не видела.

— Но я там был. Могу описать, как вы были одеты. Я видел вас сверху, из ателье.

— Это возможно? — спросил Деде.

— Да, — кивнула Марго.

— Понимаете, мсье, я давно дружу с Фредом. Он настоящий художник. Талант. Гений. Его дядя, товарищ моего отца, умолял меня на смертном одре присмотреть за племянником. Когда я узнал, что Фред и Марго... Честно скажу, я испугался. Вы понимаете, всегда есть опасность...

— Никакой опасности, — перебил меня Деде. — Если это вам мешает спать, то будьте спокойны. А я со своей стороны позволю Гите делать все, что ей заблагорассудится. Этот мазилка рисует ее портрет. Пусть. Ей приятно. Отдыхает девочка. Да и вроде реклама.

— Еще какая!

— Я пошутил, мсье Бурма.

— И напрасно. Ведь я же здесь. Значит, действует!

— Это верно. — Деде сделал знак Марго: — Иди, Гита.

Она поднялась. Глаза широко открыты от ужаса.

— Я надеюсь... О Боже! Скажи, Деде... Ты... Я...

— Иди, — повторил он мягче.

Слегка успокоенная, она приблизилась к Деде. Тот рассеянно дружелюбно похлопал ее по царственной заднице, и Марго вышла, умиротворенно вздохнув.



Я остался сидеть, гадая над своей судьбой. Мой пистолет был у Деде.

Минуту стояла напряженная тишина. Деде сверлил меня взглядом, оценивал, изучал. Наконец, пробормотав что-то непонятное себе под нос, встал со стула и, держа правую руку в кармане, сказал со значением:

— А теперь поговорим серьезно, мсье Бурма. Но только не здесь. Мы и так тут долго торчим, а это рискованно. Так что, если не возражаете, пройдемся вместе.

— Пожалуй, на этот раз у меня нет выбора. — Я показал на его оттопыренный карман. — Хотя я ничего не понимаю.

— Объясним в другом месте.

Мы вышли эдаким бутербродом: я и мои «телохранители». Внизу маленький отряд был доукомплектован толстяком. Дружно двинулись по улице Риволи. Проститутки перед нами понимающе расступались. Смешно, но мне казалось, что я могу легко смяться. Если захочу. Слава Богу, мне этого не хотелось. Надо идти. Сказали же: все объяснят!

На площади ждала машина, в которую мы сели, и я произнес:

— Если это киднеппинг, то вам не удастся найти человека, который согласится дать за меня выкуп.

— Вы начитались детективов, мсье Бурма, — захохотал Деде.

Водитель не задавал лишних вопросов, видимо, хорошо зная, куда нужно ехать. Сжатый по бокам двумя охранниками, я не имел возможности любоваться пейзажем. К тому же мне казалось, что машина бесцельно кружила по одному месту. Так они хотели сбить меня с толку. Очень интересно. Потом замелькали невероятно узкие улочки. Колеса скрипели то по левому тротуару, то по правому. Наконец мы остановились и вышли из машины. Сплошь глухие дворы. Но я неплохо знаю Париж. Мои горе-похитители этого не учли, считая, что запутали меня. Ошиблись, ребята. Если мне не изменяет память, мы очутились позади улицы Прево, в переулке, соединяющем улицы Шарлеман и Сант-Антуан.

Деде постучал в дверь. Нам открыл волосатый верзила и проводил в освещенную комнату. Увидев меня, чудовище зарычало:

— Это еще кто такой?

— Легавый, — ответил Деде.

— Дьявол! Ты рехнулся?

— Не волнуйся. Я знаю, что делаю.

— Надеюсь.

— Где бы с ним побеседовать?

— У меня гость. Кухня вас устроит?

— Вполне.

— Ох, ты и рисковый. Все тебе пока удается. Но если загремишь, то надолго.

— Не каркай, — лениво бросил Деде.

Мы прошли на кухню. Сели вокруг стола, закурили, и Деде «открыл мне свое сердце».

Мы беседовали недолго. Когда я вышел, в голове был полный сумбур. Может, я сумаспешный?

Попадались разные клиенты, но чтобы такое?  
Впрочем, все с чего-то начинается.

## VII

На той же машине меня отвезли к набережной Анжу, и здесь Деде вернул мне пистолет.

— Как договорились, — сказал он. — Полицейским ни слова.

— Как договорились, — ответил я.

Он пожал мне руку.

— Я тебе верю. Чао, малыш.

— Чао, Деде.

Я отыскал свою машину. Час ночи. Неплохо бы и поспать. Но нервы мои распатались. Включил мотор и поехал по ночному Парижу куда глаза глядят. А на глаза мне вновь попался знакомый отель, и я вспомнил про журналиста. Ну и денек! Почка — и того хлеще. Жак Дитрай... Ребекка Флор... Фред Багет... Марго... Деде...

А теперь еще и Симон.

Нет, надо остановиться. Лучше пройдишь пешком, Нестор Бурма, и хорошо все обдумай. Я припарковал машину, вылез и постоял у реки. Накрапывал мелкий дождик. Как обещание скорой весны. А там мой день рождения не за горами. И подарочек подоспел что надо. Увесистый. Эх, Нестор Бурма, ну и везет же тебе!

Говорил, конечно, Деде. Когда мы сели, он серьезно посмотрел на меня и начал:

— Думаю, мы можем вам довериться, мсье Бурма. Я хочу сделать вам одно предложение. Весьма нескромное, как говорится.

— Вы шутите? Я все-таки не проститутка за два су. Есть некоторый риск...

— Не бойтесь. Я плачу.

И он сунул мне под нос пухлый кошелек.

— Минуточку. Не все так просто.

— Чем мои деньги хуже ваших? Ведь вас интересует только гонорар.

— Не совсем. Обычно мои клиенты чтут уголовный кодекс. Да и моральный тоже. Вас же трудно отнести к какому-то определенному классу общества. Мне плевать на ярлыки. Жулья везде навалом. Но для публики главное — фасад. Я бы не хотел оказаться в ситуации, когда каждый осел может походя лягнуть меня. Соглашаясь работать на гангстеров, я ставлю себя вне закона.

Деде спокойно взвесил мои слова и, казалось, поверил в их искренность.

— Да ведь я ничего незаконного и не прошу.

— Допустим. А последствия?

— Никаких последствий! Клянусь. Ну что, согласны?

— Может быть, перейдем ближе к делу, а там посмотрим?

Я ничего пока не обещаю.

— Мы ищем одного человека. К сожалению, он обретается на чужой территории. Наше место — это площадь Питаль и все, что вокруг. Стоит только сунуть нос подальше, сразу прищемят. Я не люблю ссориться из-за пустяков. Что мое — то мое, на чужое не заримся. Но мне нужен этот человек.

— Чтобы пустить его в расход?

— Нет. Я же говорю — вы начитались романов про убийства и разные ужасы. Устроить разборку и рассчитаться с предателем для нас — раз плюнуть. Но это просто фраер. Он не имеет к нам ни малейшего отношения. Решайтесь, Бурма! Помогите разок, а?

Я еще поотнекивался для проформы, затем дал свое согласие. Мы ударили по рукам.

— Вы его только разыщите, — повторил Деде. — С ним ничего не случится. Клянусь.

Он отсчитал названную сумму и сунул мне в карман.

— Кого искать-то?

— Не записывайте. Запомните так: Симон Фонтана, около тридцати лет. Ни разу в жизни его не видел. Поспрашивайте на улице Роз. Там есть маленькое ателье, где он вроде бы работал.

— Боюсь, что не смогу выполнить ваше поручение, обладая такими скудными данными.

— Постарайтесь. Буду звонить вам каждый день и узнавать, как продвигается дело.

— Договорились.

— И никому ни слова! Обещаете?

— Разумеется, Деде.

Перебирая в памяти детали этого странного randevu, я шагал по набережной, окидывая взглядом мрачноватое здание. Все окна были погашены. Кроме одного, на третьем этаже. Мне вдруг страшно захотелось зайти к журналисту «на огонек».

Несмотря на поздний час, дверь отеля гостеприимно распахнулась, когда я нажал на нее. Стараясь не шуметь, поднялся на третий этаж. Из комнаты напротив раздавались приглушенные звуки музыки. Я постучался. Сначала слегка. Потом сильнее. Ничего и никого. Но не зря существуют замочные скважины. Я наклонился и проговорил достаточно громко:

— Эй, Дитрай. Это я, Нестор Бурма. Откройте!

Но он затаился. Замер. Замер? Или... Черт побери, ночка выдалась, лучше не придумаешь. Я стукнул в дверь изо всех сил. Музыка напротив стихла. Прошло пять минут — напряженных, долгих... Вдруг раздался щелчок замка: Дитрай решил открыть дверь.

В комнате было темно. Свет от фонаря на улице слепил глаза, и я увидел только силуэт мужчины. Он схватил меня за горло и ударил так, что я согнулся пополам и замахаю руками, словно старая мельница. Очередное попадание пришлось точно в подбородок. Будто разноцветные стеклышки вспыхнули перед глазами. Последнее, что я слышал, был страшный грохот. Какой-то тяжелый предмет шмякнулся об пол. Возможно, моя голова.



Последняя мысль в ней пронеслась о Дитрае. Положительно, странный парень!

Мир, в который я плавно возвращался, был перенасыщен ароматами духов и косметики. Все вокруг приятно покачивалось. Я попробовал открыть глаза.

Комната, очень миленькая. Как и девушка, что стояла рядом со мной. Распущенные волосы спадают локонами на полуобнаженные плечи. Приятных розовых тонов белье. Все это располагало, успокаивало.

Не очень располагал лишь вид большого черного револьвера, из которого розовая фея целилась в меня.

## VIII

Заметив, что я пришел в себя, она с любопытством наклонилась ко мне.

— Вам лучше? — последовал вполне естественный вопрос.

— Я на седьмом небе от счастья, мадемуазель. Только, пожалуйста, уберите его.

Она взглянула на свою пушку и застенчиво пожала плечами.

— О, простите, мсье. Я совсем забыла.

— А зачем вообще вам понадобился револьвер, да еще такого калибра? Вы защищали свою честь? — прохрипел я.

— Хм! Скорее уж вашу, — призналась она честно.

— Вы меня обыскивали?

— Я очень любопытная от природы. Кроме того, это профессиональное.

— А-а?

— Я журналистка.

Без комментариев. Тогда она добавила:

— Спасателю положена хотя бы маленькая награда. Я слышала шум драки, а когда вышла, вы уже «отдыхали» на полу. Пришлось взять вас под мышки и кое-как затащить в комнату.

— Чтобы взять интервью, я полагаю?

— Не думайте, что это было так просто. Вы чертовски тяжелый, и я изрядно попотела.

— И поэтому решили сбросить одежду? Чтобы не так жарко...

Понимаю.

— Вообще я всегда хожу голая по квартире. Когда одна, разумеется.

— Как вас зовут?

— Сюзанна Риго.

— Спасибо, Сюзанна. Позволю представиться. Нестор Бурма, частный детектив.

— Я знаю.

— Ах, да, конечно.

Я попытался подняться и застонал от боли. Сюзанна снова наклонилась, чтобы мне помочь. Спасительница! Опершись о ее плечо, я доковылял до дивана и тяжело сел. Голова кружилась. За ухом стреляло, подбородок ныл немилосердно. Я попросил

чего-нибудь болеутоляющего. Сюзанна сделала мне холодный компресс и принесла виски.

Почувствовав себя значительно лучше, я стал задавать ей вопросы. О Дитрае, например. Но, оказалось, они друг друга почти не знали. «Здравствуйтесь до свидания!» Вот и все. Однажды она попросила подвезти ее до работы. Он же, садясь в свою машину, ответил, что им не по пути.

Я резко встал, и пол качнулся у меня под ногами.

— О Господи! Чем же он мне заехал? Кувалдой?

— Почти.— Сюзанна показала тяжеленную железную пепельницу.— Она лежала в коридоре рядом с вами.

— Да этой штукой быка можно убить!

— Хорошо, что вы не бык.

— Пойду взгляну на его комнату. Дверь должна быть открыта.

— Я ничего там не трогала! — испугалась она.

— Ладно. Идем.

На всякий случай я достал свой пистолет. Вдруг этот малый вернулся как ни в чем не бывало и лег спать. Но нет. Гнездышко опустело. Даже чемодан с наклейками испарился. А так все на местах. На столе пустые ящички из картотеки, конверты с фотографиями. На одной из них я узнал своего приятеля из еженедельника «Криминал». Но ни одной фотографии самого Жака Дитрая. Скорее всего он унес их вместе с пистолетом.

На диване лежал большой конверт с буквой «Б» в углу. «Б»? Багет? А почему не Бурма? Бред какой-то... В конверте только маленькая газетная вырезка. «Квадратный километр страсти. Между двумя враждующими бандами возобновилась война в районе Сохо». Я вытаращил глаза. Потом вспомнил, что уже читал про «квадратный километр страсти» в книге Дитрая «Призраки Аль Капоне». Он называл так французский квартал в Лондоне. Отлично. Лучше что-то, чем ничего.

Вернувшись в номер Сюзанны, я улегся на диван. Человек должен когда-то спать.

Когда проснулся, было совсем светло. Сначала не сразу сообразил, где я и что со мной. Комната Сюзанны... А вот и она сама, в мини-юбке, облегающем свитере. На голове немислимая прическа, лицо свежее, а вот глаза и веки усталые, красные — видимо, совсем не спала.

— Привет,— произнес я.

— Доброе утро.

— Я, наверное, храпел?

— Как слон.

— Извините.

— Меня это не смущает.

— Тем лучше. Который час?

— Скоро полдень.

— Пора выметаться. Напоследок еще одна просьба.

— Какая?

— Посмотрите за Дитраем. Если он вернется...

— Похоже, что не вернется. Я узнавала. Он звонил и просил

сохранить за ним номер в отеле. Он всегда замечает следы.

— Каждый раз, когда раскроит кому-нибудь голову?

— По крайней мере среди ночи он еще не сбегал. Ах, да! Полиция сюда навевывалась.

— Влипли мы в историю, а?

— Не впервой. Хотите кофе?

— С удовольствием. И все же, если он вернется...

— Хорошо. Я предупрежу вас.

— Спасибо. Вы прелесть.

— Ну наконец-то! — воскликнула Элен, когда я час спустя вошел в свою контору. — В какой мусорке ты почевал?

Я махнул рукой, глянул на свой костюмчик и объяснил:

— Не успел погладить.

— Вижу. Звонил Фару.

— Что он сказал?

— Ничего нового. А ты? Ты можешь сказать хоть что-нибудь своей секретарше, своей маленькой, дорогой Элен? Где ты был? Что с тобой случилось?

Я поведал о моих ночных приключениях. Мы обсудили их, но не пришли ни к чему положительному. Факты были таковы: Ребекка убита. Жак Дитрай сбежал, узнав о ее смерти. Не сразу, а встретившись с каким-то типом. На свою беду я оказался в отеле. Подтверждением тому моя несчастная голова. Возможно, некий Симон связан с убийством девушки. А возможно, и нет.

— Деде не все мне сказал. Но одно ясно: этот человек им нужен.

Помывшись и побрившись, я позвонил комиссару.

— Ах, это вы! — закричал он. — Чем это вы там занимаетесь, Бурма?

— Чем вы хотите, чтобы я занимался?

— О! Ничем! Абсолютно ничем. Вы сберегли бы мне здоровье и сто лет жизни, если бы совершенно ничем не занимались.

— Тогда радуйтесь: у меня как раз тайм-аут. А вы? Узнали, кто эта девушка?

— Да. Может, заедете? Поболтаем.

— Как прикажете, комиссар.

Они знают, кто она. Отлично. Это избавит меня от долгих объяснений.

— Привет, Бурма, — сказал Фару. — Садитесь. Что с вашим лицом?

— А что с ним такое?

— По-моему, оно сильно деформировалось за день.

— По-моему, у вас было ко мне какое-то дело.

— Знаете, Бурма, только не говорите, что не работаете на этого художника.

— Какая пронизательность! Да, работаю. Он считает, что чем больше умных людей будет распутывать загадочное убийство, тем скорее тайное станет явным, тем легче избежать скандала... Его слова.



— Хм... Вы уже начали расследование?

— Только приступаю, комиссар.

— Вижу. Вот что, Бурма, хочу поговорить с вами. Вчера это было неудобно, рядом крутился ваш клиент. А тема деликатная. Не нравится он мне. Вроде бы обязательный, со связями. Кажется честным малым. А посмотрите-ка на это.— Фару открыл ящик стола и вытащил тяжелый кинжал. Молча и значительно он взвесил клинок в руке и добавил: — Им воспользовались совсем недавно. Догадываетесь, при каких обстоятельствах?

Я догадывался.

— Девушку убили этой штукой,— все же уточнил Фару.— Экспертиза уже установила.

— Экспертиза также установила, что кинжал принадлежит Фреду и что он — убийца.

— Ничего подобного я не говорил,— запротестовал комиссар.— Мы проверяли всех по списку. Один из приглашенных, друг художника, сам отдал нам этот кинжал, как только понял, о чем идет речь. Он подобрал его перед домом Фреда и, заметьте, в ту самую ночь. После «маленькой вечеринки». Так что ваша гипотеза остается в силе. Девушку могли убить на улице, а потом... Ну, вы помните детали.

— Странно, что убийца решил бросить кинжал посреди дороги.

— Чертовски трудное дело.

— А есть и легкие?

— Представьте, да! И это те, в которые вы не суете свой длинный нос.

— Когда-нибудь мне его укоротят. Вы нашли хозяина плаща?

— Журналиста? Мы были у него. Дитрай куда-то уехал. Кажется, за границу. Делает очередной репортаж. Придется подождать, когда он вернется.

Я призадумался. Несмотря на мой совет, Жак не стал дожидаться полицию и не позвонил комиссару.

Фару поднялся, показывая, что аудиенция закончилась. Пришло время задавать главный вопрос.

— Как вам удалось идентифицировать труп? Что-нибудь было в картотеке?

— Нет. Родители заволновались, куда пропала дочь, и обратились в полицию. Им показали тело. Они его опознали.

— Как вы им объяснили случившееся?

— Бандит напал ночью на одинокую девушку. Поверили.

— Чем одинокая девушка занималась, когда была еще жива? И, может быть, ее как-то звали?

— Ребекка Флор. Помогала родителям. У них небольшое ателье на улице Роз.

## IX

Вернувшись в бюро, я рассказал Элен последние новости. Мы вместе обсудили ситуацию, но ни к чему не пришли. Позвонил

Фреду, сообщил ему, что «все нормально». Голова раскальвалась. Я отправился к себе, принял три таблетки аспирина и лег отдохнуть. Заодно решил пролистать сегодняшние газеты. Фару сдержал слово — ни одной заметки по поводу трагических событий на Сан-Луи. Зато целая статья о том, как некий Карим Кешир убил родного дядю за то, что тот оставил без присмотра его маленькую дочь. В той же газете я прочитал еще одну безумную историю. На этот раз родители довели взрослую дочь до самоубийства; им не понравился парень, с которым она встречалась.

От всей этой белиберды моя и без того сильно пошатнувшаяся нервная система не выдержала. Отбросив газеты в угол, я закрыл глаза и провалился в беспокойный сон.

Телефон надрывался. Часы показывали полночь.

— Алло.

— Я хотел узнать, как дела.

— Великолепно, Деде. У меня небольшая авария. Отделался синяками. А так все хорошо.

— Вы не передумали?

— Нет. Кое-что стало проявляться. Дайте мне еще пару дней.

Он согласился, еще раз предупредил, чтобы «ни гу-гу», и повесил трубку.

Я сел на кровать и закурил, думая о том, что, возможно, кому-то из родственников Ребекки или ее любовнику не понравился пройдоха Дитрай. Этот кто-то, обуреваемый злобой (или ревностью!), крутился ночью возле дома Фреда. Ребекка вышла подышать свежим воздухом. И тут...

Загадочным оставалось поведение Дитрая. Его действия не вписывались ни в какую схему. Шарахнуть хорошего человека по голове! Забрать с собой все фотографии! Прямо Аль Капоне, а не Дитрай...

Я еще раз перебрал в памяти все детали, связанные с убийством Ребекки, и, странное дело, радостное чувство удовлетворения охватило меня.

## X

Днем позвонила Элен.

— Как настроение, патрон?

— С удовольствием провалялся бы еще день в постели.

— Советую тем временем изучить дело Джозефа, короля Сохо. Между ним и Деде, промышлявшим долгое время в Англии, должна быть связь. Я сейчас приеду и привезу газеты.

Через полчаса она появилась у меня с большим пакетом под мышкой.

— Вы помните эту историю?

— Конечно, — ответил я. — Две недели назад...

— Вы хотите сказать — два года?

— Я имел в виду не сами события, а отклик на них в нашей прессе.

— Если хотите, можете освежить свою память. Я принесла целую подборку.

— Нет-нет! Я все прекрасно помню. Во-первых, Джозеф, или король Сохо. Загадочная личность. В его руках целая сеть: наркотики, азартные игры, проституция. Дитрай писал о нем в своей книге «Призраки Аль Капоне». В кровавой битве с другими гангстерами Джозеф потерял свой «трон», сбежал и как сквозь землю провалился. Все правильно?

— Да. Но его выдал сообщник. Оказалось, что таинственный Джозеф не кто иной, как Серж-Брюнет...

— Известный Интерполу бандит.

— Именно. Вот здесь его «жизнеописание». Еще до войны он орудовал в Париже. Сомнительный бизнес, темные дела, а может, кое-что и покруче. Началась война, оккупация. Серж остался в Париже. Похоже, при немцах ему жилось даже лучше. Вероятно, он сотрудничал с гестапо.

— Странно, что его не расстреляли.

— Странно то, что, когда немцы ушли, он опять остался в Париже.

— Определенно можно сказать лишь одно: Париж парню нравился.

— Очевидно. Но позже Серж все-таки уехал в Англию. Там он развернулся основательно. Только спустя много лет выяснилось, что Джозеф, король Сохо, и Серж-Брюнет — одно лицо. Его выдал сообщник, Джон Хатчинс. Они что-то не поделили.

— А дальше?

— Серж-Джозеф исчез. И я подумала: а не объявился ли он снова в Париже? Не его ли разыскивает местная мафия?

— Ты считаешь, что Симон...

— А почему бы и нет?

— Над этим надо хорошенько подумать.

Отдохнув денек, я почувствовал себя значительно лучше. К вечеру жажда действий вынесла меня из дома и привела на улицу Роз в скромное ателье. За пыльными стеклами я различил силуэты людей, занятых работой. Во дворе гавкали собаки. На балконах сушилось белье. Не то белье, что можно видеть на картинках глянцевого журналов, а самое простое и потрепанное. Вид этого дома не говорил о бедности, но и богатством здесь не пахло. Постепенно крепло убеждение, что необходимо придумать нечто экстраординарное: не так-то просто растормошить здешний люд. План созрел мгновенно. Оглянувшись воровато, я переступил порог армянского ресторанчика.

— Мне нужен Симон Фонтана.

Хозяин осмотрел меня с ног до головы, пошептался с женой и посоветовал искать человека с таким именем на Руа-де-Сициль. Я вышел, сохраняя таинственный вид, и заглянул



в мясную лавку. Здесь не знали никакого Симона. На Руа-де-Сициль такого тоже не оказалось. Я медленно двинулся в обратном направлении, заходя в каждый магазинчик и шепотом спрашивая, не живет ли поблизости портной по имени Симон. Чтобы дожидаться результатов выбранной тактики, я «притормозил» в кабачке на улице Сант-Антуан и пропустил пару стаканчиков.

Уже стемнело, когда я снова подошел к ателье на улице Роз и постучал в дверь. Мне открыла полная женщина с грустным лицом. Очевидно, мать Ребекки.

— Добрый вечер. Могу ли я войти, мадам?

Она пожала плечами и, пропустив меня в комнату, закрыла дверь.

— В чем дело? — спросил усатый мужчина. Кроме него, за столом, заваленным инструментами, сидело еще трое. Две девушки и парень.

— Я ищу одного портного. Его зовут Симон Фонтана.

— Вам сказали, что он здесь работает, в моем ателье?

— Работал.

— Не знаю никакого Симона. В первый раз слышу.

Он отвернулся от меня, а хозяйка, помявшись немного, добавила:

— Что вы ждете, мсье? Вам же ответили.

— Извините.

Я вышел, чувствуя за спиной их злобные взгляды. Прошел пару метров, оглянулся и заметил, что за мной следят.

— Минутку, паренек, — окликнул я метнувшуюся тень. — Не торопись.

— Чего надо? — ответил голос.

— Хочу задать тебе один вопрос.

— Какой еще вопрос?

— Симон.

— Это не вопрос.

— Знаю. Это имя.

— И что?

— Все. Я его ищу. Ты не встречал такого?

— Я знаю дюжину Симонов. Как фамилия?

— Фонтана.

— Таких трое.

— А если я дам тебе тыщонку? Или две?

— Идемте, — решил он. — Есть тихое местечко.

Подумать только! «Тихое местечко». Я проверил, на месте ли пистолет, и мы отправились. В тихое местечко, естественно. Им оказался ресторанчик с эстрадой.

— Очень мило, — сказал я. — Где Симон?

— Зачем он вам?

— Не знаю.

— Издеваетесь?

— Нет. Он нужен моим друзьям.

- Полицейским?
- Я не из полиции.
- Может, это связано с убийством девушки?
- Ты её знал?
- Он пожал плечами.
- Это моя кузина.
- А тебя как зовут?
- Мишель.

Мы помолчали. Гитарист выводил замысловатую мелодию, поглядывая в нашу сторону.

— Вы меня подозреваете? — спросил Мишель.

— Послушай, я не легавый. Ищу Симона. Обошел всех портных в округе. Притащился в этот ресторан, думая, что ты мне что-нибудь расскажешь. Но вижу, Мишель, ты большой хитрец. И все-таки, если надумаешь, позвони. Держи. Здесь номер моего телефона.

— Кого спросить?

— Мсье Далора.

Он кивнул. Я поднялся и протянул ему руку.

— Пока.

...Я медленно шел по улице. Нестор Бурма, рыцарь печального образа! Печального в том смысле, что ничего веселого не ждало меня в темной подворотне, куда я направлялся. Громадная тень нависла надо мной, и я храбро вытащил свой пистолет.

— Что, дорогуща, попался?

В ту же минуту сокрушительный удар будто сбросил меня в глубокую темную пропасть.

## XI

Сначала я услышал собственный голос:

— Прошлый раз пахло розами, а сегодня я, похоже, проснулся в помойке.

Кто-то прогнусавил в ответ со страшным акцентом доисторической гориллы:

— Помойк? О, та! Помойк. Это есть твой отел? Апатман со фсеми удопстфами?

Рядом заржала лошадь. Нет. Это он рассмеялся. Я открыл глаза и слегка пошевелился. Не так плохо, как ожидал. Мой противник умел нейтрализовать жертву, не причиняя ей больших повреждений. Потихоньку поднялся, опираясь о склизкую стену. Ногой задел за железный бак, круглая крышка, дребезжа, упала и покатила по мостовой. Честное слово, я был как огурчик. Если бы еще не зловоние...

— Ни таранись, — посоветовал голос.

Я повернулся, и все встало на свои места. Жуткая помойка, старикашка с фонариком и полным отбросами ведром.

Я хихикнул, как идиот:

— Вот, уснул тут.

— Нифифо стфашнофа. Менфе пить ната.

Рассудительный старичок, А что если он подобрал мой пистолет? Хотя вряд ли. Иначе не был бы столь любезен. Оружие должно валяться здесь, среди... Фу! Ну и вонь! Сказав, что потерял одну важную вещь, я попросил у старика фонарик и порылся в мусоре. Ну, Нестор Бурма, где еще ты не рылся? Нифифо. Бред какой-то. Я вернул фонарик, поправил галстук, откланялся и пошел.

Выйдя на свет и все еще задыхаясь от вони, которая будет преследовать меня теперь, наверное, до самой смерти, я решил как следует почистить свой лучший костюм. Тогда и почувствовал тяжелый предмет в кармане пиджака. Это был пистолет. Сначала его выбивают из рук, а потом заботливо кладут в карман. Спасибо, конечно. Очень трогательно. Но все более и более странно.

Я зашел в кафе на улице Риволи, привел себя в порядок и проверил содержимое кошелька. Все на месте, но в бумажник заглядывали. Вывод один. Мое имя и мой адрес кого-то интересуют. Значит, в скором времени нужно ждать визита. Может, дружеского, а может, и не очень.

С наглым видом я снова заявился на улицу Роз. Мне очень хотелось отыскать Мишеля. Я обошел десятка два ресторанчиков и мелких лавчонок. Влекомый неведомой силой, приблизился к ателье, как вдруг на тротуаре возникла она, фея любви, юная и очаровательная. «Приветик». Это она мне. Я был тронут до глубины души. Но, к сожалению, у Нестора Бурмы столько дел сегодня, что заниматься любовью... Тут я ее узнал и ответил запоздалой улыбочкой... Она повернулась и пошла, вполне профессионально виляя задом. Почти так же профессионально, как держала в руках портняжный инструмент, когда сидела за столом в ателье семейства Флор.

Некоторое время мы молча и сосредоточенно шли голова к голове, потом я начал как бы издалека.

— Простите, мы, кажется, знакомы? Вы случайно не работаете в этом ателье?

— Да. Ну и что, мсье... Как вас зовут?

— Далор. А вас?

— Нина...

— Нина Флор?

— Нет. Нина Дижон.

— Нина, я хотел бы спросить...

— Знаю. Но я тоже не знаю.

— Забавная у нас беседа. И все же скоро меня познакомят с загадочным Симоном.

— Кто же?

— Мишель.

Нина пожала плечами, однако я догадался, что она поняла, о ком идет речь.



— И в данный момент я хотел спросить именно о нем. Понятно? Кажется, меня слегка надули. Мишель сказал, что Ребекка его сестра. Это правда?

— Да.

— А вы знаете, что с ней случилось?

— Все знают. Ее убили.

— Может быть, все знают, и кто ее убил?

— Нет. Я по крайней мере не знаю.

— Где живет Мишель?

— Улица Вокзальная, первый блок напротив киоска, третий этаж. Только не давайте ему денег. Он врун и предатель.

Она пошла дальше, а я остановился под фонарем и посмотрел на часы. Если хорошенько подумать, я мог бы успеть сварганить еще одно дельце. Заглянуть к Мишелю, выудить из него информацию, а потом снова найти Нину и «добить» ее козырями. Мой план мне очень понравился, и я тут же приступил к его реализации.

Эх, вот они, маленькие тайны Парижа. Улица Вокзальная ни к одному из вокзалов отношения не имеет. Правда, если по ней очень долго ехать, а затем свернуть несколько раз налево и направо, то на вокзал все-таки попадешь. Отсюда, видимо, и название. В чем я убедился, проколесив с полчаса на машине по темным кварталам. Наконец я нашел этот дом «напротив киоска».

«Дом» — слишком высокопарное слово для некрашеного, грязного здания с побитыми окнами и выщербленными кирпичами, готовыми при легком ветерке свалиться вам на голову.

У подъезда стояла легковая машина, показавшаяся мне поразительно знакомой. Я наклонился и взглядел номер: 2173 ВВ 75. Машина Жака Дитрая. Подняв голову, я посмотрел на окна. Одно светилось. «Третий этаж». Похоже, Нина меня не обманула. Мишель сидит у себя. В компании бандитов из шайки Сержа-Брюнета. Или с кем-нибудь еще. Осторожность мне не помешает. Я вошел в подъезд и начал тихо подниматься по лестнице.

В этот момент грохнул выстрел.

Несколько секунд я стоял неподвижно, соображая, что к чему, затем кинулся вверх на третий этаж. Дверь оказалась запертой изнутри. Хлипкая, с таким же сопливеньким замком, она вряд ли устояла бы перед хорошим ударом. Такой удар я и приложил. Дерево жалобно заскрипело. Еще р-раз! Петли соскочили, замок вырвало «с мясом». Я вошел в темную комнату и в свете фонарика увидел фигуру лежащего на полу мужчины. Очевидно, мертвого. Окно было открыто. Ставни хлопали и скрипели. Я подбежал к окну и увидел тень, карабкающуюся по фасаду вниз. Человек-мартышка! Пальнуть бы. Но я не решился, только крутил головой в поисках какого-нибудь тяжелого предмета. А-а, вот этот железный прут вполне сойдет. Размахнувшись, кинул

его в «мартышку». Мимо! Тень подбежала к машине, мотор взревел, и улица опустела.

Я закрыл окно, включил свет и сел в кресло, уставившись на труп. Мне хорошо было видно застывшее лицо и открытые остекленевшие глаза. А между ними — словно третий глаз — зияла дырочка от пули, разворотившей череп и наделавшей кучу кровавых ошметков на полу. Мишель уже никому ничего не расскажет. Вполне возможно, что он болтал слишком много.

Я решил осмотреть комнату и обнаружил в комодке ржавый маузер, пару военных орденов и... пробитую фуражку офицера люфтваффе.

В другом ящике меня ждала еще более странная коллекция: вырезанные из разных журналов фотографии самых пышногрудых красавиц, включая Джейн Рассел и Лоллобриджиду. На фотографиях были и мужчины. Их жадные взгляды тонули, естественно, в глубоких декольте дам. Среди любителей женских прелестей я узнал по крайней мере одного — Жака Дитрая.

Так как больше ничего достойного внимания тут не оставалось, я со спокойной совестью погасил свет и вышел.

## XII

— Ты думаешь, что Мишель знал убийцу? — спросила Элен на следующее утро, выслушав мой рассказ.

— Конечно.

— И кто же это? Симон?

— У меня такое впечатление, что Симона вообще не существует в природе. Или у него другое имя.

— Джозеф, король Сохо?

— Может быть. Если это он уложил меня поспать полчаса в мусорную кучу, то, надо признать, удар у него неплохой. Хорошо отработанный. Чувствуется рука спортсмена. Или военного... Да. Но вел он себя вполне по-джентльменски. Сначала отобрал пистолет, а потом заботливо положил его в мой карман. Вот это воспитание! А я, как свинья, стал кидаться разными железками из окна, среди ночи... Эх, Бурма.

— Говоришь, он военный?

— Похоже. Наводит на какие-то мысли?

— Нет. А тебя?

Мы помолчали. Потом Элен снова спросила:

— А этот Мишель, он родственник Ребекки?

— Ее двоюродный брат.

— Значит, Мишель, двоюродный брат убитой девушки, следит за тобой, по всей видимости, не желая, чтобы ты нашел некоего Симона — или того, кто скрывается под этим именем, — и сам становится жертвой хладнокровного убийцы. Вопрос: кто убрал Мишеля? Жак Дитрай? Его машина стояла у подъезда. Если он, то следующий вопрос: почему?

— Существует простая гипотеза: Ребекку убил Мишель.

— Что?!

— Кинжал, который я увидел у Фару, очень вписывается в странную коллекцию Мишеля. Почему убил? Потому что ему не нравились ее встречи с Дитраем. Итого: Мишель убил Ребекку, а Дитрай убил Мишеля, потому что тот убил Ребекку.

— Ты сам веришь в такую «гипотезу»?

— Откровенно говоря, нет. Она не связывает остальные детали головоломки. В стороне остаются Деде, Симон, король Сохо и его славная компания. Но связь должна быть.

— Думай, Нестор.

— Допустим, Мишель убил Ребекку, но по другой причине. Какой — мы не знаем. Допустим снова, что Дитрай убил Мишеля. Но зачем?

— Да, — рассмеялась Элен. — Теперь совершенно ясно, что ничего не ясно.

Я вздохнул:

— Что делать, мысли вслух иногда помогают вспомнить какую-нибудь мелочь. Ну ничего!

Из кармана пиджака я извлек свои трофеи. Среди фотографий были марки, и я захватил несколько штук. Теперь мы рассмотрим их повнимательней.

— Есть штампы! Можно будет даже определить почтовое отделение.

— Ты не терял даром время.

— Еще бы. А взгляни на снимок. Дитрай собственной персоной.

— М-мг... И какая у него соблазнительная грудь.

— Не будь душой! Дитрай вот тут — справа.

— А женщина? — не унималась Элен. — Кто она такая?

— Понятия не имею.

— Где ты взял фотографию?

— У Мишеля. Еще одна симпатичная коллекция. Стоит посмотреть.

Я взял образец, на котором был запечатлен наш общий знакомый. Дитрай, наверное, знал вкусы Мишеля и время от времени дарил ему журналы... Господи! Ну и осел же я!

— Что случилось?

— Ничего. Просто мне пора в отпуск или на пенсию. Мои мозги сегодня, как жидкий навоз. Не могу сопоставить очевидные вещи. Где телефонный справочник?

Порывшись и найдя нужный номер, я снял трубку.

— Алло! Отель де Иль?

— Да, мсье.

— Мне нужна мадемуазель Сюзанна Риго.

— Подождите секунлочку.

Потом я услышал ее голос:

— Алло, кто это?

— Здравствуйте, Сюзанна. Узнаете старого друга Нестора Бурму?

— Привет. Как поживаете?

— Великолепно. Дитрай не появлялся?



— Нет. По-прежнему отсутствует.

— Хорошо. Приближается момент, когда вы сможете войти в большую журналистику через парадную дверь. Но для этого вы должны мне помочь.

— Что нужно сделать?

— Прежде всего действовать предельно осторожно, чтобы никого не вспугнуть. Узнайте, так, между прочим, не показался ли телефонисту странным голос Дитрая, когда тот позвонил. Припоминаете?

— Да. Уж не думаете ли вы...

— В моей профессии нужно иногда думать, Сюзанна.

— Я все сделаю, как вы сказали.

— Позвоните мне, когда будут результаты. Не забудьте: излишняя спешка вредна. Спасибо, Сюзанна, и до свидания.

Элен смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Она уже давно все поняла и не требовала объяснений. Но я постарался их дать.

— Дитрай не бил меня пепельницей по голове. У него не было на то никаких оснований. А вот у вора они могли быть — такие же веские, как эта чертова пепельница. Понимаешь, кругом одинаковые плащи. У Мишеля был такой же. Дитрай и Мишель вместе вышли из отеля и сели в машину. Потом кто-то проник в комнату журналиста. Думаю, снова Мишель. Он вынес чемодан, пару костюмов и, главное...

— Главное?

— Досье.

— Нестор, ты гений! А что за досье?

— Соображаю я туго, это верно. Но уж если вцеплюсь, то мертвой хваткой. Дитрай имел обыкновение классифицировать дела, которые «раскручивал». Все разложено по конвертам и папкам. Материалы его последнего репортажа, естественно, тоже. Но вот закавыка. Дитрай никуда не ездил. Свои репортажи он «привозил» из библиотеки либо делал их с помощью ножниц и клея. Материалы книги «Призраки Аль Капоне» представляли собой лишь вырезки из журналов. Однако именно из них Дитрай понял, что «король Сохо» скрывается в Париже. Элен, ты была права. Где куча газет, что ты мне приносила?

— Вот они.

— В них говорится что-нибудь о семье Джозефа?

— Нет, — ответила Элен.

— Убежден, что Ребекка ему не чужая. Я положил все газеты на место, кроме одной, где был напечатан портрет Джозефа. Лицо обычное, без особых примет. Только глаза — хитрые и жестокие.

— Невыразительный снимок. К тому же старый. Наш «король» мог отрастить усы и бороду. Но все равно пригодится.

— В полиции наверняка есть получше. А вот и его жертва, — добавила Элен, показывая на фото симпатичной девушки.

— Кажется, я где-то ее уже видел.

— Может, она кого-нибудь тебе напоминает?

— Хочешь сказать, Ребекку? Нет, единственное общее между ними то, что обе мертвы.

Я вырезал портрет экс-короля и положил в бумажник.

— Хорошо. Сейчас снова иду на улицу Роз. Люди там неразговорчивые, но как-нибудь полажу. Нужно увидеть Нину. Она дала адрес Мишеля. Идиот! Если труп обнаружили, то и Нину могли уже расспросить. А она наверняка рассказала обо мне.

— Ты назвал свое имя?

— Псевдоним, но Фару его хорошо знает. Вот что! Я быстренько смываюсь. Ты не имеешь понятия, где меня черти носят.

В этот момент раздался звонок в дверь. Я выругался. Мышеловка, кажется, захлопнулась.

Элен пошла открыться и вернулась с «крутой» компанией.

— Салют, Бурма, — бросил Деде.

— Салют, ребята.

Деде окинул взглядом знатока фигуру моей секретарши.

— Мои поздравления, приятель, — сказал он. — Если на ней оставить только лифчик, трусики и чулки, она будет отлично смотреться.

— Да, Элен совершила бы маленькую революцию в значных местах нашего города, если бы решила там немного подработать.

«Ребята» дружно рассмеялись.

— Надеюсь, сейчас я вам не нужна? — сухо произнесла Элен.

— Только не уходи слишком далеко, цыпленочек, — предупредил Деде и уселся в кресло. — Мсье Бурма, телефон, конечно, полезная штука, но приятней иногда побеседовать с глазу на глаз. Насколько мне помнится, вы ведь работаете на нас?

— Работаю, Деде.

— Так я и поверил! Мы приходим сюда и что же видим? Он развалился на диване, как кот, и забавляется с мышкой.

— Я приводил в порядок мысли.

— У вас и мысли есть?

— Невольно появились в связи с розысками Симона. Я спрашивал о нем всех подряд, и кому-то это очень не понравилось. В конце концов он меня просто оглушил.

— Кто?

— Было темно, и я не разглядел. Но клянусь — крепкий малый.

Деде покусал губы, почесал свой длинный нос и хмыкнул:

— Что-то новенькое.

— Новенькое или нет, но Симона никто не знает.

Деде покачал головой:

— Симон в городе. Вы должны его найти. Если вы предоставите дополнительную информацию о нем, то, быть может... — Деде двинул локтем в бок своего дружка. — Уходим!

Они встали быстро и неожиданно. Наверное, опаздывали на поезд.

— Мне надо подумать, — сказал Деде. — До свидания, мсье Бурма.

Я ожидал, что он добавит обычное: «Ни слова полиции», — но

Деде лишь пожал мне руку. Когда они проходили через бюро, приятель Деде отпустил Элен такой комплимент, что она залилась краской до корней волос. Я вернулся в комнату, и Элен с ходу обратилась ко мне с вопросом:

— Что они хотели? Увидеть, чем ты занимаешься?

— Мне кажется, они увидели...

— Эти газеты? — догадалась Элен.

— Да. Деде не осел. Дважды два сложить может. Как бы там ни было, я смываюсь.

В этот момент снова раздался звонок. Может, пришел Фару? Нет. Посетитель — высокий, атлетически сложенный мужчина лет сорока. Полные, красивые губы, прямой нос, прямой взгляд, волевой подбородок. Я его узнал. Это он уложил меня в помойку. Теперь понятно, почему лицо убитой девушки показалось мне знакомым.

— Нестор Бурма? — спросил посетитель.

— К вашим услугам, — ответил я и демонстративно сунул правую руку в карман. — Вы снова хотите прорепетировать на мне свои приемчики?

— Нет. Только поговорить. Извините за небольшой... инцидент. Я хотел узнать, кто вы такой.

Он изъяснялся на французском почти без акцента.

— Садитесь, господин Майер.

— Откуда вы знаете мое имя? — вздрогнул от неожиданности мужчина.

— Я только что видел фотографию Сильвии в газете. Она очень на вас похожа.

— Это моя сестра. Значит, дело вас интересует... Хм... Я так и думал. Зачем вам нужен Симон? — бросился в атаку Майер.

— Его ищут мои клиенты. Я частный детектив.

— Понятно. Но зачем?

— Профессиональная тайна.

— Симона не существует.

— Почему же?

— Есть Джозеф, а не Симон. Вы ищете Джозефа. И я тоже. Он прячется в квартале, прилегающем к улице Роз. Объединим наши усилия, мсье Бурма.

— Каким образом?

— Признайтесь: вам нужен Джозеф?

— Я ищу Симона. Джозеф случайно затесался в игру.

— Он прячется под этим именем. А я хочу восстановить справедливость. Вы меня понимаете?

— Прекрасно понимаю. Джозеф убил вашу сестру. Теперь вам нужна его шкура.

— Плачу вдвойне! — хрипло рассмеялся Майер.

— Вы меня нанимаете?

— Да. Даю вдвое больше той суммы, что вам заплатили горе-мафиози.

— Так не пойдет. Во-первых, я не продаюсь. А во-вторых, существуют определенные правила. Мафиози, говорите?



Майер пожал плечами.

— Вы вчера чуть не каждого спросили о Симоне. Вот уже несколько дней какие-то люди делают то же самое. Вы на них работаете?

Вместо ответа я поднялся и заходил по комнате, раздраженный тем, что лишь теряю драгоценное время: Фару мог нагреть с минуты на минуту.

— Извините, господин Майер, но сделать для вас ничего не могу.

Он тоже встал и ответил, нахмурившись:

— Зря только приходил сюда. Думал, что... Тем хуже для вас. Предупреждаю: Джозеф мой и ничей больше. Зарубите себе на носу, мсье Бурма.

Когда он вышел, Элен воскликнула:

— Ну и дела! Вряд ли Джозеф проживет еще пару дней... На него идет облава.

— Если он еще жив. Ну все, я сбегаю из этого бедлама. Пока.

Звонок телефона прозвучал на редкость иронично. Элен сняла трубку.

— Алло! Добрый день, комиссар. Нет, я не...

— Дай-ка мне, — прервал я, зная, что по телефону ордер на арест не выписывают, и нагло крикнул: — Алло!

— Привет, Бурма. Можете успокоить вашего друга.

— Какого друга?

— Фредерика Бега. Он вне подозрений. Мы нашли убийцу.

— Вот как? Кто же он? Бродяга?

— Родственник жертвы. Ее двоюродный брат Мишель. Отпечатки пальцев на кинжале совпадают.

— Зачем он убил Ребекку?

— Ему трудно было ответить.

— Вы так напугали беднягу? — рассмеялся я.

— Он мертв, старина.

— Скончался при аресте?

— Мы обнаружили его с дыркой в голове.

Вкратце Фару перечислил уже известные мне факты. На всякий случай пришлось издать несколько удивленных «ох!» и «ах!».

— Ну и семейка, комиссар, — подытожил я. — То дочку прирежут, то племянника застрелят. Что говорят оставшиеся в живых?

— Ничего вразумительного.

— Вы были на улице Роз?

— Конечно. Думаю, здесь пахнет не розами, а вендеттой.

— Лишь бы мой друг Багет спал спокойно. Спасибо за информацию, комиссар.

Я повесил трубку и вздохнул:

— Уф! Нина им ничего не сказала. Не мешало бы пообедать, но сначала обрадую Фреда.

Художник был на седьмом небе от счастья и промочил трубку слезами благодарности. Я не стал дослушивать его щебетание. Попрощавшись в который раз с Элен, я направился к двери. Но

злой рок повис над проклятым бюро. Телефон затрезвонил снова. Это была Сюзанна.

— Я выполнила ваше поручение.

— Ну и?..

— Служащий признался, что голос был незнакомый. Правда, звонили будто бы издалека.

— Издалека, это точно сказано. Спасибо, Сюзанна! Оревуар!

### XIII

Вернувшись из ресторана, я уселся поудобней, закурил трубку и обратился к Элен:

— Давай порассуждаем... Дитрай что-то пронюхал. Ребекка ему была нужна. Не только и не столько для того, чтобы затащить ее в постель, а чтобы выведать у нее кое-какие семейные тайны. Видя, что Ребекка может сболтнуть лишнее, Мишель, преданный Симону-Джозефу душой и телом, решил ее остановить. Вооружившись кинжалом, он отправился к дому художника. Очевидно, Мишель знал о предстоящей вечеринке. Вряд ли он задумал убить девушку или Дитрая...

— Но кинжал захватил, — прервала меня Элен.

— На всякий случай. Да... У Мишеля была артистическая натура. Может, ему хотелось видеть себя эдаким героем супер-боевика. Убивать не входило в его планы.

— И все же — убил он.

— Потому что Ребекка вышла одна.

— Одна, — повторила Элен. — И в плаще. Почему в плаще, если у нее была шуба?

— Ее тошнило. Она боялась, что запачкает мантию, и нацепила плащ своего приятеля.

— У тебя железная логика алкоголика.

— И такая существует... Значит, Ребекка вышла. Мишель подскочил к ней. Началась перебранка, во время которой парень потерял контроль и ударил сестру кинжалом, не понимая, что нанес ей смертельную рану. Девушка тут же вбежала в дом, поднялась по лестнице и упала замертво.

— Почему кинжал оказался на мостовой?

— Мишель его выронил и заторопился удрать подальше от места преступления.

— А ты не думаешь, что это Симон приказал Мишелю убить или напугать Ребекку?

— Возможно. Тогда они провели беспокойную ночь, гадая, жива их жертва или нет. Утром Ребекка не пришла домой. Мишель отправился в отель де Иль искать сестру. До сих пор не могу избавиться от ощущения, что журналиста еще до меня кто-то посетил. Не обнаружив Ребекку в отеле, Мишель снова пошел к дому художника и увидел, как выносят труп, как входят и выходят полицейские.

— И побежал к Симону.

— Да. К этому времени родители обратились в полицию. Идентификация тела. И заключение экспертов: убита уличным грабителем. Симон и Мишель в недоумении: они знают наверняка, что труп не лежал на улице. Пискнула ли хоть словечко Ребекка перед смертью Дитраю или полицейским? Одно им понятно — Дитрай опасен. Он был опасен и раньше, но после убийства девушки — вдвойне. Его необходимо убрать. Тогда Мишель снова вернулся в отель де Иль и выманил Дитрая из номера. Они поехали вместе. Для Дитрая это была поездка в мир иной, а Мишель вернулся в номер. Дальше ты все знаешь.

— Вроде бы стройная теория... Но как же фотографии?

— Какие?

— У нас нет ни одного снимка Дитрая. Можно предположить, что Жака никто не фотографировал, но в это трудно поверить, учитывая его профессию и образ жизни.

— Один снимок все-таки есть.

— И что же? А где остальные, которые должны находиться в личном досье? Было бы невероятно, если бы он снимался только в компании полуголых девиц.

— У Мишеля была как раз такая коллекция. Но без Дитрая.

— Значит, некоторые фотографии были, слава Богу, «стандартными». Где они?

— Не имею понятия, Элен. Но со временем все прояснится. Надо немного подождать.

— Подождать? А кто убил Мишеля?

— Симон, он же Джозеф. У него уже земля горела под ногами и вокруг стали мерещиться одни предатели. А может, он просто ждал сигнала и от скуки убирал свидетелей.

— Что ты намерен делать?

Я пожал плечами:

— А что тут сделаешь? Повторяю: Симон либо мертв, либо далеко отсюда. Но, памятуя о методах господина Майера, мне кажется, первое более вероятно.

— Умываешь руки?

— Фред может быть спокоен.

— Деде тоже тебе заплатил.

— Да, — вздохнул я, — за Симона. Но как найти призрака?

Придется вернуть деньги.

Элен улыбнулась и покачала головой.

— Не думаю, что тебе позволят так легко выйти из игры.

— Ты права, как всегда.

— Попробуй поговорить с Ниной. Эта девушка к тебе неравнодушна. Дала адрес Мишеля, а узнала, что его убили, не выдала тебя полицейским.

— Все это так, но моя физиономия слишком примелькалась на улице Роз. Элен, займись Ниной сама. Уверен, ты отлично справишься.

— Прямо сейчас?

— Чем быстрее, тем лучше. А я еще немного поразмышляю...



Из задумчивости меня вырвал телефонный звонок.

— У-у,— сказал я в трубку.

— Это снова я, Бурма. Комиссар Фару. Не разбудил?

— Н-нет... наоборот. То есть, я хотел сказать, привет, Фару.

— У нас был небольшой «концерт» сегодня ночью. Вы как-то спрашивали о Симоне.

— Да.

— Что за тип? Опишите его.

— Ну... лет двадцати, крепыш, розовощекий такой,— изощ-рялся я изо всех сил.

— Понятно. Это не мой.

— Не ваш?

— Я же говорю, сегодня ночью на улице Роз повесился мужчина. Его звали Симон...

Комиссар произнес еще несколько фраз, а я долго смотрел невидящим взором в пространство. Потом поднялся и вышел на улицу. Мне не хватало воздуха. Все-таки свершилось. И не без моей помощи закончил свои дни Симон, он же Серж, он же Джозеф.

На бульваре купил газету, развернул и сразу нашел заметку. Полиция успела установить личность погибшего. Симон Вару. Вот так. Жив еще Джозеф. Мне хотелось сообщить последние новости Элен. Из бистро позвонил в бюро, но там никого не было. Моя храбрая Элен шагала, очевидно, по улице Роз в поисках Нины. С дурными предчувствиями я заспешил в том направлении. Не обнаружив Элен, я еще больше забеспокоился. Неожиданно силуэт башни Сан-Жак, возникшей перед глазами, напомнил о другой достопримечательности этих мест. Вечерело, и Марго, наверное, уже вышла «на работу». А где Марго, там и Деде. Мне надо было кое-что у него узнать.

Я сразу заметил Марго в стройном ряду проституток, но и она увидела меня и, повернувшись на шпильках, быстро зацокала прочь, как норовистая лошадка. Что за дьявол? Я догнал ее у входа в кафе.

— Эй, Марго?

— Вы ищете Деде? — улыбнулась она.

— Догадливая.

— Он вам звонил.

— Зачем?

— Не знаю.

— Выходит, у нас с ним есть, что сказать друг другу. Где он?

— Идите за мной.— Она затащила меня в бистро.— Подождите секундочку.— Марго вошла в телефонную кабинку и набрала номер, а я заказал рюмочку.

— Ну и?

— Он позвонит,— сказала Марго, подходя к стойке.

— Комедианты! Хотите выпить?

— Нет, спасибо. Мне пора.

— Понимаю.

Марго ушла, а через несколько минут раздался звонок.

— Алло! Деде?

— Скажите, Бурма, за что вы получили деньги?

— Именно по этому поводу...

— Вы перестарались, Бурма.

— Я не виноват.

— Не держите меня за идиота. Мы с вами договаривались. Никому ни слова. Теперь, раз вы такой усердный, добывайте нам Джозефа. Хоть из-под земли.

— Послушайте...

— Нет, это вы послушайте, — рассмеялся Деде. — Если бы она вышла на панель, а?

Мои ладони вспотели, и трубка чуть не выпала из рук, когда я услышал голос Элен.

— Они меня поймали, патрон.

— Элен, — только и смог я вымолвить, а Деде снова был на проводе.

— Ну что, приятель?

Смачное ругательство полетело ему в ухо.

— Этим делу не поможешь, — спокойно возразил Деде. — Ты нам Джозефа, мы тебе Элен.

— Я нашел Симона.

— Плевать мне на Симона. Джозеф! Волоки эту сволочь, и мы в расчете. А не то...

В трубке раздался женский стон. Сжав кулаки, я крикнул:

— Деде! Ради Бога!

Ответом мне были лишь обрывистые гудки. Я медленно положил трубку и вышел на улицу.

#### XIV

На следующий день мы — я и моя пьяная физиономия — отправились на поиски все той же Нины. Человек жив надеждой, а Нестор Бурма умением повторять один вопрос тысячу раз. После часа блужданий на улице Блан-Манто мне указали симпатичный домик с балкончиками и застекленной будкой для консержки.

— Нина Дижон? Второй этаж. Она должна быть у себя.

Я поднялся по красивой лестнице с резными перилами и остановился перед дверью. Постучал. Потом заметил сбоку звонок и нажал на кнопку.

— Кто там?

— Полиция.

Магическое слово. После него либо распахивают двери, либо задвигают засовы. Смотря по обстоятельствам. Произошло нечто третье. Повернулся ключ и появилась щелочка.

— О! Мсье Далор? Так вы из полиции?

— Частный сектор. Вы не забыли меня, мадемуазель?

— Нет, конечно.

— Могу я войти?

Она откинула цепочку. Я прошел в комнату и достал удостоверение из кармана.

— Вообще-то я не Далор. Меня зовут Нестор Бурма.

— Что вам угодно, мсье Бурма?

— Я пытаюсь найти вас на улице Роз, в ателье, но мне сказали, что вы больны и второй день не выходите на работу. Вы действительно заболели или есть другая причина?

— Какая?

— Например, страх.

— Мне в самом деле очень плохо. Я хочу сказать, что смерть Мишеля...

— Я его не убивал. Когда я появился, он был уже мертв.

Нина пожала плечами, забралась с ногами на диван и устроилась там в грациозной позе. Рядом, на столике, лежали в коробке шоколадные конфеты. Нина взяла одну и отправила в свой аккуратненький ротик.

— Даже если вы его убили, мне-то какое дело? Мишель был некрасивый и неинтересный.

— Почему вы дали мне его адрес?

— Так...

— Вы знаете, что он убил Ребекку?

— Да.

— От кого?

— Полицейские сказали.

— А имя Джозеф вам что-нибудь говорит?

— Джозеф? — Чтобы стимулировать мыслительный процесс, Нина сжевала еще одну конфетку. — Джозеф? — повторила она. — Нет.

— А почему вы назвали Мишеля предателем?

— Предатель и есть.

— Послушайте, Нина. Тогда я искал Симона. Все делали вид, будто такого человека не существует. Но теперь он мертв. И вы можете рассказать мне о нем.

Нина ответила не сразу.

— Я читала газету. Там названа другая фамилия, но моя мама сказала, что это он, Симон Фонтана. Впрочем, Симон жил под разными фамилиями.

— Почему?

В ответ она съела еще одну конфету и облизала пальцы.

— Почему? — не сдавался я.

— Чтобы журналисты не лезли. Они и так ему жизнь поломали.

— Что они от него хотели?

— Рассказов про тайник.

Я чуть не подпрыгнул.

— Тайник?

— Его оборудовали еще во время войны родители Симона. Там прятались от немцев. Потом их все равно нашли и расстреляли. В живых остался один Симон.



Все стало понятным. Я слышал о таких тайниках, в которых люди жили годами, боясь выйти на улицу. Кто-то, видимо, донес в гестапо. Симон чудом выжил и хотел лишь одного: забыть о кошмаре. Но его история не давала покоя журналистам. Вот он от них и прятался, а все в округе делала вид, будто ничего не знают. Впрочем, тех, кто помнил о его истории, оставалось не так уж и много.

— Где же находится тайник?

— Может быть, мама знает? Подождите, я ее позову.

Мать Нины сначала удивилась, но потом подтвердила слова дочери. Конечно, если бы Симон был жив, она не сказала бы ни слова. Но раз он умер...

— Тайник был на улице Тибург. Две комнаты в глубоком подвале. Дом очень старый. Его хотели снести.

— Вы думаете, тайником еще можно пользоваться?

— Наверяд ли. Немцы, наверное, его разрушили.

До улицы Тибург было минут десять ходу. Вот наконец и дом, в котором должен находиться тайник. В опускающихся сумерках обветшалое здание выглядело злоеце. Впечатление усиливал противный холодный дождь со снегом. Казалось, что стены с забитыми окнами и висящей лохмотьями штукатуркой вот-вот рухнут.

Я зашел в «явочное» кафе и заказал мартини. Пока пил, появились две проститутки, посмотрели на меня и испарились. Через некоторое время раздался телефонный звонок.

— Надо же, какой пряткий,— услышал я голос Деде.— А то спишь на ходу. Нашел? Или беспокоишься за свою кралю?

— Надеюсь, с ней все в порядке?

— Мы ее даже не пощупали.

— Хорошо. У меня есть кое-что. Нужны люди. Несколько человек с оружием.

— Не шутишь?

— Пусть захватят лом и топоры.

— Это еще зачем?

— Буду ждать на углу Тибург и Руа-де-Сициль.

— Смотри, парень, без фокусов. Если задумал какую-нибудь пакость, я лично займусь тобой. До скорого!

Они прибыли вчетвером. Даже впятером, считая шофера, который высадил их и тут же уехал.

— Привет,— хриплым шепотом произнес Деде.— Куда идти?

— Видишь дом с заколоченными окнами? Джозеф там. Или был там. Во всяком случае, один я проверить это не могу.

— Джозеф прятался здесь?

— Да. В подвале. Из-за этого вам был чужен Симон? Он знал про тайник. Когда Джозеф сбежал из Лондона и словно в воду канул, вы вспомнили историю о Симоне. Ведь так?

— Быть может...

— Котелок у тебя варит, Деде. Ты правильно все рассчитал.

Теперь остается войти и убедиться, что я тоже не лопух.

Умельцы Деде довольно быстро обнаружили вход в первый уровень подвала. Мы двинулись по запутанным переходам, освещая путь фонариками. Повсюду валялись обломки кирпичей, тут и там шныряли здоровенные крысы, кое-где виднелись решетки, за ними чернели таинственные ответвления, ведущие неведомо куда.

Наконец мы очутились перед дверью, которая сдалась лишь под ударами топоров. Дальше лестница круто вела вниз.

— Пожалуйте, господа,— произнес я шепотом.

— Пойдешь первый,— огрызнулся Деде.

Спуск, узкий коридор, а вот и то, что мы искали — комната со всем необходимым для жилья. На столе лежали свечи. Мы зажгли их, и в мерцающем пламени наши тени заметались по стенам и сводчатому потолку. В полу темнела дыра — очевидно, вход в древние катакомбы... Париж стоит на них, как на головке сыра. Говорят, что на нижних уровнях встречаются гроты с готическими соборами. Я был в таком состоянии, что не удивился бы, обнаружив в дыре под нами рыцарский замок. Но, заглянув туда, увидел человека, лежащего в неестественной позе. Без сомнения, труп. Чтобы иметь такой запах, нужно быть мертвым по меньшей мере несколько дней.

— Господи! — вскрикнул Деде. — Это же...

Я подошел к раскладушке, взял с нее одеяло и разорвал на длинные полосы. Из них получилась веревка нужной длины. Кроме меня и Деде, никто не рискнул по ней спуститься в зловонный склеп.

— Господи! — повторил Деде, наклонившись над трупом. — Как можно что-либо определить? У него совсем нет лица!

— Да-а... Что не съело время, съели крысы. У них был праздничный ужин.

— А по-моему, над его портретом поработал профессионал. Этот профессионал, в свою очередь, брал уроки у самого дьявола. Сколько нечеловеческой злобы!

Деде пнул ногой чемодан с цветными наклейками, стоявший неподалеку. Тот упал и раскрылся.

— Дурацкий хлам!

— Просто пустой чемодан,— сказал я.

Ругнувшись еще раз, Деде полез наверх. Я тем временем осмотрел одежду на мертвце. Пусто в карманах, пусто в чемодане. Когда я вышел, Деде уговаривал одного из своих «вассалов» спуститься вниз.

— Давай, Гарольд! — кричал он. — Ты знал Джозефа. Посмотри и скажи нам.

— No! No! Боюсь. Нельзя ли его поднять сюда?

— Так будет лучше,— раздался чей-то голос. — Я тоже хочу взглянуть.

Мы повернулись. В проеме двери стоял Майер с пистолетом в руке, а двое крепких ребят целились в нас из автоматов.

Еще секунда — раздалась бы выстрелы, и наш маленький подземный гарнизон пал бы в неравном бою. Ситуацию мог спасти только Нестор Бурма. И я быстро проговорил:

— Привет, полковник!

— Капитан. Точнее, был когда-то.

— Как вы нас нашли, капитан Майер?

— Очень просто: идя за вами.

— Черт побери! — возмутился Деде. — Хотел бы я знать...

— Объясняю. Капитан тоже ищет Джозефа. Но ему нужна исключительно его шкура. Шкура, и ничего больше. Я вас правильно понял, капитан?

— Абсолютно. Все, что мне нужно — это задушить гадину собственными руками. Кхм... Почти собственными.

— Не улавливаю значения последних слов, но это не столь важно. Главное — вы не претендуете на остальное барахло.

— Барахло?

— Ну да. Камешки, золотишко и прочая ерунда, которую Джозеф прихватил с собой из Лондона. Так по крайней мере считает Деде.

— А куда же он все это дел? — проворчал охотник за бриллиантами.

— «Барахло», если найдете, оставьте себе, — сказал Майер.

— Ну вот. — Я повернулся к Деде. — Славненько договорились.

— Рано радуешься. Он случайно не легавый, твой «капитан»?

— Джозеф убил его сестру. Теперь Майер хочет убить Джозефа. По-моему, предельно ясно! Если ты, Деде, первым обнаружишь Джозефа, твоя задача — обчистить его до нитки и голенького отдать в руки правосудия, то бишь капитана. Если же, наоборот, вы, мсье Майер, натолкнетесь на «короля Сохо», то перед тем, как задушить его, предупредите Деде. Вы оба знаете мой адрес. Моя работа закончена, я пошел! Если хотите, оставьте номера своих телефонов. Нет? Как угодно. Давайте заканчивать! Если там внизу труп Джозефа, еще есть время в этом убедиться. Но как? Половина лица разбита, а половина съедена!

— У Джозефа была татуировка на правой руке, — сказал Майер.

— О, yes, — подтвердил Гарольд.

После чего я предложил всем убрать пистолеты и попытаться вытащить труп. Мы сделали еще одну веревку из одеяла и с ее помощью вытянули тело из колодца. Деде быстро разрезал рукав на мертвеце. На коже не было никаких следов.

Мы выбрались на свежий воздух. Пришло время расставаться, и Майер незаметно сунул мне в руку клочок бумаги:

— Здесь номер телефона. Нападете на след Джозефа — дайте знать.

Люди Деде растворились в темноте, словно тени. Сам он медлил уходить. Все порывался что-то спросить и наконец сказал:



— Мы неплохо работали, Бурма, правда, ничего не нашли, кроме вонючего трупа. Между прочим, есть предложения?

— Никаких.

— Тогда чао.

— Пойдем вместе, Деде.

— Ого! Уж не думаете ли вы, сэр, что я отведу вас прямо к маленькой розовой мышке?

— Типе, — цыкнул я, крепко сжав ему локоть. И когда мы отошли подальше, добавил: — Неужели не понятно? Послушай, Деде. Этот Майер — настоящий убийца. Лучше не трепать языком в его присутствии. Думаю, капитан готов свернуть шею любому, а не только Джозефу. Кстати, я знаю, где искать «короля».

— Чего мы тогда ждем? — вскрикнул Деде.

Действительно, на углу стоял все тот же автомобиль, а из него на нас пялились все те же рожи — «подземный гарнизон» в полном составе. Мы сели, и я небрежно кинул шоферу:

— На улицу Роз. Там есть маленькое ателье.

## XV

Нам долго не хотели открывать. Даже слово «Полиция!», произнесенное грозным голосом, не возымело обычного действия. Все же им пришлось открыть. Старики были насмерть перепуганы, когда увидели меня, а при виде Деде и его компании чуть не испустили дух. Я спросил: «Джозеф тут?» В ответ раздались причитания. Суть сводилась к следующему. Джозеф, их дальний родственник, приехал из Лондона и сразу заявился к ним. За молчание пообещал много денег, но так ничего и не дал. После смерти Ребекки они стали его бояться.

Деде волновала лишь судьба сокровищ. Старик подтвердил, что Джозеф приплыл из Англии на корабле с большим грузом. Сам он ни сундуков, ни чемоданов не видел. Где Джозеф их прятал и где сам сейчас прячется — не знает. Деде, однако, радовался, как ребенок, беспрестанно подмигивал мне: «Есть сокровище!» А когда мы уходили, стиснул мою руку:

— Молодец, Бурма. Не зря ездили туда. Теперь надо действовать быстро.

Утром я припомнил события прошедшей ночи. Кровавая маска, чемодан с наклейками. Бедный Дитрай! Не знаю, как его убили, но не ударами по лицу. Неузнаваемым Жака сделали позже, уже после смерти. Надо было сильно ненавидеть человека, чтобы так зверски его обезобразить. Мои невеселые мысли перебил телефон.

— Добрый день, Бурма. Это Сюзанна. Он вернулся.

— Привет, Сью. Вы о ком?

— О Дитрае, конечно.

— Что?.. Как?..

— Я говорю, Дитрай вернулся.

— Боже мой!

— Что случилось, Бурма? Вы больны?

— Подыхаю. Спасибо, милая Сюзанна. Вы сейчас одеты или раздеты? Если, как всегда, голая, то накиньте что-нибудь и следите за Дитраем. Куда он, туда и вы. Я выезжаю. Все. Пока.

Дитрай! Воскрес из мертвых и прямехонько к себе в отель. Ну и ну!

Через полчаса я разговаривал с администратором, который чудесным образом оказался на месте.

— Здравствуйте. Скажите, мсье Дитрай приехал?

— Э-э... Да. Я его видел, и должен заметить, вовсе не обязательно покидать отель и мчаться куда-то среди ночи лишь для того, чтобы тебе расквасили ха... я хотел сказать, морду.

— Значит, ему кто-то разбил мо... я хотел сказать, харю?

— Нет. Он попал в автокатастрофу.

— Ну надо же! Наверное, забинтован с ног до головы?

— С ногами все в порядке. А вот голова действительно вся в бинтах. Даже лица не видно!

— Жак сейчас в номере?

— Да. Но просил его не беспокоить. Так что если вы к нему...

— Нет-нет. Я хотел бы заглянуть к мадемуазель Риго.

— Можете подняться, мсье. Она у себя. Этаж...

— Спасибо. Я знаю.

Сюзанна открыла сразу, стоило лишь мне слегка поцарапаться в дверь.

— Видели табличку? — Она мотнула головой на номер Дитрая. — «Не беспокоить».

— Кажется, он попал в аварию? — Я прошел вслед за Сюзанной в комнату.

— А вас не переехал грузовик? Вы так странно говорили со мной по телефону... Что-нибудь серьезное?

— Не обращайтесь внимания на старого кретина. Поговорим лучше о Дитрае. Как он выглядит?

— Не знаю. Слышала от администратора, что Жак вернулся весь разбитый и заперся в номере. Я сразу позвонила вам.

— Умничка. Не спускайте с него глаз. А мне нужно уладить одно дельце. Пока. До скорого.

Я был немного пьян от избытка впечатлений! Вместо того чтобы пожать руку, я крепко обнял Сюзанну и поцеловал ее в губы.

В кафе правила не изменились. Заказываешь спиртное, пьешь. Появляется путана. Быстрый, цепкий взгляд. И через десять минут — звонок.

— Привет, Деде, — сказал я. — Если упустишь его в этот раз, будешь ловить потом сам.

— Где он?

— Дай мне Элен.

— Пожалуйста.

Она взяла трубку, и я постарался коротко обрисовать ситуацию.

— Ты помнишь про фотографии? Джозеф решил присвоить себе чужое имя. Ему нужно было «вжиться в образ». Убив журналиста и взяв его фамилию, он надеялся проскочить у врагов сквозь пальцы.

— Он просчитался?

— Слишком многие знали Жака в лицо. Потерпи еще немного, дорогая. Скоро будешь на свободе. Передай трубку Деде.

— Аллю! — закричал тот. — Я...

— Потом. Встречаемся там же.

Как я ни спешил, все равно Дитрай ушел раньше, чем «группа захвата» подлетела к отелю все на том же черном драндулете. Сюзанна тоже не было, но она вскоре появилась, расстроенная и унылая. Дитрай «стряхнул ее с хвоста».

— Ничего! — утешил я всех. — У нас еще есть шанс. Последняя надежда. Но мне понадобится на будущее быстрая связь со штабом.

— 33-34, — бросил Деде, упаковываясь обратно в машину. «Боевики» нырнули вслед за ним, и автомобиль, взревев, умчался.

Глядя им вслед, Сюзанна задумчиво проговорила:

— Прямо бандиты какие-то.

— Бандиты и есть.

— Настоящие? — Она округлила глаза.

— Настоящей не бывает.

— А вы знаете, Дитрай стал чем-то похож на них. Мне так кажется. Только не удивляйтесь...

— Не удивляюсь, Сюзанна. Нашего Дитрая подменили.

Штампы на марках! Существовала надежда, что письма приходили «до востребования». И тогда на почте мог залежаться один, последний конверт, а в нем — разгадка шарады, спасение Элен и конец этого сумасшедшего дела.

Мой нюх меня не подвел. Несколько звонков по телефону, немного беготни и объяснений, и наконец заветный конверт у меня в руках. Письмо на английском, начинающееся словами: «Мой дорогой Джозеф...» и в конце — «всегда с тобой». Подпись я тоже смог «перевести». «Шейла». Мишель был «почтовым ящиком» Джозефа. Тут же набрал номер 33-34.

— Аллю, — раздался голос Деде. — Не ждал тебя так скоро.

— Есть работа для Гарольда. Нужно перевести письмо какой-то Шейлы, адресованное какому-то Джозефу. Приезжайте в мою контору.

Они примчались молниеносно. Гарольд сразу же нацепил очки. Профессор! Прочитав письмо, он покачал головой.

— Очень интересно! Перевести слово в слово?

— Желательно.

И Гарольд зачитал нам действительно любопытный текст.



Шейла писала, что отправилась из Англии вслед за Джозефом на корабле той же компании. У Сены произошла задержка. Шейла пересела на поезд до Парижа. «Вместе с грузом», — намекала она. Остановиться думает в отеле на площади Бастилии. Будет ждать его там...

- Сегодня вечером! — выкрикнул Гарольд.
- Ух ты! — выдохнул Деде. — Что нам делать, Бурма?
- Джозеф был женат?
- Но, — ответил Гарольд.
- Любовницы?
- Две.
- А Шейла?
- Такой не знаю.
- Хм... что нам делать, говоришь?

Я быстро прикинул, что Шейла была лишь запасным вариантом для такого матерого преступника, как Джозеф. Но она везла ему капитал — в виде денег или золота. Непредвиденная задержка сорвала их планы. А тут еще одна напасть: Деде со своими головорезами и Майер с бульдожьей хваткой. Осатанев, «король» пошел убивать направо и налево. Мишеля зря прихлопнул. Парень получал письма, адресованные на его имя. В самое трудное время Джозеф остался без связи...

— Откуда взялось это письмо? — подозрительно спросил Деде, видимо, начиная кое-что понимать.

Пришлось рассказать о марках, штампах и о том, каких усилий стоило заполучить письмо в руки.

— Но если Джозеф его не читал...

— Думаю, что у них был запасной «почтовый ящик». Так или иначе, встреча должна состояться. Хорошо бы выяснить, кто такая Шейла.

— Подожди.

Деде позвонил кому-то и отдал лаконичный приказ.

— побыстрее, — добавил он. — Переверните отель, если нужно. Все данные на эту Шейлу. Возраст, внешность. Короче — все. — Положив трубку, Деде поднялся и пошел к выходу. У двери повернулся и буркнул: — Ваша мышка сейчас прибежит.

Элен появилась несколько часов спустя.

— Честный игрок, — сказала она. — Отпустил меня раньше, чем все закончилось. Значит, верит тебе.

— Страшно было?

— Немного, — призналась Элен, отдавая записку.

Я развернул лист и прочитал: «Шейла Андерсон. Высокая. Блондинка. Туфли на низком каблуке. Красное пальто. Комната № 58. Позвони». Набрал «33-34». Деде был на проводе.

— Спасибо за Элен, — сказал я. — Насчет блондинки все верно?

— Как в аптеке. Отель — наш профиль.

— Хорошо. Я там буду.

— До встречи.

Подумав, я достал из кармана еще одну записку: клочок бумаги с номером телефона. Где вы, господин капитан?

## XVI

С маленьким чемоданчиком она вышла из отеля. До полуночи оставался ровно час. Я сразу узнал ее. Красное пальто. Блондинка. Фланирующим шагом двинулся следом. А за мной ехал черный катафалк. На всякий случай. Если бы Шейла взяла такси, например, я бы прыгнул в машину Деде, и преследование продолжалось бы. Но пока мрачный лимузин катился за моей спиной, стараясь не привлекать внимания.

Шейла шла уверенно. Похоже, хорошо знала Париж. Или долго изучала его по карте. Я знал, что ей недавно позвонили и назначили место встречи.

И вдруг — вспышка, будто зажегся и погас фонарик. Раздался женский крик. Я выхватил пистолет и побежал вперед. Но у Джозефа оказался отличный рефлекс. Отпихнув женщину, он повернулся ко мне. Чемодан — в левой руке, пистолет — в правой.

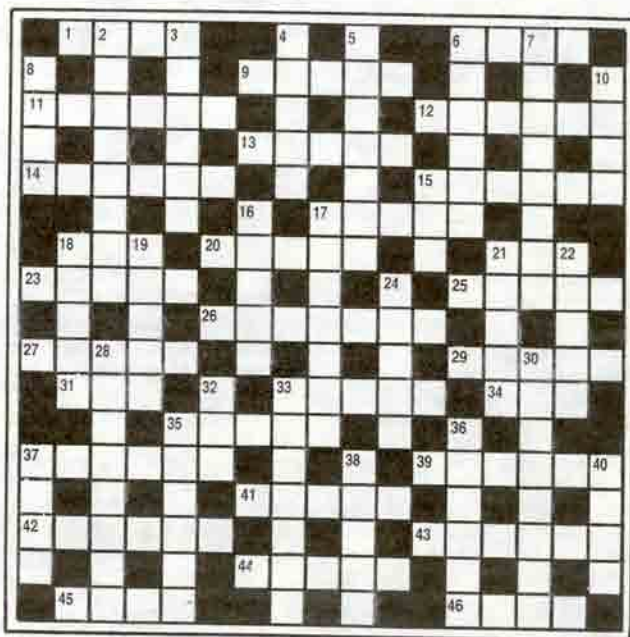
На этот раз армия Деде действовала быстро и слаженно. Молчаливые тени набросились на противника. Закипела схватка, раздавались выстрелы и стоны. Из свалки высунулась рука с чемоданом и швырнула его в мою сторону. Чемодан Шейлы! Я сделал вид, что ловлю его, а сам незаметно поддал ногой. И — о горе! — вождеденный чемоданчик полетел на самый край набережной, а оттуда — в воду, напоминавшую скорее болотную жижу. Мерзкий чавкающий звук — и чемодан уверенно пошел ко дну.

Тут из мрака появились какие-то люди. Много людей. Ночь вскипела шумом борьбы. Крики, выстрелы. Самое время было сматывать удочки. Я помнил, что лестница, ведущая к метро, где-то рядом. Вот она! Уносимый электричкой, я мечтательно думал о чемоданчике, упавшем почти рядом со плюзом. А еще думал, что, кажется, узнал фигуру капитана Майера среди отряда атаковавших. Хотя, конечно, трудно что-либо разглядеть в такой темноте.

Мелькали названия станций, я смотрел в окно, а перед глазами проносились имена: Ребекка... Мишель... Симон... Дитрай... Шейла...

Как он сказал? «Своими собственными руками... Или почти».

Перевод с французского  
ГЕННАДИЯ ДОНОВСКОГО.



1. Имя русского крестьянина, построившего в 1724 году подводную лодку. 6. Золотая полоса через плечо у среднего ангела на иконе Андрея Рублева «Троица». 9. «Нация в одном лице» (Ф. Абрамов). 11. Морская рыба с наружным органом вкуса. 12. Советский физик, заявивший будущему академику Р. Сагдееву: «Ученые делятся не на молодых и старых, а на умных и дураков». 13. Каскад водопада Игуасу с бразильской стороны. 14. Человек, у которого зимой снега не выпро- сишь. 15. «Веселый» кит. 17. Зверь, сломавший троих товарищей «пасмурного мужика» в поэме Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». 18. Советский актер и режиссер, учившийся в Тарту и немало лет отдавший местной сцене. 20. Русская женская одежда, по краям затканная красными узорами. 21. Последний правитель протокитайского племени. 23. Заяц, чьи детеныши ничем не пахнут. 25. Бессловесная ... (животное). 26. Ма- териал, на котором арабский ученый Ибн-Идриси со- здал карту известного в его время мира для сицилий- ского короля Роджера Второго. 27. Предмет, обя- вленный богом. 29. Приемный зал во дворцах Парфии и сасанидского Ирана. 31. Самый тяжелый из природ- ных галогенов. 33. Военный пост на границе распро- странения ислама, авангард религиозной экспансии. 34. Ученый, руководивший строительством Гринвич- ской обсерватории. 35. Малазийский штат, где много мечетей. 37. Английский художник, старавшийся, по



его словам, «разрабатывать сюжеты как драматический писатель». 39. Водяная чума. 41. Внезапный гнев (по В. Далю). 42. Кормилица будущего царя во многих африканских сказках. 43. Один из «диоскуров» немецкой классики. 44. Мелодия, напев. 45. Русский поэт-акмеист, автор романа «Беатриче в аду». 46. Интимная жизнь.

### По вертикали.

2. Английский гидрограф, давший название Австралии. 3. Кустарник, в чьих зарослях Парис вручил Афродите яблоко за красоту. 4. Способ обработки золоченого блюда, вынутого Патрикеем в «Захудалом роде» Н. Лескова. 5. Продукт курения, обнаруженный в мумии фараона Рамзеса Второго. 6. Сказочный путеводитель. 7. На Руси — пищаль, в Европе — .... 8. Гарант пенсии в советские времена. 10. Профессия Л. Гриневецкого, заложившего Новомариинский пост, ставший Анадырем. 15. Название гробницы, склепа в Средней Азии. 16. Главная рыба японцев. 17. Каждый из погибших в Коллизе христиан, благодаря которым его не разрушили в средние века. 18. Древний житель Иерусалима. 19. Французский художник, утверждавший, что в строительном искусстве греки достигли всего, чего можно достичь. 21. Австрийский писатель, назвавший себя исследователем «нового беспредельного мира — глубины человека». 22. Русская ручная мельница. 24. Поле в библейской книге Ездры, где пришедшие едят лишь растущие на нем цветы. 28. Самый древний странствователь. 30. Упырь в стихотворении А. Пушкина «Марко Якубович». 32. Герой греческой мифологии, вместе с братом Амфионом построивший Фивы. 33. Основа экономики древних государств. 35. Кружка пива к стакану водки у завсегдатаев пивных. 36. Форма орбиты комет и планет. 37. Объект особого почитания у язычников Руси. 38. Детский предмет, который алеуты делали из орлиной кожи, натягивая ее на легкий каркас пухом внутрь. 40. Снаряд, которым в XVIII веке устанавливали зону территориальных вод.

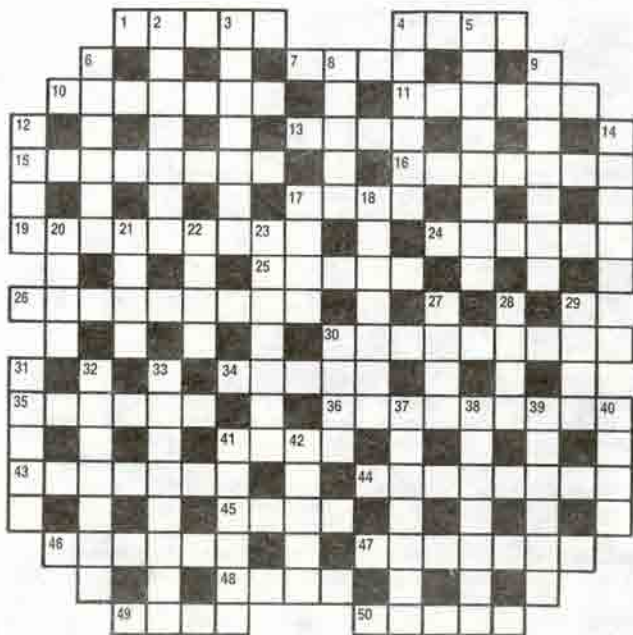
### ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ» НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

#### По горизонтали.

1. Массне. 6. Багрец. 10. ...алтын. 11. Тайфун. 13. ...раздор... 14. Земство. 16. Апаш. 18. Каа. 20. Окно. 21. Латук. 23. Нанга. 25. Дренчер. 27. Чагос. 29. Ариль. 30. Волхв. 31. Углич. 32. Спуск. 34. Ремез. 35. Элизиум. 38. Полть. 39. Задиг. 42. Ирой. 43. Лев. 45. Елга. 47. Жаколио. 49. «Итаипу». 50. Японцы. 51. Песок. 52. Пиаци. 53. Отрав.

#### По вертикали.

1. Матуар. 2. Сейвал. 3. Науз. 4. Плеск. 5. Тыква. 7. Адам. 8. Редька. 9. Циркон. 12. Нефуд. 15. Тайна. 17. Шаховской. 19. Тар. 20. ...огорчение. 22. Крохаль. 23. Нейгауз. 24. Хаппи. 26. Клюев. 28. Сок. 29. Аир. 33. Узбек. 35. Эта. 36. Мания. 37. Филипп. 38. Пощада. 40. Глинка. 41. Касыда. 43. Лакей. 44. Ворон. 46. Шпиц. 48. Опыт.



**КРОССВОРД**  
Составил  
**Ю. ЧЕРЕНКОВ,**  
Зятьковка  
Новосибирской  
области

#### По горизонтали.

1. Кухарка в рассказе А. Чехова «Клевета». 4. Священная птица Древней Греции. 7. Кондитерское изделие. 10. Ученый, специалист в области живой клетки. 11. Склон, пологий спуск. 13. Запрет. 15. Африканская страна с вулканом Килиманджаро. 16. Салями (суть). 17. Фонарь с рефлектором. 19. Звездоплаватель. 24. Дерево, чей сук зацепился за стремя героя в рассказе О. Генри «Пиемонтские блинчики». 25. Песня с постоянным припевом как музыкальная форма. 26. Коробка для папирос. 30. Самая распространенная химическая реакция. 34. Тюбетейка, тюрбан,.... 35. Бертолетова соль как химическое соединение. 36. Американский крокодил, крадущий домашних животных. 41. Главный герой в романе Л. Толстого «Война и мир» (имя). 43. Лимонная трава, порой используемая как пряность. 44. Кошелек для ассигнаций. 45. Объект, который у народов Востока ассоциировался с палаткой кочевника. 46. Лиана, приносящая самый крупный на земле плод. 47. Известный советский экономист. 48. ...одежду тлит, а печаль сердце (поговорка). 49. Японская денежная единица. 50. Заготовленное впрок.

#### По вертикали.

2. Южный плод, который пока не отнесли ни к овощам, ни к фруктам. 3. «Цветущий» штат США.

4. Каждая из горизонтальных линий, создающих изображение на экране телевизора. 5. Художник, вздвигший в 1870 году вместе с И. Релиным в «творческую командировку» на Волгу. 6. Ископаемый уголь, в котором хорошо видна древесная структура. 8. Популярное музыкальное порождение Флоренции. 9. Автомобильный руль. 12. Самая массовая охотничья птица. 14. Путеводитель кладоискателей. 17. Химический элемент без «чувства меры». 18. Сторонник коренных, решительных мер. 20. Царь зверей в Азии. 21. Войско на Руси. 22. Течение в живописи, как бы идущее от детских рисунков. 23. Половина хоккейной команды — по мнению знатоков. 27. Звездное скопление в созвездии Рака. 28. Солдатская... — так на Руси называли ружье. 29. Чудо. 30. Морской «десятиног», живущий до пятидесяти лет. 31. Общая готовая формула. 32. Остров в Финском заливе, где А. Попов испытывал свою радиоустановку. 33. Пришельцы в романе Г. Уэллса «Война миров». 37. Итальянский скульптор раннего Возрождения, выходец из Далмации. 38. Разрывной снаряд. 39. Спортивная игра. 40. Самая большая картина М. Чюрлениса. 41. Летняя шляпа. 42. Афинский оратор, противник Демосфена.

**Примечание.** «Смена» просит автора этого кроссворда прислать в редакцию свой полный адрес.

**ОТВЕТЫ  
НА  
КРОССВОРД,  
НАПЕЧАТАННЫЙ  
В № 3**

**По горизонтали.**

7. Гелиотроп. 9. Инфузория. 11. Бабочкин. 12. Протасит. 14. Тракт. 15. Якушкин. 16. Юница. 19. Манилов. 20. Ная. 22. Ламаизм. 23. Карнеол. 24. Гаял. 26. Тома. 29. Зеленин. 32. ...челпки... 34. Ган. 35. Харьков. 38. Деист. 39. Цейтнот. 40. Жерех. 43. Вдовушка. 44. Трезубец. 45. Эскалатор. 46. Форнарина.

**По вертикали.**

1. Сенбернар. 2. Кикбоксинг. 3. Сопилка. 4. Энергия. 5. Форсунка. 6. Мистицизм. 8. Туча. 10. Унты. 13. Иштар. 17. Повязка. 18. Балобан. 20. «Набег». 21. Яншин. 22. Лот. 25. Леи. 27. Альтенбург. 28. Резервист. 30. «Нарты». 31. Лоренцини. 33. Чистоган. 36. Ренклюд. 37. Поярков. 41. Шуба. 42. Озон.



# Шахматная эпиграмма



Под редакцией  
международного гроссмейстера

## ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

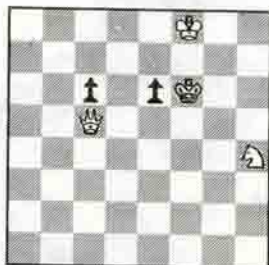
Продолжаем публикацию оригинальных композиций IV международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр.

В итогах конкурса трехходовых задач-миниатюр за 1993 г. («Смена» № 9, 1994 г.) была пропущена задача № 21 Л. Грольмана (Казань), отмеченная 6-м почетным отзывом. Приносим автору свои извинения.

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

34. В. АНТИПОВ

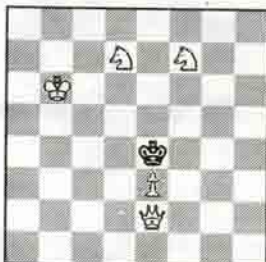
г. Боровичи  
Новгородской обл.



Мат в 2 хода

35. В. ПИЛЬЧЕНКО

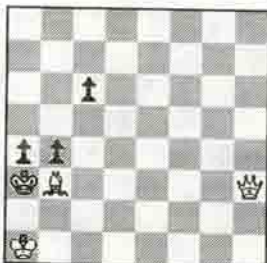
г. Сухой Лог  
Свердловской обл.



Мат в 2 хода

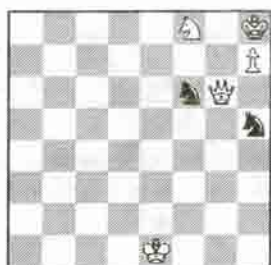
36. Л. ГРОЛЬМАН

Казань



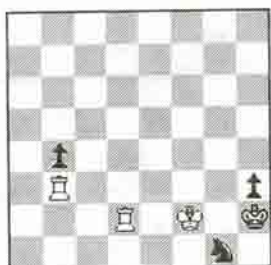
Мат в 2 хода

**37. Х. ФРЕБЕРГ**  
*Швеция*



**Мат в 2 хода**

**38. В. МЕЛЬНИЧЕНКО**  
*г. Котовск, Украина*



**Мат в 3 хода**

**39. С. ДЕМИДЮК**  
*Брест, Беларусь*



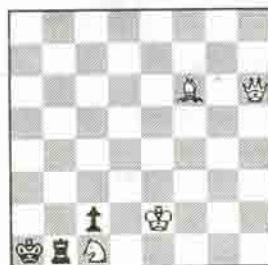
**Мат в 3 хода**

**40. М. ЧЕРНУШКО**  
*Уссурийск*



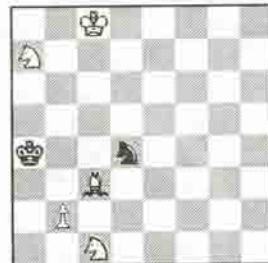
**Мат в 3 хода**

**41. В. ИВАНОВ**  
**А. КАРГАПОВ**



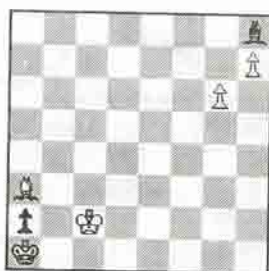
**Мат в 3 хода**

**42. В. ЖЕЛТОНОЖКО**  
*Екатеринбург*



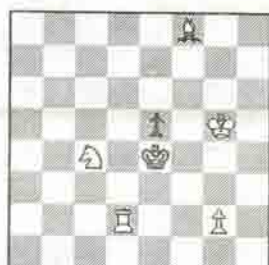
**Мат в 3 хода**

**43. В. ШИЛЬНИКОВ**  
*Асбест*  
*Свердловской обл.*



**Мат в 4 хода**

**44. В. НИКИТИН**  
*г. Боровичи*  
*Новгородской обл.*



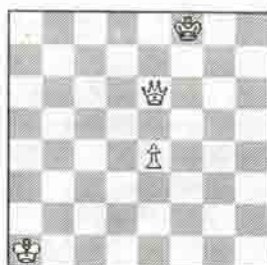
**Мат в 4 хода**

**45. Ю. СУШКОВ**  
*Санкт-Петербург*



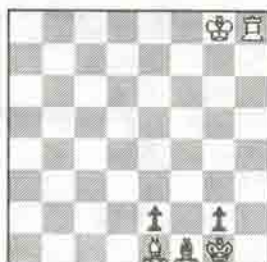
**Мат в 5 ходов**

**46. З. ГНАТ**  
*г. Старый*  
*Украина*



**Мат в 6 ходов**

**47. И. НОВИК**  
*г. Бирск*  
*Башкортостан*



**Мат в 7 ходов**

**48. В. ИВАНОВ**  
*пос. Повенец, Карелия*



**Мат в 8 ходов**



## «СМЕНА»-95

Во втором полугодии мы предполагаем опубликовать: новую повесть Николая Леонова «Мент вернулся», роман Тегори Макдональда «Флэтч и старая вдова», детектив Андрея Талышки «10 дней на карусели», роман Дж. Узстлейка «361».

По традиции, в каждом номере вас ждут очерки о малоизвестных страницах русской истории и шедеврах мирового искусства.

СП-1

МС РФ  
ГПС (Госпочтамт)

**АБОНЕМЕНТ** на журнал 70820  
(индекс издания)

**«СМЕНА»**

Количество комплектов	I
-----------------------	---

на 1995 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда   
(почтовый индекс) (адрес)

---

Кому \_\_\_\_\_  
(фамилия, инициалы)

**ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА**

ПВ	место	ли-тер	на журнал <span style="border: 1px solid black; padding: 2px 10px;">70820</span> (индекс издания)
----	-------	--------	--

**«СМЕНА»**

Стоимость	подписки пере-адресовки	руб.	Количество комплектов:	I
		руб.		

на 1995 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

да  \_\_\_\_\_  
(почтовый индекс) (адрес)

---

му \_\_\_\_\_  
(фамилия, инициалы)

## **«СМЕНА»-95**

*Это — 5900 рублей за один номер, 17 700 — за три, полугодовая подписка — 35 400 рублей (цены указаны по каталогу без стоимости доставки).*

*Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи.*

### **Проверьте правильность оформления абонемента!**

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ-МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.







**БОРИС КУСТОДИЕВ.** *Русская Венера.*